

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Международный комитет славистов

Фразеологическая комиссия

Костромской государственной университет

Институт гуманитарных наук и социальных технологий

**ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ
В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ
(ОТ АРХАИЗАЦИИ К НЕОЛОГИЗАЦИИ)**

Материалы Международной научно-практической конференции
(г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.)

Кострома
КГУ
2020

ББК 81.053.6я431
Ф823

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т :

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф.
Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

В. М. Мокиенко, д-р филол. наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
И. Ю. Третьякова, д-р филол. наук,
проф. Костромского государственного университета
М. А. Фокина, д-р филол. наук,
проф. Костромского государственного университета

Ф823 **Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)** : материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. – Кострома : Костромской государственной университет, 2020. – 202 с.

ISBN 978-5-8285-1101-3

В издании представлены материалы Международной научно-практической конференции «Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)» (Кострома, 24–25 сентября 2020 г.), подготовленной и проведённой Институтом гуманитарных наук и социальных технологий Костромского государственного университета. В сборник помещены статьи, посвящённые анализу фразеологии и паремиологии в диахроническом, лингвокультурологическом, сопоставительном, коммуникативно-прагматическом, дискурсивном аспектах. В ряде работ освещаются вопросы неофраземики, фразеогрфии, фразеологической семантики и отфразеологической деривации.

Адресовано специалистам в области фразеологии и паремиологии, а также широкому кругу лингвистов, литературоведов и всем, кто интересуется проблемами филологии, в том числе преподавателям учебных заведений, студентам, магистрантам, аспирантам.

ББК 81.053.6я431

ISBN 978-5-8285-1101-3

16+

© Костромской государственной
университет, оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

24 сентября 2020 ГОДА

- 5 **Вальтер Х.**
Я волком бы выгрыз бюрократизм:
немецко-русские фразеологические параллели сферы бюрократии
- 10 **Мокшенько В. М.**
Русская диахроническая парамииология (от сборника Петровской галереи до XXI века)
- 15 **Ковшова М. Л.**
Онимы в русских загадках: традиции и инновации
- 19 **Савенкова Л. Б.**
Роль заимствований в образовании составных языковых знаков в русских донских говорах
- 23 **Третьякова И. Ю.**
Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ В ДИАХРОНИИ ЯЗЫКА

- 28 **Владимирова Т. Е., Ситдикова Р. М.**
Пословицы в диахронии языка:
когнитивный и лингводидактический аспекты
- 31 **Генералова Е. В.**
Истоки паремииологии Петровской эпохи в языке Московской Руси XVI–XVII вв.
- 34 **Зайнуллина С. Р.**
Устойчивые сочетания с глаголом *творити* в русских житийных текстах
- 36 **Килина Л. Ф.**
Проблемы изучения устойчивых глагольно-именных сочетаний русского языка в диахроническом аспекте
- 39 **Королькова А. В.**
Русская афористика в диахроническом аспекте
- 42 **Фархутдинова Ф. Ф.**
Вариантность паремий в словаре В. И. Даля

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ: ПРОЦЕССЫ АРХАИЗАЦИИ И НЕОЛОГИЗАЦИИ

- 45 **Гордиенко О. А., Трунова Е. А.**
Неологизация фразеологизмов и афоризмов в студенческом дискурсе
- 49 **Серебряк М. В.**
Моделирование современного компьютерного фразеологического словаря
- 51 **Синельникова Л. Н.**
Новая фразеология: условия закрепления в системе

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ

- 55 **Богатырева Е. Н.**
Семантические свойства английских фразеологических единиц с компонентом *knife / нож*
- 57 **Величко А. В.**
Фразеологизмы, пословицы и поговорки в функционально-семантическом поле «речевая деятельность»
- 61 **Дубова М. Е.**
Особенности структуры фразеосемантического микрополя «манера говорения» в английском языке

- 63 **Ермакова Е. Н., Проколова М. В.**
Эксплицитность фразеологических единиц как способ усиления их экспрессивности
- 65 **Золина Е. Н., Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А.**
Авторское использование идиом в речи коренного сельского жителя Ивановской области
- 68 **Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А.**
Бинарная оппозиция *можно / нельзя* в структуре паремий: лингвоаксиологический анализ
- 72 **Халикова Н. В.**
Фразеологизм как средство реализации когнитивной метафоры в создании научных концептов *стиль* и *грамматика* в работах лингвистов конца XIX – середины XX века
- 76 **Цинь Лидун**
Условные союзы современного русского языка как результат фразеологизации (на примере гипотетических конструкций в пьесах А. Н. Островского)
- 79 **Шаманова М. В.**
Семантические сферы *ложь / правда*: лексическая, фразеологическая, паремииологическая объективация в русском языке
- 80 **Шустина И. В., Кольшклина Т. Б.**
Фразеологизмы в речи участников радиointервью на экономическую тему: коммуникативный аспект

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

- 85 **Воронцова Ю. А.**
Паремииологические единицы с компонентом-антропонимом
- 87 **Карташкова Ф. И.**
Фразеологизмы английского языка, концептуализирующие невербальное поведение человека при выражении эмоции страха
- 89 **Кудрявцева Е. В.**
Особенности окказиональных трансформаций фразеологических единиц с компонентом-зоонимом *корова*
- 92 **Марфина Ж. В.**
Репрезентация макроконцепта «Род, семья» в украинской паремике
- 95 **Тюменева Е. И., Нгуен Тхань Ха**
Образ мыши во вьетнамской фразеологии
- 97 **Хмелевский М. С., Кузнецова И. В.**
Ориентализмы как составляющие концептуальные компоненты фразеологизмов в южнославянских языках
- 101 **Шиганова Г. А.**
Изучение фразеологизмов в начальной школе как один из способов формирования русской картины мира у детей-билингвов

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

- 104 **Безкорвайная Г. Т., Гишкаева Л. Н.**
Нумеративные фразеологизмы в русском, украинском, чеченском и английском языках: лингвокультурологический аспект

- 109 Гоу Яньминь**
Отражение традиций празднования китайского нового года в приметах: лингвокультурологический анализ
- 111 Джамали Колур Сейед Эсмаил**
Представление о бедности и богатстве в иранской лингвокультуре на фоне русских паремий
- 113 Кондратенко М. М.**
Устойчивые выражения с компонентом-зоонимом в южнонемецких и славянских говорах
- 115 Недельчо Е. В.**
Зоонимы в русских пословицах и поговорках народов Кавказа
- 118 Нелюбова Н. Ю., Ершов В. И.**
Тематические классификации французских и русских паремий как основа анализа ценностных ориентиров этноса
- 121 Ратушная Е. Р., Москвичёва С. Г.**
Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом *сердце*, обозначающих эмоционально-психическое состояние человека, в русском и таджикском языках
- 123 Савченко А. В.**
Русские и украинские фразеологические параллели в языке спортивной журналистики
- ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ПАРЕМИЯ В ДИСКУРСИВНОМ ИЗУЧЕНИИ**
- 127 Абреимова Г. Н.**
Структурно-семантические преобразования глагольных фразеологизмов в дневниках М. М. Пришвина
- 130 Аймагамбетова М. М.**
Паремии в заголовках казахстанских газет
- 132 Амелина Н. В.**
Фразеологически насыщенный контекст как черта идиостиля Н. И. Пирогова (на примере писем 1880–1881 гг.)
- 134 Жапаркулова Н. Н.**
Функционирование фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (в аспекте перевода с киргизского языка на русский)
- 136 Золотых Л. Г., Космачева О. Ю.**
Когнитивные ориентиры интернет-интерпретации фразеологических единиц с компонентом *красный*
- 141 Колобова Е. А.**
Характеризующая функция фразеологизмов (на примере дневниковых записей И. А. Дедкова)
- 144 Комкова Н. И.**
Функционирование примет в прозе Б. В. Шергина
- 146 Кононченко Ю. А.**
Фразеологизм как компонент индивидуально-авторской картины мира (на материале поэзии В. Спектора)
- 148 Куранова Т. П.**
Расширенная метафора как вид фразеологической инновации в жанре спортивного комментария
- 150 Ломакина О. В., Макарова А. С.**
Эпонимический концентр современного православного и газетного медиадискурса: сравнительный анализ (на материале заголовков)
- 152 Лызлов А. И.**
Дискурсная реализация английских фразеологических единиц, объективирующих концепты «дружба» и «вражда» (на примере произведений публицистики)
- 155 Мелерович А. М., Мокиенко В. М.**
О своеобразии функционирования фразеологизмов в поэзии и о возможностях их лексикографической (фразеографической) интерпретации
- 166 Павлова А. Э.**
Афоризмы как средство выражения языковой картины мира (на материале афоризмов В. Колечицкого)
- 168 Скарнев Д. С., Касымалиева К. Э.**
Фразеологизм как средство создания образа в художественном дискурсе (на материале романа Чингиза Айтматова «Плаха»)
- 171 Фокина М. А., Джарчиева Р. А.**
Фразеологические единицы в драматическом дискурсе И. С. Тургенева
- 174 Якимов А. Е.**
О роли трансформов фразеологизма *письменный стол* в поэтическом цикле М. Цветаевой «Стол»
- 177 Якупов Х. А., Фархутдинова Ф. Ф.**
Фразеологизм *судный день* и его дериваты в современных текстах
- ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ. ИХ РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**
- 180 Бабейко Е. Н.**
Любовь в диалектной картине мира Смоленского края (на материале «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского)
- 182 Дехтярева Е. В.**
Лексико-семантические особенности диалектных фразеологизмов в художественных произведениях украинских писателей конца XIX – начала XX века
- 184 Кобелева И. А.**
Семантическая структура фразеологической единицы в диалектном словаре
- 186 Кочкина Ю. Л.**
Религиозная лексика в смоленском диалекте
- 188 Окуловская С. В.**
Пришло узло к гузну: этнодиалектизмы верхнеунженского края (на материале произведений И. М. Касаткина)
- 190 Урманчеева И. С.**
Омонимия печорских и общерусских фразеологических единиц с компонентами-соматизмами
- 193 Ховрина Т. К.**
Диалектная фразеология в ярославских лексикографических источниках конца XIX века
- 196 Цветкова Е. В.**
Костромская «демонологическая» топонимия (микротопоним *чёртов угол*)
- 198 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 СЕНТЯБРЯ 2020 ГОДА

УДК 811.161.1

Х. Вальтер
(Германия, Грайфсвальд)

Я ВОЛКОМ БЫ ВЫГРЫЗ БЮРОКРАТИЗМ: НЕМЕЦКО-РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СФЕРЫ БЮРОКРАТИИ

Обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструментарий для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации. Немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии. В работе обсуждается противопоставление мировой (в том числе немецкой и русской) бюрократии и её отражение во фразеологии и паремиологии.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, библеизмы, немецко-русская эквивалентика, народная речь, бюрократия

H. Walter

GERMAN-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL PARALLELS IN THE SPHERE OF THE BUREAUCRACY

The abundance of general German-Slavic phrases and proverbs formed according to general structural-semantic models provides a good methodological tool for selecting the most probable etymological interpretation. A considerable quota of similar or equivalent linguistic forms is the result of constant direct cultural, economic and political interaction of Germany and Slavia. The paper discusses the opposition of the world bureaucracies (including German and Russian) and its reflection in phraseology and paremiology.

Keywords: Phraseology, paremiology, biblical phrases and proverbs, German-Russian equivalents, folk speech, bureaucracy

Организация и проведение международных конференций по фразеологии в Костромском университете давно стало доброй традицией. Готовясь к ним, я всегда испытываю особую ответственность, ибо именно здесь мои костромские коллеги создали одну из ведущих в мире фразеологических школ, выпускаются интереснейшие теоретические работы и прекрасные словари, которые знают и уважают не только в России, но и за рубежом. И в этом году, выбирая тему своей статьи, я решил *ad adversum* противопоставить мировую (в том числе немецкую и русскую) *бюрократию* той душевной атмосфере, которую обычно ощущают гости фразеологических конференций в гостеприимной Костроме. Мне кажется, что на фоне всё усиливающейся бюрократизации высшего образования во всём мире такое противопоставление заставит нас всех ещё больше оценить неформальную обстановку наших фразеологических конференций.

Сопоставление немецкой и русской фразеологии разных уровней уже неоднократно демонстрировало свою плодотворность как для германистов, так и для русистов. И это не случайно: ведь постоянные и длительные контакты славян и германских народов способствовали «консервированию» старых форм и значений немецкой идиоматики в образной системе русской фразеологии. Особая роль здесь принадлежит библеизмам как аккумуляторам культурных коннотаций, хотя и в этой значимой общехристианской концептосфере помимо немалой культурной общности наблюдаются и существенные

формальные (resp. структурные) и семантические расхождения, вызванные как собственно конфессиональными особенностями, так и различными традициями перевода Священного писания в Германии и России.

Обращение к конкретным идеографическим полям фразеологии позволяет сосредоточиться на отдельном сегменте реальности, рассмотреть его сквозь призму «своей» и «чужой» фразеологии, пытаться выделить семантическое ядро и периферийные поля и уловить оценочные коннотации, особенно важные в описании избранной темы, тем более когда эта тема имеет социальный характер. Постоянная оценка объектов социальной действительности, непосредственная включенность в нее субъекта определяют способ категоризации явлений и последующей их номинации и оценки средствами паремиологии.

Самое первое сопоставление немецкой и российской социальной жизни на уровне публицистики и тем более бытового общения неизменно актуализирует знакомую каждому сферу бюрократии. И даже не просто актуализирует, а и вызывает споры: чья бюрократия более «бюрократистая». Предоставляя этот спор обывателям и журналистам, хотелось бы посмотреть на своих и соседних бюрократов через систему устойчивых выражений. И не столько ради бюрократов или борьбы с ними, сколько с целью реконструкции языковой истории соответствующих выражений.

Термин «бюрократия» был введен в научный оборот в середине XVIII века французским экономистом

стом Винсентом де Гурней. Познание мира в этот период «приравнялось к познанию причинно-следственных связей между деталями механизма», механизму уподоблялись общество и человек. Поэтому вполне логично, что основной метафорой, репрезентирующей новое понятие, стала именно метафора механизма, представляющая бюрократию как сложный аппарат, различные учреждения и конторы – как его звенья, между которыми существуют устойчивые связи, служащих – как безликие винтики, четко выполняющие свои функции. Данная метафора не только отвечала духу эпохи, но и соответствовала сущности бюрократического устройства [1].

Предложенный термин, а вместе с ним и понятие, прижились необычайно быстро и прочно, и это в первую очередь благодаря тому, что механизмы иерархических и / или формальных отношений столь же глубоки, как и само общество. Конечно, каждый строй и эпоха определяют общий вид и особенности, однако сущность явления остается неизменной. При описании языкового осмысления подобных отношений обоснованным потому является обращение к библейскому пласту фразеологии.

Одним из наиболее отчетливых качеств бюрократии является внимание прежде всего к форме явления, следования определенным образцам и нередко игнорирование содержания. Формальная, внешняя сторона дела, противоположная «духу», то есть смыслу, сущности приобрела устойчивое обозначение **Мёртвая буква**. Далеко не каждый опознает в этом выражении библеизм. Тем не менее **Der Buchstabe tötet, (aber) der Geist macht lebendig** (книжн. или публ. неодобр.) – о формальной, внешней стороне какого-л. дела, которая скрывает (или извращает) само существо этого дела; о формальной, внешней стороне какого-л. дела, противоположной или противоречащей его сущности (букв.: Буква убивает, а дух животворит); рус. **Буква мертвит, а дух животворит**, возникло на основе Нового завета. Апостол Павел пишет в своём Втором послании к Коринфянам: „Nicht, dass wir tüchtig sind von uns selber, etwas zu denken als von uns selber; sondern dass wir tüchtig sind, ist von Gott, welcher auch uns tüchtig gemacht hat, das Amt zu führen des Neuen Testaments, nicht des Buchstaben, sondern des Geistes. Denn der Buchstabe tötet, aber der Geist macht lebendig. So aber das Amt, das durch die Buchstaben tötet und in die Steine gebildet war, Klarheit hatte, also dass die Kinder Israel nicht konnten ansehen das Angesicht Mose's um der Klarheit willen seines Angesichtes, die doch aufhört, wie sollte nicht viel mehr das Amt, das den Geist gibt, Klarheit haben!“ [2Кор. 3, 5–8] – «Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит. Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лицо Моисеево по причине славы лица его преходящей, – то не гораздо ли более должно быть славно служение духу?» [2Кор. 3, 5–8]. Ср. пол. «On też

sprawił, że mogliśmy stać się sługami Nowego Przymierza, przymierza nie litery, lecz Ducha; litera bowiem zabija, Duch zaś ożywia».

Фраза известна многим языкам, напр., лат. *Lit-tera enim occidit, spiritus autem vivificat* (Vulgata, Epistula ad Corinthios 2. 3, 6); англ. *For the letter killeth, but the spirit giveth life*; нидерл. *Niet der letter, maar des Geestes; want de letter doodt, maar de Geest maakt levend*; англ. *The letter kills, but the spirit gives life*; фр. *La lettre tue, mais l'esprit vivifie*. Ср. укр. *додержуватися [мертвої] букви (букви закона); с./х. mrtvo slovo na papiru*.

В немецкой речи чаще цитируется прямой библейский текст *Der Buchstabe tötet, (aber) der Geist macht lebendig*, а в русской речи – его метафорическое преобразование во фразеологизм *мёртвая буква* [DSL т. 1, с. 501; NGBW, с.77; DZR, с. 166; ОКНПС, с. 137; 3, с. 38–39]. И в немецком, и в русском языке его считают калькой с фр. *lettre morte* [LSR, с. 276; LZR, с. 64; DZA, с. 118; БМШ, т. 1, с. 612; КСЭ, с. 424; БМС, с. 70; 3: 38], возникшего в XIX в. под влиянием представлений каббалистов (сторонников мистического течения в иудаизме) о том, что Бог на Синае раскрыл Моисею дух закона, предназначанный для избранных, а для народа предназначена буква закона, в которой затемнённый смысл скрыт под внешней оболочкой слов.

Выражения *toter Buchstabe* (букв.: мёртвая буква) – ‘лишь формально’ – в немецкой речи устаревает, но зато активно употребляются обороты *nach dem Buchstaben des Gesetzes handeln* (действовать по буквам закона) – ‘по букве закона’; *sich an den (toten) Buchstaben des Gesetzes halten* (букв.: держаться за мёртвую букву закона) – ‘держаться мёртвой буквы закона, соблюдать букву закона’; *am (toten) Buchstaben kleben* (букв.: клеить на [мёртвой] букве) – ‘слепо придерживаться буквы, цепляться за букву’; *sich an den Buchstaben klammern* (цепляться за букву) – ‘держаться (мёртвой) буквы закона’; *etw. nach Geist und Buchstaben erfüllen* (выполнять что-л. по духу и букве) – ‘точка в точку, от начала до конца’, которые тоже прошли метафоризацию и фразеологизацию на основе библейского изречения [DZA, с. 118; LSR, т. 1, с. 276].

Библейские крылатые слова стали основанием и для другого известного выражения – *Besser ein lebendes Wort als hundert tote Buchstaben* (букв.: Живое слово лучше (дороже) сотни мёртвых букв), а также для оборота *Geist und Buchstaben des Gesetzes* (букв.: дух и буква закона), который стал интернациональным, как и большинство выше приведённых оборотов и цитат.

Именно апелляцией к закону в бюрократической среде нередко оправдываются неблагоприятные действия. При несправедливом (с точки зрения говорящего) действии человека или учреждения по отношению к самому себе или как эмоционально-выразительный отказ от несправедливых поступков и немцами, и русскими используется пословица **Was Recht ist, muss Recht bleiben** (букв.: Что есть закон, то должно остаться законом); рус. **Закон есть закон**.

Пословица восходит к Псалтири, где выражается мысль, что народ Божий угнетается безбожниками, но Бог будет содействовать праведникам: «Denn der Herr wird sein Volk nicht verstoßen noch sein Erbe verlassen. Denn Recht muss doch Recht bleiben, und dem werden alle frommen Herzen zufallen» [Ps 93, 14–15] – «Ибо не отринет Господь народа Своего и не оставит наследия Своего. Ибо суд возвратится к правде, и за ним последуют все правые сердцем» [Пс 93, 14–15]. Неслучайно в синодальном переводе употреблены однокоренные слова *правда* и *правый*. Они собственно являются и этимологическим, и смысловыми эквивалентами немецкого *Recht*.

Библейская цитата в слегка сокращенном трансформированном варианте: *Was Recht ist, muss Recht bleiben* стала народной пословицей, библейский фон которой забыт [DSL, т. 3, с. 1541; DZA, с. 449; KLB, с. 165].

В русском языке эквивалент немецкой половицы *Закон есть закон* активно употребителен (о чём свидетельствует как его фиксация в Национальном корпусе русского языка, так и данные Интернета), но, как ни парадоксально, он пока не отражён ни одним паремиологическим источником. Лишь Немецко-русский фразеологический словарь его фиксирует и как русскую паремию **Закон есть закон** [БинГр, с. 454].

По поводу неразберихи в работе аппарата, учреждения, когда их бюрократические звенья принимают противоречащие друг другу решения, дают противоположные указания, говорят **Одна рука не знает, что делает другая** (к примеру: *Государство одной рукой борется с преступностью, а другой её создает*). В немецкой культуре известно чаще с прилагательными *левая* и *правая*: **Die linke Hand weiß nicht, was die rechte tut** (книжн. неодобр. часто ирон.): *О несогласованности, противоречивости действий в каком-либо коллективе, сообществе, приводящих к путанице, неразберихе и беспорядку; о нелогичности поведения кого-либо* (букв.: Левая рука не знает, что делает правая), также рус. **Левая рука не ведает (не знает), что делает правая**.

Выражение восходит к Нагорной проповеди Иисуса («Учение о милостыни»), где он говорит людям, которые творят добро лишь ради своей репутации, что одно из главных обязанностей верующего человека – сотворение милостыни, ценность которой не в её величине, а в бескорыстной готовности помочь ближнему своему. Проповедь Иисуса о милостыне направлена против фарисеев, которых Он называет лицемерами за их показную благотворительность. Пожертвования надо давать незаметно, не надо хвастаться этим: «Wenn du aber Almosen gibst, so lass deine linke Hand nicht wissen, was die rechte tut, auf dass dein Almosen verborgen sei; und dein Vater, der in das Verborgene sieht, wird dir's vergelten öffentlich» [Mt 6, 3–4] – «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» [Мф 6, 3–4].

Смысл этого высказывания, как видим, – ‘Не похваляйся своими добрыми делами – пусть тебя

похвалят другие’, ‘Не говори о том, что совершил добро, даже своим близким – об этом должны знать лишь ты сам и Бог’. Та же мысль выражена и ранее, ещё в Ветхом Завете: «Из имени твоего подавай милостыню, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню» [Тов 4, 7].

В современном немецком и русском языках первоначальное значение оборота, непосредственно связанное с сотворением милостыни, окончательно устарело, а активизировалось лишь названное в толковании значение [NGWB; KLB, с. 127; DZR, с. 483; ОКНРС, с. 137]. Оно, по-видимому, образовалось позднее в результате иной мотивации и полностью отличается от исходного. Иногда фраза употребляется в качестве призыва к соблюдению секретности, неразглашения тайны, хотя в этом случае более соответствует библейской форме: *Lass deine linke Hand nicht wissen; was die rechte tut* [BS, с. 68] – (букв.: Не дай твоей левой руке знать, что делает правая). Библейское выражение известно многим европейским языкам, в том числе и славянским – ср., напр., с./х. *Levica ne tieba da zna šta daje desuica*; серб. *Ne zna levica šta čini desnica*; хорв. *Ne zna ljevica šta čini desnica*.

Наряду с прямыми цитатами из библейского текста аксиологическая характеристика сферы бюрократии представлена и в библеизмах косвенных. Так, значение ‘*Ходить безрезультатно от одного к другому (обычно о посещениях начальства, ходьбе по бюрократическим инстанциям)*’ выражено фразеологизмом *jmdn. von Pontius zu Pilatus schicken* (книжн. неодобр.): *Посылать кого-л. от одного к другому, не решая дела, не давая ответа; о волоките в делах, когда просителя, не давая ему ответа, гонят от одного чиновника к другому*; также: *von Pontius zu Pilatus laufen (geschickt werden)*; (букв.: посылать от Понтия к Пилату кого-л.); *посылать от Понтия к Пилату кого*. В немецком языке выражение очень употребительно. Оно известно с 1704 года, когда было употреблено штирским проповедником П. Амандусом из Граца (P. Amandus von Graz) в его «Пост христианских душ: третье размышление о трапезе человеческих душ» (Fasten-Bancket der Christlichen Seelen: die dritte Speisen Auftracht von der menschlichen Seelen). Употреблено выражение и в романе Фр. Шпильхагена «Между молотом и наковальней» (Friedrich Spielhagen «Hammer und Amboß» IV, 107) в форме *da läuft er von Pontius zu Pilatus*; у Г. Гейне (Heinrich Heine. XII, 119) – *von Pontio nach Pilato rennen*; в III-м акте «Кавалера роз» Э.Т.А. Гоффмана (Hofmanns «Rosenkavalier») и др. На первый взгляд, выражение является бессмысленным: ведь *Понтий* и *Пилат* – это имена одного и того же человека. В Евангелии [Лк 23, 1–12] рассказывается, как схваченного Иисуса сначала привели к римскому прокуратору Понтию Пилату, а тот отправил его к Ироду, управляющему Галилеей, уроженцем которой был Иисус. Иисус отказался отвечать Ироду, и его снова послали к Понтию Пилату. Народ воспринял имена *Понтий* и *Пилат* как названия двух разных людей, а упоминание Ирода из изложения легенды выпало [БМШ: 391]. В немецком языке это выражение – плод народной шутки, ибо история суда Понтия Пилата

была хорошо известна. Поводом к такой шутке послужили и пасхальные представления (так наз. вертепы) на библейские сюжеты. На одной стороне подмосток на городской площади воздвигался дом Пилата, на другой – дворец царя Ирода с целью наглядно показать хождение персонажей туда и обратно. Исходным вариантом выражения, следовательно, было *einen von Herodes zu Pilatus schicken* или наоборот – *einen von Pilatus zu Herodes schicken*.

Чисто текстологической подоплекой появления оборота мог послужить фрагмент Евангелия, где Ирод посылает Иисуса обратно к Понтию Пилату [Лк 23, 11]: «Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» Выражение и его варианты (напр. *ходить от Понтия к Пилату*) известно как славянским (укр., пол., кашуб., словац., серб., хорв.), так и неславянским языкам Европы [WM, с. 311–312], напр.: хорв. *ić od Poncija do Pilata; hoditi od Poncija do Pilata; pošiljati koga od Poncija do Pilata* голл. *iemand van Pontius naar Pilatus sturen*; датск. *fra Pilatus til Herodes*; фр. (устаревшее) *envoyer qn. de Ponce à Pilate* и др. В русский язык оно попало лишь в конце XIX в. как калька с немецкого благодаря его употреблению в социал-демократической печати Г. В. Плехановым, В. И. Лениным и др., но широкого распространения, в отличие от немецкого языка, не получило. Хотя в публицистике оказались зафиксированными именно “бюрократические” смыслы: «Если какой-нибудь крестьянин обратится к партийцу за советом или справкой, то вместо того, чтобы растолковать или разрешить вопрос на месте, его посылают от Понтия к Пилату: в сельсовет, оттуда в райвик, а оттуда обратно в сельсовет» («Правда», № 293, 1924) [ТРЯ, с. 106].

В отличие от библеизмов, ряд немецких фразеологизмов не находит прямых соответствий в славянских языках. К примеру, нем. *den Amtsschimmel reiten* (шутл.): *Слишком точно придерживаться служебных предписаний.* (букв.: ездить верхом на чиновничьей белой лошади). Сложное слово *Amtsschimmel* (букв.: чиновничья лошадь) в составе фразеологизма известно с конца XIX века [WDU, с. 26]. По первому, распространенному объяснению, оборот – ложноэтимологическое искажение слова *Simile* «формуляр-образец» по ассоциации с *Schimmel* («белая лошадь»). Слово восходит к латинскому *similis*, что значит «подобный, похожий». В Австро-Венгрии *Simile* был образцом формуляра, регулярно заполняемого при различных официальных процедурах [WDU, с. 26]. Юристы обозначали словом *Schimmel* «образец принятых постановлений, инструкций и др. документов». Поэтому чиновников канцелярий, рассматривающих каждое дело по образцу, как эталон – для абсолютной точности, без отклонения, шутливо называли *Schimmelreiter*.

Второе объяснение отрицает влияние народной этимологии и связывает фразеологизм со швейцарским выражением *auf dem obrigkeitlichen Schimmel herumreiten*, засвидетельствованным уже в 1824 году. Выражение прежде всего связывается с посылными Швейцарской Конфедерации, доставлявшими документы верхом на лошадях [TWLV, с. 14]. Вторую гипотезу

следует отвергнуть, поскольку в некоторых славянских языках этот оборот давно известен (напр., чеш. *úřední šiml* [MW, с. 517], что можно интерпретировать именно как германизм. Англ. *to get red tape (bureaucracy) off to a fine art; to insist on bureaucratic procedures*; пол. *szerzyć biurokrację*; укр. *розводити бюрократизм, тяганину*).

Ср. и выражение *der Amtsschimmel wiehert* (шутл.-ирон.): *О чиновничьем бюрократизме; царствует бюрократия* (букв.: белая чиновничья лошадь ржёт); бюрократия разгулялась; здесь виден чудовищный бюрократизм; там процветает махровый бюрократизм; бюрократизм (бюрократия) буйствует. Оно образовано от выражения *den Amtsschimmel reiten* [DRR, с. 36] и отражает очень редкое (!!!) поведение чиновников. Только фразеологизмы говорят о том, что это не только немецкое явление: ср. англ.: *red tape (bureaucracy) is on the rampage; red tape rears it's ugly head; this place is buried in red tape; there's bureaucracy for you*; пол. *tam kwitnie bujny biurokratyzm*; укр. *страшений бюрократизм*.

Очевидно, самым ярким примером устойчивого выражения сферы бюрократии можно назвать фразеологизм *положить в долгий ящик*, нем. *etw. auf die lange Bank schieben* (разг.): *оттягивать исполнение какого-л. дела на неопределенное время; медлить, откладывать на потом что-л. неприятное* (букв.: отталкивать на длинную скамью); *отложить (положить, откладывать) в долгий ящик; класть / положить под сукно что-л.; разводить (тянуть) канитель; тянуть время; тянуть kota за хвост.* Выражение, известное уже с 1500 года и связанное со средневековой юридической практикой, долгое время выдавалось за исконно русское, однако в последние годы убедительно доказано его немецкое происхождение (см. работы В. М. Мокинко, А. Бириха, Х. Вальтера).

Не случайно, что следствием отношения к бюрократическим процедурам становится отрицательная оценочность соответствующего слова, как это произошло со словом *Fisimatenten* [TWLV, с. 47]. *Fisimatenten machen* (разг.) 1. *уклоняться от чего-л., прибегнув к хитрости, к различным уловкам; увиливать от чего-л.* 2. *церемониться, миндальничать; тратить излишние слова* (букв.: делать увертки). Это слово сейчас у многих носителей немецкого языка ассоциируется с прил. *fies* – «вызывающий неудовольствие, отвращение; неприятный, гадкий; неприятный по характеру, несимпатичный, отвратительный». Этимологически они, однако, не являются родственными. Слово *Fisimatenten*, вероятно, является искажением лат. слова *visepatenten* – «ерунда, мелочи». Оно восходит к среднелат. * *visae patentes (litterae)* – ‘по закону проверенные патенты’ – и употреблялось в профессиональной речи канцеляристов. Появление согласного *m* при этом фонетическом переходе, возможно, было спровоцировано народноэтимологическим влиянием средненеверхнем. *visament(e)* – ‘лицо, вид, искусное украшение и описание герба’ [DRR, с. 209]. Клюге предлагает в качестве единственной убедительной этимологии слова *Fisimatenten* связь со средненеверхнем. *visiren*, которое, помимо прочего, значило «упорядочивать и описывать изображения на гербах» [EWD, с. 296].

Зафиксировано с XV века [WDU, с. 238], а распространилось лишь с XIX века [WDU, с. 238].

Очевидно, что обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструмент для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации. Разумеется, немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии. Здесь не место обсуждать влияние социальных систем двух стран одна на другую, однако общность их основных позиций очевидна: с одной стороны – иерархичность, а с другой – обезличенность ее представителей, господство формы над содержанием, перекалывание обязанностей и в целом бездушие. Хотелось бы, чтобы всего этого в нашей жизни было как можно меньше.

Именно к этому стремятся наши костромские коллеги, конференции которых организуются ими не только с высоким профессионализмом, но и с фразеологической душевностью.

Литература

1. Кондратьева О. Н. Механистическая метафора как средство репрезентации бюрократии в российских СМИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). – СПб.: РОПРЯЛ, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

2. Кульшарипова С. Р. «Стихи о советском паспорте» в переводе Дориана Роттенберга // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – С. 1389–1395.

3. Mokienko V. Historische Phraseologie der slawischen Sprachen // Phraseologie – Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung – An International Handbook of Contemporary Research. Hrsg. Von Harald Burger, Dmitrij Dobrovol'skij, Peter Kühn, Neal R. Norrick. 2. Halbband (Volume 2). – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2007. – S. 1134–1145.

Словари и справочники

БинГр.: Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришин. Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. второе, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1975.

БМС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

БМШ: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 5000 единиц / под ред. С. Г. Шулежниковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск, Greifswald: МаГУ: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2014. – Т. I. А–М.

КСЭ: Серов В. Крылатые слова: энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, 2004.

ОКНРС: Александрова Т. С. В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого

немецко-русского словаря (с приложением текстов для чтения). – М.: Русские словари, 1996.

СБКВ: Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.

ТРЯ: Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. I. Язык и общество. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

BS: Walter H. Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald: Universität Greifswald, 2018.

BSDRP: Walter H. Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald: Universität Greifswald, 2018.

DRR: Duden Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992.

DSL: Wander, Karl Friedrich Wilhelm, Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Vol. I–V. F. A. Leipzig; Brockhaus, 1867–1889, Ndr. Darmstadt 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

DZA: Duden Bd. 12. Duden, Zitate und Aussprüche. Herkunft und aktueller Gebrauch. Rund 7.500 Zitate von der Antike bis zur modernen Werbesprache, 2., neu bearb. u. Aktualis. Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. Dudenverlag: Mannheim, Leipzig 2002.

DZR: *DUDEN*. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion, 2., überarb. und aktualisierte Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. Mannheim: Dudenverlag, 2007.

EWD: Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearb. v. Elmar Seebold. 24., durchges. u. erw. Aufl. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2002.

KLB: Krauss H. Kleines Lexikon der Bibelworte. – Hamburg: Nikol Verlagsgesellschaft mbH, 2007.

LSR: Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd. Herder/Spektrum. Bd. 4800. – Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 2001.

LZR: John J. Reclams Zitate-Lexikon, Philipp Reclam Jun. – Stuttgart 2005.

MW: Mokienko V.M., Wurm A.: Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc: Vyd. Univerzity Palackého v Olomouci, 2002.

NGBW: Büchmann G. Der Neue Büchmann – Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. München: Ullstein, 2007.

TWLV: Olschansky H. Täuschende Wörter. Kleines Lexikon der Volksetymologien. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1999.

WDU: Küpper H.: Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. – Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993.

WM: Walter H., Mokienko, V. (K) Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2011.

**РУССКАЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ
(ОТ СБОРНИКА ПЕТРОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ ДО XXI ВЕКА)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

В докладе рассматриваются проблемы диахронического анализа русских пословиц и поговорок. Прослеживается семантическое и структурное развитие паремий с XVIII по XXI в., предлагается типология их вариантов. Особое внимание уделено анализу пословиц, зафиксированных в паремиологических собраниях Петровского времени.

Ключевые слова: паремиология, паремиография, Петровская эпоха, пословицы, диахроническая паремиология, лингвокультурология, история русского языка.

**RUSSIAN DIACHRONIC PAREMIOLOGY
(FROM THE COLLECTION OF THE PETER'S GALLERY TO THE XXI CENTURY)**

The article discusses the problems of diachronic analysis of Russian proverbs and sayings. The semantic and structural development of paremias from the 18th to the 21st centuries is traced, a typology of their variants is proposed. Particular attention is paid to the analysis of proverbs recorded in the paremiological collections of the Petrine time.

Keywords: paremiology, paremiography, Peter's era, proverbs, diachronic paremiology, linguoculturology, history of the Russian language.

Тема Международной научно-практической конференции в Костромском университете как нельзя более актуальна. Ведь на наших глазах фразеология и паремиология – как русская, так и общеевропейская – получает мощный стимул от синхронии вернуться к диахронии, и наоборот, в давно, как кажется, отживших явлениях фразеологических и паремиологических систем обнаруживать ревитализацию архаизмов. Путь от архаизации к неологизации и от неологизации к архаизации благодаря динамичности современных языковых процессов преодолевается сейчас с космической скоростью. И это понятно: ведь если во времена А.Н. Радищева путешествие из Петербурга в Москву длилось неделю и с такой же скоростью доставлялись письма, написанные гусиными перьями, то теперь «Сапсан» преодолевает это расстояние за 3 с половиной часа. Правда, путь из Петербурга в Кострому не столь скор и только благодаря Александру Евгеньевичу Якимову проф. Харри Вальтер и я смогли его преодолеть, заглянув по дороге в Ярославль. Да и наша знаменитая «Почта России» пока ещё архаична, и письма и бандероли из Москвы доходят до северной столицы гораздо медленнее, чем во времена А. Н. Радищева. Но зато электронная почта опережает даже сверхскорый «Сапсан». Так неологическое и архаическое в нашей жизни переплетается в один гордиев узел, рождая новые перспективы и проблемы.

Диахрония и синхрония в паремиологии и фразеологии – не исключение. Когда-то в далёком прошлом веке, заключая последнюю главу своей книги «Славянская фразеология» [4, с. 173–174], я осмелился написать: «Единство элементов и структуры во фразеологии характеризуется чрезвычайной

готовностью к актуализации. Поскольку же это единство является неременным условием разрешения противоречий, то во фразеологии такое разрешение происходит весьма мобильно. В этом, как кажется, основа специфики взаимодействия синхронии и диахронии во фразеологии. Постоянная актуализация диахронического плана и его важное значение для функционирования фразеологизмов как экспрессивных единиц особенно остро ставит проблему исторической фразеологии... Выявление диалектических закономерностей становления и развития славянского (прежде всего русского) фразеологического фонда, а также выработка некоторых принципов объективного лингвистического анализа фразеологических единиц требует выработки методики диахронического исследования фразеологизмов. Противоречие между синхроническим и диахроническим аспектами исследования фразеологизмов, возникшее из-за почти исключительного внимания к синхронии, должно быть наконец разрешено».

С тех пор прошло 40 лет, т. е. пресловутый паремиологический «бабий век». И нельзя сказать, что ситуация с диахронической фразеологией и паремиологией не изменилась. Воз уже не «ныне там», а тронулся, и во многих странах появились основательные исследования в этом аспекте. Появились достаточно надёжные историко-этимологические справочники и сводные библиографии по русской [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007], белорусской [Лепешаў 2004], украинской [Гвченко 1998], чешской [Stěpanova 1998], болгарской [Lichtenberg 2001], хорватской [Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010] фразеологии, монографии и статьи диахронической направленности. Уместно назвать и несколько публи-

каций, посвящённых именно диахроническому анализу славянской фразеологии [1, 2, 3, 5, 6, 7 и др.].

Диахрония во фразеологии и паремологии стала востребованной и потому, что именно к внутренней форме фразем и паремий обратились лингвострановеды, реконструкторы языковой картины мира и когнитологи. Лингвокультурология, ставшая доминантой лингвистических исследований последних десятилетий, с полным основанием видит в исторической фразеологии и паремологии методологическую и материальную основу своих разысканий.

Это тяготение «весомо, грубо, зримо» проявляется и в современной фразеологии и паремологии. Так, в лингвокультурологическом «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В. Н. Телия [БФСРЯ 2006] большинство словарных статей строятся с учётом этимологической расшифровки описываемых фразеологизмов или пословиц. В «Послесловии» к этому фундаментальному справочнику В. Н. Телия подчёркивает, что важнейший второй критерий отбора материала для его словника – это включение в него фразеологизмов, «в которых просматриваются древнейшие культурные слои, восходящие к моделирующим мироустройству архетипическим и мифологическим формам осознания мира, к религиозным формам мировосприятия», и прослеживание и описание «корреспонденции культурных слоев, характерных для фразеологизмов и фольклора» [БФСРЯ 2006, с. 777]. Легко увидеть, что этот критерий прямо подразумевает диахроническую реконструкцию фразеологизмов. Нам, составителям «Словаря русской фразеологии. Историко-этимологического справочника» (Бирих, Мокиенко, Степанова 2007), поэтому лестно, что многие словарные статьи «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В.Н. Телия не просто сопровождалась отсылками на наш историко-этимологический справочник, выдержавший 4 издания, а буквально цитировались в соответствующей диахронической позиции.

Одна из доминант второго фразеологического словаря с лингвокультурологической (когнитивной) ориентацией – «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых [Алефиренко, Золотых 2008] также построена на историко-этимологическом комментировании. Вот одна из типичных для этого справочника словарных статей [Алефиренко, Золотых 2008, с. 61–62]:

ВОЛЯ

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ (СПАСЕННОМУ РАЙ).

О том, кто может поступать по своему усмотрению. Синонимы: **Развязывать / развязать руки кому, вольная птица (пташка), вольный казак (разг.), как рыба в воде**, предоставлять / предоставить самому себе (разг.). Антонимы: **Волей-неволей** – вынужден, вопреки желанию; **идти / пойти на поводу** у кого (разг.) – зависеть в своих действиях от кого-л.; ставить в зависимость от кого-л. свое поведение и поступки; **связывать (спутывать) / связать (спутать) по рукам и <по> ногам** кого – не давать самостоятельно, свободно действовать; ставить все поступки и действия кого-л. в прямую и жесткую зави-

симость от определенных условий, обязательств, от действия какого-л. лица.

1) – *Что ты удумала? Очередного жениха мне нашла? – Ну не то чтобы жениха, а все-таки... Просто у нас женихи в компании маловато. – Надо же! Редкий случай! – улыбнулась Майя. – Обычно бывает наоборот. – Ну ты же знаешь, я девушка нестандартная. Ты уже и билет купила? – Конечно. – Жалко. Ну ладно, вольному воля! – До этого разговора Майя не была уверена, что хочет в этом году в Питер, но, положив трубку, встала, оделась и поехала на вокзал, благо близко – пять остановок на троллейбусе. **Е. Вильмонт. Кино и немцы!***
2) *Возможно, объявила Любовь Николаевна, исполнение и единичных, разовых, выборочных или чрезвычайных желаний, то есть как бы включение контакта с ней на краткие сроки. В ее личностных подходах к каждому какому-либо предпочтению не должно быть ни из-за обстоятельств жизни, ни из-за увлечений и слабостей, со всеми ее отношениями станут равными, одной положенной, неустойчивой температурой. Другое дело: величина вкладов каждого известна, а сколько дано, на столько и будет отпущено. И при отказе пайщика от услуг о доле его не забудут, ни на кого другого она не прольется. Иные размышляют сейчас, как и прежде, о несвободе, об отсутствии выбора, о принуждении и гнет, но они не правы. **Вольному воля.** Зато она, Любовь Николаевна, от нас не свободна, и потому, чтобы позднее не было повода думать о ее небрежности или легкомыслии, ей хотелось бы получить письменные заверения об отчуждении от нее или о временном отказе от влечений. **В. Орлов. Останкинские истории-2. Аптекарь.***

В качестве образного высказывания. Нередко как присоединительная конструкция с оценочным значением. Только в приведённой форме. Интонационно выделяются слова *воля и рай*.

@ Древнерусские удельные князья писали в своих договорах друг с другом: «...а боярам и детям боярским и слугам, и крестьянам вольная воля...». У вольного воля была, таким образом, правом, привилегией, означала свободу действий и поступков, позволяла жить на земле, пока живется, и уходить, куда вздумается. Пользовались этой свободой только вольные люди, какими считались в те времена сыновья при отцах, братья при братьях, племянники при дядях и так далее. А были еще холопы и рабы, навечно принадлежавшие господам. Они могли быть заложены, как вещь, проданы и даже убиты без суда и следствия. Таким образом, «Вольному воля» означает, что кто-то может поступать, как хочет. Не случайно существовала и такая поговорка: «Своя воля, своя и доля», что означало: от воли (свободы) зависит человеческая судьба. Вторая, факультативная часть поговорки «спасенному рай» содержит следующий подтекст: кто живет праведно, побожески, честно – спасется.

* Только на первый взгляд выражение кажется полной бессмыслицей: вроде «масло масляное». На самом же деле оно содержит позволение поступать по собственному усмотрению.

\$ Концепты «Независимость», «Свобода».

& Обыденная лингвокультура.

% Языковая память поддерживается словами *воля* ‘свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти’ (ср.: *выпустить на волю* и в народной словесности *волюшка*), *вольный* ‘имеющий возможность свободно делать что-нибудь’ (ср.: *он волен поступать, как хочет*), а также словами-ассоциатами: (1) *свобода, сила, неволя, Божья, доля*; (2) *ад, в шалаше, на земле, Бог, счастье, жизнь* и др.

Действительно, представление о «вольной воле», отражённое в этой пословице, является одним из

значимых концептов русской лингвокультуры. При этом эпитет *вольная* – лишь один из многих, этот концепт характеризующих. В. В. Колесов в своём «Словаре русской ментальности» [Колесов 2014, с. 1, 124] перечисляет целый ряд таких эпитетов: *воля абсолютная, автономная, великая, вольная, добрая, железная, личная, мировая, могучая, мятежная, необузданная, несгибаемая, несокрушимая, озверевшая, русская, свободная, сильная, упрямая, человеческая, чуждая...* Все они в конечном итоге покрываются исходным этимологом общеславянского корня **vol-* ‘хотеть, желать’, ‘любить свободу’ – ср. др.-рус. ‘желание, хотение’ (912 г.), ‘независимость, свобода действий’ (1209), ‘способность управлять своими действиями, воля’ (XIII в.), ‘власть, право’ (1555). «Можно предположить, – заключает очерк об этом концепте В. В. Колесов, развивая идею М. В. Ильина о трёхчленной конфигурации понятия *воля*, – что для древних славян архаическое единство трёх ипостасей воли – активной, пассивной и медиальной – оставалось вполне актуальным, а само их единство обеспечивалось интегрирующим, смыслонаделяющим воздействием горней воли» [Колесов 2014, с. 126].

В этом лингвокультурологическом ключе история пословицы *Вольному воля, спасённому рай* – яркое подтверждение диалектического триединства славянских и русских представлений о воле. Причём убедительность этого представления обнаруживается с помощью более глубинного анализа её истоков и вариантной динамики.

Вот хронологический диапазон этой пословицы, отражённый в нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 146] и позднейших дополнениях к нему. Он открывается именно пословицей, отражённой в рукописном собрании начала XVIII в. и сохраняет свою актуальность до наших новейших паремиологических сборников*:

Вольному воля, [а] спасённому рай. Петр. галер. нач. XVIII в., 23; Богд. 1741, 71; Барс. 1770, 21; ДП 2, 277; Д 1, 239; Мих. 1, 118; Раз. 1957, 198; Жук. 1966, 85–86; Жук. 1991, 72; Спир. 1985, 37; Тан. 1986, 30; Ан. 1988, 48.

Характерно, что он актуален как для письменной, так и устной традиции употребления, о чём свидетельствуют многочисленные литературные и публицистические контексты, а также записи в речи таких русских регионах, как Беломорское Поморье [Мерк. 1997, с. 27]. В нашем «Школьном словаре живых русских пословиц» [ШСП 2002, с. 53–54] мы приводим её толкование, уже известную нам историю происхождения, контексты из писателей XIX–XX в. – от А. К. Толстого и И. Бабеля до Б. Окуджавы и некоторые варианты:

ВОЛЯ

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ, <А СПАСЕННУМУ РАЙ>. *Каждый волен поступать как хочет, в соответствии со своими желаниями и принципами. Как правило, говорится тому, кто поступает по-своему, когда говоря-*

щий не разделяет с ним его намерений, не согласен с ним, но хочет подчеркнуть свое нейтральное отношение к совершаемому или задумываемому.

Пословица собственно русская, связана с древним правом вольных крестьян (до введения крепостного права) пользоваться полной свободой действий и перехода с одного места на другое. Этим правом обладала наравне с крестьянами и княжеская дружина. Удельные князья, заключая договоры друг с другом, писали: «А боярам и боярским детям и слугам, и крестьянам вольная воля».

– Спасибо, барин, я спешу в Слободу, – отвечал сухо Серебряный. – В Слободу? Да ведь ты, никак, из тюрьмы убежал. – Не убежал, Федор Алексеич, а увели меня насильно. Давши слово царю, я сам бы не ушел и теперь опять отдаюсь на его волю. – Тебе, стало, хочется на виселицу? Вольному воля, спасённому рай! А я уж не знаю, вернуться ли мне? (А. К. Толстой. *Князь Серебряный*). Тут он свернул глазами на сторону, свернул с большака в переулочек, настелил на пол малиновых потничков, <...> встал над ними старикашка и запетушился. – Вольному воля, – говорит он мне и петушится, – <...> расчет можешь получить, только не должен ли ты мне, дружок мой Митюша, какой-нибудь пустяковины? (И. Бабель. *Конармия*). – Анатолий Акиндинович, – прервал я его нравоучительные излияния – послушать вас, так невольно создается впечатление, что характер учителя не что иное, как палка для учеников. Анатолий Акиндинович со спокойным удивлением взглянул на меня. – Вольному воля, при прыткой фантазии можно и деревенскую коровенку принять за уссурийского тигра. (В. Тендряков. *За бегущим днем*). – Андре, не век тебе быть одиноким. В тридцать лет пора подумать о женитьбе. – Подожду еще, ваше сиятельство... К чему спешить... – Вольному воля. Пожалуй, ты прав: человеку, занятому искусствами, бывает и семья помехой. (К. Коничев. *Повесть о Воронихине*). Ну что ж, вольному воля, хотя о какой воле можно было говорить, когда все – каждое движение, каждый шаг, каждый вздох, – да, все, все висело на волоске судьбы... (Б. Окуджава. *Путешествие дилетантов*).

Ср.: **Вольному воля, спасённому рай, бешену поле, черту болото; Вольному – воля, ходячему – путь, лежачему – кнут; Охота пуще неволи; Своя рука владыка; Хозяин – барин.**

Более углублённое погружение в записи этой пословицы источниками с конца XVII–XVIII вв. до наших дней демонстрирует более широкую вариантную амплитуду и более разнообразное прочтение её внутренней формы:

Вольному воля, спасённому рай, бешену поле, чёрту болото. Кр., Усв. ДП 2, 277; Д 1, 239; Пск. СР 1, 216; СПП 2001, 127.

Вольному – воля, спасённому – рай, спашенному – чистое поле. Сок., 260.

Вольному воля, спасённому путь. Помор. Мерк. 1997, 27.

Вольному воля, [а] ходячему путь. Сим., 85; СО-РЯ XVI–XVII вв. 2, 327; Барс. 1770, 21; Сн. 1848, 38; ДП 2, 277; Д 1, 239; Мих. 1, 119; КМШ 1957, 53; *Прибайк.* ФСРГП, 37; Прок. 1988, 213; *Помор.* Мерк. 1997, 116; *Акмол.* Асенова 2010, 17. < Каждый свободен в выборе решений, поступков. Прок. 1988, 213.

Вольному воля, ходячему путь, [а] лежачему – кнут. Ан. 1988, 49; Сок., 260.

Вольному воля, а хожачему путь. СРНГ 51, 127. < **Хожачий** – путник.

Вольному воля, прохожему путь. Перм. Прок. 1988, 213.

* В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010).

Вольному воля, шалёному рай. Пск. (Латгал.). Королёва 2017, 422.

Воля – вольному, а невольному – нет. Помор. Мерк. 1997, 116.

Ср. Воля в человеке – или рай, или дьявол. Тан. 1986, 30.

Как видим, постоянным компонентом, структурно-семантическим ядром всех названных вариантов пословицы является краткий тавтологизм *Вольному воля*. Не случайно поэтому Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых его вторую, наиболее частотную часть – *спасённому рай* считают факультативной, хотя именно из него выводят «следующий подтекст: кто живёт праведно, по-божески, честно – спасётся» [Алефиренко, Золотых 2008, с. 61–62].

Действительно ли вторая часть этой пословицы (а не поговорки!) является факультативной или, наоборот, *Вольному воля* образовано усечением (универбизацией, конденсацией) исходной *Вольному воля, спасённому рай*?

На этот вопрос помогает, как кажется, ответить хронология записей пословицы и её вариантов. Парадоксально, но факт: её краткий вариант *Вольному воля* зафиксирован недавно – в сборниках пословиц и поговорок и диалектных словарях лишь второй половины прошлого века (Спир. 1985, 98; Пск. СПП 2001, 127; Сл. Акчим. 1, 145). Развёрнутый же её вариант *Вольному воля, [а] спасённому рай*, как мы видели, зафиксирован с начала XVIII века, уже в рукописном собрании Петровской галереи, и последовательно затем отражается во всех последующих парамиологических источниках. Даже М. И. Михельсон, весьма последовательный в регистрации современных ему русских пословиц и поговорок, представил её только в форме *Вольному воля, спасённому рай*, сопроводив комментарием, близким к толкованию Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых: «т. е. *вольному воля* (может поступать, как хочет), *спасённому рай* (кто живет не по воле своей, а как Бог велит – спасется)» <...> «*Вольному воля* в прямом смысле – о праве вольных людей (не рабов) пользоваться полной свободой действия и перехода с одного места на другое» (Мих. 1, 118).

Хронология второго развёрнутого варианта этой пословицы *Вольному воля, [а] ходячему путь* так же, как показано выше, отсчитывается с начала XVIII в. (Сим., 85; СОРЯ XVI–XVII вв. 2, 327). И хотя этот её вариант, в отличие от первого, не получил кодификации в сборниках советского времени, он достаточно широко зафиксирован в разных диалектных регионах, что подтверждает его древность. Это подтверждается и пословичными соответствиями из украинского и белорусского языков: укр. *Вільному воля; Вільному воля, а бiшеному поле; Вільному воля, а спасенному рай; Вільному воля, скаженому поле, спасенному рай; Вільному воля, ходячому – путь*; белор. *Вольнаму воля, а шалёнаму поле; Вольнаму воля, дурному поле; Вольнаму воля, спасённаму рай; бешанаму поле, чорту балота; Вольнаму воля, святому рай; Вольнаму воля, а спасённаму рай*.

Резюмируя, можно предположить, что лапидарная пословица *Вольному воля* является результатом

конденсации двух более развёрнутых паремий. Она органично впитала в себя и их диалектический смысл: Человек свободен и спасётся (в христианском смысле, т. е. покаянием избавится от вечных мук после смерти – Колесов 2014, 2, 309), если живёт по воле Божьей, но вместе с тем своими собственными («ходячими») действиями проложит себе путь. Здесь явная переключка со смыслом другой известной русской пословицы – *На Бога надейся, а сам не плошай*.

Эту смысловую динамику, конечно же, не могли не прочувствовать и не выразить русские писатели и поэты. В нашем словаре «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.», идейным вдохновителем которого является А. М. Мелерович [Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016] и который издан в Костромском университете благодаря поддержке его Ректора А. Р. Наумова, мы попытались выразить её «шершавым языком» авторской лексикографии. Словарная статья, посвящённая этой пословице, – одна из самых кратких:

ВОЛЬНАЯ ВОЛЯ. Полная свобода делать, поступать, вести себя, как хочется.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь чёрными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы да огоньки?

А. Блок. *Вот явилась. Заслонила...*

* Выражение фольклорное, образованное характерным для народной речи повторением основы слова. Оно входит и в состав популярных пословиц, напр.: *Вольному воля, спасённому рай, Вольному воля, ходячему путь* и т. п.

В этом лапидарном тексте – симбиоз смысла русских представлений о *вольной воле*, симбиоз синхронии и синхронии, имплицитированной в этой пословице. *Вольная воля* А. Блока – и полная свобода воли, и, вместе с тем, то неодолимое и закрепощающее её влечение страсти, которое волю превращает в путы любви, свободную несвободу, по которой плачет и речной ветер, и гаснут в поле огоньки... Гаснут, но – *Спасённому рай, а Хожалому путь!!!* Всё-таки звенят бубенцы, вселяя надежду на то, что цель избранного пути будет достигнута.

Авторов статей, вошедших в этот сборник, тоже вдохновляет избранная нами *вольная Воля* – наша Фразеология. Пусть же доклады дистанционной Международной Конференции прозвучат в гостеприимной Костроме нашими фразеологическими бубенцами!

Литература

1. Bierich Alexander. Russische Phraseologie des 18. Jahrhunderts. Entstehung, Semantik, Entwicklung. (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Band 16. Hsg.: Baldur Panzer). – Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Bruxelles-New York-Oxford-Wien : Peter Lang Verlag, 2005. – 326 s.

2. Івченко 1996: Івченко А. О. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія. – Харків : Око, 1996. – 158 с.

3. Harry Walter, Valerij M. Mokienko: Urslawische Phraseologie: Mythos oder Legende? ... Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018. Herausgegeben von Sebastian Kempgen, Monika Wingender und Ludger Udolph (= Die Welt der Slaven. Sammelbände Sborniki 63). – Wiesbaden : Harrassowitz, 2018. – S. 331–340.

4. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М. : Высшая школа, 1980. – 207 с. ; 2-е изд. М., 1989. – 287 с.

5. Rak Maciej. Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór świątokrzyskich I Podtatrza (na tle porównawczym). – Kraków : SCRIPTUM, 2005. – 257 s.

6. Степанова Л. И. Очерки по чешской фразеологии. – СПб. : СПбГУ, 2003. – 207 с.

7. Ужченко В. Д. Образи рідної мови. – Луганськ : Знання, 1999. – 216 с.

Словари и справочники

Алефиренко, Золотых 2008: Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М. : Эллис, 2008. – 472 с.

Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В. М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотип. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 [2] с.

БФСРЯ 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

Івченко 1998: Івченко А. О. Історія та етимологія української фразеології: Бібліографічний покажчик (1864–1998). – Харків : Харк. іст.-філол. т-во, 1998. – 160 с.

Колесов 2014: Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. – Т. 1. А-О. – СПб. : Златоуст, 2014. – 592 с. – Т. 2. П-Я. – СПб. : Златоуст. – 592 с.

Королёва 2017: Королёва Е. Е. Диалектный словарь староверов Латгалии. Т. 1 (А-В). – Рига : Институт Староверия Латвии. – 2017. – 559 с.

Лепешаў 2004: Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2004. – 448 с.

Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016: Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Якимов А. Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под научн. ред.

В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – 528 с.

Мерк 1997: Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. – СПб., 1997. – 154 с.

Мих.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний / предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1994. – Т. 1 – 779 с.; Т. 2. – 580+250 с.

Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

Сим.: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собрал и приготовил к печати Павел Симони. – СПб., 1899. I–XIX + 216 с.

Сл. Акчим.: Словарь говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской области (Акчимский словарь). – Вып. 1–6. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького, 1984–2011.

СОРЯ XVI–XVII вв.: Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–8. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та : Наука, 2004–2019.

Спир. 1985: Спирин А. С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. – Ростов н/Д, 1985. – 208 с.

СПП 2001: Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; науч. ред. Л. А. Ивашко. 13 000 единиц. – СПб. : Норинт, 2001. – 176 с.

ШСП 2002: Школьный словарь живых русских пословиц / сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко ; гл. ред. В. М. Мокиенко, ред.: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. – СПб. : Нева : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 352 с.

Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010: Fink Arsovski Željka, Kovačević Barbara, Hrnjak Anita. Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima. – Zagreb : Knjižica, 2010. – 814 s.

Lichtenberg 2001: Lichtenberg Julia. Die bulgarischen Phraseologismen. Auswahlbibliographie mit einem Index zur Geschichte und Etymologie. (= Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Hsg. von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 8). – Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 2001. – 160 s.

Stěpanova 1998: Stěpanova Ludmila. Historie a etymologie českých rčení. – Praha : Karolinum – nakladatelství Univerzity Karlovy, 1998. – 132 s.

ОНИМЫ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В статье описываются основные типы и функции антропонимов в русских загадках, традиционных и современных. На широком материале выявляются сложившиеся принципы употребления антропонимов в загадках и новые тенденции их использования в современных текстах. Проводится мысль о том, что они-мы являются репрезентативными знаками для описания происходящих изменений в жанре загадки.

Ключевые слова: *онимы, антропонимы, традиционные загадки, современные загадки, функции, категоризация, концептуализация, типизация, прецедентные онимы, онимизация*

М. L. Kovshova

NAMES IN RUSSIAN RIDDLES: TRADITIONS AND INNOVATIONS

The paper deals with the essential types and functions of anthroponyms in Russian riddles, both traditional and modern. Based on extensive data, it reveals both the existing principles of use of human names in riddles and newer tendencies of their use in modern texts. The key observation is that of personal names being representative signs needed for describing current changes in the riddle as a genre.

Key words: *names, anthroponyms, traditional riddles, modern riddles, functions, categorization, conceptualization, typization, allusive names, onymization.*

Собственное имя всегда было в центре внимания исследователей языка и культуры [1; 3; 11; 12]. С конца XX века важным объектом этимологического, этнолингвистического, структурно-семантического анализа стали загадки; см., например, в: [2; 4; 5; 6; 8; 9]. Изучение антропонимов в загадках ведет к началам культуры, к мифологическому мышлению, согласно которому загадывание предметов в образах и именах человека связано с идеей превращения, лежащей в основе тождества противопоставляемых классов; об этом говорят исследования [10; 13; 14]. Загадка – интеллектуально-развлекательный жанр фольклора; короткий игровой текст, существующий в виде вопроса или утверждения, в котором дается усложненное описание одного предмета посредством описания другого на основе установления отдаленного сходства между ними [7]. Загадки хранят представления о быте и мировоззрении народа; мир в загадках описывается иносказательно, чтобы адресат сумел, опираясь на свои знания и проявив сообразительность, установить связь между образом в загадке и исходным, загаданным, предметом. Собственное имя в загадке, будь оно а) обычное; б) прецедентное, связанное с определенным текстом или событием, или в) вымышленное (вплоть до набора звуков), участвует прежде всего в звуковой организации текста, обеспечивая загадке рифму, ритм, размер. Несмотря на формальный характер выбора онимов при создании загадки и ее вариантов, собственные имена в загадках участвуют в категоризации мира, им принадлежит главенствующая роль в типизации существующих в мире реалий, «собирацию» конкретных реалий в определенный класс; также онимы принимают посильное участие в смысловом кодировании исходного денотата. Антропонимы в загадках выполняют особую, культурно-семиотическую, роль в концептуализации мира, осуществляя глубинную связь с мифологическим, религиозным, историческим слоями культуры.

Как правило, в текст загадки включаются онимы, подходящие по формальным признакам, тем самым выбор онимов для загадки произволен, но не бессмыслен – сама потребность в собственном имени как структурно-семантическом знаке загадки говорит о важности **онимизации** при загадывании реалий, это отвечает принципам антропоморфного описания мира, его персонификации в традиционной загадке. В противном случае вместо онимов придумывались бы бессмысленные словесные комплексы для заполнения пустого места ради рифмы или онимы в сборниках загадок писались бы со строчной буквы. Между тем картина мира в русских загадках представлена в лицах, у действующих лиц есть имена, и на всем существующем материале установлено, что онимы в загадках **не подвергаются апелляции**, а продолжают описывать предметный мир в антропоморфных образах с человеческими именами, перечень которых приведен в: [К 2019]. На первый взгляд, антропоним кажется избыточным, ненужным знаком, поскольку есть много загадок и без антропонимов в их составе. Ср.: *Уж как наш Тарас без ушей, без глаз, сам не ходит, а людей водит* (посох) [Р 1932, с. 368]; *Ни глаз, ни ушей, а слепцов водит* (палка) [Д 1957, с. 606]. Но антропоним является и первой подсказкой, что под именем человека скрывается нечеловек, загадано не «кто», а «что», а если «кто», то не человек, а животное. Антропоним настраивает на веселый игровой лад, на разоблачение. Окружающий мир, населенный именами, смотрится ближе и безопаснее, чем мир без людей и антропонимов. Ср.: *Стоит Фрол, и рот пол* (овин; *пол* – от *по-лый*, открытый) [Д 1957, с. 961]; *Стоит волчище, разинув ротище* [Д 1957, с. 961]. Кроме того, во многих загадках собственное имя – настоящее или вымышленное – фонетически и семантически соответствует загаданному денотату. Степень фонетического и смыслового подобия антропонимов в таких загадках очень высока, онимы являются наводящими, а порой и говорящими именами. Ср.: *Дедко Коттел*

много лет терпел, много душ кормил (горшок) [С 1876, № 344р].

Тем не менее характер использования онима как «строительного материала» превалирует. На формальный статус имени собственного в загадках указывают многочисленные варианты-антропонимы, которые используются для кодирования одного и того же объекта; ср.: *Сидит Ермошка на ложке, свесивши ножки* (лапша) [Р 1932, с. 296]. *Мирошка сидит на ложке, свесивши ножки* (лапша) [М 1968, с. 129]. И напротив, один и тот же оним участвует в загадках про самые разные объекты кодирования – для загадки важно, чтобы имя «вписалось» в стихотворный текст, подходило по ритму и размеру. Добавим, что в фольклоре, «склонном» к повторению формул, для загадывания разных реалий часто используется один и тот же текст; ср.: *Выгляну в окошко: Стоит долгий Антошка* (изба) [С 1876, № 20]. *Выгляну в окошко: Стоит долгий Антошка* (дождь) [С 1876, № 1997а].

Список антропонимов в традиционных загадках прибавляется вымышленными (антропоидными и звукоподражательными) именами: *Курган Курганович, Потатур, Рася, Нюра, Криканид, Муракин, Дрон Дронович сын Иванович* и др.; подробнее о формах и структурах онимов в русских загадках см. в: [7]. Ср., например: *Скрипит скрипица, Везёт девицу, спустя косицы: «Курган Курганович! Пусти ночевать! Вёдро будет – так ночку ночую, А не вёдро – так две и три»* (возят снопы к овину). *Едет скрипица, везёт кормилицу: «Свет Потатур, пусти ночевать, Пареньки-хватунки, Молодушки-поскребушки, А девушка-ползушка»* (возят снопы к овину). *Лежит Рася, растеняся; Яков станет – небо достанет* (дорога). *Вышла Нюра из своей конюры, спрашивает царя Криканида: «Что царь Муракин делает?»* – *«Отдыхает на пещоре, силу копит»*. *Пошла Нюра в свою конюру* (мышь спрашивают у петуха, где кот) [К 2019, с. 98, 108, 109].

Как правило, в традиционных загадках употребляются обычные антропонимы, крайне редко используются прецедентные имена, а именно мифонимы, агнионимы, исторические онимы; ср.: *Пришёл Кащей без весты, ел барана без кости, Кашей сът и баран цел* (ребёнка кормят грудью) [М 1968, с. 52]; *Какого животного в Ноевом ковчеге не было?* (рыбы) [С 1876, № 2433]; *Помер Адам – ни богу, ни нам: ни душа на небо, ни кости в землю* (разбитый горшок) [Д 1957, с. 602]; *На поле Романовом много всего и скота рогатого, один пастушок ровно жемчужок* (царь) [М 1968, с. 157]. Прецедентное имя «приходит» в загадку со своим культурным «багажом» и служит важным смысловым элементом (как в примерах, приведенных выше). Однако чаще прецедентные имена оказываются обманкой, служат шутивным приемом в языковой игре; ср.: *Что делал слон, когда пришел Наполеон (на поле он)?* [К 2019, с. 102]. *Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин в сапогах?* (по земле) [К 2019, с. 93]. Тем не менее шутивный ход не «снимает» референции прецедентного имени к культурному знанию, которая осуще-

ствляется слушателем в первый момент восприятия загадки-шутки.

В традиционных загадках антропонимы выполняют важнейшие знаковые функции характеристики и типизации предметов, их обобщения в класс; в загадке кодируется не конкретный предмет, а представитель класса предметов – по признакам, свойственным всем предметам данного класса. На обобщение и типизацию с помощью онимов в загадках указывает наличие нехарактерной для онима формы множественного числа и гендерных вариантов онимов; ср.: *Летят ягоды лимоны, подбирают Харитоны (жёлуди и свињи)* [Д 1957, с. 965]. *Пришёл Паня в красном сарафане; кто будет задевать – будет плакать и рыдать* (лук) [Р 1932, с. 112]. *Пришла Паня в красном сарафане. Как стали раздевать – давай плакать и рыдать* (лук) [ЗНР 1999, с. 75]. При этом антропоним не становится индексом класса предметов и сам по себе не ведет к отгадке, поскольку выбор его обычно обусловлен звуковыми (реже – смысловыми) качествами и для отгадывания исходного денотата важен сюжет загадки в целом. Так, имя *Мария* (и его формы) не включает в себе отсылки к таким классам предметов, которые под этим именем загадываются: роса, молния, кошка, курица, соль, потолочная балка, потолок, дверь, помело и т. д. Ср., например: *Две Марьи, две Дарьи, вместе не сойдутся и врозь не разойдутся* (двери); *Что в избе за белая Марья?* (соль); *Марья в избе, рукава во дворе* (потолочная балка в избе) [К 2019, с. 96].

Необходимо сказать несколько слов и про онимы в отгадках. Отгадки с антропонимами встречаются исключительно в загадках, построенных на языковой игре; ср.: *Какой человек бывал рыбой, а какой рекой?* (Карп и Нил) [М 1968, с. 160]. Есть единичные примеры с церковно-календарными именами в отгадках; ср.: *Кто в пятнадцать лет раз именинник?* (Касьян) [С 1876, № 2367]. Но прежде всего в качестве отгадок выступают агнионимы – прецедентные имена из библейских текстов и легенд; ср.: *Был человек живой положен в живую могилу, могила с ним три дня ходила* (Иона) [М 1968, с. 153]. В традиционных загадках загадываются не столько библейские персонажи, сколько связанный с ними сюжет; ср.: *Пошёл посол нем, принёс грамоту не писану, подал читать неучёному* (голубь, ветка, Ной) [Д 1957, с. 52]. Агнионимы в отгадках позволяют проверить знание библейских текстов и основных постулатов; ср.: *Кто родился и ни разу не умер?* (Илия, Енох и все живые люди) [Д 1957, с. 53]; *Кто родился – тот не умер; кто не родился – тот умер* (Енох и Адам) [Р 1931, с. 169]; *Кто с богом боролся?* (Иаков) [С 1876, № 2285]; *Кто отцу отцом был?* (Иосиф, крестивший отца) [Д 1957, с. 53]. Отгадываются не обычные имена, а имена, насыщенные культурным содержанием, и потому в отгадках прецедентные имена проявляют присущее им свойство – быть индексом «сжатого» текста культуры.

Начиная с прошлого века в силу исторических, социальных и культурных перемен, с утратой прежних реалий крестьянского быта, с влиянием

литературы на жанры фольклора и т.д. традиционные загадки перестали прирастать многочисленными, как в былые времена, текстами и их вариантами. Тем не менее, традиционные загадки по-прежнему широко бытуют, поскольку публикуются в детских сборниках и на сайтах, используются в играх, к ним прибегают в педагогической и учебно-методической практике. В сборниках или на сайтах традиционные загадки, как правило, располагаются по тематическому или возрастному принципу, при этом перемешиваются с современными загадками – литературно-авторскими и любительскими. Современные загадки отличаются краткостью и предельной простотой описания, легкостью в отгадывании, что во многом обеспечивается отгадкой по рифме; ср.: *Синяя косынка, тёмненькая спинка. Маленькая птичка, звать её* (синичка) [<http://pozdravleniya.biz/zagadki/ptici/22.html>]. По сравнению с такой загадкой, текст традиционной загадки богаче по метафорике, разнообразнее в стратегиях кодирования исходного денотата; ср.: *Шитовило-битовило по-немецки говорило, Спереди шильце, сзади вильце, Ис-под бело полотенце, Сверху синенько суконце* (синица) [М 1968, с. 44]. Современные загадки легко узнать по скудному плохому языку и примитивному сюжету; ср.: *Оранжевый фрукт похож на мячик, но съедобен и не скачет* (апельсин) [Т 2019, с. 22]; *А ну-ка, ребята, кто угадает: На десять братьев двух шуб хватает* (варежки) [http://zagadka.yaxy.ru/zagadki_pro_ovoshi.html]; *Носит серенький жилет, Но у крыльев – чёрный цвет. Видишь, кружат двадцать пар И кричат: – Карп! Карп! Карп!* (ворона) [<http://riddle-middle.ru/zagadki/44>].

Однако наиболее кардинальные отличия наблюдаются в современных загадках, в состав которых входят антропонимы. Это уже не те имена, которые так украшали собой традиционную загадку. «Обнищали» сами формы онимов: не используются таутонимы, в том числе формы с терминами родства (*Иван Иванович; Макар Макарович; Тын Тынович, Сын Иванович*); не привлекаются (и не придумываются) притяжательные формы собственных имен, в том числе народные прозвищные фамилии (*Елеси-ха; Тарасова жена; Шмарины ребята*); не развивается вариативность имен (как были в загадках про гриб *Тимошка, Мирошка, Антошка* и нек. др., так и остались, другие не появились); исчезли мифологические идентификаторы (*Мыр-царь; царь Кукурей; шут Матвей; птица Веретеница*); исчезли квалификаторы-подсказки (*тонкий Антошка; сальная Марфушка; сухой Матвей*).

Данные изменения обусловлены тем, что в текстах современных загадках сложилась иная перспективизация антропонима. В традиционной загадке антропоним использовался для кодирования исходного денотата, для его маскирования. Человеческое имя было маской, но и подсказкой «от противного», и слушатель понимал – под именем человека спрятано что-то иное, нужно отгадать подлинное имя. Так, в традиционных загадках с помощью онима *Андрей* кодируются реалии, причем самые разные: овин, язык во время еды, жёлуди, гумно,

части саней и др.; ср., например: *Стоит Андрюха, набитое брюхо* (овин) [Д 1957, с. 961]; *Костяшка сечёт, деревяшка везёт, Андрюшка поворачивает* (зубы, ложка, язык во время еды) [М 1968, с. 128]. В современной загадке антропоним **никогда не кодирует исходный денотат**, а используется **исключительно для называния персонажей второго плана** – детей или (реже) взрослых, по сути – наблюдателей в «театре» загадки. Эти лица, как правило, кореферентны адресату – детской аудитории; ср.: *– Вот так лошадка! – воскликнул Андрейка. – Слово большая тетрадка в линейку!* (зебра) [К 2019, с. 62]. Антропоним в составе современной загадки превратился в фатический элемент дискурса, став средством для установления контакта с детской аудиторией. Ср.: *Громко спрашивает Катя: «Что за “зебра” на асфальте?» Удивляется и Нина: «Мы идём по пианино»* (пешеходный переход) [К 2019, с. 103]. *Даша ягоду жуёт, почернел у Даши рот. Что за ягода у Даши, ну-ка, кто мне назовёт?* (черника) [К 2019, с. 72]. Согласно изменившейся в современных загадках перспективизации, для называния персонажей употребляются только обычные имена и их диминутивные формы (*Катя, Даша, Петя, Иришка, Коля, Галочка, Ксюша*). В редких случаях оним сопровождает «апеллятивный конвой» (*тётя Надя*), еще реже в сочетании с онимом используются квалификаторы: *Нарядный Серёжка, на груди – дорожка* (галстук) [К 2019, с. 111].

Итак, в современной загадке антропоним не выполняет своего былого предназначения – кодировать основной объект. Оним в современных загадках выполняет функцию именования обобщенного персонажа – стороннего наблюдателя в сюжете загадки. Если в традиционной загадке с помощью антропонимов ярко представлена картина окружающего мира «в лицах и в именах», то в современной загадке объекты загадывания уже не называются именами человека и тем самым отдалились от него.

Кардинальные изменения произошли также у прецедентных онимов в отгадках. Так, в традиционных загадках никогда не загадывались имена сказочных персонажей, например *баба Яга, Кощей Бессмертный, Колобок, сестрица Алёнушка, братец Иванушка, Василиса Прекрасная* и др. В отличие от этого, излюбленным предметом современных загадок являются имена хорошо известных персонажей литературных сказок, киносказок и мультфильмов, как отечественных, так и зарубежных. Ср.: *Бабушка внучку очень любила. Шапочку красную ей подарила. Девочка имя забыла своё. А ну, подскажите имя её* (Красная Шапочка). *Шла она в мороз, метели, о еде забыв, постели. Шла она на помощь другу. Как зовут его подругу?* (Герда). *Дочь царя морей Тритона не сидит, скучая, дома. Только ей на дне морском каждый уголок знаком. Отгадай-ка поскорей, как звать принцессу?* (Ариэль) [К 2019, с. 128, 125, 124]. Ответ в современной загадке часто подсказывается самой рифмой; ср.: *Уверенный в себе, хоть неумейка, и от природы он большой зазнайка, а ну-ка, угадать его сумеи-ка, известен всем под именем...* (Незнайка) [К 2019, с. 129]. Отметим также излюблен-

ный обманый ход в современной загадке – неожиданное нарушение рифмы. Ср.: *С голубыми волосами и огромными глазами, эта куколка – актриса, а зовут её...* (Мальвина) [К 2019, с. 129]. Справедливо ради отметим, что в современных отгадках нередко попадаются мифонимы, а на православных сайтах для детей создаются новые загадки про агионимы. Но и эти тексты с прецедентными именами страдают типичными недугами современных загадок – скудный и плохой язык, примитивный сюжет, излишняя легкость в отгадывании, рифмованные подсказки; ср.: *Он приходит в зимний вечер зажигать на ёлке свечи. Бородой седой оброс, кто же это?...* (Дед Мороз) [К 2019, с. 126]; *Змей успел шепнуть жене, / Что познать они с Адамом/ Могут и добро, и зло. / Вот уж вправду «повезло», / Что растёт в Едеме древо! / Плод с него и съела...* (Ева) [<http://mozhblag.prihod.ru/2015/02/20/detskie-pravoslavnie-zagadki/>].

Выводы. Антропонимы в загадках выполняют важнейшую когнитивную и культурную функцию категоризации и концептуализации окружающего мира. Они в загадках не подвергаются апеллятивации, что говорит об их значимости в структуре загадки. Прецедентные онимы в отгадках служат индексами культурной информации, которая «вплетена» в семантику загадок. В традиционных загадках с помощью онимов семиотизируется идея тождества всего существующего как возникшего из единого источника создания мира; в современной загадке прием онимизации утрачивается. Переход онима с основного объекта загадывания на второстепенный предмет свидетельствует о частичной деформации антропоморфной картины мира, какой она запечатлена в традиционной загадке.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Бугаева И. В. Агионимы в ономастическом пространстве русского языка // Известия на Научен център «Св. Дасий Доростолски». – Силистра : Русенски университет «Ангел Кънчев», 2006. – С. 78–87.
3. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М. : Академия гуманитарных исследований, 2005. – 224 с.
4. Головачева А. В. К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. – М. : Индрик, 1994. – С. 195–213.
5. Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. – М. : Наука, 1989. – 128 с.
6. Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок // Паремииологический сборник – М., 1978. – С. 249–282.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

8. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань, 1964. – С. 98–108.

9. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М. : Наука, 1978. – С. 283–314.

10. Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. – М. : Индрик, 1994. – С. 143–177.

11. Пеньковский А. Б. Семантика имен собственных // А.Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 311–413.

12. Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика: Сборник научных трудов. – М. : Наука, 1970. – С. 7–17.

13. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. – М. : Индрик, 1994. – С. 10–117.

14. Фролова О. Е. Числовой код в загадке // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. – М. : URSS, 2013. – С. 500–507.

Словари и справочники

Д: Даль Вл. Пословицы русского народа. – М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1957. – 990 с.

ЗНР: Загадки народов России / Сост. Климова Т. – М. : РОСМЭН, 1999. – 93 с.

К: Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.

М: Митрофанова В. В. Загадки. – Л. : Наука, 1968. – 164 с.

Р: Рыбникова М. А. Загадки. – М.-Л., 1931. – 488 с.

С: Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1876. – 345 с.

Т: Трясоруква Т. П. Загадки, считалки, скороговорки для детского сада. – Ростов н/Д : Феникс, 2019. – 125 с.

Источники

[1] URL: <http://pozdravleniya.biz/zagadki/ptici/22.html> (дата обращения: 04.05.2020).

[2] URL: http://zagadka.yaxy.ru/zagadki_pro_ovoshi.html (дата обращения: 04.05.2020).

[3] URL: <http://riddle-middle.ru/zagadki/44> (дата обращения: 04.05.2020).

[4] URL: <http://mozhblag.prihod.ru/2015/02/20/detskie-pravoslavnie-zagadki> (дата обращения: 04.05.2020).

Л. Б. Савенкова
(Россия, Ростов-на-Дону)

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОБРАЗОВАНИИ СОСТАВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В РУССКИХ ДОНСКИХ ГОВОРАХ

Предпринимается попытка выявления особенностей использования иноязычного материала в деривации составных языковых знаков в условиях диалекта по сравнению с литературным языком. Утверждается, что заимствования входили в их состав главным образом на уровне деривационной базы. При этом непосредственно в разговоры попадали лексемы из языков, носители которых проживали на одних территориях с казаками или даже входили в их число. Заимствования из западноевропейских языков входили во фразеологию разговоров через посредничество общенародного русского языка.

Ключевые слова: русские донские разговоры, составной языковой знак, фразеологическая единица, паремия, устойчивое номенклатурно-терминологическое словосочетание, лексическое заимствование, деривация.

L. B. Savenkova

THE ROLE OF BORROWINGS IN DERIVATION OF COMPOUND LANGUAGE SIGNS IN RUSSIAN DON DIALECTS

An attempt is made to identify the features of using foreign language components in the derivation of compound language signs in a dialect in comparison with the literary language.

Keywords: russian don dialects, compound linguistic sign, phraseological units, proverbs and sayings, set phrases, nomenclature, lexical loanwords, derivation.

Изучая процессы фразообразования, ученые давно обратили внимание на использование иноязычий в качестве строительного материала составных языковых знаков. Однако в монографических трудах, как правило, речь идет о системном исследовании деривационных процессов при формировании и развитии фразеологической подсистемы общенародного языка, см., например, [2; 7; 18; 16] и др., а работы по диалектной фразеологии обычно сосредоточивают внимание на ее структурно-семантическом, грамматическом, лингвокогнитивном или лингвокультурном своеобразии (см. [17; 9; 11; 15; 10] и мн. др.). Исключение составляют работы И.А. Подюкова [13; 14], в которых отмечается воздействие на фразообразовательные процессы в языках малых народностей – удмуртском, коми-пермяцком, коми-зырянском – диалектной речи русского (наиболее широко распространенного) в условиях «вынужденного» билингвизма. Однако не менее значим вопрос впитывания диалектной фразеологией основного распространенного языка единиц иных языков, использования их в составе деривационной базы.

Цель настоящего исследования – выявить характер иноязычий в структуре составных языковых знаков в русских донских говорах и их роль как элемента деривационной базы.

Материалом служат разнотипные диалектные устойчивые выражения: 1) устойчивые номенклатурно-терминологические словосочетания [17, с. 29] (далее – УНТС), выступающие в чисто номинативной функции, 2) фразеологические единицы (далее – ФЕ), в логическом плане соотносимые с понятием, в структурно-семантическом – отвечающие трем предложенным В. В. Виноградовым структурно-семантическим типам (фразеологическому срещению, фразеологическому единству, фразеологиче-

скому сочетанию [6]), а функционально – сочетающие номинативную функцию с оценочно-характеризующей, 3) устойчивые словесные комплексы паремийного типа, логически более сложные, чем понятие, служащие ценностными маркерами типовых ситуаций и отношений. Источниками выборки послужили «Большой толковый словарь донского казачества» [БТСДК] и приложения к двум диссертациям, посвященным донской диалектной фразеологии, – Л. К. Алахвердиевой [1] и Е. В. Брысиной [4]. Всего было выявлено 311 составных знаков с фразеологическими или лексическими заимствованиями в составе деривационной базы (*ситцевый арбуз* ‘сорт арбуза’ [БТСДК, с. 486]; *сук да дрюк да валенок-бирюк* [БТСДК, с. 518]; *презойти в алкогोलю* ‘стать пьяницей’ [БТСДК, с. 415]; *Плохой баз – казак в глаз* [4, с. 496] и т. д.).

Наблюдения над материалом позволяют утверждать, что, в отличие от литературного языка, межсистемной транспозиции (термин Ю. А. Гвоздарева [7, с. 165]) фразеологического типа в материале почти не обнаруживается, за исключением, пожалуй, небольшой периферийной группы: *хабур-чибур, хала-мала, халям-балям*, по поводу части которых все же нет полной уверенности, заимствования это или образования по известной модели. По крайней мере, на вторую версию наталкивает единица *харчи-марчи* ‘Ирон. съестные припасы, полевые продукты’ [БТСДК, с. 554] с известным и древнерусскому, и украинскому языкам лексическим компонентом *харчи*, который М. Фасмер возводит к «тур., араб. *ḫardž* “доход, хозяйственные расходы”», [ЭСРЯ, т. 4, с. 225]. Кроме того, есть отдельные УНТС – составные наименования растений, которые, как представляется, попали в донские разговоры в готовом виде из украинского языка, – *алимонная мята* и *петров батиг/батыг/батог* (ср. *лимонна м'ята, петр'ів*

bat'ix, петровий бат'ig [8, с. 29, 30]). СРНГ не фиксирует номинацию *лимонная/алимонная мята*, между тем в варианте *лимонная мята* оно есть в западных (южно-бессарабских) говорах Украины. Диалектное составное наименование цикория в русских говорах отмечено только с существительными в формах *батог, батоги, батожок* (СРНГ предлагает их со ссылкой на В. И. Даля и подчеркивает, что тот дает номинации «без указания места» [СРНГ, вып. 2, с. 145]), форма же *батиг*, отмеченная в БТДСК, – украинская.

По преимуществу в деривационную базу диалектных составных языковых знаков включаются заимствования лексического уровня, но их использование не в каждом случае может квалифицироваться как следствие прямых контактов диалектоносителей с носителями других языков.

В анализируемом донском материале 64 % устойчивых выражений с лексемами иноязычного происхождения, очевидно, должны расцениваться как унаследованные из общенародного языка или из других (первичных) русских говоров. Так, в выборке единиц со словом *вентерь*, пришедшим в русский язык из литовского [ЭСРЯ, т. 1, с. 292] семь УНТС называют разновидности рыболовной снасти (*вентерь бескательный, вентерь двукрылый, вентерь донный, вентерь кательный, вентерь однокрылый, вентерь полойный, вентерь топлый*) и одно устойчивое сравнение – *поворачиваться как сом в вентере* имеет значение ‘делать что-л. лениво, вяло, быть неповоротливым’ [БТСДК, с. 374]. Бытование лексем *вентер* и *вентерь* для обозначения рыболовной снасти в разных говорах (см. [СРНГ, вып. 4, с. 115–116]) позволяет заключить, что само существительное досталось донским говорам «по наследству», но, вероятно, уже бытуя в них, оно стало основой для ряда местных составных языковых знаков. К примеру, сочетание *полойные вентера* в СРНГ [вып. 29, с. 108] дается исключительно с пометой *дон.*, а сочетание *топый вентерь* вообще отмечается только словарями донских говоров. Значение последнего выражения в БТСДК [с. 71] не конкретизируется, но из иллюстративного материала понятно, что оно обозначает снасть, которая притапливается, удерживается на глубине с помощью камня, при том что в других говорах прилагательное *топый* выступает в нетождественном значении – «затонувший, пролежавший некоторое время в воде (о дереве, бревне, дровах и т. п.)» [СРНГ, вып. 44, с. 248]. Правда, факт позднего (в XX в., то есть в эпоху активного обмена информацией) создания подробных диалектных словарей не позволяет однозначно утверждать, что все вышеперечисленные УНТС возникли именно в донских говорах: отсутствие данных единиц в других диалектных словарях может свидетельствовать и о простом восприятии их лексикографами не как территориальных диалектизмов, а как профессионализмов. Так, УНТС *донный вентерь* нет в СРНГ, зато оно попало в качестве специальной номинации в формулировку темы диссертации, описывающей Дальний Восток [5].

Сомнителен даже однозначный ответ о путях проникновения в донские говоры лексем иноязычного происхождения *казак* и *атаман*. Ученые указывают в качестве времени формирования самих этих говоров XVI–XVII вв., а слово *казаки* в значении «представители вольной военной общины с особым самоуправлением» (вряд ли связанное с обозначением объединения именно русскоговорящих) зафиксировано в уверенном употреблении раньше, в тексте 1445 года: «Тое же весны царь Махметъ и сынъ его Мамутякъ послали въ Черкасы по люди, и прииде къ нимъ двѣ тысячи *казаковъ* и, шедше, взяша Лухъ безъ слова царева» [СРЯз XI–XVII, вып. 7, с. 15]. Видимо, слово действительно вошло в донские говоры на этапе их формирования. Но взяли ли его русскоязычные жители Подонья в качестве самоназвания по аналогии уже из общенародного русского языка или его стали употреблять в такой же функции русскоговорящие участники тех самых вольных общин (тогда слово пришло в донские говоры через украинский из польского, куда оно попало из тюркских языков (см. [ЭСРЯ, т. 2, с. 158]), сказать сложно. Между тем в донских говорах существительное вошло в деривационную базу и паремий (*Казак без лошади что рыбак без лодки; Казак работает на быка, а бык на казака*), и ФЕ (*ни хохол ни казак*), и УНТС (*наряженный казак; верховые казаки; низовые казаки*). Активно и образование составных языковых знаков с его русскими дериватами: *казачья вода; казачий рассол; У ленивой казачки и печь не пекѣт, и вода не текѣт; Худой казачишко, а бабе плетнишко* и др.

Включение в структуру донских диалектных составных языковых знаков заимствований из европейских языков происходило в основном благодаря а) православию (*богатая кутья, носить свой ангел* и др.), б) казачьей службе (*становая квартира, не обираться во фронте* и др.), включая и то, что заполняло досуг казаков (ср. обозначения карточных игр: *в барбу играть* (французская карточная игра «Barbu», см. [3]), *в рамус играть* (английская карточная игра «Rams» [ССРЛЯ, т. 12, с. 578]) и др., в) постепенному проникновению в донской казачий обиход различных предметов и понятий, изначально находившихся за порогом внимания носителей донских говоров, но привлечших его вследствие активизации внешних контактов казаков с неказаками: *бабушкин букет* ‘любимчик’ [4, с. 475], *поддерживаться культуры* ‘вести себя культурно, излагать правильно свои мысли и др.’ [БТДСК, с. 378], *принять в каприз* ‘обидеться’ [БТДСК, с. 401] и др.

Общение с этническими соседями на донских и граничащих с ними территориях обусловило вовлечение в процессы деривации составных языковых знаков тюркских (*смотреть бирюк бирюком, строевой табун, тереть бузу, кубган не варит* и т. д.), монгольских (*глазкий как мерин, Батыев Путь*), калмыцких (*разгульный баз, холостой баз, вкатной сарай, закупной сарай* и др.) заимствований-существительных. Особенную активность в качестве языка-донора для русских донских говоров играл украинский язык, ср.: *сухой борц; дать рахунку; оба*

цобе и др. Мнение о соответствующем происхождении каждого слова излагается с опорой на этимологические словари [ЭСРЯ; ИЭС; КЭСРЯ]. Однако речь идет не об определении языка-источника при заимствовании слова в общенародный язык, а о том, от кого могли перенять слово или выражение носители донских говоров. Так, существительное *буханка* в составе ФЕ на *белые буханки (приехать, прибыть)* 'на легкий труд' [БТДСК, с. 64] в словаре М. Фасмера квалифицируется как заимствование из польского, восходящего к средневерхнемецкому *vochenze, fochenz* «вид пирога, белый хлеб» [ЭСРЯ, т. 1, с. 254]. Но для деривационного процесса упомянутой ФЕ важно, что в форме *буханка* слово существовало не в вышеназванных языках, а в украинском [ЕСУМ, с. 276]. Еще одна ФЕ, *николаевский кавалер*, в донских говорах имеет значение 'старый холостяк' [БТДСК, с. 322]. В других говорах такое выражение не фиксируется, а само опорное существительное отмечается только со значением 'солдат' [СРНГ, вып. 12, с. 289]. В словаре В.И. Даля круг его значений шире: «пожалованный орденом, орденом знаком отличия. || В обществе, сборищах обоего пола, особ. для плясок, мужчина, противоп. *дама*. || Почетное прозвище солдата вообще» [ТСЖВЯ, т. 2, с. 70]. Обращение к украинскому языку обнаруживает, что слово *кавалер* (вариант *ковáлiр*) в кругу своих значений имеет и значение 'холостяк' [СУМ, т. 2, с. 208], поэтому можно предположить семантическое калькирование. Конечно, в донских говорах ударение, как и в русском литературном языке, оказывается не на втором, а на последнем слоге, поскольку слово в такой огласовке, хотя и в ином смысле, было хорошо знакомо в военной казачьей среде. Кстати, некоторое право на существование имеет гипотеза, связывающая мысль о номинации старого холостяка *николаевским кавалером* с фактом существования в Санкт-Петербурге военного учебного заведения, которое с 1864 года именовалось *Николаевским кавалерийским училищем*. Дело в том, что с 1890 года при нем была сформирована казачья сотня, которую называли царской. Казак, поступавший в училище, в силу юного возраста был холостым и таковым, будучи на службе, мог оставаться долго. В октябре 1917 года училище было расформировано и на российской почве более не возрождалось (см. об этом [18]). Кажется вполне вероятной ассоциация на основе паронимической аттракции, связывавшая представления о казаке, начинавшем службу еще в царское время, после окончания *Николаевского кавалерийского училища*, и *кавалерехолостяке*, которая и могла породить анализируемую единицу. Не случайно данное выражение, судя по известным лексикографическим источникам и материалам Национального корпуса русского языка, более нигде не известно. Не фиксирует его и «Донской словарь» А.В. Миртова 1929 года [ДС]. Видимо, выражения тогда еще не существовало, ведь к этому времени казаки, прошедшие обучение в Николаевском кавалерийском училище, еще не могли расцениваться как женихи-перестарки, зато позже, вспоминая, что кто-то окончил еще Николаевское учи-

лище (которого уже нет), но до сих пор не обзавелся семьей, казаки могли расценивать его как старого холостяка. Правда, у данной гипотезы есть и одно слабое место. В СДГВО выражения *николаевский кавалер* нет, зато зафиксирована ФЕ *николаевская / николаевская девка* с значением 'старая дева' [СДГВО, с. 135]. В БТСДК также есть эта ФЕ, кроме того, отмечается и синонимичное выражение, созданное по той же модели, – *девка Петра Первого* [БТСДК, с. 128]. Существование явно однотипной тройки выражений заставляет склониться к версии о том, что определение *николаевский* должно просто отослать к эпохе царя Николая (неизвестно лишь, Первого или Второго). Тогда *николаевский кавалер* – 'холостяк, чья молодость пришлась на царствование Николая'. Но при любой интерпретации внутренней формы прилагательного значение лексемы *кавалер* следует расценивать как факт семантического калькирования украинского слова.

Бытовые контакты казаков как носителей русского языка с инородцами отражают общую повседневность людей, проживающих на одной территории и ведущих схожую хозяйственную деятельность. Так, в структуру составных языковых знаков, зафиксированных в донских говорах, вошли иноязычные названия культивируемых или используемых в хозяйстве и народной медицине дикорастущих растений: *дикая роза* (из укр.), *зеленый как рута* (из польск.), *белый катран* (из тат.), *татарский кермек* (из тат.), *поднести гарбуз* (из укр.), *куга зеленая* (из казах.) и т. д.; наименования построек и сооружений: *позёмная хата* (из укр.), *скитаться по чужих хатах* (из укр.), *своему куреню голова* (из чагат.), *согнать с базу* (из калм.), *высохнуть на бугун* (из тюрк.) и др.; разнообразных хозяйственных реалий: *хоть кизеки режь* (из тюрк.); *как калмыцкий чугун* (из калм.); *ни цоб ни цобе* (из укр.), *ходить как лошадь на чигире* (из чагат. / тат.); названия продуктов и блюд: *махан сбыть* (из калм.), *высушить сердце на балык* (из тюрк.), *тереть бузу* (из тюрк.), *отливной каймак* (из тюрк.), *порточная сюзьма* (из тур.), *сухой борщ* (из укр.), *ломаться как аржаной кныш* (из укр.) и др.

Функционирование составных языковых знаков неизбежно влечет за собой возможность их варьирования, при этом в донских говорах сосуществуют единицы с исконным и заимствованным компонентом, ср.: *белая тыкла / белый кабак; бирючья / волчиная ягода; брачный бал / вечер; вьесться в кобаргу / в холку*. Это может свидетельствовать как о влиянии на диалект общенародного русского языка с его пластом заимствованной лексики, так и о лексических предпочтениях, связанных с этническим составом населения в отдельных местностях. К сожалению, определить, какие варианты могут расцениваться как первичные, мешает отсутствие их письменной фиксации.

Равным образом существуют и пары единиц, где одно заимствование соперничает с другим: *повесить лапти на телефон / телеграф; не дать рахубы / рахунку; калган / кубган не варит* и др.

В целом можно заключить, что при формировании пространства составных языковых знаков русских донских говоров непосредственно в донские говоры входил лексический материал из украинского, тюркских, монгольского, калмыцкого и некоторых других языков, носители которых либо проживали рядом с казаками, либо ассимилировались с ними. Западноевропейские заимствования входили в этот слой языковых знаков казачьих говоров через посредничество общенародного русского языка.

Литература

1. Алахвердиева Л. К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 242 с.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. – Л. : Наука, 1970. – 261 с.
3. Барбу (Бородатые) // Карточные игры. – URL: http://www.durbetsel.ru/2_barbu.htm (дата обращения: 07.02.2020).
4. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003. – 543 с.
5. Васильев В. В. Обоснование техники и тактики промысла объектов шельфовой зоны донными вентерями с гибким каркасом: дис. ... канд. техн. наук. – Владивосток, 2002. – 162 с.
6. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
7. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д : Логос, 2010. – 246 с.
8. Дакі О.А. Фразотворення як спосіб номінації дикорослих рослин в українських південнобессарабських говірках // Вісник Житомирського державного університету. – 2011. – Вип. 58. – Філологічні науки. – С. 28–31.
9. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Л. : ЛГУ, 1981. – 111 с.
10. Кипарисова С. О. Рязанская диалектная фразеология : дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2019. – 370 с.
11. Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. – В. Новгород, 2012. – 355 с.
12. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.
13. Подюков И. А. О локальных особенностях пермской диалектной фразеологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 5(11). – С. 18–22.
14. Подюков И. А. Русская диалектная фразеология Прикамья в финно-угорском освоении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 4(20). – С. 7–14.
15. Сироткина Т. А. Диалектная фразеология как отражение концептуализации действительности // Северный регион: наука, образование, культура. – 2016. – № 1(33). – С. 150–152.
16. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук. – Ярославль, 2011. – 379 с.
17. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск : Наука, 1980. – 192 с.
18. Шкот П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1898. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. – 265 с.

Словари и справочники

- БТСДК*: Большой толковый словарь донского казачества / ред. коллегия: Дегтярёв В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н., Сердюкова О. К. – М. : ООО «Русские словари»: Астрель, 2003. – 608 с.
- ДС*: Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов н/Д, 1929. – 416 с.
- ЕСУМ*: Етимологічний словник української мови / опрац. Я. Б. Рудницький. – Вінніпег: Українська вільна академія наук, 1972. – Т. I. – 968 с.
- ИЭС*: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – М. : Русский язык, 1993.
- КЭСРЯ*: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
- СДГВО*: Словарь Донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун ; под ред. Р. И. Кудряшовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Волгоград : Издатель, 2011. – 704 с.
- СРНГ*: Словарь русских народных говоров. – М.-Л. : Наука, 1965. – В. 1–51.
- СРЯз XI–XVII*: Словарь русского языка XI–XVII веков. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1–30.
- ССРЛЯ*: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- СУМ*: Грінченко Б. Словарь української мови. – Т. II. 3–Н. – Київ: Б/и, 1908. – 574 с.
- ТСЖВЯ*: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
- ЭСРЯ*: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1986–1987.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСЕ

В статье освещаются проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсивном аспекте. Рассматриваются особенности научного дискурса как одного из институциональных дискурсов, выявляются экстралингвистические признаки, обуславливающие функционирование в нём фразеологических единиц в языковом и трансформированном виде.

Ключевые слова: научный дискурс, институциональный дискурс, экстралингвистические факторы, фразеологизмы-идиомы, фразеологические трансформации.

I. U. Tretiakova

PROBLEMS IN STUDY OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE DISCOURSE

The article reveals problems in studying phraseological units in the discursive aspect. The analysis discloses peculiarities of the scientific discourse as one of the institutional discourses and it defines extralinguistic features which determine usage of phraseological units in their usual or transformed form.

Keywords: scientific discourse, institutional discourse, extralinguistic factors, idioms, phraseological transformations.

Последние десятилетия ознаменовались появлением в отечественной фразеологии большого количества работ, авторы которых позиционируют себя как исследователи фразеологизмов в новой, антропоцентрической, парадигме, и в первую очередь – как исследователи фразеологизмов в различных дискурсах. Дискурсивный подход выявляет, на наш взгляд, несколько проблем, без решения которых изучение фразеологической единицы (далее ФЕ) в новом аспекте вызывает трудности.

Как известно, термин «дискурс» понимается по-разному – в зависимости от подходов к изучению языка. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами», как «речь, погружённая в жизнь» [1, с. 136]. Дискурсивное направление в лингвистике предполагает, помимо изучения текста как такового, исследование внешних условий, влияющих на порождение и осуществление текста / речи.

Известный российский лингвист В. И. Карасик, развивающий социолингвистическое направление в дискурсологии, считает, что анализ дискурса должен осуществляться с учётом динамической модели языка, которая основывается на коммуникации, то есть совместной деятельности людей, стремящихся целенаправленно выразить свои чувства, обменяться идеями, опытом, повлиять друг на друга [3, с. 186]. Мнение о подходах к изучению дискурса высказал и Б. М. Гаспаров, назвавший дискурс «языковым существованием», считавший необходимым учитывать при анализе дискурса следующие обстоятельства: коммуникативные намерения автора, взаимоотношения автора и адресатов, всевозможные внешние обстоятельства, общие идеологические черты, жанровые и стилевые черты, множество ассоциаций с предыдущим опытом [3, с. 10]. В. И. Карасик предложил модель описания дискурса, в которую включены следующие категории: участники общения, их характеристики; условия общения (пре-

суппозиция, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда), организация общения (мотивы, цели и стратегии и др.), способы общения (канал, режим, стиль, жанр).

Изложенный выше материал демонстрирует большое количество условий, факторов, которые, по мнению лингвистов, учитывают коммуниканты при взаимодействии и которые, соответственно, необходимо исследовать при описании того или иного дискурса.

Важнейшей категорией дискурса являются коммуниканты, их характеристики, статусы, взаимоотношения, ибо именно коммуниканты становятся творцами, авторами речи. И здесь наиболее существенным оказывается противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного общения, что, в свою очередь, восходит к делению дискурсов на персональный и институциональный. В персональном дискурсе проявляются личности коммуникантов во всём многообразии их внутреннего мира; в институциональном дискурсе коммуниканты, являясь представителями определённого социального института, реализуют себя в ограниченном наборе ролевых (статусных) характеристик. В институциональных дискурсах существует набор правил, устанавливающих параметры коммуникации и нормы коммуникативного поведения, а также ориентирующих коммуникантов на использование тех или иных ресурсов языка и лимитирующих употребление ряда языковых средств.

Представленное исследование посвящено выявлению условий, определяющих использование фразеологических единиц в соответствии с экстралингвистическими нормами дискурса, в данном случае – институционального научного дискурса.

Предваряя анализ экстралингвистических факторов научного дискурса, обуславливающих функционирование в нём ФЕ, выявим языковые особенности фразеологизмов-идиом. Фразеологизмы-идиомы – это знаки косвенной номинации, образованные по-

средством метафорического либо метонимического переноса, образные, экспрессивные, оценочные. Использование идиом в речи является результатом намеренного выбора носителем языка единиц, функционально направленных на характеристику, оценивание, образное воздействие. Такие единицы призваны актуализировать авторское «Я», они становятся элементами создания образа автора – независимо от того, художественный это текст или публицистический и даже разговорный. Использование ФЕ – это всегда персонализация. Автор, выбирая в качестве элемента текста образную, экспрессивно-оценочную единицу, «обнарудует» – через фразеологизм – своё видение мира, свою оценку этого мира. Использование при организации речи фразеологизмов-идиом – это всегда включение коммуникантов в языковую игру, так как автор намеренно выбирает средство непрямой номинации.

Изучение ФЕ в дискурсивном аспекте ставит перед фразеологом главный вопрос: какие факторы обуславливают использование / неиспользование фразеологических единиц в том или ином дискурсе, применительно к данному исследованию – в научном дискурсе? Ответ на этот вопрос кроется, в первую очередь, в особенностях научной сферы, начиная с целей, направленности, предмета исследования. Институциональность дискурса предполагает наличие ряда норм, обязательных к исполнению коммуникантами.

1. Целью научного дискурса является передача объективной информации о явлениях окружающего мира, часто к этой цели присоединяется ещё одна – доказательство истинности выдвинутой гипотезы. Передача объективной информации и доказывание истинности гипотезы производятся строго логическим путём, поэтому от коммуникантов требуется умение рассуждать, умение точно, полно и последовательно излагать научные мысли. Фразеологизмы же, образованные путём метафорического либо метонимического переноса, не способствуют прямой, однозначной передаче смыслов. В научной речи проявляется предельная абстрактизация предмета речи, и, следовательно, не требуется, а, наоборот, отвергается использование образных ФЕ, в основе которых часто запечатлены «картинки» с антропонимическими либо с анималистическими образами. Наконец, оценочность, которая может проявляться в научных текстах критического характера, не связана с эмоциональностью и экспрессивностью автора-коммуниканта, а доказывание недостатков чужей-либо работы осуществляется посредством рационального оценивания этих недостатков. Таким образом, в соответствии с канонами научного общения фразеологические единицы не являются языковыми средствами, характерными для научной речи, и не востребованы в научной коммуникации. Подтверждением этому является языковой материал – тексты статей, докладов, монографии, диссертации различных научных направлений (физики, химии, экономики, математики, биологии и др.), в которых фразеологизмы отсутствуют (материалом данного

исследования явилось более 70 научных работ различных направлений).

2. Объектами исследования в науке становятся самые разные предметы, явления, сущности физического мира, процессы, происходящие в этом мире и т. д. И подавляющее большинство объектов научного внимания не связано непосредственно с человеческим обществом. Фразеологизмы же – значительная их часть – созданы для характеристики людей, предметов, процессов, происходящих в человеческом обществе, ведь не случайно в образных основах фразеологизмов чаще всего запечатлены явления из жизни человека, либо животных, окружающих человека, либо предметов, которыми он пользуется, или представлены бытовые ситуации и т. п. Поэтому отсутствие сопряжённости мира человека с познаваемым физическим миром, с абстрактными сущностями бытия является причиной невостребованности ФЕ во многих научных текстах.

3. В научном общении на обсуждение выносятся темы, связанные с предметами / явлениями окружающего мира. При этом автор стремится быть объективным, обосновывая своё мнение результатами опытов, опираясь в своих исследованиях на теории и методологию, созданные другими учёными и признанные в научном мире. Выражение авторского «я» не входит в задачи коммуникантов, наоборот, авторы текстов стараются обезличить высказывания применительно к исследованию, выдвигая на первый план объект и предмет изучения. Фразеологизмы же – это единицы, используемые для выражения авторского «я». Каждое употребление фразеологизма – знака не прямой, а косвенной номинации – является намеренным; автор вступает в языковую игру с целью необычным способом выразить своё «я» при воздействии на коммуникантов. Использование фразеологизмов в научной коммуникации провоцирует переключение внимания с предмета исследования на автора исследования, что может привести к нарушению логического изложения и восприятия мысли.

Таким образом, исходя из цели, направленности, содержания научного дискурса, исходя из институциональных норм, призванных обеспечить объективность, точность, логичность в описании предмета научного исследования, можно говорить о невостребованности в научном общении фразеологических единиц.

Однако такой вывод представляется не совсем верным. Фразеологизмы-идиомы тем не менее функционируют в научной речи, хотя в очень ограниченном количестве, и такое отступление от норм объясняется рядом факторов, связанных с внутренним планом ФЕ, с объектами исследования, с ситуациями общения, с коммуникантами.

1. ФЕ различаются по своим экспрессивно-оценочным и образным свойствам, эти признаки проявляются во фразеологизмах с разной степенью выраженности и интенсивности. Многие ФЕ воспринимаются как выразительные единицы, характеризующиеся яркой образностью, оценочностью и экспрессивностью (*ставить палки в колёса, брать быка за рога, положить зубы на полку* и т. д.). Дру-

гие фразеологизмы более «умеренны» в выражении эмоций, фразеологический образ не настолько ярк и впечатляющ (кроме того, некоторые фразеологизмы являются безобразными). В научном тексте, для которого не характерна образность и экспрессивность, употребляются в основном ФЕ второй группы: *поставить знак равенства, угол зрения, поставить точку, отодвинуть на второй план* и под. Такие фразеологизмы участвуют в создании текста со слабой экспрессивностью, с неактуализированным образным планом.

«Однако другие немецкие скатологизмы пока рано списывать со счетов» [8, с. 228].

«Языковой же анализ художественного произведения ... зачастую остаётся в небрежении, отодвигается на второй и третий план, признаётся чем-то несущественным» [10, с. 70].

«Аномальная с точки зрения классических собраний народной мудрости “антипословица” заставляет взглянуть на то или иное явление, ситуацию под иным углом зрения, вспомнить и осмыслить прототипы, ... примерить на себя» [5, с. 197].

2. ФЕ используются чаще всего в текстах, где проявляется – в разной степени – субъективное мнение автора либо сам предмет изучения может быть оценён. Чаще всего таким «предметом» оказывается человек, человеческое общество, а потому фразеологизмы употребляются в основном в текстах гуманитарной направленности.

3. Посредством ФЕ часто выражается оценка не собственно предмета исследования, а какого-либо предмета или лица, имеющего косвенное отношение к изучаемому явлению; часто с помощью идиомы автор передаёт своё отношение к какому-либо выдающемуся деятелю, известному учёному.

4. Употребление ФЕ зависит от жанра научного произведения. Есть жанры, не допускающие присутствия образа автора в его оценочно-экспрессивном виде. Здесь имеются в виду диссертации, авторефераты, рецензии на научные произведения. Встречаются фразеологизмы чаще всего в научных статьях и ещё больше – в научных докладах. Причиной этому могут быть жанровые особенности текстов. Так, коммуникативная ситуация доклада предполагает непосредственное общение («глаза в глаза»), при этом активный коммуникант-докладчик по законам жанра может использовать риторические средства, направленные на прямое обращение к слушателям. Поэтому в речи докладчика присутствуют риторические средства на уровне синтаксиса (вопросительные, восклицательные предложения, обращения и под.), докладчик (с целью заинтересовать содержанием доклада, вызвать симпатию слушателей) может внести в свою речь экспрессию, сделать речь более образной, а значит, употребить с этой целью фразеологизмы – образные, оценочные средства.

5. Следует также учесть как фактор, допускающий использование фразеологизмов в научной сфере, – особенности коммуникантов в различных ситуациях общения.

Институциональный характер ситуации общения выдвигает требования к коммуникантам.

Учёные, в соответствии со статусно-ролевым амплуа, считаются людьми высокоинтеллектуальными, культурными, неконфликтными. Такое стереотипное отношение к учёным выдвигает одно из главных требований в общении – ограничение использования языковых средств рамками общелитературного языка, исключая единицы разговорного стиля; это требование распространяется и на фразеологические единицы. Культурная среда подвигает коммуникантов – при их желании употребить в речи ФЕ – к выбору фразеологизмов литературного происхождения, в том числе мифологизмов (*ахиллесова пята, ящик Пандоры, прокрустово ложе* и др.), библеизмов (*камень преткновения, соль земли* и под.).

«В наследии И.А. Гончарова есть камни преткновения, которые требуют от учёных особых усилий по интерпретации» [9, с. 18].

«Решив эту типологию уложить в *прокрустово ложе* стилистического словаря, мы и не предполагали, с какими трудностями столкнёмся» [12, с. 11].

Если автор текста сочтёт необходимым использование общелитературного или разговорного фразеологизма, то этот фразеологизм – как стилистически инородный – заключается в кавычки либо его использование специально оговаривается автором в устной речи.

«Думается, что только будучи вписанной в контекст философии мифа и философии смеха, жанроведение приобретёт “второе дыхание” и перейдёт на принципиально новый научный уровень» [7, с. 226].

«“Пробным камнем” принципов будущего Полного фразеологического словаря русских народных говоров ... стал Словарь псковских пословиц и поговорок», составленный нами в 2001 году» [13, с. 439].

«Приведённый иллюстративный материал “не бьёт по ушам”, здесь нет непристойностей, вульгаризмов, уничижительной, пейоративной оценки» [5, с. 27].

Особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого учёного критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. [3, с. 330]. А потому в общении нейтрализуются все статусные признаки и чаще всего преобладает атмосфера всеобщего приятия, уважения и благосклонного отношения к отступлениям от речевых норм в пределах литературного языка. Позволяют себе нарушать правила академической речи (то есть использовать фразеологизмы-идиомы) в основном коммуниканты, имеющие статус в научных кругах и высоко оцениваемые именно как учёные-личности. В использовании ФЕ говорящий также проявляет свои личностные начала, сближая институциональный дискурс с дискурсом персональным. И эта персональность – как в профессиональной деятельности, так и в речи – воспринимается в научном обществе обычно благосклонно. Используя фразеологические единицы, коммуникант может преследовать

разные цели: предложить другим коммуникантам через фразеологический образ наглядно представить что-либо, передать свою эмоциональную оценку чего-либо, усложнить информацию через сопоставление с фразеологическим образом и др. Следует заметить, что благожелательность учёных по отношению друг к другу, тем не менее, не отменяет существования строгой иерархии в общении, основанной на статусе учёного в научном мире. Коммуникант, чьи научные достижения признаны в этом сообществе (где он является персоной), может позволить несущественно нарушить нормы научной коммуникации, сделав свою речь более персонализированной. Если же коммуниканты находятся на начальном этапе своей научной деятельности, то, как правило, они воздерживаются от нарушения коммуникативных норм.

Вторая проблема, затронутая в данной работе, связана с возможностью / запрещением употребления в научном дискурсе трансформированных фразеологизмов.

Индивидуально-авторское (или окказиональное) преобразование ФЕ является процессом творческой переработки носителем языка (автором) имеющейся в языке фразеологической единицы. При этом увеличиваются выразительные способности фразеологизмов, возрастает степень выраженности экспрессивности, ярче проявляется образ автора. Писатели осуществляют трансформации ФЕ с различными интенциями: конкретизации и экспликации значения, интенсификации признаков и действий, усиления или изменения экспрессивных качеств идиом, увеличения эффекта от языковой игры и др. [4].

Научные тексты, в соответствии с их целями, направленностью и содержанием, исходя из экстралингвистических факторов, при неостребованности языковых ФЕ, тем более не имеют необходимости в использовании окказиональных фразеологизмов. Преобразованные идиомы в научной речи – явление редкое. И, тем не менее, выявленные контексты с трансформированными ФЕ позволили сделать следующие выводы.

1. Авторы текстов используют так называемые «элементарные» приёмы преобразования фразеологических единиц: расширение, сужение компонентного состава, замену компонента фразеологизма, фразеологический эллипсис (использование одного или нескольких компонентов ФЕ как самостоятельных элементов текста). Такие несложные по своим механизмам трансформации позволяют довольно быстро «опознать» преобразованный фразеологизм, уловить его смысл и не затрудняют понимания текста.

«Корни русской лингвистической науки о социокультурном поле *прорастают на отечественной ономазиологической почве*» [5, с. 23].

«Как лингвист-теоретик, Щерба *не разменивался на методические мелочи*, на различные приёмы, он старался осмыслить методику путём приобщения её к общему языкознанию» [14, с. 7].

«Динамический круг творческих преобразований фразеологии отмечается в тексте <...> в фили-

гранное изучение которого Алина Михайловна Мелерович вложила свою самую драгоценную лепту. Лепту, вес которой с годами увеличивается, обогащая храм нашей науки – Фразеологии» [11, с. 22].

2. Трансформационные процессы имеют свои цели, интенции авторов сводятся в основном к конкретизации (1), реже – экспликации (2) значения ФЕ, к интенсификации признаков (3). Интенция сделать из фразеологизма центр художественного образа, включить ФЕ в широкий игровой контекст – отсутствует.

(1) «Даже в специальных научных дискурсах учёные стремятся анализировать жаргонный, вульгарный, обценный материал языка, щадя *интеллигентское ухо* слушательниц и слушателей» [5, с. 27].

(2) «При диалектологических исследованиях самым трудным ... является ... констатирование того, какие отличия в данном языке важны ... с точки зрения смысла, и здесь *приходить со своим аршином, со своими языковыми привычками* не приходится» [14, с. 125].

(3) «Однако было бы неправомерным *поставить полноценный знак равенства* между языковой личностью и персонажем художественного произведения» [10, с. 175].

(3) «Беспрецедентный размах следствия по поискам сочинителя этого последнего подмётного письма свидетельствовал о том, что его автор затронул наиболее острые проблемы общества начала 30-х годов XVIII века, *самые болевые его точки*» [11, с. 103].

Изучение фразеологизмов в дискурсе выдвигает ещё одну, на наш взгляд, важную проблему, связанную с осуществлением описания дискурса, выявления экстралингвистических факторов, определяющих лингвистические признаки и свойства речевой коммуникации. Именно наличие материалов, в которых представлены в совокупности экстралингвистические признаки дискурса, позволяет фразеологу исследовать – в сопряжении с этими признаками – фразеологическую единицу как элемент текста.

Таким образом, попытки описания ФЕ в дискурсивном аспекте выявили ряд проблем, решение которых будет способствовать более точному, глубокому изучению языковых единиц в новом ракурсе.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 290 с.

Источники

5. Алексеенко М. А. Негативен ли образ женщины в языке? // Слово в словаре и дискурсе:

Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М. : Эллис, 2006. – С. 22–30.

6. Бутко Ю. В. Структурно-семантические трансформации в паремиях // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. науч.-практич. конф. (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М. : Эллис, 2008. – С. 197–200.

7. Елистратов В. Жаргон, миф и смех (размышления к проблеме) // Слово в словаре и дискурсе : сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М. : Эллис, 2006. – С. 225–226.

8. Жельвис В. И. Русско-немецкие инвективные параллели: стратегия и тактика // Слово в словаре и дискурсе : сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М. : Эллис, 2006. – С. 226–231.

9. Казакова К. С. Человек и мир в русском романе: метаморфозы героев «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // Вестник КГУ. – 2020. – № 1. – С. 118–124.

10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

11. Крашенинникова О. А. Подмётное письмо XVIII века как факт литературы // Вестник КГУ. – 2020. – № 1. – С. 102–108.

12. Мокиенко В. М. Фразеологическая *лента* Алины Михайловны Мелерович // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Междунар. науч.-практич. конф. (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М. : Эллис, 2008. – С. 10–23.

13. Мокиенко В. М. Систематизация концентра в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» // Парадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. (Тула, 17–19 мая 2018 г.). – Тула : ТППО, 2018. – С. 439–445.

14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Эдиториал, 2004. – 432 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ В ДИАХРОНИИ ЯЗЫКА

УДК 811.161

Т. Е. Владимирова

(Россия, Москва)

Р. М. Ситдикова

(Россия, Москва)

ПОСЛОВИЦЫ В ДИАХРОНИИ ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В центре внимания настоящей статьи эволюция концепта «судьба» в языковой и паремической картинах мира. Предпринятое сопоставление данного концепта с его греческим эквивалентом «μοιρα» позволило сформулировать лингводидактические рекомендации к обучению русскому языку в греческой аудитории.

Ключевые слова: концепт «судьба», пословица, паремическая картина мира, греческий, эволюция, лингводидактика.

T. Vladimirova

R. M. Sitdikova

PROVERBS IN THE LANGUAGE DIACHRONIA: COGNITIVE AND LINGUIDACTIC ASPECTS

The focus of this article is the evolution of the concept of “fate” in the linguistic and paremic pictures of the world. The undertaken comparison of this concept with its Greek equivalent “μοιρα” made it possible to formulate linguodidactic recommendations for teaching Russian in a Greek audience.

Keywords: the concept of “fate”, proverb, paremic picture of the world, Greek, evolution, linguodidactics.

Исследовательское внимание к паремиологическому наследию объединяет в настоящее время едва ли не все гуманитарные науки, занимающиеся изучением национальной ментальности, а также вопросов, связанных с межкультурным взаимодействием и преподаванием иностранных языков. Настоящая статья посвящена паремическому потенциалу концепта «судьба», который рассматривается в сопоставлении с его греческими эквивалентами. Обращение к античной культуре позволяет существенно дополнить наши представления о русской концептосфере и возникшей на ее основе паремической картине мира как достоверном отражении самосознания языковой личности в его становлении и развитии.

При этом мы будем опираться, с одной стороны, на концепцию архаичного сознания как целостного единства его сакральной (духовной), бытийной и рефлексивной сторон [1, с. 113], а с другой – на классификацию исторически возникавших и сосуществующих планов сознания Г. Г. Шпета, которая позволяет соотнести мифологему «судьба» с называющим, религиозно-мифологическим, художественно-героическим, познающим, культурно-историческим и философско-культурным сознания [1, с. 79–80].

Приступая к раскрытию темы, обратимся к начальной семантике слова. Ведь, «оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить свое отношение к ним – ценностное и эмоционально значимое» [2, с. 82].

Русская лексема *судьба* образована с помощью суффикса *-ьб-а* от общеславянского слова **sōdъ* ‘суд’, сформировавшегося при сложении индоевро-

пейской приставки **som-* (общеславянское: **so-* ‘с, вместе с; от, в продолжение’) и корня **dhē-* ‘устанавливать в бытии (о богах) [ИЭСРЯ, с. 216; СИСТ, с. 299]. Таким образом, концепт «судьба» изначально был «понятием с плотным ядром» в силу присущей ему сакральности (‘установленное богами’) и экзистенциальной напряженности (‘суд’), которые характерны для называющего и религиозно-мифологического сознания (Г. Г. Шпет).

Согласно восточнославянским представлениям, при появлении на свет младенца присутствуют Рожаницы. «Эти мифические девы судьбы», нарекавшие новорожденному его долю (участь, удел), «стояли в таинственной связи со звездами» [3, с. 506–507]. А чтобы они наделили новорожденного счастьем, им предназначались молитвы и приносились жертвы.

Возникшие персонификации судьбы олицетворяли волю предков и сакральную связь многих поколений родичей. Но были и представления о злой доле, к которым отнесем лихо в облике худой женщины без одного глаза [МНМ, т. 1, с. 468; т. 2, с. 66] и злыдней, маленьких невидимых существ, которые селились, подобно домовому, за печкой и приносили дому несчастья. Одновременно в народном сознании существовали понятия «талан» как удача [ТСД, т. 4, с. 388] и «авоська» как будущий желанный случай и отвага [ТСД, т. 1, с. 3].

Так, вокруг мифоконцепта «Судьба» со временем образовалось экзистенциально и эмоционально «заряженное» семантико-смысловое поле, в котором присутствовало мистическое начало. Более того, унаследованные архаичные представления о судьбе как суде высших сил продолжали сохраняться в сознании благодаря «этимологической памяти слова» (Ю. Д. Апресян).

Что же касается греческого языка, то индоевропейский корень *dhē- послужил основой для именования «неумолимой» Дике (Δίκη), дочери Зевса и Фемиды, которая помогала отцу вершить суд. Позднее из Гомеровских выражений *aisa esti, moira esti*, которые обозначают ‘суждено’, ‘определено’, ‘послано судьбой’, ‘предсказано богами’, возникли вершительницы судьбы Айса (Αἴσα) и трехликая Мойра (Μοῖρα) [4, с. 338–339], а затем и представление о трех Мойрах, первая из которых назначает судьбу еще до рождения человека, вторая – прядет нить его жизни, а третья – неотвратимо приближает его будущее [МНМ, т. 2, с. 169]. Всего же в «Иллиаде» и «Одиссее» представления о судьбе образуют следующий синонимический ряд: *μοῖρα* ‘судьба, доля’, *αἴσα* ‘судьба, доля’, *πεπρωμενον* ‘предопределение’, *κῆρ* ‘судьба, смерть’ и *Κλωθεε* ‘Пряхи’ [5, с. 122].

В рамках настоящей статьи предлагается сосредоточить внимание на концепте «μοῖρα», который является базовым в гомеровском ряду именований

судьбы и в современном новогреческом языке. Согласно этимологическому анализу, древнегреческое именование богини судьбы Мойры образовано от лексем *μοῖρα* ‘часть, кусок’, производной от глагола *μεῖρομαι* ‘разделять, раздавать’, который восходит к индоевропейскому **smēr-jo-me* < **smēr* ‘думать, заботиться, помнить’ [АНЕГ, с. 1119]. Это позволяет рассматривать греческую номинацию персонифицированного божества судьбы как актуализацию семьи ‘доли’ / ‘части’, которая выпадает человеку безотносительно к его собственной жизни и поступкам.

Различие «изначального импульса» (Ф. фон Гумбольдт), заложенного в семантику лексем *судьба* и *μοῖρα*, предопределило своеобразие эмоционально-смысловой направленности пословиц, возникших на их основе. Приведем эти пословицы, обращая внимание на пессимистическую тональность русских паремий и более сбалансированное мировосприятие, которое свойственно греческим паремиям.

<p><i>Судьба придет – и по рукам свяжет; Погладила меня судьба против шерсти; От судьбы / лиха не уйдешь; Судьбу / Суженого и конем / и на коне ни обойти, ни объехать; Много женихов, да суженого нет; Посуленного год ждуют, а суженого до веку; Кому суждено опиться, тот обуха не боится;</i></p> <p><i>Рока не минуешь; Против рока не пойдешь; Никто от своего рока не уйдет; Бойся не бойся, а року не миновать / а от части (от участи) своей не уйдешь; Рок на кону бьет, аneurочье за коном;</i></p> <p><i>От жребия не уйдешь; Каждому свой жребий; Жребий сыщется; Жребием упавшему трудно встать;</i></p> <p><i>Всякое лихо споро: не минет скоро</i></p>	<p><i>Σαν θέλει η μοῖρα, ο μωλωνάς γίνεται και δεσπότης</i> (Если судьба захочет, то и мельник станет царем); <i>Η μάνα γεννάει μα δεν μοιραίνει</i> (Мать рождает, но судьбу не определяет); <i>Αλλά πασχίζει ο άνθρωπος κι άλλα φέρνει η μοῖρα</i> (Человек предполагает, а судьба располагает); <i>Στη θάλασσα πηγαίνουν τα ποτάμια κι οι άνθρωποι κατά τη μοῖρα τους</i> (Все реки текут в море, все люди идут туда, куда их судьба направляет); <i>Ο,τι γράφει η μοῖρα, δεν ξεγράφει η χεῖρα</i> (Что написано судьбой, рукой не вычеркнуть); <i>Ο,τι γράφει η μοῖρα μελανό, ο ήλιος δεν τ’ ασπρίζει</i> (То, что судьба пишет черным, на солнце не белеет); <i>Τα όσα έχει η μοῖρα στο χαρτί, πελέκι δεν τα κόβει</i> (Что написано судьбой, не вырубить топором); <i>Ο,τι η μοῖρα διορίζει δεν εἶν’ τρόπος να γυρίσει</i> (То, что судьбой предопределено, никак не исправить)</p>
--	---

Начавшийся распад античного общинно-полисного уклада и традиционной древнерусской «семейно-родовой общины» (Г.В. Вернадский) способствовал повышению значимости отдельного человека, его жизни и отношения к миру. Так, в греческие пословицы вошла Тюха (Тюхе) «Τυχη», богиня удачи и счастливого случая, которой не было у Гомера.

В этом контексте обратим внимание также на следующий факт. Лексема *τυχη* происходит от греческого глагола *τυχανω* ‘становиться, случаться’, восходящего к индоевропейскому **dheugh* ‘хватать, трогать, касаться’ [6, с. 128]. Поэтому слово-концепт «*τυχη*» изначально имело значение нейтральной

оценки, а в составе словосочетания *καλη τυχη* и *κακη τυχη* соответственно – ‘счастливый случай’ и ‘несчастный случай’ [АНЕГ, с. 1841]. Но в греческих мифах Тюха – божество слепого случая, а позднее – богиня удачи, счастливого случая, судьбы. А в паремиях лексема *τυχη*, как правило, не имеет коннотации обреченности и полной покорности, которые свойственны лексеме *μοῖρα*.

Что же касается русских паремий, то пословицы о счастливой случайности, удаче, талане и авоське, которые меняют жизнь к лучшему или побуждают к активности, давая надежду на добрые перемены, крайне немногочисленны.

<p><i>Удача – кляча: садись да скачи; Кому есть талан, тот будет атаман; Талантый и в море сыщется;</i></p> <p><i>Наше авось не с дуба сорвалось (т. е. не бестолковое); На авось мужик и хлеб сеет (11); Авоське в долг верят</i></p>	<p><i>Αν έχεις τύχη διάβαινε και ριζικό περπάτει, κι αν είσαι κακορίζικο, κάτσε μην τυραννάσαι</i> (Если ты невезучий – не трать силы зря); <i>Οποιος έχει τύχη, γεννάει και τα κοκόρια του</i> (У удачливого и петухи несутся); <i>Τι ωραία που χορεύει κανείς, όταν του τραγουδά η τύχη</i> (Хорошо танцует тот, кому удача подпевает); <i>Όταν η τύχη δεν βοηθά, η γνώση δεν αξίζει</i> (Без удачи знания – ничто); <i>Οι ακαμάτρες κι οι τρελές, έχουν τις τύχες τις καλές</i> (Ленивым и безумным женщинам везет в замужестве); <i>Η τύχη ανταμώνει τους κοντούς, μ’ αυτοί δεν την τσακόνουν</i> (Удача встречается и коротышкам, но они не могут ее схватить); <i>Η τύχη πολύ συχνά δίνει καρδιά σ’ αυτούς που δεν έχουν πια δόντια</i> (Судьба часто дает орехи тем, у кого нет зубов)</p>
--	---

По мере развития в Греции частной собственности и законодательства, направленного на разработку

прав и обязанностей личности, общинно-полисные отношения уходили в прошлое, а личностно-правовая

доминанта бытия способствовала направленности на самоутверждение и успех. Установившийся способ существования делал невозможным мифическое мировосприятие и представления о судьбе постепенно утратили свой сакральный статус, свидетельствуя о переходе на художественно-героическую ступень эволюционирующего сознания (Г. Г. Шпет).

В отличие от греческой паремической картины мира, направленной на общую гармонизацию бытия, русские пословицы сохраняли сакральный

статус судьбы. Однако при этом в них проявлялась всё более явная свобода суждений, оценок и житейских наставлений с ироничной, а порой и критической тональностью, что позволяет говорить о росте самосознания «русской народной личности» (Н. С. Трубецкой). Более того, в поисках лучшей доли пришло понимание целостности бытия, а вместе с ним утвердилось отношение к судьбе как взаимодействию противоположных начал и сбалансированности в жизни хорошего и плохого.

<p><i>Где нет доли, тут и счастье не велико; Доля во времени живет, бездолье в безвременьи; Недоля пудами, доля золотниками; Душа не без доли, мужик не без тягла; Ваша воля, а и нам есть доля; Хоть тяжела доля, да на всё своя воля;</i></p> <p><i>На удачу казак на лошадь садится, на удачу казака и конь бьет; Не хитер парень, да удачлив, не казист, да таланен;</i></p> <p><i>Поталанило было счастье, да село; С рожки болван, а во всем талан; Будешь таланен, как напишься по баням (т. е. без крова); Талан не туман, не мимо идет; Не возмешь товаром, не возмешь и таланом; Чужой талан скоро растет, а наш не летет, не ползет; Нет талану, не пришьешь к сарафану; Талану к коже не пришьешь;</i></p> <p><i>Деньги идут к богатству, а злыдни к убогому; Не страшны злыдни в три дни, страшны в три года</i></p>	<p>Το γυαλί κι η τύχη εύκολα τσακίζονται (Стекло и удача легко бьются); Καινούργια μέρα, καινούργια τύχη (Новый день – новая удача); Τα χρήματα τοις πλουσίοις η τύχη ου δωροῦνται, ἀλλὰ δεδανικεν (Судьба не дарит богатым деньги, а лишь ссужает – др. греч.); Η τύχη μου γυρίζει την πλατη (Судьба повернулась ко мне спиной); Ανοιξε η τύχη μου (Мне, наконец, повезло); Ο καθένας φτιάχνει την τύχη του (Каждый сам строит свою судьбу); Οποια κι αν είναι η τύχη σου, δέξου την με γέλιο (Любую судьбу принимай со смехом); Η τύχη ευνοεί τους γενναίους και τους τρελούς (Удача благоволит смельчакам и безумцам); Κρατῶ στα χέρια μου την τύχη (Держать свою судьбу в своих руках).</p> <p>Άλλοι κλαίνε και άλλοι γελουν (Одни плачут, другие смеются); Άλλοι φταινε και άλλοι πεθαινουں (Виноваты одни, страдают другие)</p>
---	---

С принятием Православия жизнь человека уже не зависела от непредсказуемой судьбы, но была ориентирована на со-присутствие, со-работничество и общение с Всевышним. Так, в сознание христиан вошло понимание судьбы как «участи, предназначенной человеку от Бога» [ПЦСС, с. 688]. Укоренение новых идеалов и смысложизненных представлений

побуждало к поиску такой формы существования, которая была бы созвучна Божьему промыслу. (См. об эволюции «народных представлений о нравственном законе» [7, с. 78 и сл.]). В итоге в русскую и греческую паремические картины мира вошли пословицы, в которых получила выражение мысль о судьбе как заслуженной перед Богом.

<p><i>Всякую долю Бог посылает; Не нашим умом, а Божьим судом; От Божьего суда не уйдешь; Всяк честен своими заслугами; Человек предполагает, а Бог располагает; Человек ходит, а Бог водит; Все мы под Богом ходим; Жизнь – Богу служить; Кто к Богу, тому и Бог; Кто добро творит, тому зло не вредит; От доброго жди добра, от худого – худая; Нет веры без дел добрых; За добро Бог плательщик; Где любовь, тут и Бог; Любящих и Бог любит; Бог дал день, даст и пищу; Кто рано встает, тому Бог дает; Богу молись, а сам трудись; Бог труды любит; На Бога надейся, а сам не плошай; Бог-то Бог, да и сам не будь плох</i></p>	<p><i>Για τον κόσμο μην κλαις, ο Θεός ξέρει ποιος θα χορτάσει και ποιος θα πεινάσει (Бог знает, кому быть сытым, а кому – голодным); Και τα ρούχα δίνει ο Θεός και την κριότητα (Бог дает и одежду и холод); Δίνει ο Θεός την πληγή, δίνει και το βοτάνι (Бог дает раны, он же дает лекарство); Ο Θεός δίνει τα καρύδια, αλλά δεν τα σπάζει (Бог дает орехи, но не колет их); Ο Θεός τρέφει τα πουλιά, μα δεν τους βάζει και το φαΐ στη φωλιά (Бог кормит птиц, но не кладет пищу им в гнездо); Αρνί που βλέπει ο Θεός, ο λύκος δεν το τρώει (Ягненка под надзором Бога волк не тронет); Για το γάιδαρο του τεμπέλη έκαμ' ο Θεός τ' αγκάθια (Для ленивых ослов Бог придумал колночки)</i></p>
---	---

Предпринятый анализ концептуализации судьбы раскрыл ее общие индоевропейские истоки в русском и греческом языках. Вместе с тем, сформировавшиеся на этом фундаменте русские и греческие «народные афоризмы» (В. И. Даль) свидетельствуют о самобытном преодолении долговременных ценностных установок о всевластии судьбы. Так, русскую паремическую картину мира отличает общая пессимистическая тональность мировосприятия и экзистенциальная неудовлетворенность собственным бытием, которая не характерна для греческих пословиц. Принятие Православия сблизило оба народа, способствуя, как представляется, их последующему переходу на культурно-историческую и философско-культурную ступень развивающегося сознания.

Чтобы соотнести рассмотренный материал с актуальной языковой ситуацией в русском и греческом ареалах, воспользуемся статистикой ключевых слов в Google Analytics. Предпринятый поиск позволил получить следующие результаты по ключевым лексемам: *судьба* – 64500000, *удача* – 22500000 и *μοιρα* – 5350000, *τυχη* – 14700000 [1]. Следовательно, востребованность концепта «судьба» почти в 2,9 раза выше, чем концепта «удача», и, напротив, греческий концепт «τυχη» является в 2,7 раза более употребительным, чем «μοιρα».

Своеобразие рассматриваемых слов-концептов и соответствующих фрагментов русской и греческой паремических картин мира делает актуальной лингводидактическую разработку для греческих студентов-филологов, изучающих русский язык.

В рамках настоящей статьи ограничимся кратким методическим комментарием. Семантизация лексем *судьба* и *удача* не может ограничиваться переводом на родной язык учащихся и предполагает комментарий преподавателя с опорой на пословичный материал, раскрывающий их самобытность. Чтобы объяснить причины возникших расхождений, представляется целесообразным обратить внимание студентов на тот факт, что русские концепты «Судьба» и «Божий суд» не утратили связь с сакральным индоевропейским первообразом и, как следствие, сохраняют свою мистическую. Завершая анализ становления и развития концепта «Судьба» и его паремического потенциала в сопоставлении с греческими эквивалентами, отметим, что выбор методически эффективного способа семантизации предполагает учет лингвокогнитивных и лингводидактических характеристик слова.

Литература

1. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 82.
3. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. – М. : Экспо, 2006. – 608 с.
4. Лосев А. Ф. Гомер. – М. : Учпедгиз, 1960. – 350 с.
5. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. – 335 с.
6. Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 456 с.
7. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Словари и справочники

- ИЭСРЯ*: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. – М. : Русский язык, 1993.
- СИСТ*: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М. : Прогресс-Универс, 1970.
- МНМ*: Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. – М. : Советская Энциклопедия, 1988.
- ТСД*: Даль. В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1980.
- ПЦСС*: Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М. : Издат. отдел Московск. Патриархата, 1993.
- АНЕГ*: Γεωργίου Δ. Μπαμπινιώτη. Λεξικό της νεας ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. – Αθήνα, Κεντρο λεξικολογίας, 1998.

Источники

- [1] URL: <https://www.google.ru> (дата обращения: 04.06.2020).

УДК 811.161.1

Е. В. Генералова

(Россия, Санкт-Петербург)

ИСТОКИ ПАРЕМИОЛОГИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-42008 «Пословицы и поговорки как культурный феномен языковых реформ Петровского времени (ретроспектива и перспектива)».

В статье исследуется преемственность паремиологического фонда Петровского времени и языка Московской Руси. Рассматривается лексика «Рукописного сборника пословиц, поговорок и сказок Петровского времени».

Ключевые слова: пословица, семантика, фразеологизм, историческая паремиология, лексика.

E.V. Generalova

SOURCES OF PAREMIOLOGY OF THE EPOCH OF PETER THE GREAT IN THE LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA OF 16–17th CENTURIES

The article deals with the continuity of the paremiological foundation of the Petrine time and the language of Moscow Russia. The vocabulary of the “Manuscript collection of proverbs, sayings and sayings of the Petrine time” is considered.

Keywords: proverb, semantics, idiom, historical paremiology, vocabulary.

При относительной молодости фразеологии и паремиологии как наук, исторические фразеология и паремиология – еще более недавние разделы этих лингвистических дисциплин. Актуальными задачами исторической фразеологии и исторической паремиологии являются не только

практические вопросы описания фразеологического и пословичного фонда разных эпох, но и такие теоретические вопросы, как определение понятия фразеологизма и пословицы в историческом тексте, их классификация в истории языка, истоки пословичного фонда во фразеологии и др. Важным является

и описание динамики развития фразеологического и пословичного корпусов, которое может быть осуществлено только при последовательном сравнении материалов отдельных исторических эпох, условно принимаемых за синхронные срезы. Историческое изучение языка пословиц актуально и в плане историко-культурного комментирования пословиц в словарях: «... современным паремиографам предстоит ещё многое сделать для совершенствования культурологического (resp. историко-этимологического) параметра словарей пословиц и поговорок» [3, с. 127].

Вопросу исследования динамики и преемственности лексического, фразеологического и паремиологического фонда разных периодов развития языка посвящена настоящая статья, предметом которой является ретроспективное изучение паремиологии Петровского времени. Основная цель: изучить связь пословичного фонда раннепетровского времени с лексико-семантической системой языка предшествующей эпохи. Объектом исследования в данной статье послужил «Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени», помещенный в «Старинном сборнике русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» П. Симони [4, с. 172–216]; анализируемое собрание сам П. Симони на основе рассмотрения рукописи датирует следующим образом: «...составляться наш сборник начал за несколько лет до 1700 года и закончен был около 1730 года» [4, с. 168]. Лексико-семантическая и фразеологическая система языка Московской Руси XVI–XVII вв. изучалась прежде всего по материалам исторических словарей: «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [СОРЯ] и его электронной и бумажной картотеки [КСОРЯ], хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина СПбГУ, а также «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ].

Описываемое время – очень значимый, переломный этап в истории русского языка: водораздел донационального и национального состояния. При том что сложение национального языка – процесс длительный и сложный, изучение языкового состояния этого переходного периода позволяет проследить сам ход этих процессов, понять истоки зарождающихся и активизирующихся в национальном языке явлений.

В результате исследования было установлено, что – при определенном объективно обусловленном обновлении языка пословиц – в целом имеет место общая преемственность основного словарного состава пословиц Петровской эпохи и языка XVI–XVII вв. Это закономерно: лексический состав пословиц характеризуется традиционностью. В данном отношении пословицы из сборника 1700–1730-х гг., например, включают заимствования из западноевропейских языков периода XVI–XVII вв.: см. *аптека* (*Аптека улечит на полвека, Аптека не о два вѣка* [4, с. 173], *Аптекамы придаватса уже денгам не жаться* [4, с. 174]) (слово заимствовано в XVI в.) и производное *аптекарь* (*Аптекари лѣчат а хворыя кричатъ* [4, с. 174]), *фляга* (*Варить брага потерять и фляга* [4, с. 177]), (фикси-

руется в XVI в.), *пань* (*Хрстьянинъ пьянь то самъ себѣ пань* [4, с. 200] – хорошо освоенное в XVII в. заимствование из польского *пань*, изначально имеющее значение ‘вельможа, дворянин, человек, принадлежащий к привилегированному сословию в Польско-Литовском государстве’, используется в пословице уже с переносным, расширительным значением ‘барин, помещик, хозяин’). Но характерно, что все эти заимствования относятся к периоду языка Московской Руси, слова иноязычного происхождения же собственно Петровского времени в лексическом составе сборника не обнаруживаются (при том что активизация процесса заимствования из европейских языков, как известно, яркая черта Петровской эпохи).

В пословицах сборника Петровской эпохи встречается ряд слов, не функционирующих в языке XVIII в., но хорошо известных в языке предыдущего периода – языке Московской Руси. См. например:

– существительное *грай* (*Грай соколу, а лягушка воронѣ* [4, с. 180]): в «Словаре русского языка XVIII в.» слово отсутствует, есть только глагол *граяти* ‘кричать (о вороне)’ [Сл18, вып. 5, с. 225], в то время как в старорусском языке хорошо известен и глагол *граяти*, и существительное *грай* – ‘отрывистые, резкие звуки, издаваемые птицами’: *Или веровал еси в стречю, или в полаз, или в птичеху граи?* (Исповед., 433, XVI в.) [СОРЯ, вып. 4, с. 249];

– существительное *голка* (*Волковъ ловятъ не голкою, но уловкою* [4, с. 177], *Веселие волку, какъ не слышитъ за собою голку* [4, с. 178]: в Сл18 фиксируется морфологический вариант мужского рода *голк* – ‘гул, грохот’ [Сл18, вып. 5, с. 152], а в языке VII в. слово фиксируется с семантикой ‘крик, шум’ и в мужском роде (*А после того от салдатов великою голкъ учинился* (В-К V, 42, 1652 г.)), и в женском, как в пословицах Петровской эпохи (*А он (бесноватый) пуци бесится, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския* (Авв. Ж., 114, 1672 г.) [СОРЯ, вып. 4, с. 136–137]);

– существительное *исада* (*На наши исады не плывут насады, говно да дермо несють* [4, с. 205]): слово неизвестно в памятниках XVIII в., но частотно в документах XVI и XVII вв. в двух морфологических вариантах (в мужском (*исад*) и женском (*исада*) роде) [СлРЯ, вып. 6, с. 250] со значением ‘рыболовное угорье на мелком месте близ берега и рыбачий поселок при нем’: см. *Въ Кривовитицкой губѣ царя и великого князя рыбные ловли, исады надъ озеромъ надо Псковскимъ, а при ѳзжають на тѣ исады на рыбную ловлю веснѣ* (Пск. писц. кн. I, 81, 1587 г.), *Всякие рыбные ловцы привозятъ подъ Астараханъ на исады свѣжую красную и мелкую всякую рыбу, и камышники съ камышу всякой звѣрь* (ДАИ XI, 63, 1684 г.) [КСОРЯ].

Подобные примеры могут быть умножены. Д. А. Мартынов, один из авторов «Словаря языка русских пословиц и поговорок к. XVII – первой половины XVIII вв.», подчеркивает, что в Сл18 отсутствуют, в частности, слова *колько*, *небылой*, при том что в языке Московской Руси эти слова есть, активно функционируют и фиксируются СлРЯ [3, с. 70].

В пословицах начала XVIII в. обнаруживаются и слова с архаической семантической структурой. Так, в пословице *Воры воруют не для прибыли да для своеи гибели* [4, с. 177] реализуется исходное синкретичное значение слова *вор* ‘преступник вообще’ (с которым слово и возникает в русском языке в XVI в.); ср.: со значением ‘тот, кто совершает кражу’ в пословицах используется слово *тать* (*Тать у татья перебрал утята* [4, с. 197]).

В пословице *Болно ранень и головы не нашли* [4, с. 175] наблюдаем диффузную семантику наречия *болно* (юмористический эффект пословицы и основан на формирующейся многозначности этого слова). Исходное значение лексемы *болно* – ‘болезненно, причиняя (или испытывая) боль’ (от семантики производящего прилагательного *больной*): например, *Почал его мастер болно бил подымаючи на козел* (РДД, 110, XVII в.) [СОЛЯ, вып. 1, с. 231]. В результате развития семантики образуется переносное значение ‘сильно, в значительной степени’, и наречие может выступать в роли классического интенсификатора с семантикой ‘очень’: *Помнишь Федора? Не сердитуеши на него? Он не болно пред вами виноват был* (Авв. Письма). Характерно, что в словарях современного русского языка значение ‘очень’ описывается как омонимичное к ‘болезненно’ и характеризуется как просторечное: *не болно мне это надо, болно умная* [МАС, вып. 1, с. 106]. Но именно в языке XVI–XVII вв. выделяется целый ряд контекстов, где наречие *болно* зависит от глаголов физического воздействия, и в таких контекстах затруднительно точно определить семантику наречия. *А мужик гсдрь пытан болна ударов было 70 десят* (ИНРЯ, 55, XVII – н. XVIII вв.), *А брата своего ненавидиши и где с ним не сойдесся тут ты с ним болна бьешися за которую обиду* (РДД, 75, XVII в.), *Михайло ранень по правой рукѣ подь лопатку изь лука болно* (АМГ I, 137, 1616 г.) [СОЛЯ, вып. 1, с. 231]. Круг глаголов, с которыми сочетается наречие (а это глаголы физического воздействия *пытан, бьешися, ранен*), убеждает в живости в семантической структуре наречия *болно* семы ‘болезненно’. Но на то, что речь идет именно о степени воздействия наказания, указывают пояснения (*пытан болно, ударов было 70 десят; болно хлопъ ранень и головы не нашли*), антонимы (*буде пытан не болно, велѣли пытать накрѣпко*). Фактически такие контексты являются переходными от первоначального значения ‘болезненно’ к значению ‘сильно’, семантика в общем трудно расчленима; то есть тексты фиксируют живые процессы, происходящие в языке, сам процесс формирования значения.

Органична и связь идиоматики старорусского языка и паремиологии последующего периода: в пословицах начала XVIII в. фигурирует ряд фразеологизмов, обнаруживаемых в языке XVI–XVII вв.: см., например, *Бѣды терпѣти камено сердце имѣти* [4, с. 174], ср. *имети какое-л. сердце* ‘вести себя соответствующим образом’: *И они [евангелисты] чают что католиские также хрстиянское серцо будут имѣти и о том радѣти чтоб вперед кроволитие уняти* (В-К IV, 67, 1648 г.) [КСОЛЯ].

Таким образом, исследование лексики «Рукописного сборника пословиц, поговорок и присказок Петровского времени» позволило обнаружить традиционность и преемственность словарного состава пословиц Петровской эпохи и языка XVI–XVII вв. В пословицах начала XVIII в. обнаруживаются слова с архаической семантической структурой, встречается ряд слов и фразеологизмов, не функционирующих (уже устаревших) в языке XVIII в., но хорошо известных в языке предыдущего периода – старорусском языке. Следовательно, при перспективности тех лингвистических процессов, которые берут начало в языке в период петровских реформ, имеет место и органическая и тесная связь языка пословиц этой эпохи с предыдущим языковым состоянием – языком Московской Руси.

Литература

1. Генералова Е. В., Щекин А. С. По следам вора // Русская историческая лексикология и лексикография : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 7. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – С. 187–193.
2. Мартянов Д. А. Сборники русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: лингвистическая информативность // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 6. – С. 67–73.
3. Мокиенко В. М. Культурологические и историко-этимологические комментарии в паремиологическом тезаурусе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 121–134.
4. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собр. П. Симони // Сб. ОРЯС. – Т. 66. – № 7. – СПб. : Типография Императорской Акад. наук, 1899. – 216 с.

Словари и справочники

- МАС*: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1981.
- КСОЛЯ*: Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина, филологический факультет СПбГУ).
- СОЛЯ*: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – Т. 1–8. – СПб.: Наука, 2004–2018, изд. продолжается.
- СлРЯ*: Словарь русского языка XI–XVII вв.: Т. 1–30. – М. : Наука. 1975–2018, изд. продолж.
- Сл18*: Словарь русского языка XVIII вв. Словарь русского языка XVIII века. – Т. 1–22. – Л., СПб. : Наука, 1984–2019, изд. продолж.

Источники

- Авв. Ж.*: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. – М., 1960.
- Авв. Письма*: Аввакум. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. – М., 1960.
- АМГ I*: Акты Московского государства. – СПб. : Изд. Акад. наук, 1890–1901.

В-К IV Вести-Куранты 1648-1650 гг. / изд. подг. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина ; под ред. С. И. Коткова. – М., 1983.

В-К V: Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подг. В. Г. Демьянов / отв. ред. В. П. Вомперский. – М., 1996.

ДАИ XI: Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. – СПб., 1870.

Исповед.: Корогодин М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках. – СПб., 2002.

ИНРЯ: Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. – М., 1964.

Пск. писц. кн. I: Псковские его пригороды. Кн. 1 // Сб. Москов. архива министерства юстиции. – Т. 5. – М., 1913.

РДД: Русская демократическая сатира XVII в. / подг. текстов В. П. Андриановой-Перетц. – М.-Л., 1954.

УДК 811.161.1(045)

С. Р. Зайнуллина

(Россия, Ижевск)

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ *ТВОРИТИ* В РУССКИХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования устойчивых сочетаний с компонентом творити в русских житийных текстах. Дается краткая характеристика данного типа единиц с точки зрения их структуры и семантики, а также формулируются основные критерии выделения устойчивых сочетаний в средневековых русских произведениях. Предпринимается попытка описания принципов отражения устойчивых сочетаний с глаголом творити в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Ключевые слова: устойчивое сочетание, глагольно-именное сочетание, сочетаемость, древнерусский язык, житие, значение, словарь.

S. R. Zaynullina

SET PHRASES WITH THE VERB *TVORITI* IN RUSSIAN HAGIOGRAPHICAL TEXTS

The article considers some functional features of set phrases with the component tvoriti in Russian hagiographical texts. It provides a brief description of structure and semantics of these linguistic units and establishes the criteria for identifying set phrases in Russian medieval texts. The authour attempts to describe the principles of presenting set phrases with the verb tvoriti in the 'Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries'.

Keywords: set phrase, verb-noun combination, collocation, Old Russian language, hagiography, meaning, dictionary.

Для средневековых русских текстов в целом характерно употребление устойчивых сочетаний, отличающихся друг от друга по структуре и семантике. В рамках данной работы остановимся на рассмотрении глагольно-именных устойчивых сочетаний, которые, по свидетельству В. В. Колесова, могут считаться наиболее древними, исходными [1, с. 156]. С точки зрения грамматики глагольный компонент типа *дати, имѣти, чинити* в таких сочетаниях управляет зависимым существительным, но с точки зрения лексической семантики глагол является недостаточным и становится распространителем смысла синкретичного имени, конкретизируя в контексте значение последнего. Активное употребление таких конструкций «объясняется, с одной стороны, отсутствием в языке, особенно на раннем этапе его развития, лексических средств, в частности глаголов, образованных от того же корня, что и субстантивы, и с другой стороны – спецификой лексической семантики глаголов» [2].

Целью исследования является анализ особенностей традиционной сочетаемости глагола *твори-ти* с именами в русских житийных текстах старорусского периода. Именно в старорусский период устанавливается литературная форма жития, выра-

батываются типичные для данного жанра приемы [3, с. 124].

Уже в период с XI по XIV вв. глагол *твори-ти* и его дериват *сѣтворити* чаще других выступают в качестве компонентов исследуемых конструкций [2]. Анализируя семантику глагола *твори-ти*, обратимся к «Словарю русского языка XI–XVII вв.» (далее СлРЯ), который наиболее полно отражает лексику интересующего нас периода. Данный источник фиксирует девятнадцать значений, которые способен выражать глагол *твори-ти* в зависимости от контекста [СлРЯ, вып. 29, с. 253]. Приведем некоторые из них.

1. Создавать, творить (о Боге).
2. Изготавливать, производить. // Строить, сооружать. // Готовить, приготавливать (еду, ритуальное угощение и т.д.). // Добывать (о пище).
3. Делать, совершать, осуществлять (какое-л. действие). // Причинять (что-л.) // Устраивать, проводить, справлять (праздник и т.п.).
4. Делать кого-, что-л. кем-, чем-л. или каким-л.
5. Исполнять.
6. Порождать, приносить (о плодах и т. п.) и др.

Широчайшие возможности сочетаемости обусловлены «прозрачностью» семантики глагола. Степень его делексикализации оценивается учеными по-

разному: часть исследователей видит в глаголах типа *творити* глагольную связку, не имеющую собственного лексического значения, другая часть ученых считает, что глагол все же имеет собственное значение, пусть и максимально обобщенное. Так или иначе, отмеченная особенность позволяет глаголам, подобным *творити*, активно выступать в роли средства выражения новых значений в сочетании с именем.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению примеров, отметим, что при работе с историческими текстами зачастую затруднительно разграничить свободное и связанное сочетание. При выделении устойчивых глагольно-именных сочетаний мы ориентировались в первую очередь на их отражение в лексикографических источниках, а также на частотность употребления и структурно-семантическую близость единиц.

Наиболее частотным по употреблению в житийных текстах является устойчивое сочетание *творити молитву*: «Святой же, став у озера того, нача молитву творити на долгъ час со многими слезами» [Житие Герасима Болдинского (1585–1590)]. Данная единица находит отражение в СлРЯ и толкуется при помощи глагола, однокоренного именному компоненту сочетания: *творити молитву* – ‘молиться, совершать моление’ [СлРЯ, вып. 9, с. 244].

В изучаемых текстах нередко встречается сочетание *творити поклоны*: «Егда же блаженный Кирилъ в келии своей пѣние съврѣшааше, сему повелѣваше поклоны творити» [Житие Мартиниана Белозерского (1545–1555)]. В исследуемых текстах также функционирует близкое к *творити поклоны* сочетание с однокоренным существительным – *творити поклонение*: «Преподобному же нимало русску языку умѣюще, и никотораго отвѣта недоумѣяше отдати, но токмо имъ поклонение творяше, самъ же с камени не смѣяше поступити» [Нифонт, монах Антониева монастыря. Житие Антония Римлянина (1570–1590)]. Данное сочетание не закреплено в СлРЯ как устойчивое, но, опираясь на семантику именного компонента, мы можем судить о том, что *творити поклоны* (*поклонения*) в данном контексте значит совершать поклон, кланяться во время молитвы [СлРЯ, вып. 16, с. 158].

Следующее устойчивое сочетание *смѣху творити* закреплено в словаре и означает ‘сделать посмешищем, предметом насмешек’ [СлРЯ, вып. 25, с. 186]. Обратимся к примеру из жития: «Тѣмже начат нѣкая подобна глумления и смѣху творити, егоже видѣ настоатель запрещение тому даяше, рекше епитимию, о хлѣбе и водѣ дний 40 или множае» [Житие Кирилла Белозерского (1450–1455)]. В приведенном примере глагол *творити* управляет не только существительным *смѣх*, но и близким ему по значению существительным *глумление*, таким образом глагольно-именная конструкция дополняется собственно именной, представляющей парное сочетание тавтологической природы. Здесь мы наблюдаем развитие исходного глагольно-именного комплекса.

Следующим сочетанием, часто встречающимся в житийных текстах, является *творити съвѣтъ*:

«Он же та възвѣщает преподобному Кирилу, понеже и обычай имъ бяше между събою съвѣтъ творити о духовных, и многу любовь имѣяху о Христѣ блаженнии» [Житие Ферапонта Белозерского (1545–1555)]. СлРЯ не фиксирует устойчивое сочетание *творити съвѣтъ*, однако, опираясь на семантику именного компонента, мы делаем вывод о том, что оно означает ‘совещаться, обсуждать что-л.’ [СлРЯ, вып. 26, с. 40].

Сочетания, рассмотренные выше, по своему значению соотносятся с современными глаголами, однокоренными именному компоненту: *творити молитву* – *молиться*, *творити поклоны* – *кланяться*, *смѣху творити* – *насмехаться*, *творити съвѣтъ* – *совещаться*. Вместе с этим житийные тексты старорусского периода содержат сочетания, которые затруднительно объяснить при помощи однословного глагольного эквивалента.

Рассмотрим сочетание *творити милостыню*: «Мужъ нѣкий простѣлюдинъ от веси Олонецкия корѣлянин, живяше благочестно близ монастыря Коневскаго, по вся же дни приходаше в церковь на молитву и милостыню творяше по сил радосною душею» [Житие Арсения Коневского (1500–1600)]. *Милостыня* в данном контексте – это ‘милостыня, подавание’ [СлРЯ, вып. 9, с. 155]. Таким образом, *творити милостыню* на современный русский язык можно перевести как ‘подавать милостыню’.

Не представляется возможным подвергнуть однословной замене и типичное для житий того времени сочетание *творити заповѣди*: «Помяни прежде тебе бывшихъ царей, иже добрѣ суть жили, и Божия заповѣди творили, и по смерти блаженми суть» [Житие митрополита Филиппа (1591–1597)]. Слово *заповѣдь* в данном контексте имеет значение ‘религиозно-нравственное предписание, заповедь’ [СлРЯ, вып. 5, с. 272]. Сочетание с глаголом не закреплено в словаре, его значение может быть сформулировано описательно как ‘соблюдать заповеди, следовать им’.

Подобным образом и сочетание *чюдеса творити* следует понимать как ‘творить, совершать чудеса’. Приведем пример употребления сочетания: «Слава давшему ти таковая чюдеса преславно творити!» [Житие Макария Желтоводского и Унженского (1551–1553)].

В современном русском языке значение данных действий передается при помощи сочетаний с теми же именными компонентами, что и в приведенных примерах, «замене» подвергся только исходный неполнозначный глагол: *творити милостыню* – *подавать милостыню*, *творити заповѣди* – *соблюдать заповеди*, *чюдеса творити* – *совершать чудеса*. Подобные глагольно-именные сочетания легко воспринимаются современным носителем языка, поскольку сходны с известными ему конструкциями по структуре и семантике. Возможно, именно поэтому такого рода составные единицы не нашли отражения в СлРЯ, в отличие от большинства сочетаний, которые поддаются однословной замене на глагол.

Литература

1. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. – 296 с.
 2. Курлюта И. Н. Парадигма глаголов с общим значением «Причинять, приносить» (на материале древнерусских текстов XI–XIV вв.) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2007. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigma-glagolov-s-obschim-znacheniem-prichinyat-prinosit-na-materiale-drevnerusskih-tekstov-xi-xiv-vv> (дата обращения: 15.05.2020).

3. Стародубцева Н. А. Диахронический и синхронно-диахронический подходы к анализу инфинитива в старорусских житийных текстах // Вестник Ставропольского государственного университета. – Вып. 52. – 2007. – С. 123–129.

Словари и справочники

СлРЯ: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Наука–Азбуковник, 1975.

Источники

[1] Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.05.2020).

УДК 811.161.1(045)

Л. Ф. Килина
(Россия, Ижевск)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье поднимается вопрос о статусе устойчивых сочетаний в русском языке разных периодов его развития, делается вывод об отсутствии четких критериев выделения таких сочетаний в древнерусских текстах, анализируются принципы представления в исторических словарях устойчивых глагольно-именных сочетаний, а также проблемы их поиска в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, фразеологизм, древнерусский язык, значение, словарь, словарная статья.

L. F. Kilina

PROBLEMS OF STUDYING SUSTAINABLE VERBIAL-NOMINAL COMBINATIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE DIACHRONIC ASPECT

The article raises the question of the status of stable combinations in the Russian language of different periods of its development. It is concluded that there are no clear criteria for identifying such combinations in Old Russian texts. The author analyzes the principles of representing stable verbal-nominal combinations in historical dictionaries, as well as the problems of their search in the historical subcorpus of the Russian National Corpus.

Keywords: sustainable combination, phraseologism, Old Russian language, meaning, dictionary, dictionary entry.

Многие ученые, занимающиеся исследованием древнерусских текстов, соотносят представленные в них устойчивые сочетания (далее УС) с современными фразеологизмами. В то же время некоторые лингвисты говорят о том, что УС являются особым типом лексических единиц, но при этом, как справедливо отмечает М. Вас. Пименова, в качестве критериев выделения таких сочетаний приводят традиционные признаки фразеологизмов, например, нерасчлененность значения, или идиоматичность (невыводимость цельного значения из значений составляющих данную единицу компонентов), устойчивость, воспроизводимость, постоянство лексико-грамматического состава, единство синтаксических функций и под. [2, с. 441]. Существует также точка зрения, что понятие «устойчивые сочетания» шире понятия «фразеологизмы», поэтому и признаков УС меньше: единство и постоянство лексического значения, образование по определенной модели с ограниченным набором лексических компонентов, воспроизводимость в речи [1, с. 73].

В данной статье мы рассматриваем проблемы, с которыми можно столкнуться при изучении устойчивых глагольно-именных сочетаний (далее УГИС) русского языка XI–XVIII вв. Выбор сочетаний глагола и имени существительного, обычно обозначающих действие, процесс или состояние, неслучаен. А. И. Молотков во вступительной статье к «Фразеологическому словарю русского языка» выводит глагольно-именные словосочетания типа *дать согласие, одержать победу, сделать ошибку* и др. за пределы состава фразеологизмов, говоря о том, что такие сочетания представляют собой описательные обороты, в которых каждое слово сохраняет свое лексическое значение, форму, грамматическую характеристику [ФСРЯ, с. 14]. При этом глагольно-именные словосочетания типа *доводить до бешенства, приходить в исступление, впасть в истерику* и под. со значением ‘приводить кого-либо или приходить самому в определенное состояние’ считает единицами, которые находятся «на грани перехода во фразеологизмы» [ФСРЯ, с. 15].

Вслед за другими исследователями мы полагаем, что УГИС занимают промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологическими единицами. Специфика УГИС обусловлена их происхождением: большая часть таких единиц возникла для закрепления в речевой практике определенного действия, повторяющегося в однотипных ситуациях. Главным отличием УГИС от фразеологизма является отсутствие такого признака, как идиоматичность (нерасчлененность значения). Например, в сочетании *не въ совѣтъ быти*, которое приводится в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» со значением ‘враждовать, не иметь согласия’ в словарной статье существительного *совѣтъ*, существительное выступает в значении ‘согласие, лад, взаимная любовь; мир, мирные, дружеские отношения; единодушие’ [СРЯ, вып. 26, с. 40], глагол же в данном случае имеет значение ‘быть, существовать’. Таким образом, значение сочетания фактически складывается из значений его компонентов, мы можем говорить в этом случае только о единстве и постоянстве лексического значения УГИС (см. выше).

С другой стороны, с фразеологизмами УГИС сближает такой важный признак, как устойчивость, которую иногда отождествляют с воспроизводимостью, а также рассматривают как традиционную повторяемость, тесную связанность лексических компонентов, постоянство членов в данной комбинации, как ограничения в сочетаемости слов и словесных значений, определяющиеся внутренними законами языковой системы, как предсказуемость или совместную встречаемость элементов устойчивого сочетания слов (когда один лексический элемент или два элемента постоянной комбинации с известной степенью вероятности предсказывают в речевой цепи остальные элементы комбинации) как меру идиоматичности [3, с. 3–4]. В этом же научном издании предлагается и комплексное понятие устойчивости как совокупности «ограничений в выборе переменных фразеологической единицы на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях» [3, с. 3–4]. Нам представляется удачным последнее определение, так как именно по причине ограниченной сочетаемости (лексической и грамматической) единиц, являющихся смысловым центром словосочетаний, последние в конечном итоге становятся употребительными в однотипных ситуациях.

Итак, одной из проблем изучения УГИС является их особый статус в системе русского языка, причем разных периодов его развития. Возникают трудности с отнесением той или иной единицы древнерусского языка к устойчивым, так как нет четких критериев выделения таких единиц в принципе. В то же время у нас есть возможность обратиться к историческим словарям русского языка, в которых УГИС приведены. Однако мы столкнемся с еще одной проблемой: разными подходами к представлению устойчивых сочетаний в словарях.

Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского УГИС приводятся с новой строки и обозначаются тире. Основная трудность для исследова-

теля заключается в том, что сочетания в этом словаре указываются только один раз. Например, УГИС *судъ дати* (‘разрешить тяжбу’ и ‘дать право суда’) приведено только в словарной статье глагола *дати* [МСДРЯ, с. 634], но отсутствует в статье существительного *судъ*. Примечателен тот факт, что в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» указанное УГИС отсутствует, хотя примеры его употребления можно обнаружить в других словарных статьях, например в статье слова *переводъ*: «а чего будеть искати мнѣ и моимъ бояромъ. и моимъ слугамъ. у новгородьцевъ. и у новоторжьцевъ. и у волочанъ а тому всему *судъ дати* безъ перевода» Гр 1294–1301 (2, твер.), «а кому с кымъ тяжа *су(д) дати* безъ перевода. а суженого не посуживати» Гр 1265 сп. н. XV (полоцк.) [СДРЯ]. Интересно, что пример, подобный первому, мы обнаруживаем в МСДРЯ в качестве иллюстрации употребления сочетания в значении ‘разрешить тяжбу’ [МСДРЯ, с. 634]. Судя по контекстам, приведенным в словаре, рассматриваемое УГИС могло дополняться компонентом *безъ перевода*, хотя, конечно, на основании словарных данных мы не можем говорить об устойчивом употреблении расширенного сочетания.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведено сочетание *дати судъ* (оно выделено разрядкой) с несколькими значениями: а) устроить судебное разбирательство; решить дело судом; б) разрешить спорное дело; распорядиться о наказании, в) дать право суда, например: «И по тому ихъ [лопарей] челобитью... *дать судъ*; а что по суду учинено будеть, о томъ для ведома велено писать въ Новгородской приказъ». ДАИ XI, 4. 1684 г.; «Владееть, государь, тотъ Евсеи на Курострове в Залесье Бороздинскою Никольскою деревнею сильно, неведомо почему... *дай*, государь, намъ на того Евсея свои *судъ* и управу» Гр. Дв. I, 455. 1613 г.; «Во Псковѣ [митрополит] постави имъ архимандрита Геласья, и *дасть* ему *судъ* владычнь и вси пошлыны» Новг. I лет., 418 [СРЯ, вып. 4, с. 176]. В этом же словаре в статье слова *судъ* в значении ‘способ определения виноватого посредством какого-л. испытания’ находим то же УГИС с отсылкой к статье глагола *дати* (см. дати) [СРЯ, вып. 28, с. 251]. В данном лексикографическом источнике мы обнаружили наиболее полное описание интересующей нас единицы, однако осуществлять поиск УГИС в нем проблематично, так как далеко не всегда сочетание приводится в словарных статьях всех входящих в его состав слов.

Авторы «Словаря русского языка XVIII века» отнесли рассматриваемое сочетание к несвободным (аналитическим и синтетическим), оно приведено в той части словарной статьи глагола *дати*, где указано, что «в сочетании с многими существительными (преимущ. именами действия) означает: произвести действие, обозначенное существительным» [СРЯXVIII]. Сочетание отмечено особым знаком – стоячим светлым ромбом: ◊ Д. суд кому. См. Суд. Однако отсутствуют значение сочетания и примеры употребления (такие данные приводятся только для фразеологизмов).

Проанализировав материалы словарей, мы приходим к выводу, что одно и то же УГИС по-

разному в них представлено, поэтому, чтобы получить о нем более или менее полную информацию, придется просмотреть все словари. Кроме того, чтобы выявить особенности употребления той или иной устойчивой единицы, недостаточно использовать только словарные материалы, необходимо проанализировать достаточно большой массив текстов. И такая возможность сегодня у историков языка есть: они могут обратиться к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), в котором на данный момент созданы древнерусский, старорусский и церковнославянский подкорпусы, а также подкорпус берестяных грамот. Поиск мы можем осуществлять отдельно в каждом подкорпусе, что, безусловно, удобно, так как обрабатывать слишком большое количество примеров трудно. Однако при использовании этого электронного ресурса мы также столкнемся с некоторыми проблемами.

Рассмотрим особенности осуществления поиска приведенного выше УГИС *судъ дати (дати судъ)* в старорусском подкорпусе. Если задать в поисковой строке сочетание *судъ дати* в его начальной форме, то выпадает только 3 контекстных примера (все из грамот), еще 1 пример мы получим, набрав *дати судъ*. Чтобы учесть различные формы глагола, мы должны набрать *судъ да**, тогда увидим выборку уже из 8 контекстов, причем тоже деловых (кроме одного примера из Никоновской летописи). Еще 5 примеров нам даст выборка по запросу *да* судъ*; соединив все выбранные контексты, мы получим 13 примеров употребления искомого сочетания. Можно ли считать эту выборку полной? Здесь следует сказать о том, что компоненты (или формы) УГИС могут варьироваться, например, если мы зададим запрос *да* суд**, то среди прочих выпадет такой контекст: «И Иван да Михаило им *дали суды*, на чем к Исмаилу ъхати и чѣм в Волге кормится» (л. 101 об., Лебедевская летопись, события 1553–1563 гг., (1567–1576). Подобных случаев в новой выборке несколько, а самое главное, что обнаружится большое количество примеров, в которых слово *судъ* пишется как *суд*, то есть без ъ. Итак, именно последний вид запроса позволит нам сделать точную выборку, но нам придется просмотреть 241 контекст. Учитывая, что при поиске того или иного УГИС контекстов может быть значительно больше, мы вынуждены признать трудоемкость выборки с помощью инструментов НКРЯ.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изучение устойчивых глагольно-именных

сочетаний в диахроническом аспекте сопряжено с целым рядом трудностей, обусловленных отсутствием четкого представления о критериях выделения таких сочетаний, в связи с чем в исторических словарях они отражены по-разному; до сих пор не решена и проблема поиска УГИС в древнерусских текстах.

Литература

1. Макушина А. А. Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2010. – № 2(12). – С. 73–76.
2. Пименова М. Вас. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2013. – С. 439–449.
3. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – 356 с.

Словари и справочники

МСДРЯ: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К / Отд. рус. яз. и словесности Император. АН. – СПб. : Изд. Отделения Русского языка и Словесности Имп. АН, 1893 – (Тип. Имп.АН). XI. – 1420 с.

СДРЯ: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 6 (овадь – покласти) / И. В. Андрианова, В. Л. Виноградова, Л. В. Вялкина [и др.], РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2000. – 602 с.

СРЯ: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука–Азбуковник, 1975.

СРЯXVIII: Словарь русского языка XIII в. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (дата обращения: 25.04.2020).

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словар. ст. / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543с.

Источники

- [1] Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

РУССКАЯ АФОРИСТИКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье говорится об исследовании русской афористики в диахроническом аспекте (от момента появления первых литературных памятников до настоящего времени). На примере анализа фразеосемантического поля «государственность» прослеживаются особенности исторического развития русской афористики.

Ключевые слова: афоризм, афористика, русская афористика в диахронии.

A. V. Korolkova

RUSSIAN APHORISTIC IN THE DIACHRONIC ASPECT

The article deals with the study of Russian aphorism in the diachronic aspect (from the moment of the first literary monuments to the present time). The analysis of the phraseosemantic field "statehood" shows the peculiarities of the historical development of Russian aphorisms.

Keywords: aphorism, aphoristic, Russian aphoristics in diachrony

Исследование русского языка в диахронии предполагает анализ разного рода дискурсов, в том числе и литературного дискурса. Особым аспектом литературного дискурса можно считать афористику. Понятие афоризма в настоящее время амбивалентно, афористика изучается в рамках и языкознания, и литературоведения. История русской афористики начинается со времени появления первых памятников древнерусской письменности. Изречения древнерусской литературы позволяют восстановить концептуальную картину мира носителя русского языка тех времен. Афоризмы существуют в русском языке, в русской литературе на протяжении столетий, что дает основание рассматривать русскую афористику в диахронии. При этом афоризмы как отдельное явление языка и речи показывают, как во времени меняется национальная картина мира.

Анализ афоризмов в диахронии (и в синхронии при необходимости), на наш взгляд, следует строить на основе исследования фразеосемантических полей (фразеосемантических групп).

Отметим, что прослеживается аналогия в изучении афористики и фразеологии русского языка, где традиционно выделяют темы, фразеосемантические поля и фразеосемантические группы, а также более мелкие семантические образования – лексико-семантические группы ФЕ: дружбы, любви, времени, жизни, Родины, бессмертия, славы, труда и пр.

В работе Ю. А. Гвоздарева «Фразеосемантические группы ФЕ, их структура и представление в идеографических словарях» предлагается следующее толкование фразеосемантической группы: «Под фразеосемантической группой понимается ряд ФЕ данного языка, находящихся в системных отношениях (синонимико-антонимических), объединяющихся общей интегрирующей архисемой» [2, с. 48]. Присоединяемся к этой концепции.

Фразеосемантические группы (лексико-семантические группы ФЕ) объединяются во фразеосемантические поля.

В русской афористике выделяются фразеосемантические поля, соотносимые с такими же полями русской фразеологии.

Основой для объединения изречений во фразеосемантические поля становятся ключевые слова, которые можно выделить в каждом афоризме. Ключевые слова афоризмов позволяют объективно рассмотреть полученные данные.

Лексические единицы, являющиеся ключевыми словами афоризмов, легко объединяются в тематические группы и – шире – в семантические и фразеосемантические поля. Семантическим полем за О.С. Ахмановой мы называем «частичку, «кусочек» действительности, выделенную в человеческом опыте и теоретически имеющую в языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы» [1, с. 334]. В подобную микросистему входят слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную тему. Семантическое поле как более масштабное понятие включает в себя отдельные тематические группы. В свою очередь тематическая группа, по определению О. С. Ахмановой, – это «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [1, с. 118].

Во фразеосемантическое поле могут входить единицы разных частей речи (в том числе и фразеологические единицы, идиомы), они вступают в синтагматические, парадигматические и ассоциативно-деривационные отношения. Структура фразеосемантического поля предполагает наличие ядра, центра и периферии. В качестве ядра основных семантических полей русской афористики можно называть ключевые слова, которые оказываются способными соединить, сконцентрировать вокруг себя лексические единицы, составляющие изречения. Кроме того, с учетом ключевых слов в единое фразеосемантическое поле объединяются афоризмы различных авторов. При этом семантика может выражаться не одними и теми же лексическими единицами, но единицами семантически смежными, лежащими на периферии этого поля.

Важнейшими элементами, структурирующими семантическое поле, являются отношения гипонимии. Гипонимию можно рассматривать как иерархическую систему, основанную на родо-видовых

отношениях, в основе которой лежит отношение несовместимости.

На основе гипонимических отношений лексические единицы, а в афоризмах – ключевые слова объединяются в лексико-семантические группы, которые объединяют слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности, далее – тематические группы, семантические сферы, что и составляет структурную схему фразеосемантического поля.

Во фразеосемантических полях афористики ключевые слова актуализируются в конкретных изречениях, вступают в системные парадигматические и синтагматические отношения. При этом каждое фразеосемантическое поле рассматривается в тесном единстве со смежными полями.

В. Г. Дидковская в статье «Фразеологические сочетания в составе семантического поля «речевая деятельность»» отмечает: «Полевой анализ фразеологических сочетаний, предполагающий их соотношение с мыслительным комплексом – концептом, позволяет раскрыть их смысловую индивидуальность и уяснить условия номинативного и коммуникативного употребления» [3, с. 316].

Стержнем рассматриваемых нами семантических полей русской афористики стали ключевые слова афоризмов, которые в свою очередь являются лексической реализацией концептов. Основой исследования стал словник «Словаря афоризмов русских писателей» [4].

Проведя подсчеты на уровне ключевых слов (т. е. соответствующих лексических единиц), мы позволим себе утверждать, что основными фразеосемантическими полями афористики русских писателей и поэтов XVIII века являются: *разум, человек / люди, народ, качества человека, язык (слово), учение, любовь, дружба, Россия (отечество), эмоциональные состояния человека, мудрость, слава, смерть, жизнь, душа, судьба, мир* и пр.

Весьма интересным фразеосемантическим полем афористики XVIII века стало поле, объединяющее понятия *государственности, государственных категорий*, таких как *закон, рабство, порядок, польза, опыт* и пр.

*Законы святы,
Но исполнители лихие супостаты...*
(В. В. Капнист)

* * *

*Таков есть закон природы: из мучительства
рождается вольность, из вольности рабство...*
(А. Н. Радищев)

В афоризмах XVIII века отражаются классицистические взгляды на мир и искусство. В основе всего лежит идея превалирования разума над чувствами, долга перед государством – над личными интересами.

В силу объективных причин корпус афористики XVIII века невелик по объему, именно в это время только начинает развиваться светская художественная русская литература.

Русская афористика XVIII века выполняет особую функцию осмысления новой послепетровской действительности. Она анализирует и отражает нравственную концепцию человека эпохи русского барокко и классицизма, показывает борьбу нового и старого в русской жизни, извлекает самое главное, что спрятано за повседневными заботами, осмысливает все это и предлагает пути решения глобальных общечеловеческих и личных проблем и обыкновенного человека и власть имущих, касается вопросов человеческих чувств, пороков, добродетелей.

Афористику XIX века можно назвать всеобъемлющей по началу развития отдельных направлений, а также по широте тематики и проблематики. В XIX веке появляются первые обособленные книги русских афористов, переводные сборники афоризмов, словари русских и классических афоризмов.

Параллельно развивается шутовская, ироническая афористика и афористика глубоких обобщений и сентенций. Афоризмы активно используются в публицистике, в научных сочинениях гуманитарной направленности, активно вторгаются со страниц газет, журналов, книг в повседневную речь.

В XIX веке активно пополняется фразеосемантическое поле, объединяющее понятия *государственности и государственных категорий*. Афоризмы этого поля, чаще всего возникая в художественных текстах, активно используются в публицистике.

Например:

*В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде не был он*
(И. А. Крылов)

Но встречаются случаи, когда афоризмы фразеосемантического поля *государственности* создаются специально для публицистических и даже научно-популярных текстов.

В форме изречений писатели и поэты, ученые, общественные деятели рассуждают о государственном устройстве, о законах, о требованиях народа, о социальной ответственности государства и пр.

Законы о наказаниях имеют в виду не только охрану общества, целью их служит еще наибольшее возможное усовершенствование человеческого существа. И эти две задачи как нельзя лучше согласуются одна с другой; больше того: ни одна из них не достижима отдельно от другой.

(П. Я. Чаадаев)

Для Российского государства XX век оказался противоречивым и трагическим, что отразилось в истории русской афористики. Фразеосемантическое поле *государственности / государственных категорий* русской афористики XX века отразило все политико-идеологические изменения русской ментальности. Рассматриваемое фразеосемантическое поле в XX веке пересекается с фразеосемантическим полем *трагическое восприятие действительности*. История XX века в России, история рус-

ской государственности в афористике, действительно, обрисована довольно драматично.

Сам процесс <Нюрнбергский процесс>, его законы, его логика, его материалы и выводы разоблачили всю низость, всю гнусную и страшную сущность идей нацизма и одновременно прозвучали грозным предостережением человечеству.

(Б. Н. Полевой)

* * *

Разумное государство должно беспристрастно разыскать в прошлом глубокую неправду и спокойно и беспристрастно устранить ее на будущее... Такая неправда прошлого была в застое, в безгласности и в задержке важнейших глубоких реформ.

(В. Г. Короленко)

Категории, связанные с государственностью, такие как *свобода, необходимость, справедливость, требования народа, закон, рабство, порядок, польза*, зачастую являясь ключевыми словами афоризмов, расширяют границы рассматриваемого фразеосемантического поля.

Деятели русской культуры, литературы, науки афористически осмысляют все происходящие события. Их изречения во многом являются отражением общенародных взглядов, системы ценностей, мировоззрения народа. Вместе с тем афоризмы глубоко индивидуальны, оригинальны, парадоксальны и отражают личность автора.

Так, в афористике Максимилиана Волошина выражены его общественно-политические взгляды на государственное устройство. Особо он размышляет о справедливости в социальном государстве.

Справедливость, как миг, как порыв любви, как мятеж против беззакония, – прекрасна, как акт (не как последствия). Справедливость судящая, наказывающая, – зло. Нет закона, справедливого для двух людей, потому что моральные пути не совпадают и героический поступок одного явился бы преступлением для другого. Социальный закон только тогда хорош, когда он имеет в виду полезность, а не справедливость.

(М. А. Волошин)

Рассуждения о главенстве закона в государстве, о принципах существования государства можно найти в изречениях Ч. Айтматова, Е. Винокура, Ю. Домбровского, В. Закруткина, Ю. Даниэля и др.

Во всей нашей печальной истории нет ничего более страшного, чем лишить человека его естественного убежища – закона и права...

(Ю. О. Домбровский)

Фразеосемантическое поле *государство / государственность / государственное устройство* является показательным примером сквозного развития концепта «государство» в русской афористике. В таком же диахроническом аспекте можно рассмотреть развитие множества концептов, например, времени, языка, любви, Родины, дружбы и пр.

Русская афористика на протяжении столетий последовательно раскрывала концептуально важные для русской ментальности понятия, осмысляла их, ставила вопросы, предлагала ответы. Национальная мудрость, отраженная в афористике, является универсальным базисом русской культуры.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Гвоздарев Ю. А. Фразеосемантические группы ФЕ, их структура и представление в идеографических словарях // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Тезисы сообщений школы-семинара (13–17 ноября 1990 г.). – Орел, 1990. – С. 48–49.
3. Дидковская В. Г. Фразеологические сочетания в составе семантического поля «речевая деятельность» // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – СПб. : Политехника, 2003. – С. 312–317.
4. Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н. Словарь афоризмов русских писателей. – М. : Русский язык Медиа, 2008. – 636 с.

Ф. Ф. Фархутдинова
(Россия, Иваново)

ВАРИАНТНОСТЬ ПАРЕМИЙ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

В состав «Толкового словаря живого великорусского языка» включено более 35 тысяч пословиц и поговорок. Одни из них представлены единственной формой употребления, другие – широким вариантным рядом. В статье анализируются способы подачи вариантных паремических единиц в словаре и предпринимается попытка понять отношение В. И. Даля к этому явлению.

Ключевые слова: вариантность, пословица, поговорка, типология вариантов, вариантный ряд, словарная статья, языковая личность.

F. F. Farkhutdinova

VARIABILITY OF PAROEMIAS IN THE DICTIONARY OF VLADIMIR DAHL

The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language includes more than 35 thousand proverbs and sayings. Some of them are represented by a single form of use while others are represented by a wide range of variants. The article analyzes the ways of presenting variant paremic units in the dictionary and attempts to understand Dahl's attitude to this phenomenon.

Keywords: variability, a proverb, a saying, a typology of variants, a variant number, the dictionary entry, language personality.

Один из многих афоризмов, связанных с оценкой «Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля», утверждает: *У Даля есть всё*. Обычно слово *всё* связывают с объемом данного произведения и неисчерпаемостью его словарных богатств, отразивших русский мир середины XIX века: народный быт, философию, взгляды образованной части общества на многие современные проблемы – то, что нашло отражение в живой устной речи. Вместе с тем словарь представляет огромный интерес не только как сокровищница слов и выражений, не только как своеобразное лексикографическое произведение особого жанра, но и как книга, отразившая личность её создателя, – человека, отмеченного чувством любви к Отечеству и к родному языку – *amour linguae*, но при этом открыто заявлявшего о своей непричастности к лингвистической науке. В. И. Даль имел свой взгляд на многие вопросы состояния современного ему языка и языкознания и открыто выражал их в публицистических статьях и в художественных произведениях. Но многие его суждения по данной проблематике были включены в тексты словарных статей Словаря в виде иллюстраций словоупотреблений. Кроме того, Словарь содержит почти 35 тысяч пословиц и поговорок, которые также выполняют функцию иллюстраций, показывая правильное употребление слова в народной устной речи. Эти особенности Словаря Даля позволяют увидеть явление вариантности пословиц под особым углом зрения – с позиций творческой языковой личности, которая обладает не только уникальным лексиконом, но и особым прагматиконом, отражающим его гражданскую позицию и подход к написанию Словаря как книги для чтения.

Известно, что явление вариантности языковых единиц получило теоретическое осмысление в лингвистике XX века и изначально было соотносено с проблемой тождества и отдельности. Размышляя о роли тождеств и различий в организации языка, Ф. де Соссюр пришел к пониманию того, что

«весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь обратной стороной первых. Поэтому проблема тождества и отдельности возникает повсюду» [1, с. 141]. Данное положение легко доказывается историей фразеологической науки. Не случайно практически с первых дней её становления проблема тождества и отдельности оказалась одним из дискуссионных моментов, связанных с ответом на вопрос, как соотносятся категориальный признак устойчивости и вариантность формы фразеологической единицы. Поиску ответа на этот вопрос было посвящено огромное количество исследований середины прошлого века. Достаточно подробный анализ различных подходов к вариантности фразеологизмов представлен, например, в коллективной монографии «Современная фразеология: тенденции и инновации», отдельная глава которой – «Проблема варианта фразеологизма как компонента фразеологической модели (на материале английского, немецкого и шведского языков)» – посвящена данному вопросу. Автор главы – проф. Т. Н. Федуленина – анализирует работы отечественных и зарубежных ученых, главным образом, 50–70-х годов XX века [2]. Такой подход отражает путь развития фразеологической науки: от поиска релевантных признаков фразеологизма к анализу проблем семантики, системной организации фразеологических единиц и разграничению синонимии и вариантности, к выявлению механизмов варьирования и типологии вариантов, к решению прикладных задач, например, в области лексикографии, методики преподавания и др.

Наряду с фразеологической вариантностью глубокому и разностороннему анализу подверглась и паремическая вариантность, изучение которой началось в годы оформления фразеологии как самостоятельной науки, что можно видеть на конкретных примерах. В. Л. Архангельский, являвшийся сторонником широкого понимания объема фразеологии и широкого подхода к вариантности, считал вариан-

тами такие видоизменения формы фразеологизма, при которых ФЕ с тождественным значением могут полностью различаться компонентным составом, если обороты имеют одинаковую структуру, реализуют один и тот же инвариант, способны заменять друг друга в контексте без ущерба для содержания текста. В соответствии с таким пониманием вариантности паремии *гусь свинье не товарищ, горшок котлу не товарищ, пеший конному не товарищ* В. Л. Архангельский называет вариантами одного фразеологизма [3, с. 135]. Оценивая такой подход к пониманию вариантности в сфере фразеологии, Ю. А. Гвоздарев отмечает, что существует много сложностей, связанных с отнесением устойчивых оборотов к одному и тому же инварианту. Так, он полагает, что паремии *отольются медведю коровьи слёзки, отольются кошке мышьины слёзки, отольются волку овечьи слёзки* построены по одному образцу: «отольются обидчику слёзы обиженного», но их нельзя квалифицировать как варианты одной паремии, т. к. каждая из этих трех паремий имеет собственный инвариант, потому что «слова *медведь – корова, кошка – мышка, волк – овца* употребляются только парами, смещение слов в этих парах невозможно», поскольку «эти слова четко противопоставлены в русской фольклорной традиции и в ряде фразеологических единиц, а также логически» [4, с. 33–34]. В соответствии с таким пониманием вариантности и синонимии примеры В. Л. Архангельского *гусь свинье не товарищ, горшок котлу не товарищ, пеший конному не товарищ* должны рассматриваться как три самостоятельных (синонимичных) оборота, построенных по одной модели. Глубокий анализ пословичных биномов типа *голова – нога, голова – ум, голова – спина* (к их числу можно отнести и пары *кошка – мышка, волк – овца / баран, медведь – корова, пеший – конный*) дан в работе «Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость» [5].

Вообще же возникновение паремической вариантности связывают с её функционированием. Паремическая единица, используемая как инструмент для обобщения, для классификации и характеристики фактов и явлений окружающего мира, как способ оценки происходящего, позволяет говорящему импровизировать и обновлять (изменять) форму паремии и её содержание [6, с. 107]. Признанный конститутивным признаком паремий, бытующих, как правило, в устной форме речи, вариантность порождается самыми разными факторами (хронологическими, территориальными, социально-стратовыми, стилистическими, творческими и др.), которые обуславливают лексическую вариативность паремической единицы. Пределом лексической вариантности паремии становится разрушение паремического образа («образной основы», по В. Т. Бондаренко). Одним из ключевых вопросов паремической вариантности является вопрос о типологии вариантов. Выстраивая типологию, исследователи учитывают парадигматические связи варьирующихся компонентов-слов, структуру паремий, количественный параметр (наличие паремий с факультативными элементами), семантические изменения.

Представленный в Словаре Даля паремический материал очень разнороден, что понимал и сам автор. Так, по прошествии времени, оценивая главный труд своей жизни с точки зрения включенного материала, он отмечал его пестроту, поскольку там были «речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промышленные и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходящие с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями окольными; с показаниями различных значений <...>, указания на словопроизводство; примеры с показанием условных оборотов речи, значения видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, при словья, скороговорки и пр.» («Напутное слово», с. XXIII). По словам автора, он «вводил *все* без изъятия, оправдываясь поговоркой *Чистому все чисто*».

В словарную статью ВАРИЯ – «в церковном слогаударении: надстрочный знак на конечной гласной, *тяжкий или тупой*: (i) – В. И. Даль включил следующие слова, связанные с рассматриваемой проблематикой: **Варианта** ж. или **вариантъ** м. лат. изменение или различия в рукописях или в печатных изданиях; разноречие, разнословы, отлика, инаковица. **Вариация** ж. изменение, переверстка, перемена в разных научн. знач. [ТСЖВЯ, т. I, с. 166]. В слове **вариация** лексикограф выделил специальные значения, сопроводив их пометами *муз., матм., астрн.* Кроме того в тексте словарной статьи своё место получили глагол **вариировать** («изменять, перевертывать, применяясь к принятым условиям или правилам, согласно значению слова *вариация*») и прилагательные **вариантный**, **вариационный** – «относящийся к *варианту*, к *вариации*» [ТСЖВЯ, т. I, с. 166]. Из текста словарной статьи следует, что понятие **варианты** лексикограф использовал и применительно к словарному составу, обозначая этой номинацией *разнословы* – нечёткое (синонимы или собственно варианты, с современной точки зрения, слова?) множество языковых единиц, в том числе и паремий.

Невозможно дать точных количественных данных о числе паремических вариантов в тексте Словаря, потому что вариантные ряды в нем представлены в скрытой форме – в текстах разных словарных статей. Например, **Артелью города берут** (словарная статья АРТЕЛЬ) – **Аравью города берут** (словарная статья АРАВА) – **Надокукою города берут** (словарная статья НАДОКУЧАТЬ) – **Неволею (или осиливая) города берут** (словарная статья НЕВОЛЯ) – **Обманом города берут** (словарная статья ОБМАНЫВАТЬ) – **Попадом пиво пьют и города берут** (словарная статья ПОПАДАТЬ) – **Сиденьем (или стояньем) города берут** (словарная статья СИДЕТЬ) – **Расплохом города берут** (словарная статья РАСПЛОХОЙ). Данный вариантный ряд включает в свой состав восемь форм, которые различаются лексическим составом за счет варьирования лексем *артель, арава, надокука, неволя, обман, попад, сиденье / стоянье, расплох*. Большинство из них характеризует с точки зрения русского самосоз-

нения способ успешного достижения результата: действовать сообща (*артель, арава*), действовать постепенно, брать на измор (*надокука, неволя*), действовать хитростью (*обман*) или неожиданно (*распlox*), действовать длительно (*сиденье/стоянье*). Лишь один из вариантов отмечает, что успех может быть делом случая: *попадом*, т.е. случайно [ТСЖВЯ, т. III, с. 296–297]. Одна из вариантных форм отличается от остальных числом компонентов, поскольку имеет другую структурно-семантическую модель: *Попадом пиво пьют и города берут*. Обращает на себя внимание и то, что одну из паремий ряда В. И. Даль представил как вариантную: *Сиденьем (или стояньем) города берут*. Данный вариантный ряд даёт возможность понять Далев подход к представлению вариантности паремий: они включаются в разные словарные статьи, как правило, их форма отличается (одним – двумя словами или дополнительной факультативной частью), в редких случаях лексикограф сам выделяет наличие вариантности. В тексте словаря паремическая единица может повторяться в одном и том же виде: *У бабы волос долог, да ум короток* (словарные статьи БАБА, ДОЛГИЙ). Но автор стремится не повторяться. Так, эта паремия представлена в ином виде *Волос долог, да ум короток, у бабы* (словарная статья ВОЛОС) и *Было три жены – да все острижены (волос долог, а ум короток)* (словарная статья ТРИ). Изменение порядка слов (*Душа Божья, тело Государево, а спина барская* (словарная статья БАРИН) и *Тело Государево, душа Божья, спина барская* (словарная статья СПИНА), замена знаков препинания (*Пусти бабу в рай, а она и корову за собой ведет* (словарная статья БАБА) и *Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет!* (словарная статья РАЙ) – обычный прием, который использует Даль для представления паремических вариантов.

Сегодня нельзя однозначно ответить на вопрос о причинах огромного числа вариантов пословиц в тексте словаря В. И. Даля. Лексикограф стремился показать богатство и разнообразие живой уст-

ной речи своего времени, и это ему удалось. Насколько велика доля собственных трансформаций паремий – вопрос открытый. Главное заключается в нашем понимании того, что «Этой книге... цены нет. Какое богатство словесное! Какие поговорки! Пословицы! Присказки и загадки! Разумеется, они примерно на одну треть придуманы Далем. Но что из того? Ничего. Важно, что хорошо придуманы» [Мариенгоф].

Литература

1. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
2. Современная фразеология: тенденции и инновации : монография / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко, Т. Н. Федуленкова, Д. О. Добровольский, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко ; отв. ред. А. П. Василенко. – М., СПб., Брянск : Новый проект, 2016. – 200 с.
3. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.
4. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1977. – 184 с.
5. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
6. Семененко Н. Н., Шипицина Г. М. Русская пословица: функции, семантика, системность. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.

Словари и справочники

ТСЖВЯ: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. – М. : Гос. изд – во иностр. и национ. словарей, 1955.

Источники

Мариенгоф А. Мой век, моя молодость, друзья и подруги. – URL: <https://coollib.com/b/96536> (дата обращения: 3.05.2020).

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ: ПРОЦЕССЫ АРХАИЗАЦИИ И НЕОЛОГИЗАЦИИ

УДК 81.161.1+81'373.43+81'42

О. А. Гордиенко
(Россия, Краснодар)

Е. А. Трунова
(Россия, Краснодар)

НЕОЛОГИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И АФОРИЗМОВ В СТУДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Выделены три направления неологизации при передаче в дискурсе афоризмов и цитат: незначительное изменение авторской мысли, упрощение и сужение авторской мысли, расширение и преобразование авторской мысли. Сделаны выводы о том, что неологизации подвергаются притчевые по направленности высказывания и что изменение значений устойчивых выражений в сознании молодёжи свидетельствует о преобразованиях в национальной картине мира.

Ключевые слова: фразеология, цитирование, неологизация, окказиональность, узус, дискурс, аксиология, менталитет, картина мира.

O. A. Gordienko
E. A. Trunova

NEOLOGIZATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND APHORISMS IN STUDENT DISCOURSE

Identified three areas of geological idioms-quotations in student discourse, it is concluded that the change in the meanings of phraseological units in the minds of young people indicates the change in the national picture of the world.

Keywords: phraseology, citation, neologization, occasionality, usage, discourse, axiology, mentality, world view.

Понятие текста многопланово, рассматривают его и как глобальный знак, включающий слово, коллокацию, высказывание, и как ментальное образование (концепт, пропозиция, когниотип) [1, с. 5], взаимодействие языка и мировоззрения, как универсальное семантическое пространство культуры, результат взаимодействия языка и ментальности [2, 3]. В связи с этим в современном языкознании существуют различные взгляды на порождение в речи и изменение целостности фразеологизмов и афоризмов.

Неологизация рассматривается нами как «средство обновления языковой картины мира» [8, с. 14]. Но неологизацию можно понимать достаточно широко, не только как появление нового слова в языке за счёт заимствования новой реалии или понятия и соответствующего «переноса наименования из одной языковой среды в другую» [8, с. 35], но и как результат процесса межкультурной коммуникации [8, с. 18], когда картины мира разных языков приходят в соприкосновение. И в этой связи интересно рассмотреть не отдельные слова, а базовые, устойчивые языковые элементы «концептуальной картины мира» [8, с. 22] – фразеологизмы, афоризмы, цитаты.

Вслед за В. Н. Телия, рассматривающей фразеологизмы и афоризмы с точки зрения достижений менталитета народа, достояния национальной и общечеловеческой культуры [12, с. 222], мы относим к фразеологизмам «все типы узуально воспроизводимых сочетаний, которые группируются в сильно размытые множества на основании тех или иных характерных для каждого множества признаков

и отношений между ними» [11]. Также мы придерживаемся положения В.Н. Телия о шести разделах фразеологии: лексической идиоматике; воспроизводимых сочетаниях слов (фразеологических сочетаниях, по терминологии В. В. Виноградова), пословицах и поговорках, крылатых выражениях, клише (или «речевых заготовках»), «цитации» (или «чужой речи», приводимой по памяти) [11].

Объектом представленной здесь части исследования являются «цитации» (или цитаты) и крылатые выражения, поражающиеся в молодёжном дискурсе со смысловыми изменениями, что свидетельствует об их неологизационном характере. Предметом исследования является процесс неологизации цитируемых единиц.

Понятие неологизации тесно связано с понятием окказионального употребления лексики и фразеологии, с понятием потенциальных слов. Если неологизация – это, как известно, пополнение языка новыми словами в отдельные исторические периоды развития языка, то окказионализация – индивидуально-авторские преобразования узуальной структуры слова или фразы. И неологизмы, и окказионализмы создаются спонтанно, если возникает потребность в реализации иного значения, отличного от нормативного в рассматриваемый языковой период.

Проблемами неологизации и окказионального употребления устойчивых выражений сейчас успешно занимается научная фразеологическая школа Костромского госуниверситета. основополагающими по этой проблематике следует считать работы последних десятилетий И. Ю. Третьяковой [14],

Е. Н. Ермаковой [5, 6], А. Е. Колобовой [9], а также Л. М. Джаграевой [4] и др. Классические работы по окказиональному словоупотреблению принадлежат профессору Кубанского госуниверситета А. Г. Лыкову [10], с точки зрения концептосферы и этнокультуры проблему рассматривают Л. Ю. Буянова [2, 3], И. В. Карасик [7] и др.

Л. П. Попко считает, что «четкой границы между окказиональным фразеологизмом и неологизмом нет», так как «пока данная единица функционирует на уровне речи, она остается окказионализмом или авторским употреблением» [13]. Другие исследователи полагают, что способность к трансформациям – свойство исключительно речевых единиц, поэтому деривацию фразеологических единиц они рассматривают только на уровне речи: «...новое в языке – неологизмы, новое в речи – окказионализмы» [5, с. 95], «...окказиональные фразеологизмы – это единицы, функционирующие в речи» [14, с. 14]. В то же время окказионализм характеризуется необычностью структуры, а не новизной [10, с. 74]; его отличает словообразовательная производность и индивидуальная принадлежность лексемы, как считает А. Г. Лыков [10, с. 11–35]. Этому же мнения придерживается и Е. Н. Ермакова, которая ввела понятие «отфразеологический окказионализм» [5, с. 99], или «слово-инновация» (типа «Беловоротничковый взял ключ») [5, с. 97], понятие авторской «прагматической направленности», экспрессивности [6, с. 296]. Но если представленный выше словообразовательный дериват чётко относится к неологизмам, то фразеологические дериваты достаточно сложно распределить на группы потенциальных и окказиональных.

Идея потенциальности является философской по своему происхождению, поэтому фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты можно рассматривать ещё и с позиций аксиологии (науки о духовных ценностях) и концептосферы, культурных смыслов семиотического поля культуры, а также как результат диалектического процесса выработки социумом искомым идеалов. То есть не с точки зрения структур окказионального моделирования и их фразеобразовательного потенциала, а с точки зрения ментальной жизни социума. В этом случае уместно говорить не о структуре, а о функции фразеологизмов в речи, об их роли в обслуживании идейно-нравственных интенций социума. При этом также отчётливо наблюдаются изменения в дискурсе фразеологизмов-цитат, которые можно разделить на группы в зависимости от изменения содержания высказывания. С избираемых нами аксиологических позиций мы считаем, что следует говорить о неологизации фразеологизмов в дискурсе, так как «термин “неологизм” наиболее распространён в современной лингвистике» [5, с. 291].

К словотворчеству может сознательно прибегать писатель, неосознанно – ребёнок, спонтанно – человек, желающий употребить в речи слово, идиому, крылатое выражение, но неточно воспроизводящий его. При этом не разрушается структура фразы, не образуются окказиональные лексемы, но всё равно в высказывание вносится иной смысловой эле-

мент. Причинами неточного воспроизведения могут быть как желание более ёмко выразить свою мысль, так и торопливое и из-за этого нечёткое воспроизведение начальной формы фразеологизма или цитаты, что характерно для дискурса. Но в любом случае в результате неологизации «изменяется семантика» узуального фразеологизма-цитаты или в него «привносятся дополнительные элементы значения», что И. Ю. Третьякова относит к первому типу трансформации фразеологизмов [14, с. 15].

Нашей целью было отследить, как изменяется семантика фразеологизмов в дискурсе при отступлении от их узуального употребления и как это отвечает задачам молодёжного дискурса.

Исходя из поставленной цели можно построить следующую гипотезу: если в молодёжном дискурсе наблюдается неологизация фразеологизмов-цитат, то можно проследить направления преобразования авторских высказываний, сравнив их с продуцированными в дискурсе вариантами, и выделить направления неологизации.

Для изучения молодёжного дискурса нами было проведено социолингвистическое по направленности анкетирование студентов первого курса Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ) и учащихся колледжа, находящегося при КубГТУ. Всего в анкетировании участвовало 130 студентов технического, технологического и экономического направлений обучения. Респондентам задали вопросы философского содержания об их отношении к жизни и просили максимально использовать в ответах цитаты и фразеологизмы, разрешалось при необходимости воспользоваться поисковиком со своего телефона. Подробно ход и итоги проведённого исследования изложены в двух наших статьях [15, 16].

Респонденты в основном прибегали к цитированию, но цитату приводили неполную: сохраняли начало цитаты и урезали её конец. Подобным образом из пословиц исторически рождались поговорки (например: Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса – Ни рыба ни мясо).

В какой-то мере такой процесс можно назвать моделью образования неологизма-цитаты. При этом, как мы выяснили, значение процитированного отрывка (а) может не разрушать значения авторского высказывания, (б) может его упрощать, сужать, (в) может расширять или преобразовывать. Приведём примеры.

Т а б л и ц а 1
Незначительное изменение авторской мысли без разрушения сути авторского высказывания

Вариант респондента	Авторский вариант
1. Если в твоей душе осталась хоть одна цветущая ветвь, то на неё всегда сядет поющая птица	1. «Если в твоей душе осталась хоть одна цветущая ветвь, то на неё всегда сядет поющая птица. Жизнь полна красоты. Обрати на это внимание. Вдохни запах дождя и почувствуй ветер. Живи и борись за свои мечты» (Современная интерпретация восточной мудрости)

О к о н ч а н и е т а б л . 1

Вариант респондента	Авторский вариант
2. Всё, что нас не убивает, очень об этом пожалеет	2. «Всё, что меня не убило, сильно об этом пожалеет, потому что теперь моя очередь» (вариант анекдота); в стихотворном варианте: «Меня раньше все это злило, / Теперь с наслаждением жду: / Все, что меня не убило –/ Я за тобой иду...» (Дэвид Малютин; фильм «С меня хватит») (2002)
3. Гордость и честь превыше всего	3. Общечеловеческая моральная категория, активная в литературе: романы М. Дьюран «Любовь и честь», Рэдклифф «Любовь и честь», Джейн Остин «Гордость и предубеждение»; стихи Р. Грязнова: Гордость и честь превыше всего. /К черту любовь! Плевать на нее! / Сладкая жизнь забыта давно. / И мне все равно!
4. Нет ничего невозможного!	4. «Нет ничего невозможного. В самом этом слове заключена возможность!» (Одри Хепбёрн)

Хотя смыслового разрушения цитаты не наблюдается, налицо изменение авторской интенции. Можно выделить добавочные оттенки значений в авторском варианте. В инновационном высказывании (варианте респондента) мысль прервана, а в авторском развивается далее, часто представлены варианты её развития. Но при этом основная мысль сохранена, наблюдается только стремление к краткости высказывания.

Т а б л и ц а 2

Упрощение или сужение авторской мысли

Вариант респондента	Авторский вариант
1. Живи так, как хочешь	1. «Живи так, как хочешь ты, а не как ожидают от тебя другие. Не важно, оправдаешь ты их ожидания или нет, умирать ты будешь без них. И свои победы одержишь сам!» (Конфуций)
2. Нет никаких ключей от счастья, дверь всегда открыта	2. «Нет никаких ключей от счастья. Дверь всегда открыта. Чем больше любви, мудрости, красоты, доброты вы откроете в самом себе, тем больше вы заметите их в окружающем мире. Нам не нужны ружья и бомбы. Чтобы победить зло, нам нужны любовь и сострадание» (Мать Тереза)
3. Век живи – век учись	3. «Век живи – век учись тому, как следует жить» (Философ Сенека, рубеж нашей эры)
4. Не убив в себе лени, мечты не достичь	4. «Не убив в себе лень, мечты не достичь, / Если хочешь добиться цели, труд свой увеличь» (Де Ленсь)

Представленное под номером один выражение респондента *живи так, как хочешь* имеет значение вседозволенности, но в авторском варианте содержится значение ответственности и самостоятельности

в принятии решений, то есть суждения стремятся к текстовой антонимии.

Во фразе под номером два респондентом утверждается мысль о возможности получить семейное счастье без всяких условий и направленных действий со своей стороны. В авторском варианте чётко оговариваются эти условия, а под счастьем понимается уже не семейное счастье, а всемирное, общечеловеческое, то есть у респондента наблюдается выхолащивание содержания цитаты.

В хорошо всем известной фразе под номером три (*век живи – век учись*) реализуется суть так называемого в наше время «непрерывного образования», акцентируется бытовой аспект обучения, но в авторском тексте речь идёт о философском взгляде на мир. То есть авторская мысль разрушена.

Можно сказать, что в первых трёх примерах наблюдается процесс исключения части авторской информации.

В четвёртом примере в авторском варианте оговаривается условие получения результата, реализуемого в варианте респондента: лень можно побороть только трудом. В варианте респондента это сужение отсутствует. В авторском варианте использованы текстовые антонимы как средства выразительности (*лень – труд*). Но этот пример можно считать переходным между первой и второй выделенными группами фразеологизмов-цитат, потому что здесь нет явного опущения информации.

Т а б л и ц а 3

Расширение и преобразование авторской мысли

Вариант респондента	Авторский вариант
1. Всё, что ни делается, всё к лучшему, всё к лучшему	1. «Что ни делается, всё к лучшему» или «Всё к лучшему в этом лучшем из миров» (Г. В. Лейбниц)
2. Главное – умение адаптироваться	2. «Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к изменениям» (Чарльз Дарвин)
3. Живём один раз!	3. «Мы живём один раз, но если правильно распорядиться жизнью, то и одного раза достаточно». (Мэй Уэст – американская актриса, одна из самых скандальных звёзд своего времени)
4. Больно, страшно, трудно, нормально, но надо	4. «Уже не больно, Уже не страшно, / Уже спокойно, Уже не важно. / Уже погибли, Уже распяты, / Уже зашибли дегенераты. / Уже без боя, Уже не надо, / Уже не ноем, Уже не стадо» (Беспокойный Пиноккио «Уже не...»)

В первом примере в варианте респондента задан абсолютный тезис выживания. Авторское понимание ситуации намного уже и имеет саркастический оттенок, который сводит на нет заздравное начало высказывания.

Во втором примере респондент абсолютизирует адаптивные возможности человека для дости-

жения им жизненных успехов (представлена своеобразная теория Молчалина), в авторском же варианте речь идёт непосредственно о теории Дарвина.

В третьем примере респондентом высказывается глобальная идея беспринципности, но авторский вариант узок, в нём реализуется мысль только о расчётливом отношении к жизни.

Четвёртый пример представляет позицию человека, решившего во что бы то ни стало добиться своей мечты и чётко действующего путём самонаблюдения и саморегуляции. В авторском варианте речь идёт о решительном отпоре агрессии в конкретной ситуации.

Таким образом, отношения между начальной фразой-цитатой и её преобразованным в речи вариантом различны. Но, как можно было заметить, эти различия шире окказиональных, которые предполагают «узнаваемость окказиональной единицы», «абсолютную устойчивость деривационных связей языковой и окказиональной единиц» [14, с. 12]. Выявленные семантические отношения (а не словообразовательные) свидетельствуют о появлении в дискурсе именно неологизмов.

Фразеологизмы-цитаты характеризует притчевый характер высказываний, что связано с их морально-нравственной тематикой.

Описанные выше три явления неологизации во фразеологизмах-цитатах приблизительно равны между собой количественно (по четыре примера в каждом). Они составляют немногим более 10% от общего количества употреблённых респондентами в дискурсе фразеологизмов.

Приведённые выше примеры можно рассматривать как в синхронии, так и в диахронии. Например, достаточно давно вошли в русский язык преобразованные в содержательном плане выражения: *Век живи, век учись* и *Всё, что ни делается, всё к лучшему*. К современным можно отнести следующие неологизмы: *Больно, страшно, трудно, нормально, но надо* и *Всё, что нас не убивает, очень об этом пожалеет*.

Проведённый анализ фразеологизмов-цитат позволил сделать следующие выводы: 1) неологизация осуществляется по хорошо известному в русском языке при создании фразеологизмов-поговорок принципу отсечения конечной части высказывания; 2) неологизации подвергаются притчевые по направленности высказывания; 3) выделены три количественно равные направления неологизации: незначительное изменение авторской мысли, упрощение и сужение авторской мысли, расширение и преобразование авторской мысли; 4) неологизация фразеологизмов-цитат – явление, наблюдающееся как в синхронии, так и в диахронии, составляющее в молодёжном дискурсе около 10% от общего количества употреблённых фразеологизмов-цитат; 5) неологизация свидетельствует о процессах ценностного преобразования национальной картины мира, наблюдаемой на материалах молодёжного дискурса.

Полученные результаты пока нельзя считать полными и окончательными. Требуется масштабное изучение молодёжного дискурса в сравнении его

с дискурсом среднего поколения, что позволит выяснить, насколько активно идёт процесс неологизации устойчивых выражений, лежащих в основе ценностной национальной картины мира.

Литература

1. Баранов А. Г. Порождающий потенциал языковой личности // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Тхорика, В. В. Катерминой, А. М. Прима, А. В. Самойловой. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 5–10.
2. Буянова Л. Ю. Национальная фразеология как репрезентация этнокультурной и конфессиональной памяти // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 4.
3. Буянова Л. Ю. Язык и ментальность: специфика взаимокорреляции // Язык и ментальность : сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 15–20. – (Серия «Славянский мир»; Вып. 5).
4. Джаграева М. Л. Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации. АКД на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 21 с.
5. Ермакова Е. Н. Окказиональность как проявление инновационных процессов в сфере слово- и фразообразования современного русского языка // Вестник Костромского гос. ун-та, 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnost-kak-proyavlenie-innovatsionnyh-protsessov-v-sfere-slovo-i-frazoobrazovaniya-sovremennogo-russkogo-yazyka> (дата обращения: 01.02.2020).
6. Ермакова Е. Н. Преобразовательные возможности современного русского языка: окказиональные и потенциальные слова и фразеологизмы // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 3. – С. 289–298.
7. Карасик И. В. Импорт концептов // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 447 с. – URL : <https://studfiles.net/preview/1806336/page:13> (дата обращения: 01.02.2020).
8. Касьянова Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: АКД д-ра филол. наук. – Астрахань, 2009. – 47 с.
9. Колобова Е. А. К вопросу о характеристике контаминированных фразеологизмов // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 174–176.
10. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М. : Высшая школа, 1976. – 119 с.
11. Телия В. Н. Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранного языка. – М., 1996. – С. 82–89.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – URL: https://studopedia.ru/20_63845_teliya-v-n-russkaya-frazeologiya-semanticheskij-pragmaticheskij-i-lingvokulturologicheskij-aspekti.html (дата обращения: 01.02.2020).

13. Попко Л. П. О некоторых способах неологизации фразеологизмов. – URL: <http://www.stationline.org.ua/filologiya/52/7069-o-nekotoryx-sposobax-neologizacii-frazeologizmov.html> (дата обращения: 01.02.2020).

14. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): АДД на соиск. уч. степ. доктора филол. наук. – Ярославль, 2011. – 50 с.

15. Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Рус-Брюшнина И. В. Фразеологизмы и цитаты активно-го употребления в системе ценностей «цифрового»

мира (по результатам социологического опроса студентов) // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 159–170.

16. Шапошникова Т. Л., Трунова Е. А., Гордиенко О. А., Егорова А. Ю. Востребованность в студенческом возрасте обращения к гуманистическим идеям художественной литературы как направленность и результат духовного воспитания // Современные проблемы науки и образования. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=29266#w0-tab0> (дата обращения: 01.02.2020).

УДК 811.161.1'374'373.7'33:004

М. В. Серебряк
(Украина, Луганск)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОМПЬЮТЕРНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Статья посвящена вопросу преобразования модели фразеологического словаря в соответствии с возможностями компьютерных технологий. Автор утверждает, что необходимо разработать новый тип словаря, который будет отвечать разносторонним интересам пользователей.

Ключевые слова: лексикография, фразеологический словарь, модель словаря, компьютерные технологии.

M. V. Serebriak

MODELING OF MODERN COMPUTER PHRASEOLOGICAL DICTIONARY

The article is devoted to the issue of transforming the phraseological dictionary model in accordance with the capabilities of computer technologies. The author claims that it is necessary to develop a new type of dictionary that will meet the diverse interests of users.

Keywords: lexicography, phraseological dictionary, dictionary model, computer technologies.

На сегодня русский лексикографический фонд насчитывает десятки словарей, которые, безусловно, имеют значительную ценность для лингвистической науки и составляют национально-культурное достояние. Вместе с тем необходимо отметить, что со стремительным развитием компьютерных технологий, а также с возрастанием роли лингвистической информации в современном обществе некоторые традиционные методы составления словарей требуют существенных изменений. Пользователи заинтересованы в предоставлении более полного объема информации, а также в удобном и доступном формате его репрезентации. Анализ исследований Е. А. Карпиловской [5], В. А. Широкова [10] и др., дает возможность утверждать, что эти проблемы призвана решить компьютерная лексикография.

В истории формирования отечественной лексикографии значительными являются труды Ю. Д. Апресяна [1], В. Г. Гака [2], О. В. Загоровской [3], Н. Ю. Шведовой [9] и др. Некоторые ученые высказывали мнение о «попытке объединить максимум параметров в одном словаре, а в идеале – создать универсальный словарь, который позволит воссоздать всю языковую картину в целом» [4, с. 8]. В.Г. Гак, Ф.П. Сороколетов и др. в своих исследованиях [2; 8] отмечали тенденцию развития лексикографии в направлении создания словаря «универсального» типа, в котором должны быть реализованы новые идеи современных лексикографов с уче-

том оценки многовековых традиций лексикографии и новейших задач языковедческой науки [8, с. 22]. Одной из главных причин неспособности реализовать параметры универсального словаря на практике стала ограниченность традиционных технических средств, которые не могли эффективно представлять увеличенный объем информации. Как отмечал Ю.М. Караулов, из общего количества 70 лексикографических параметров в конце XX века словари могли одновременно вмещать чуть больше 30 (часть из них не в полном объеме) [4, с. 9]. Поэтому создание комплексных лексикографических трудов является одной из актуальных тенденций современной лексикографии.

Цель статьи – на основе анализа лексикографических исследований сформировать обобщенную модель компьютерного фразеологического словаря.

В XXI веке общество требует предоставления максимально полной лингвистической информации, организованной в удобном и доступном формате, поскольку язык является действенным средством межличностной коммуникации. Несмотря на высокий уровень лексикографической обработки языковых единиц, составители не всегда пересматривают концепцию составления словарей. Как отмечает Е. А. Карпиловская, на сегодня недостаточной является разработка лишь электронных аналогов бумажных словарей, так как компьютерные технологии изменяют методы обработки и хранения информа-

ции [5]. Опираясь на теоретические обобщения Ю.Д. Апресяна [1], В.Г. Гака [2], О.В. Загорюковой [3], В.А. Широкова [10], отметим, что «идеи интегрированного представления разноаспектной словарной информации в одном издании составляют актуальные стремление лексикографов» [10, с. 15], а следовательно, стратегическим направлением развития современной лексикографии является комбинирование различных жанров словарных статей и создание интегрированных лексикографических систем. Итак, построение соответствующей модели, которая бы представляла интеллектуальную диалоговую систему, является одной из основных задач современной лексикографии. Вслед за И.М. Кульчицким и др. моделирование понимаем как конструирование самой лексикографической системы [6].

В построении макроструктуры фразеологического словаря необходимо определить общие принципы лексикографического проекта, критерии формирования реестра, правила упорядочения единиц, унификацию аппарата ссылок и т.п. Особенно важным для создания компьютерного словаря становится разработка конкретизатора команд пользователя – интерфейса – места подачи запросов и получения ответов на мониторе, поскольку для пользователя он будет главным источником информации и критерием оценки качества программного продукта. По нашему мнению, научный и культурно-просветительский интерес вызвал бы широкий подход к отбору фразеологического материала, требующий, однако, структурного принципа организации реестра, то есть в словарь необходимо включить идиомы, пословицы, поговорки, сравнения, некоторые крылатые выражения и иные устойчивые словесные сочетания. Весь комплекс фразеологического материала необходимо представить в классификационных рубриках, причем материал можно расположить в градационной последовательности: от наиболее идиоматических высказываний до таких, которые находятся на периферии фразеологической системы. Это позволит раскрыть фразеологическую систему языка, дать четкое представление о функционировании различных классов устойчивых словесных комплексов, а также усовершенствовать организацию фразника.

Поиск фразеологизмов является одним из важнейших элементов электронного словаря, который должен получить качественно новый уровень организации. Он напрямую зависит от особенностей реестра, для которого характерна разноплановость единиц. Поэтому необходима разработка мобильной системы, позволяющей быстро найти нужный фразеологизм. Предлагаем организовать сложную разноуровневую схему поиска, которая позволит найти фразеологизм по разным критериям. Во-первых, объединить уже существующие системы поиска: общий алфавитный реестр; поиск по лексем-компоненту; по семантике единиц (идеографический принцип). Во-вторых, обеспечить поиск единиц с помощью гиперссылок, например, по классификации (найти все *пословицы*), по функционально-стилистическим пометам (найти все *разговорные* единицы). Важнейшим условием системной органи-

зации материала является также установление синонимических и антонимических связей. Так словарь с помощью гиперссылок становится гипертекстом. По словам С.С. Маевского, «использование технологии гипертекста в компьютерной лексикографии позволяет повысить удобство использования словаря и ускорить процесс навигации по нему» [7, с. 24].

Учитывая направленность проекта на обеспечение общества комплексным информационным источником, микроструктуру словаря предлагаем представить как информационную среду. Анализ составляющих познавательной и научной деятельности личности позволяет определить соответствующие параметры словаря: в познавательном аспекте – формирование интереса к фразеологии через потребность личности в познании языка; в научном – погруженность в лингвистические знания и исследование закономерностей развития фразеологической системы. Главной целью модели является предоставление такого информационного обеспечения, которое бы удовлетворяло потребности пользователей и осуществляло целенаправленное образовательное и культурно-развивающее влияние на личность. Считаем, что целью конструирования «развивающей» информационной среды должны быть развитие личности и актуализация его исследовательского потенциала. Итак, микроструктура словаря должна быть ориентирована на сочетание научно-лингвистической и энциклопедически-познавательной информации в единую лексикографическую систему. Научно-лингвистическая часть словарной статьи – это толкование семантики, эмоционально-оценочная, функционально-стилистическая характеристика, иллюстрация функционирования выражения, грамматическая справка, прагматический комментарий, вариантно-синонимический ряд фразеологизма. Энциклопедически-познавательная часть статьи – разъяснения историко-этимологического, экстралингвистического и энциклопедического характера; интересные (этнокультурные и др.) факты, связанные с этим высказыванием, фотографии и наглядные изображения.

Таким образом, цель проектируемой модели словаря – предоставление максимально полной информации согласно научно-познавательным интересам пользователей о фразеологической системе и об экстралингвистической основе ее функционирования. Основными задачами современного словаря определяем следующие: регистрация фразеологического богатства русского языка, полное лингвистическое описание языковой единицы, воспроизведение связей между единицами в словарной системе, репрезентация языковых единиц в связи с культурой, историей, традициями, этнографией, то есть разработка справочной части, которая бы удовлетворяла познавательные потребности пользователей. А также построение словарной модели с использованием современных возможностей компьютерных технологий.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2.

Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

2. Гак В. Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1988. – С. 119–125.

3. Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. – Воронеж : Науч. кн., 2011. – 383 с.

4. Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография : сб. ст. / ред. кол. Караулов Ю. Н. и др. – М. : Рус. яз., 1988. – С. 5–18.

5. Карпілівська Є. А. Українська комп'ютерна лінгвістика сьогодні : текст публ. лекції від 19.01.2011. – URL: <http://polit.ua/lectures/2011/01/19/karpilovskaya.html>.

6. Кульчицький І. М. Комп'ютерна технологія укладання словників та проектування словнико-

вих баз даних на основі інформаційних лексикографічних моделей : автореф. дис. ... канд. техн. наук: спец. 05.13.06 „Автоматизовані системи управління та прогресивні інформаційні технології”. – Киев, 2002. – 19 с.

7. Маевский С. С. Особенности создания учебного электронного толкового словаря русского языка : магистерская диссертация. – Минск : БГУ, 2015. – 98 с.

8. Сороколетов Ф. П. О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1988. – С. 20–24.

9. Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1988. – С. 6–11.

10. Широков В. А. Элементы лексикографии : монография. – Киев : Довіра, 2005. – 302 с.

УДК 811.161.1'373.7

Л. Н. Синельникова
(Россия, Ялта)

НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: УСЛОВИЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ

В статье представлен расширенный за счёт междисциплинарных показателей алгоритм верификации новых фразеологизмов и определены возможности их закрепления в фразеологической системе. Установочные тезисы подтверждаются актуальным текстовым материалом.

Ключевые слова: *неология, неофраза, неография, преобразовательный потенциал, дискурсивное пространство.*

L. N. Sinelnikova

NEW PHRASEOLOGY: CONDITIONS OF CONSOLIDATION IN THE SYSTEM

The article presents an algorithm to verify new phraseological expressions enhanced through interdisciplinary indicators and determines the possibilities of consolidating them in the phraseological system. The established points are supported by text material.

Keywords: *neology, phraseme, neography, transformational potential, discourse space.*

Появление новых способов коммуникации, быстрота и эффективность их развития стимулируют поиск адекватных путей интерпретации нового (или существенно обновлённого) языкового материала, влияющего на изменения в языковой и концептуальной картинах мира. В пространстве живой современной коммуникации фразеологическая система пополняется и развивается. Исследователи традиционно уделяют внимание трансформационной активности фразеологизмов, их участию в репрезентации концептов, в фиксации признаков того или иного функционального стиля и многому другому [3].

Заявленная в статье тема имеет отношение к находящейся в стадии разработки проблеме фразеологической неологии (неологике) – процессу образования новых фразеологизмов. Трудности на пути фиксации и интерпретации фразеологических новообразований можно объяснить несколькими взаимосвязанными причинами. Во-первых, по боль-

шей части описание новых фразеологизмов происходит в условиях «давления» устоявшихся в научной картине мира классификаций, в то время как незавершенность процесса не даёт основания фиксировать семантический объём рассматриваемой языковой единицы и определять иерархию денотативных и коннотативных сем, находящихся в состоянии неустойчивого баланса. Во-вторых, таксономическая деятельность затрудняется в условиях *динамической синхронии* – быстроте инновационных процессов, следствием чего оказывается пребывание рассматриваемого объекта на фронтальной территории – на пограничье между освоенным и осваиваемым [5]. В-третьих, неясность критериев, позволяющих фиксировать степень идиоматичности такого объекта, как словосочетание. Все словосочетания в определённой мере идиоматичны, но не все могут получить статус фразеологизма. Идиоматичность может рассматриваться в связи с переосмыслением компонен-

тов, усложнением способа указания на денотат, сужением грамматической синтагматики словосочетания, его способности к трансформации и т. д. [2], и проследить за динамикой каждого из названных признаков на стыках диахронии и синхронии крайне сложно.

Цель статьи: определить условия, благоприятствующие фразеологизации словосочетаний, выявить и подтвердить примерами факторы, способствующие закреплению новообразований в фразеологической системе. Сбор материала осуществлялся на основе активного наблюдения за способами вербализации актуальных событий жизни современного общества.

Новые устойчивые сочетания слов именуются по-разному: *фразеологические инновации, актуальная фразеосемантика, фразеосочетания, неонминации, неофраземы*. На данном этапе описания фразеологической неологии термины, по сути, синонимичны, но, судя по публикациям, исследователи отдают предпочтение термину *неофразема*, под которым понимаются «появившиеся в русском языке определённого периода благодаря новой форме или новому содержанию неоднословные устойчивые единицы, зарегистрированные источниками информации как повторяющиеся словесные комплексы, выполняющие номинативную и/или экспрессивную функции» [1, с. 152]. Неофраземы квалифицируются как фразеологические неологизмы сегодняшнего дня.

В интерпретацию неофразем включается множество показателей: состав прагматических сем в условиях семантически обновлённого сочетания, влияние внутренней формы компонентов, на основании комплекса характеристик выявляется состав неофразем определённого типа, ранжируется уровень их фразеологизации неониминаций [7]. Расширению интерпретаций неофразем способствует освоение возможностей новой научной парадигмы, ориентированной на синтез познавательных, социокультурных и личностных аспектов речевой деятельности, то есть на когнитивно-дискурсивный подход.

Первоначальным действием в алгоритме описания неофразем может быть формирование лексикографического дискурса новообразования через сбор и сравнение всех существующих дефиниций, в том числе любительских, отражающих определённый уровень социокультурных представлений о новом факте. Социальная перцепция, проявленная на начальном этапе формирования семантики неологизма, нередко становится основой реализации прагматического потенциала неофраземы в разных дискурсах и дискурсивных практиках.

Картотека неофразем создаётся на основе текстового материала, тематически ориентированного на актуальную повестку дня, реализуемую в традиционных и новых медиа. Полезны данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в котором можно найти информацию об активности неофраземы в виде цифрового показателя (количество документов и вхождений) и подтверждающий цифру иллюстративный материал, представленный (или отсутствующий,

что тоже важно) в разных корпусах – газетном, мультимедийном, поэтическом, устном и др.

Полезен поиск нового фразеологического материала в списках слов и выражений года (см. интернет-проекты «Слово года», «Выражение года», «Неологизм года», «Словарь перемен»), который формируется в режиме реального времени. Ценность такого материала – в датировании появления неологизма и, главное, в том, что собранные слова «можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров, меняющейся системы ценностей» [4]. В рейтинговом списке смысловых доминант периода 2015–2019 годов находятся фразеологические новообразования с разной степенью последующей закреплённости в системе: *гибридная война, санкционное противостояние, допинговый скандал, фейковые новости, фабрика троллей, мусорные бунты, токсичные люди, клоачный язык, пещерные русофобы*. В список «Слов недели» (Эхо Москвы: «Говорим по-русски») входят неофраземы «пандемического периода» 2020 года: *вирусная вечеринка, режим самосохранения, масочно-перчаточный режим, плавающий режим ограничений, выйти на плато, прогулки по графику, иммунные паспорта, коллективный иммунитет, социальная дистанция, новая реальность, удалённый доступ, творческая обсервация*.

Неология как целостное учение о неологизмах разной природы имеет уникальную особенность: фиксировать формы проявления динамики на пути к статике и далее – к новой динамике, основывающейся на трансформациях устоявшегося. Описание семантики неофразем в динамической синхронии требует внимания к тонкостям организации контекста рассматриваемой неофраземы. Речь идёт прежде всего об оттенках значения, важных для определения степени узуальности новообразования на разных этапах его дискурсивного освоения.

Проявителем высокой степени идиоматичности словосочетания является входящая в него метафора, которая, объединяя разные денотативные пространства, перераспределяет семный состав компонентов словосочетания и делает их привязанными друг к другу. Ряд словосочетаний с метафорическим компонентом фразеологизировался: *мягкая сила, пояс безопасности, вертикаль власти, облачный ресурс, облачный сервер, облачные технологии*; некоторые пока активизировались ситуативно, и их дальнейшая судьба будет определяться комплексом жизненно важных социальных обстоятельств: *Окна Победы* (особый формат акции «Бессмертный полк» в условиях самоизоляции), *красная зона, зелёная зона* (деление пространства лечебного заведения и страны по показателю заболеваемости коронавирусом); другие участвуют в формировании оценочных смыслов в современной публицистике: *информационный фастфуд, коронавирус ненависти, вирусный гулак*. Каждая из такого рода неофразем маркирована, поскольку является носителем «своего» дискурса.

Широта дискурсивной реализации – основной фактор закрепления неофраземы в фразеологической системе. Несколько показательных примеров.

Цифровая эпоха. По мере закрепления новообразования увеличивается число номинаций с базовым компонентом. К первичному денотату *цифровая эпоха* (в НКРЯ словосочетание зафиксировано в 2008 году) в течение короткого времени добавились номинации с метафорическим компонентом, маркирующим факт пребывания в пространстве разных дискурсов: *цифровая зависимость*, *цифровое слабоумие* (психолого-медицинский дискурс), *цифровые кочевники*, *цифровой гедонизм*, *цифровые гиганты*, *цифровой раскол* (публицистический и педагогический дискурсы), *цифровой человек*, *цифровое поколение*, *цифровые аборигены* (социологический и культурологический дискурсы), *цифровая мифология*, *цифровая цивилизация*, *цифровая геополитика*, *цифровая этика*, *цифровая душа*, *цифровое неравенство*, *цифровой мейнстрим*, *цифровое государство* (научный и научно-популярный дискурс; см. программу конференции «Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации», лекцию О. Северской на YouTube-канале: «Русский язык в бизнесе: цифровое общение и разобщение», книгу О. Лукиной «Цифровой этикет: как не бесить друг друга в сетях?»).

Гибридная война. Время появления фраземы 2001 год, время актуализации – с 2015 года по настоящее время. Уточнялись и расширялись определения феномена, через реализацию возможностей риторики усложнялась композиционно-стилистическая организация текстов (*Идёт война гибридная, трусливая война* – включение в интертекстуальные связи, *гибридные угрозы* – оценка через метафору, *от гибридных войн к гибриднему миру, гибридная победа* – перенесение семантики гибридности на другой денотат и многое другое). В условиях гибридной войны сформировалась концептосфера «свой / чужой», свойства которой отражены в политическом, культурологическом, социально-философском и лингвистическом дискурсах.

Социальная дистанция. Словосочетание во всех дискурсивных проявлениях сохранило базовую сему – ‘расстояние’, но семиотические «тонкости» пространства очевидны: социальное расстояние как характеристика межличностных и групповых отношений в обществе (социологический, психологический, политический дискурсы); как составная часть категории вежливости (расстояние для общения в разных культурах – культурологический, филологический, дидактический дискурсы); как основная часть комплекса санитарно-эпидемиологических мер немедикаментозного характера, направленных на остановку или замедление распространения инфекции. На основе медицинского значения в Сети появилось множество оценочных комментариев («Социальная дистанция – это термин для выработки у населения страха оказаться среди людей. Ничего общего этот термин не имеет с санитарной дистанцией» – социальная сеть ВКонтакте, 31 мая 2020 года), а также мемов, отражающих ментальную особенность русского человека – противодействие контактной минимизации в общении.

Новая реальность. Неофразама представляет собой концепт, который находится в фазе формиро-

вания концептуального поля. На данном этапе понятие «новая реальность» содержательно аморфно, и в обыденном сознании фиксируется по некоторым внешним показателям (носитель новой реальности – человек в медицинской маске), в то время как ядерный слой концепта ориентирует на мобилизацию как готовность к новым условиям жизни, неожиданностям и непредсказуемым потрясениям, а также к участию в реализации новой стратегии развития общества. Идёт накопление признаков концепта, каждый из которых может актуализироваться в конкретных коммуникативных ситуациях. В контексте размышлений о новой реальности активизировалась фразема *черный лебедь* – обозначение неожиданных событий, имеющих значительные последствия (номинация введена в научное пространство Нассимом Николасом Талебом, американским эссеистом, писателем и риск-менеджером). Фразема замечена в экономическом дискурсе, в дискурсе социальной философии, в публицистике (статья «Ковид – не чёрный лебедь» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 30.06.2020).

Вежливые люди. Динамичность и процессуальность – базовые свойства дискурса, в условиях которых происходит закрепление неофразаемы в социальном контексте. Так, фразема *вежливые люди* прошла путь от эвфемизма (обозначение военнослужащих Вооружённых сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия, действующих в Крыму во время присоединения его к России) до культурно-исторического концепта. Смысл «вежливости по-русски» с особым подтекстом закрепился как ценностный код в комплексе знаковых проявлений: в речи (пример из НКРЯ: «Вы знаете, условием визита, поскольку мы *вежливые люди*, является только одно – получение приглашения (Ежегодная пресс-конференция С.В. Лаврова, 2015 год); в интернет-мемах, которые транслируют информацию и акцентируют её оценочные характеристики; в маркетинговом дискурсе (вежливые люди как товарный бренд); в песенном репертуаре (исполненная Академическим ансамблем песни и пляски Российской Армии песни «Вежливые люди» завоевала огромную популярность); вежливому солдату поставлены памятники в Бахчисарае и в Симферополе – всё это факты перехода фраземы в культуру, которая фиксирует ценностные признаки явления.

Неофразаемы возникают и утверждаются как таковые в условиях актуального социального контекста, и их первоначальное восприятие основывается на документальных событиях. «Нарращение» дополнительных характеристик (по большей части оценочного характера), а также расширение пространства применения происходят в одном хронологическом срезе – в «текущем моменте», и только со временем появляется возможность хронологической дифференциации: что осталось в локальном времени событийной «вспышки», что вышло в другие семиотические, культурологические и проч. пространства и в каком по отношению к первоначальному набору признаков. В статье Харри Вальтера и В. М. Мокленко «От жаргона к современной русской “простой

речи» [6] прослеживается изменение стилистического статуса ряда жаргонизмов (*бабки, беспредел, в отключке* и др.) через 25 лет после их появления. Многие жаргонизмы «прорвались в словарный запас», чему способствовала «мощная фразеологическая активность», повлиявшая на то, что некоторые словари изменили стилистическую маркировку «жарг.» на «прост.».

Показателем закрепления неофраземы в языковой картине мира можно считать её включение в общую систему активных процессов в современном русском языке. Свидетельством состоявшейся целостности (идиоматичности) словосочетания является компрессия. Так, терминологическая и оценочная «линейка»: *международные правовые санкции, санкционные отношения, санкционное противостояние, санкционный зуд* – завершается словом *санкционка*, образованным методом стяжения с помощью разговорного суффикса -к(а). Этапы закрепления неофраземы можно отслеживать по факту «закавыченности» новообразования. Кавычки маркируют новизну и нелегитимность неофраземы, снятие кавычек оказывается сигналом адаптации неологизма. Показательно, что семантика кавычек по-разному реализуется в дискурсах и представляющих их текстах: от неполного признания неологизма до тонкой имплицитной оценочной нюансировки номинации.

На начальных этапах внедрения неофраземы не проявляют преобразовательного (игрового) потенциала: важна их содержательная сторона, а для рефлексий достаточно метафоры и традиционных риторических приёмов (*оранжевая революция, оранжевая чума; революция роз, революция грёз; французские жёлтые жилеты и российские ватники*). Другие формы преобразования (превращение в свободное сочетание, замена компонентов, изменение синтаксической структуры и др.) проявят себя позже и будут свидетельствовать о том, что неофраза превратилась в полноценный фразеологизм.

Подведём итоги. Для описания этапов процесса фразеологизации важны показатели постепенного вхождения нового словосочетания в систему, учёт когнитивных и прагматических компонентов значения (денотативная характеристика, хронологическая маркированность, расширение дискурсивного пространства и дискурсивной репрезентации неофраземы).

Алгоритм рассмотрения неофразем включает:

1. Сравнение альтернативных дефиниций, в которых

заложены социокультурные основы семантики неофраземы, представлены оценочные аргументы, комплекс которых мотивирует дискурсивную активность новообразования. 2. Определение уровня узуализации через регистрацию тонких семантических преобразований, свидетельствующих о начале пути закрепления неоднословной номинации в языковой и, соответственно, концептуальной картине мира. 3. Маркировку неофразем по маршруту их движения в дискурсивном пространстве (увеличение степени активности, варьирование коннотативных характеристик, взаимодействие социокультурных контекстов и др.).

Литература

1. Григоренко О. В. Неофраземы в современном политическом медиадискурсе // Известия Воронежского гос. педагогического института. – 2018. – № 2(279). – С. 151–155.
2. Гутовская М. С. Идиоматичность как градуальное свойство фразеологизмов и метод её исследования // Вестник Белорусского гос. ун-та. Сер. 4. – 2015. – № 2. – С. 32–39.
3. Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сб. науч. ст. к юбилею профессора А. М. Мелерович. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – 362 с.
4. Мельник Ю. А. Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) // Нефилология. 2019.– Т. 5. – № 17. – С. 62–71. – DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71.
5. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24. – № 2. – С. 467–492. – DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492.
6. Вальтер Х, Мокиенко В. М. От жаргона к современной русской «простой речи» // Горизонты современной русистики : сб. статей Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию юбилею академика В. Г. Костомарова (30–31 января 2020 г.). – М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 158–165.
7. Шипицына Г. М., Коржевицкая К. Ю. К вопросу о языковых механизмах фразеологизации словосочетаний в русском языке // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 13(184). – С. 52–58.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ

УДК 811.111, 81'373.7

Е. Н. Богатырева
(Россия, Кострома)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *KNIFE* / *НОЖ*

Статья посвящена исследованию фразеологической семантики устойчивых оборотов английского языка с компонентом «*knife* / нож». Анализу подвергается неразрывная взаимосвязь яркого образа и актуального значения рассматриваемых фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы с компонентом *knife*, фразеологический образ, фразеологическое значение.

E. N. Bogatyreva

SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH *KNIFE* - COMPONENT

The article is dedicated to the research on phraseological semantics of English set phrases with a “*knife*”-component. The analysis is focused on the unbreakable correlation between the vivid image and the meaning in phraseological units under review.

Keywords: phraseological units with a “*knife*”-component, phraseological image, phraseological meaning.

В системе языка, представляющей единство и целостность ее элементов, важное место занимают сложные единицы, в которых отражаются ум и мудрость народа, его коллективный опыт, характерные черты и особенности мировоззрения. Такими поистине ценными элементами являются фразеологические единицы (ФЕ), образ которых заключает в себе фрагмент действительности и мотивирует фразеологическое значение (ФЗ), связанное как с буквальным, так и переносным значением словосочетания или предложения.

Особенный интерес для исследования представляют ФЕ, обладающие яркой образностью, под которой традиционно принято понимать способность языковых знаков создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности [1, с. 157]. Во множестве таких единиц в системе английского языка можно выделить фразеологизмы с компонентом *knife* (нож).

Фразеологическая семантика английской ФЕ *you could cut the atmosphere with a knife* (букв. ‘атмосферу можно было разрезать ножом’, ФЗ ‘атмосфера была напряженная’; говорится об обстановке, где каждый чувствует себя злым и нервным, которая предвещает что-то неприятное) базируется на представлении о ноже как о режущем инструменте: «There was a lot of tension between Diane and Carol; *you could cut the atmosphere in that room with a knife*» [CIDI, с. 13] – «Между Дайан и Кэрл было сильное напряжение, такое, что атмосферу в комнате можно было разрезать ножом». В составе рассматриваемой ФЕ компонент *knife* / нож передает значение инструмента, который может рассекавать, разрезать что-то осязаемое, твердое. На основе этого образа

формируется представление о ситуации, обстановке, которая за счет своего напряжения и сложности является физически осязаемой, как будто воздух в комнате становится плотным и даже «твердым». Данный образ служит базой для окказиональных преобразований ФЕ *you could cut the atmosphere with a knife*, где компонент *atmosphere* / атмосфера заменяется компонентами, образ которых также не предполагает осязаемости, однако в силу напряженности или плотности уподобляется чему-то твердому: «*You could cut the air with a knife as the build up to the finale got more and more exciting!*» – «В воздухе чувствовалось напряжение (букв. «воздух можно было рассечь ножом»), так как подготовка к финалу становилась все более захватывающей» [1]; «The clubs would be full, and the smoke so thick *you could cut it with a knife*» [2]. – «Клубы были полными, а дым таким густым, что его можно было разрезать ножом».

Актуальное значение легкости какого-либо дела передается ФЕ *to cut/go through smth like a (hot) knife through butter* (букв. ‘прорезаться / проходить через что-либо, как горячий нож сквозь масло’, ФЗ ‘пройти что-либо очень легко, без сопротивления или труда’) с помощью образа (горячего) ножа, без усилий и сопротивления проходящего сквозь сливочное масло: «*Japanese companies will be cutting through the competition like a hot knife through butter*» – «Японские компании с легкостью пройдут соревнование (букв. «...пройдут через соревнование, словно горячий нож сквозь масло»)» [CCAED].

Образная основа следующих фразеологизмов также включает представление о ноже как о режущем инструменте с колющим острием, раны от которого причиняют боль. Так, устойчивый сравни-

тельный оборот *to cut like a knife* (букв. 'резать как ножом', ФЗ 'резать, пронзать, полоснуть как ножом (по сердцу)' [АРФС, с. 427]) служит метафорой для характеристики, например, пронизывающего, резкого ветра: «The wind *cut him like a knife* and he did not feel it» (J.Galsworthy, *The Silver Spoon*) – букв. «Ветер *рассекал его словно нож*, но он этого не чувствовал»; «Ветер *как ножом резал ему лицо*, но Фрэнсис Уилмот ничего не замечал»; для описания язвительного замечания «His snide remark *cut like a knife* into Sophia's heart» (T. Folsom, *Out of Olympus*) – «Его язвительное замечание *как ножом полоснуло по сердцу Софии*» [3] или резких слов в чей-либо адрес «I don't see how you could ever look at me, When you know, your words *cut like a knife*» (Ravenscode, *Your Words*) – «Я не представляю, как ты смогла бы смотреть на меня, если бы твои слова *пронзали как нож*» [4]. С целью интенсификации значения ФЕ в следующем контексте происходит компонентная замена предлога *like* («как») на сравнительный оборот *deeper than* («глубже, чем»): «Your words *cut deeper than a knife*...» (S. Mendes, *Stitches*) – «Твои слова *пронзают глубже ножа*...» [5].

В составе ряда английских фразеологизмов компонент *knife / нож* репрезентирует оружие, с помощью которого можно нанести удар, тем самым причинить боль, вызвать проблемы. ФЕ *to get / have your knife into sb* (букв. 'вонзить нож в кого-либо') передает значение 'пытаться создать кому-либо проблемы из-за личной неприязни' [CIDI, с. 215], 'воспылать злобой к кому-либо; резко нападать, напустить на кого-либо; беспощадно критиковать кого-либо': «Mike's *had his knife into me* ever since he found out I was seeing his ex-girlfriend» [CIDI, с. 215] – «Майк *пытается осложнить мне жизнь*, с тех пор как узнал, что я встречаюсь с его бывшей девушкой»; «You *got your knife into me* because I wouldn't flatter you» (W.S. Maugham, *The Outstation*) – «Вы готовы *сжить* меня *со свету*, потому что я к вам не подлаживаюсь»; «I told her to be careful, last night, the way they *were getting their knife into her*...» (J.B. Priestley, *Angel Pavement*) – «Говорила я ей вчера, что надо быть осторожней, раз уж есть люди, которые *хотят её выжить*...». При наличии идентичной образной основы с ФЕ *to get / have your knife into sb*, фразеологизм *to put/stick the knife in*, где компонент *вонзить* выражен глаголами-синонимами *put / stick*, имеет несколько другое значение, связанное с неприятными словами или поступками по отношению к кому-либо: «And then he really *stuck the knife in* by telling me that he'd only pretended to like my writing» [FD] – «А затем он действительно *ранил меня*, сказав, что лишь притворялся, что ему нравится моя манера письма»; «Hilary Clinton campaign chair asked lobbyist where to *'stick the knife in'* Bernie Sanders, leaked email shows [headline]» – «Глава избирательного штаба Хилари Клинтон спросил у лоббиста, в какое место *поразить* Берни Сандерса (букв. «куда *'вонзить нож'* Берни Сандерсу»), – из просочившегося в прессу электронного письма [заголовок]» [6].

Представление о жестком отношении к жертве преступника, пытающегося причинить еще боль-

шие страдания за счет проворачивания ножа в её теле, служит базой для актуального значения ФЕ *to turn/twist the knife* (букв. 'провернуть нож', ФЗ 'сделать или сказать что-то неприятное, что усугубит и без того тяжелое положение человека; добавить мучений, заставить страдать еще сильнее'): «He said it was over, and then he *twisted the knife* and said he had never loved me» [FD] – «Он сказал, что все кончено, а затем *заставил страдать меня еще сильнее*, добавив, что никогда меня не любил»; «She found herself *battling an identity thief who ran up thousands of pounds worth of debt in her name, and then twisted the knife* by sending evidence of the pregnancy to her husband» – «Оказалось, что мошенник, укравший ее данные, от ее имени влез в долги на тысячи фунтов, а затем, чтобы *добить*, послал ее мужу доказательство беременности» [7].

Острие ножа ассоциируется с опасностью, этот образ метафорически переносится на фразеологическое значение для выражения трудности какой-либо ситуации во ФЕ *on a knife-edge* (букв. 'на острие ножа', ФЗ 'в трудной ситуации', с обеспокоенностью о том, что может случиться в будущем [CIDI, с. 215], 'с неопределенностью результата чего-либо' [ODI, с. 162]): «Democracy *on a Knife-Edge* [headline]. The failure to protect minority rights is a readily understood consequence of the political logic behind the emergence of democracy» – «Демократия *на острие ножа* [заголовок]. Неудача защиты прав меньшинства – абсолютно понятное последствие политической логики вслед за появлением демократии» [8].

Английская ФЕ *the knives are out* (букв. 'ножи наготове'; ФЗ 'беспощадно критиковать, злобно нападать на кого-л.') передает критику в чей-либо адрес, открытое проявление враждебности по отношению к кому-либо за счет наглядно-чувственного представления о человеке или людях, доставших ножи и готовых напасть на оппонента: «With *knives out* for Theresa May, some UK ministers are talking about Philip Hammond as possible PM to steer Brexit [headline]» – «В свете *резкой критики* в адрес Терезы Мэй некоторые британские министры говорят о Филиппе Хаммонде как о потенциальном Премьере-Министре, следующем курсу Брексита» [9].

Образ *ножа* как хирургического скальпеля фигурирует в ряде контекстов, относящихся к медицине, в составе фразеологизма *to go under the knife* (букв. 'лечь под нож'; ФЗ 'лечь на операцию, подвергнуться медицинской операции'): «Are teens too young *to go under the knife*? [headline]» [10] – «Слишком ли молоды подростки для того, чтобы *ложиться под нож*?»; «Woman wants partner *to go under the knife* [headline]» – «Женщина хочет, чтобы её спутник *лёг под нож*» [11].

Можно отметить, что яркая образность ФЕ с компонентом *knife / нож*, отражающаяся во фразеологическом значении устойчивых оборотов, служит основой для обозначения действий, поступков или состояний в зависимости от возникающих в сознании носителей английского языка наглядно-чувственных представлений, связанных с характеристи-

ками ножа как оружия, режущего предмета или хирургического инструмента.

Литература

1. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учебное пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

Словари и справочники

АРФС: Кунин А.И. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. В. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1984. – 944 с.

CCAEED: Collins Cobuild Advanced English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/like-a-knife-through-butter-like-a-hot-knife-through-butter> (дата обращения: 06.02.2020).

CIDI: Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom, 1998. – 608 p.

FD: The Free Dictionary. – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 07.02.2020).

ODI: Oxford Dictionary of Idioms: 2nd edition / Ed. by J. Siefring. – Oxford University Press, New York, USA, 2004. – 340 p.

Источники

[1] CT Philharmonic on Twitter. 6.12. 2017. – URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:cCx6BdFdhSgJ:https://twitter.com/statuses/938440995158593537+&cd=21&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 06.02.2020).

[2] Dr J. McElhaneу, In the Hand of God, 2019. – URL: <https://books.google.ru/books> (дата обращения: 06.02.2020).

[3] T. Folsom, Out of Olympus Box Set. – URL: <https://books.google.ru/books> (дата обращения: 07.02.2020).

[4] Ravenscode, Your Words. – URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/ravenscode/yourwords.html> (дата обращения: 07.02.2020).

[5] S. Mendes, Stitches. – URL: <https://genius.com/Shawn-mendes-stitches-lyrics> (дата обращения: 07.02.2020).

[6] Hillary Clinton campaign chair asked lobbyist where to "stick the knife in" Bernie Sanders, leaked email shows, Salon, April 14, 2016. – URL: <https://www.salon.com/2016/11/03/hillary-clinton-campaign-chair-asked-lobbyist-where-to-stick-the-knife-in-bernie-sanders-leaked-email-shows> (дата обращения: 10.02.2020).

[7] Twisted the knife. Reverso Context. – URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 10.02.2020).

[8] Dani Rodrik, Democracy on a Knife Edge. Project Syndicate, Oct 9, 2019. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/why-liberal-democracy-is-both-rare-and-fragile-by-dani-rodrik-2019-10?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 07.02.2020).

[9] With knives out for Theresa May, some UK ministers are talking about Philip Hammond as possible PM to steer Brexit, the South China Morning Post, 25 June, 2017. – URL: <https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2099869/knives-out-theresa-may-some-uk-ministers-talking-about-philip> (дата обращения: 25.04.2020).

[10] Are teens too young to go under the knife? HowStuffWorks. – URL: <https://lifestyle.howstuffworks.com/family/parenting/tweens-teens/are-teens-too-young-to-go-under-the-knife.htm> (дата обращения: 25.04.2020).

[11] Amy Dickinson, Woman wants partner to go under the knife, The Detroit Free Press, April 10, 2020. – URL: <https://www.freep.com/story/life/advice/2020/04/10/woman-wants-partner-go-under-knife/5117236002> (дата обращения: 25.04.2020).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Рассматриваются средства фразеологической системы русского языка, а также пословицы и поговорки, представляющие речевую деятельность (РД) с точки зрения характеристики двух ее сторон: 1. индивид как говорящая личность и особенности его речи; 2. РД как речевое взаимодействие, общение, где человек выступает как коммуникант, собеседник.

Ключевые слова: фразеологизмы, пословицы, поговорки, речевая деятельность, говорящая личность, общение.

A. V. Velichko

IDIOMS, PROVERBS AND SAYINGS IN THE FUNCTIONAL-SEMANTIC "SPEECH" BACKGROUND

We review the means of the phraseological system of the Russian language, as well as proverbs and sayings that represent speech in terms of the characteristics of its two sides: 1. the individual as a speaking person and the features of his speech; 2. speech as speech interaction, communication, where a person acts as a communicant, interlocutor.

Keywords: Phraseological units, proverbs, sayings, speech, speaking person, communication

Современная лингвистика характеризуется направленностью на изучение языка в связи с человеческой личностью. В этом отношении важно рассмотреть, как человек отражает в языке важные для него виды деятельности и каким он видит себя как участника этой деятельности. Интерес к человеку как говорящей личности делает актуальным рассмотрение того, как представляет в языке человек свою основную деятельность, которая и создала его самого – речевую деятельность (РД).

Человек осмыслил разные стороны речевой деятельности и представил ее видение в языке, выработав для этого богатый набор разнообразных языковых средств – лексических и синтаксических (см., в частности [2], [3], [4], [6]), которые в совокупности образуют понятийную категорию, функционально-семантическое поле (ФСП) [1].

Объектом нашего рассмотрения являются средства фразеологического состава языка, а также пословицы и поговорки, которые составляют определенную часть этого ФСП. Источником для отбора языковых единиц, анализируемых в статье, послужили словари и справочники, указанные в списке литературы. Выделенные языковые средства рассматриваются с точки зрения представления ими двух сторон речевой деятельности: с одной стороны, акцентируется человек как говорящая личность и его речь, с другой стороны, характеризуется сама речевая деятельность как односторонний процесс, речь или как речевое взаимодействие, как общение, где человек выступает как коммуникант, собеседник.

Язык создан для общения. У каждого человека в течение дня возникает множество ситуаций, когда он вступает в общение, точнее сказать, в кратковременный речевой контакт, даже не замечая этого и не планируя заранее. Например, выйдя из квартиры, он видит соседа, направляясь на работу, он встречается со знакомым, спешащим куда-то, в лифте

оказался с коллегой, в течение рабочего дня человек несколько раз невольно видит того или иного коллегу на лестнице, в другом отделе, куда зашел по своим делам, в буфете и т. д. В таких случаях неестественно пройти молча, и он вступает в кратковременный речевой контакт, который передается фразеологическими сочетаниями типа *словом перемолвиться*; *двумя словами перемолвится*; *обменяться двумя словами* и др. Такое общение «на ходу» не ставит целью получение или восприятие какой-либо содержательной информации и является дружеским дополнением к приветствию, или знаком внимания, или естественным сопровождением другого действия. А иногда мы сожалеем, что такое общение не состоялось, ср.: «Утром видела Юлю, но мы обе так спешили, что даже *двумя словами не могли перебраться*».

Любое общение предполагает дружеские отношения между собеседниками. Не случайно сложилась поговорка *Сядем рядком, да поговорим ладком*. Она выражает приглашение к совместному приятному общению и может функционировать в разных коммуникативных ситуациях: либо когда предстоит обсудить совместную работу или решить возникшую проблему, и говорящий приглашает сразу настроиться на деловое, спокойное, разумное обсуждение, либо когда в процессе разговора возникли разногласия, недопонимание, и говорящий предлагает успокоиться и продолжить обсуждение спокойно, без лишних эмоций. Наконец, если вспомнить, что данная пословица родилась в те давние времена, когда людям приходилось выполнять утомительную, трудоемкую физическую работу (например, в поле, на скотном дворе, в огороде), то приглашение сесть и поговорить могло означать просто предложение посидеть и отдохнуть, разговаривая, что воспринималось как хороший вид отдыха.

В любом виде общения, когда надо что-либо обсудить, обменяться мнениями, прийти к общему

результату, ценится доброжелательность и взаимопонимание собеседников, то есть следует *найти общий язык*. В противном случае, в случае коммуникативной неудачи, говорят: «Им не удалось /Они не смогли *найти общий язык*» или «Они *говорили на разных языках*». Таким образом, фразеологические сочетания *найти общий язык* и *говорить на разных языках* находятся в отношениях антонимии.

Общение соотносится с разными сферами жизни человека: обиходно-бытовой, профессиональной, социокультурной, в нем участвуют все члены общества, и в коммуникативном процессе на первый план выходит факт социальной предназначенности речевого действия. Соответственно в языке получили отражение выработанные в сообществе определенные правила речевого поведения участников общения.

Речь должна быть содержательной, так как первой и основной стороной общения является передача и восприятие информации. В русском языке существует большое количество лексических средств, глаголов, существительных, приставочных глаголов, а также синтаксических средств, характеризующих содержательность речи [2], [4], [5], [6].

Что касается фразеологизмов, то бросается в глаза наличие множества фразеологических единиц, указывающих на недостаточную информативность, несодержательность речи говорящего. Это обусловлено тем, что содержательная речь – это норма, если же это правило не выдерживается, нарушается, то воспринимающий субъект может выразить свою негативную оценку и неудовольствие. Для этого используются фразеологические сочетания, включающие лексически опустошенные глаголы *нести, молоть, пороть*, и существительные *бесмыслица, вздор, галиматья, глупость, ерунда, чепуха, чушь*, например: *нести ерунду, вздор, окоlescицу; пороть чушь, ерунду, галиматью; молоть глупость, чепуху, несуразицу*. См.: «Ну, знаете ли, такую *ахиною несут*, руками только разведешь» (А. Серафимович. Родное дитя); «После третьего стаканчика прикинулся он совсем охмелевшим и стал *нести окоlescицу*» (К. Седых. Даурия); «Я сразу понял, что он *мелет эту галиматью*, просто чтобы позлить Катю» (В. Каверин. Два капитана).

С той же целью используются фразеологизмы: *болтать языком /языками, чесать (трепать, мозолить) язык /языки*. См.: «А разговаривать так, вообще – *трепать языком* – к чему это?» (В. Панова. Спутники); «– Это о чем вы, хлопцы? – Да так, *языки чешем...*» (Н. Островский. Рожденные бурей).

На несодержательную, бессмысленную, неискреннюю речь указывает фразеологическое сочетание *турусы на колесах*, см.: «И что это вашему мужу в голову взбрело? Помните, как он *разводил турусы на колесах*, будто бы в его предприятия вложены тридцать миллионов» (В. Шишков. Угрюм-река). «Все это пустяки, *турусы на колесах*, – говорил мне вчера мой дядя» (И. Тургенев. Переписка).

О несодержательном общении сообщают фразеологизмы *переливать из пустого в порожнее* и *толочь воду в ступе*, см.: «Следующий докладчик говорил долго и увлеченно, но ничего нового он не

сказал, а так, *переливал из пустого в порожнее*; «Ты повторяешь то, что все хорошо знают. Хватит *воду в ступе толочь*». Правда, они могут использоваться также в другой ситуации.

Дело в том, что в средствах языка получила отражение и другая сторона коммуникативного процесса. Общение имеет, кроме содержательной, и другую сторону, собственно контактную. В этом случае коммуникативный процесс используется с целью поддержания контакта, дружеских отношений с собеседником, то есть на первый план выходит фатическая функция общения, когда люди общаются ради общения. Два последних фразеологизма могут подчеркивать именно то, что общение, простой малосодержательный разговор преследовал такую контактную, фатическую цель. См.: «Хозяин и гости вели дружескую, но пустую беседу, иначе сказать – *переливали из пустого в порожнее*» (Ф. Решетников. Свой хлеб).

Общение играет важную роль в жизни русского человека. Для русских общение – это не просто деловой акт, заключающийся в передаче и получении информации. Для них важное значение имеет фатическая функция речевого взаимодействия. Как отмечает Н. И. Формановская, «...видимо, соприкоснуться душой, чтобы выслушали и поняли, при этом не столько разумом, сколько сердцем, – неотъемлемое свойство человека, особенно русского» [8, с. 174]. Русские смотрят на общение как на возможность, потребность поделиться своими радостями, горестями, трудностями (это состояние выражают фразеологические сочетания *поговорить по душам; излить душу; раскрыть душу*) и получить понимание, сочувствие, психологическую поддержку (ср. фразеологизм *облегчить душу*).

В ФСП «Речевая деятельность» получили отражение выработанные в сообществе правила, принципы, которые определяют стратегию и тактику речевого взаимодействия, общения, показывают, каких правил должны придерживаться коммуниканты, какими должны быть отношения между ними и их отношение к знакам языка, которые используются в процессе коммуникации для того, чтобы общение было эффективным и чтобы избежать коммуникативных неудач.

В общении следует быть тактичным, следить за содержанием своей речи. Вспомним шутивную поговорку *Жуй, что ешь, думай, что говоришь*. Не случайно народная мудрость выработала пословицу, которая предупреждает: *Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь*. О том, кто этого хорошего правила не придерживается, говорят, используя фразеологизм: «У него *что на уме, то и на языке*».

Важно быть благоразумным, ответственно относиться к своим обещаниям, поэтому пословица закрепила правило: *Давиши слово, держись, а не давши – крепись*. Поведение, черту характера говорящей личности с этой точки зрения отражает ряд фразеологических сочетаний. См.: «Он *не бросает слов на ветер*»; «Правильно поступает человек, который *держит слово*»; «Илья ответственный человек, у него *слова не расходятся с делом*, он действует по принципу «*сказано – сделано*»». «[Кирпак] ведь старик

основательный, *на ветер болтать* не станет» (Н. Лесков. На краю света); «Я же никогда *не говорю на ветер*, вы это отлично знаете» (М. Булгаков. Собачье сердце) [СОВ, с. 218]. Эти фразеологизмы в другом лексико-синтаксическом контексте могут передавать противоположный смысл, см.: «Он привык *бросать слова на ветер*»; «У него иногда *слова расходятся с делом*».

В то же время некоторые фразеологизмы используются для указания на то, что следует объективно судить о явлениях, объектах, ситуациях, см. поговорку: *Хлеб-соль ешь, а правду режь*.

Фразеологические средства, входящие в ФСРД, показывают также, с какой целью не следует использовать речевое взаимодействие. Нарушающим общепринятые нормы считается речевое поведение человека, который рассказал то, что ему сообщили по секрету и просили не рассказывать. Такого человека неодобрительно характеризуют фразеологизмы: «У него *длинный язык*»; «Она не умеет *держат язык за зубами*». Резкое осуждение передает поговорка *По секрету – всему свету*.

Фразеологизмы *перемывать (кому) косточки* ('сплетничать'), *поливать (кого) грязью*, *распускать слухи* характеризуют как негативное использование процесса общения для обсуждения с собеседниками сведений о третьем, отсутствующем лице, порочащих его, или сведений, которые не принято сообщать. О нарушающем такие нормы речевого поведения с осуждением говорят: «Он *распустил язык*»; «Ольга не умеет *держат язык за зубами*». Если неприятно слушать сплетни и оговоры, то тому, кто этим занимается, хочется с помощью фразеологизмов посоветовать *прикусить язык/язычок*, *придержат язык* или возникает смелое желание *заткнуть (кому) рот*.

Фразеологизм *выносить /вынести сор из избы* характеризует также как недостойное, нарушающее нормы речевого взаимодействия поведение человека, который разглашает определенные сведения, о которых не следовало бы говорить. В отличие от фразеологизмов, о которых шла речь в двух предыдущих абзацах, он используется в несколько иной ситуации общения, а именно когда кто-то разглашает сведения о каких-либо неприятностях (ссорах, дразнях, неудачах), «... касающихся узкого круга лиц... Подразумевается, что тот, о ком идет речь, принадлежит к этому кругу» [СОВ, с. 211]. См.: «Господа, я надеюсь, что здесь собрался все свой народ и никто *не вынесет сор из избы*» (Д. Мамин-Сибиряк. Горное гнездо).

В средствах фразеологии есть выражения, характеризующие самого человека с точки зрения его владения языком, речью. Неразговорчивого, молчаливого человека характеризуют фразеологизмы: *(будто) язык проглотил*; *(молчит) как воды в рот набрал*. Если же что-то заинтересовало человека и он начинает охотно и много говорить, отмечают: «У него *язык развязался!*», а слишком разговорчивый человек характеризуется сочетанием *(у кого) язык без костей*. О находчивом человеке, который легко выражает мысль, умеет вставить интересное,

остроумное слово или сочетание, говорят: «*За словом в карман не полезет*». Правда, эти выражения иногда имеют оттенок осуждения, неодобрения, так как человек, который обладает названными качествами, не всегда тактичен, благоразумен, а в общении следует уважать собеседника, быть доброжелательным, то есть стремиться *найти общий язык*.

За праздничным столом произнести тост, поздравить кого-либо с днем рождения обычно просят того, у *кого язык хорошо подвешен*, а тот, кто *двух слов связать не может*, с такой просьбой не справится. С теми, кто *боек на язык*, *остер на язык*, *зол на язык*, общаться не очень приятно., так три последние три фразеологизма относятся к недоброжелательным, язвительным людям.

Ряд фразеологизмов использует сам говорящий, чтобы охарактеризовать свою речь в какой-либо особой, неожиданной ситуации. Так, если человек затрудняется в выражении мысли, не может вспомнить известное, он, как бы извиняясь, оправдываясь, говорит: «... *на языке вертится*». Сказав что-то лишнее, о чем жалеет, собеседник прояснит ситуацию с помощью фразеологизма: *как будто «языка сорвалось»*. Если попадает в неприятные ситуации из-за того, что какие-либо его слова, высказывания обидели адресата, он сокрушается: «*Язык мой – враг мой*».

С другой стороны, говорящий может выразить свое отношение к содержанию речи коммуниканта: если он не верит тому, что говорит собеседник, и хочет подчеркнуть, что не придает большого значения тому, что тот рассказывает, то может шутя или с некоторой иронией произнести пословицу: «*Мели, Емеля, твоя неделя*» [РП, с. 110]. В то же время, если собеседник проявил внимание, если общение с ним помогло, говорящий оценит его, используя поговорку: *С тобой разговориться, что меду напиться*; *Ласковое слово что веший день*. Ср. также шутивное *Ласковое слово и кошке приятно*.

Таким образом, проведенный анализ показал, что фразеологизмы, пословицы, поговорки активно используются для выделения, акцентирования разных сторон речевого действия и тем самым играют важную и специфическую роль в этом функционально-семантическом поле. Что же касается их семантической сущности, то здесь хочется привести глубокую мысль В. Н. Телия. Определяя специфику значения фразеологических единиц, она пишет: «Основная нагрузка, выполняемая словами в их связанном значении в номинативном инвентаре языка, состоит в пополнении ими недостающих в нем средств наименования элементов предметного ряда или свойств и качеств “непредметных” сущностей, т. е. непосредственно не воспринимаемых в ощущениях отвлеченных понятий, конструируемых человеком в процессах его абстрагирующей деятельности, ментальных акций, психологических процессов и состояний и т. п.» [7, с. 3].

Литература

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.

2. Бахтина В. П. Сложные словосочетания с глаголами речи // Уч. записки башкирского ун-та. – Серия «Филол. науки». – Уфа, 1964. – Т. XVIII. – № 8. – С. 53–58.

3. Величко А. В. Речевая деятельность и ее представление языковыми средствами / Казанская наука. – Казань, 2015. – № 9. – С. 94–96.

4. Величко А. В., Чагина О. В. Выражение ситуации речи в русском языке // Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории (на материале некоторых семантических классов структур). – М.: Русский язык, 1987. – С. 74–147.

5. Величко А. В. Употребление приставочных глаголов, мотивированных глаголом *говорить* // Русский язык за рубежом, 1990. – № 4. – С. 35–39.

6. Ничман З. В. Опыт классификации объектных глаголов речи в русском языке // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. – Новосибирск, 1960.

7. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

8. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. – М.: ИКАР, 2012. – 200 с.

Словари

СОВ: Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А. и др. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – С. 207–235.

РФ: Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э. Русская фразеология. – М.: Русский язык, 1990. – 394 с.

СС: Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1981 – 304 с.

РП: Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1979. – 238 с.

УДК 811.111

М. Е. Дубова
(Россия, Кострома)

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО МИКРОПОЛЯ «МАНЕРА ГОВОРЕНИЯ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются системные связи фразеологических единиц в пределах данного фразеосемантического микрополя английского языка. В структурировании компонентов фразеосемантического микрополя «манера говорения» важную роль играет языковая мотивировка фразеологического значения. Виды языковой мотивировки фразеологического значения обуславливают наличие определенных структурно-семантических группировок в структуре фразеосемантического микрополя.

Ключевые слова: семантическая структура, фразеологическая антонимия, фразеологическая вариативность, фразеологическая синонимия, фразеологическая единица, фразеосемантическое микрополе, языковая мотивировка фразеологического значения.

M. Ye. Dubova

THE STRUCTURAL PECULIARITIES OF THE PHRASEOSEMANTIC MICROFIELD «MANNER OF TALKING» IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article analyses the systemic bonds of the phraseological units within the given phraseosemantic microfield of the English language. The linguistic motivation of phraseological meaning plays an important role in structuring the components of the phraseosemantic microfield «manner of talking». The types of the linguistic motivation of phraseological meaning determine the presence of certain structural-semantic groups in the structure of the phraseosemantic microfield.

Keywords: semantic structure, phraseological antonymy, phraseological variation, phraseological synonymy, phraseological unit, phraseosemantic microfield, linguistic motivation of phraseological meaning.

Конstituенты исследуемого фразеосемантического микрополя характеризуют умение говорящего владеть языком, степень отчетливости речи, степень звучности речи. Фразеологическую единицу (ФЕ) мы рассматриваем как «раздельнооформленную единицу языка, являющуюся устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным и преимущественно экспрессивным сложным знаком» [3, с. 14]. В соответствии с указанными дифференциальными признаками в группе ФЕ, обозначающих манеру говорения, выделяются подгруппы: «гово-

рить выразительно, красноречиво; владеть языком»; «не владеть языком»; «говорить невнятно, неотчетливо»; «говорить слишком громко, кричать».

Системная организация фразеосемантического микрополя проявляется в синонимии, антонимии и способности фразеологизмов к варьированию. Более детальной структурируемостью отличаются понятийные области: «говорить выразительно, красноречиво; владеть языком»; «говорить невнятно, неотчетливо».

Во фразеосемантическом микрополе «манера говорения» выделены 5 синонимических рядов, со-

стоящих из 13 фразеологических оборотов. Длина синонимического ряда варьируется от 2 ФЕ до 5 ФЕ. Примерами одноструктурных синонимов могут служить ФЕ: *have a smooth tongue – have a glib tongue*. К разноструктурным фразеологическим синонимам относятся, например, ФЕ: *give it mouth – have the gift of the gab – have wit at will – speak like a book; gibber like an ape – speak in one's beard – swallow one's words*. В анализируемом фразеосемантическом микрополе преобладают разноструктурные синонимичные фразеологизмы.

Фразеологизмам анализируемого фразеосемантического микрополя свойственна лексическая вариантность компонентов. Лексическое варьирование именного компонента, выраженного именем существительным или прилагательным, осуществляется в ФЕ: *have a glib (ready) tongue, murder the King's (Queen's) English*. Заменой глагольного компонента создаются варианты фразеологизмов: *bellow (roar) like a bull, cry (shout, yell) blue murder, speak (talk) like a book*.

Некоторые фразеологизмы, обозначающие манеру говорения, вступают в антонимические отношения. Например: *have a glib tongue* ('уметь свободно, гладко говорить; ≅ у него язык хорошо подвешен, он за словом в карман не лезет' [БАРФС, с. 769]) – *be unable to put two words together* ('не быть в состоянии связать двух слов' [БАРФС, с. 832]). Как видно из приведенных примеров, данные ФЕ представляют собой многокомпонентные антонимы.

Антонимия представлена шире там, где ярче качественное со- и противопоставление. В данном фразеосемантическом микрополе синонимико-антонимическое объединение составляют фразеологические обороты, обозначающие способность или неспособность говорящего хорошо владеть языком: *give it mouth, have a glib tongue, have a smooth tongue, have the gift of the gab, have wit at will – be unable to put two words together, murder the King's English*.

Структурно-семантический анализ фразеосемантического микрополя базируется на соотношении мотивированности с семантикой и системными связями фразеологизмов.

Мотивированность фразеологического значения традиционно рассматривается как лингвистическая обусловленность, причинность связи между звучанием (планом выражения) и значением (планом содержания) ФЕ [1].

Для ФЕ анализируемого фразеосемантического микрополя характерна лексическая мотивировка фразеологического значения.

В зависимости от характера связи значения фразеологизмов с семантикой мотивирующих слов можно выделить два типа мотивировки: прямую, непосредственную и косвенную, опосредованную. При прямой мотивировке исходные лексические значения отдельных слов входят в состав фразеологического значения. Косвенная мотивировка осуществляется через образ, выраженный исходным сочетанием слов [2, с. 29–30].

Прямая лексическая мотивировка свойственна ФЕ *have the gift of the gab* (букв. 'обладать даром разговорчивости') – 'обладать даром красноречия' [БАРФС, с. 312]. Мы наблюдаем, что исходные лексические значения отдельных слов фразеологизма входят в состав фразеологического значения.

Многие фразеологизмы анализируемого микрополя обладают косвенной лексической мотивировкой, что связано с переносным значением фразеологического оборота в целом. Например: *bellow like a bull* – 'реветь как бык' [БАРФС, с. 113]; *have wit at will* (букв. 'быть остроумным') – 'быть находчивым в беседе, разговоре, споре; ≅ не лезть за словом в карман' [БАРФС, с. 828]; *have a smooth tongue* (букв. 'иметь гладкий язык') – 'быть красноречивым' [БАРФС, с. 789]. Приводимые русские аналоги помогают выявить характер мотивировки.

В некоторых случаях опосредованная мотивация осложняется прямой мотивацией по линии одного из компонентов ФЕ. Например: *cry blue murder* (букв. 'кричать караул') – 'кричать не своим голосом, вопить истошным голосом, орать благим матом' [БАРФС, с. 521]; *gibber like an ape* (букв. 'тараторить как обезьяна') – 'говорить быстро и невнятно, нечленораздельно' [БАРФС, с. 46]; *swallow one's words* (букв. 'глотать слова') – 'говорить неясно, невнятно' [БАРФС, с. 835]; *speak like a book* (букв. 'говорить как книга') – 'говорить правильно, гладко; ≅ говорить как по писаному' [БАРФС, с. 99]; *speak in one's beard* (букв. 'говорить в бороду') – 'невнятно говорить, бормотать' [БАРФС, с. 66].

В семантической структуре фразеосемантического микрополя «манера говорения» используется мотивировка лексическим составом, семантикой синонимических рядов, фразеологических антонимов и синонимико-антонимического объединения.

Литература

1. Золотова Л. М. К проблеме семантической мотивированности фразеологизмов современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1978. – 190 с.
2. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка : учебное пособие по спецкурсу. – Ярославль : Изд-во ЯГПИ, 1979. – 79 с.
3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.

Словари и справочники

- БАРФС*: Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Ок. 20000 фразеологических единиц. – 5-е изд., испр. – М. : Живой язык, 1998. – 944 с.
- БАРС*: Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь: В новой редакции: 220000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. – Изд. 10-е, стереотип. – М. : Цитадель-трейд ; Вече, 2010. – 832 с.

Е. Н. Ермакова

(Россия, Тобольск)

М. В. Прокопова

(Россия, Тобольск)

ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ ИХ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

В статье рассматривается эксплицитность фразеологических единиц как способ языковой игры; анализируются приемы, приводящие к усилению экспрессии фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, имплицитность, эксплицитность, языковая игра, экспрессивность.

E. N. Ermakova,

M. V. Prokopova

EXPLICITNESS OF PHRASEOLOGISMS AS A WAY OF STRENGTHENING THEIR EXPRESSIVITY

The article considers the explicitness of phraseologisms as a way of language game; analyzes techniques leading to increased expression of phraseologisms.

Keywords: phraseologism, implicitness, explicitness, language game, expressivity

Трансформация фразеологических единиц – процесс, который привлекает внимание многих исследователей, тем не менее вопросы видоизменения остаются дискуссионными, требующими дальнейшего изучения. Один из видов трансформации – количественное изменение компонентного состава фразеологизмов как проявление взаимодействия устойчивости-неустойчивости единиц. Ученые (В. Т. Бондаренко, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, Е. Николаева, А. А. Потеня и др.) рассматривают и факты сокращения, и факты увеличения числа компонентов фразеологизма. По терминологии В. М. Мокиенко, эти две тенденции обозначаются соответственно как импликация (имплицитность) и экспликация (эксплицитность). Импликация (в иной терминологии – эллипсис, редукция, усечение) рассматривается как способность сверхсловной языковой единицы к уменьшению числа компонентов. Имплицитность во многом объясняется законом речевой экономии: стремительность современной жизни требует новых, экономичных наименований. Фразеологические единицы «теряют» компонент (-ы), но структурные изменения, как правило, не приводят к существенному изменению значения фразеологизма, так как значение имплицитованного фразеологизма «вбирает» в себя сему (-ы) утраченных компонентов. Сравним: *разводить турусы на колесах / разводить турусы* – обе единицы имеют значение ‘говорить чепуху, вздор, рассказывать небылицы’. Имплицитованная единица – компактнее и лаконичнее, но экспрессии не утратила.

Экспликации (от лат. explicatio – ‘развертывание, объяснение’) в лингвистике трактуется неоднозначно. Широкое (общелингвистическое) понимание этого термина дает О. С. Ахманова. По ее мнению, термин применим к случаям актуализации языкового знака (или раскрытия реальных функций виртуальных единиц) посредством формального выражения. Более узкое понимание термина находим у В. М. Мокиенко относительно фразеологических единиц. Под экспликацией (эксплицитностью) он

понимает «тенденцию фразеологизма (resp. одной лексемы) к увеличению числа компонентов» [5, с. 96]. При этом названный процесс объясняется тем, что «расширение фразеологизма стимулируется недостаточностью семантики, необходимостью усилить утраченную словом (или словосочетанием) экспрессию, обновить мотивировку» [5, с. 129].

По нашим наблюдениям, увеличение числа компонентов может привести к разным результатам. С одной стороны, происходит не только структурное, но и семантическое обновление. Сравним: фразеологизм *соломоново решение* с предметным значением ‘половинчатое разрешение сложной проблемы, ситуации’ присоединяет к себе глагол, реализующий сему ‘принять / принимать’, которая становится грамматически главным компонентом производного фразеологизма и коренным образом меняет не только индивидуальное, но и категориальное значение – ‘не полностью разрешать / разрешить сложную проблему, ситуацию’. Безусловно, однозначно определить направление производности в этом и подобных случаях возможно только с помощью этимологического анализа, может быть, мы имеем дело, наоборот, с явлением имплицитности. В лингвистической литературе нет однозначного ответа на вопрос, что является первичным, производящим, а что – вторичным, производным [2, с. 22]. Иначе говоря, оставим решение этого вопроса диахронной фразеологии. С другой стороны, в результате экспликации не является единица с новым значением, но фразеологизм за счет компонентов получает дополнительную коннотацию, а значит, усиливается и его прагматика.

Наше внимание обращено на фразеологические единицы, созданные в результате языковой игры. Под языковой игрой понимаем «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка... с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих вследствие этого экспрессивное значение» [СЭСРЯ, с. 657]. Такие единицы представляет собой

«структурный стержень, на который “нанизываются” (по терминологии В. М. Мокиенко) разные контексты» [7, с. 317], что свидетельствует и об изменении структуры фразеологизма, и о семантическом “приращении”. Возникают такие единицы в устной речи, их «создатели» – несомненно, активные языковые личности. В монографии «Русская разговорная речь» отмечается, что языковая игра «складывается из балагурства и остроты» [9, с. 175]. Но авторство этих личностей теряется, возможно, в силу быстрого распространения трансформированных единиц, возможно, в силу того что они были созданы параллельно двумя и более авторами.

По нашим наблюдениям, языковая игра во фразеологии представлена несколькими приемами:

- использование ассоциативного потенциала компонента: *Жизнь бьет ключом и все по голове;*
- игра антонимов: *Береженого бог бережет – небереженого конвой стережет;*
- разрушение значения фразеологизма: *Тише едешь – дальше будешь от того места, куда едешь;*
- актуализация прямого значения: *Кина не будет, киницик заболел;*
- игра в прямом и переносном значении: *Одни обещают мне машину – другие деревню с готовой маманей;*
- приемы рифмовки: *С милым рай в шалаше, коли тот шалаш – «Порше»;*
- шутливые высказывания: *Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты и дугою галифе.*

Используется и сочетание приемов: актуализация прямого значения + прием рифмовки: *Дела идут, контора пишет, день дадут, а два запишут;* актуализация прямого значения + использование контекстуальных антонимов: *Против лома нет приема – против лома есть рычаг;* прием рифмовки + использование контекстуальных антонимов: *Жизнь бьет ключом – хач бьет плечом.*

Позволим себе не согласиться в полной мере с Б. А. Лариным, который считал, что «очень и очень редко происходил процесс обратного направления: древние сжатые лаконичные формулы идиоматического типа разворачиваются, раскрываются в более полный, вразумительный образ» [4, с. 142–143]. Процесс увеличения компонентного состава не носит регулярный характер, но для возможностей языковой игры не установлены ни рамки, ни границы, об этом свидетельствует структурное разнообразие трансформ: одна и та же единица получает варианты «продолжения»: *Жизнь бьет ключом / Жизнь бьет ключом, гаечным / Жизнь бьет ключом по талии / Жизнь бьет ключом по голове / Жизнь бьет*

ключом и все по голове / Жизнь бьет ключом по известному месту / Жизнь бьет ключом – хач бьет плечом; С милым рай в шалаше, если милый атташе / С милым рай в шалаше, коли тот шалаш – «Порше»; Кина не будет, киницик заболел / Кина не будет: электричество кончилось.

Фразеологизмы-экспликации, созданные как «продукт» языковой игры, – достаточно популярное и эффективное средство эмоционально-экспрессивного выражения говорящего, кроме того, используя эти единицы, автор проявляет и свое отношение к сообщаемому.

Литература

1. Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. – 153 с.
2. Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2008. – 41 с.
3. Кунин А. В. О соотносительности фразеологической единицы со словом // Вопросы фразеологии. – Вып. 3. – Самарканд, 1970. – С. 94–112.
4. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / История русского языка и общее языкознание. – М. : Просвещение, 1977. – С. 125–162.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
6. Мокиенко В. М. Фразеология и языковая игра: динамика и формы смысла // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Володарского. Серия: Филология. Социальная коммуникация. – 2012. – Т. 25(64). – № 2(1). – С. 100–109.
7. Николаева Е. Эксплицирование и имплицитирование пословиц как средство языковой игры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Володарского. Серия: Филология. Социальная коммуникация. – 2012. – Т. 25(64). – № 2(1). – С. 315–320.
8. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 464–560.
9. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М. : Наука, 1985. – 275 с.

Словари и справочники

- СЛТ*: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : КомКнига, 2005. – 570 с.
- СЭСРЯ*: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 657 с.

Е. Н. Золина

(Россия, Иваново)

А. А. Хуснутдинов

(Россия, Иваново)

А. А. Хуснутдинова

(Россия, Иваново)

АВТОРСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДИОМ В РЕЧИ КОРЕННОГО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В докладе под понятие «авторское» подводятся все зафиксированные в речи коренного сельского жителя Ивановской области случаи употребления, в том числе и трансформированного, идиоматических выражений, которые могут быть определены как отмеченные только у данного автора. Установление узальности или окказиональности таких случаев требует научного обоснования и определенной систематизации. В статье на конкретных примерах показывается разнородность авторского употребления фразеологических единиц в речи и обосновывается мысль о необходимости исследования индивидуальности фразеологического лексикона личности с точки зрения состава и использования на основе всего корпуса единиц и всех контекстов (высказываний), в которых содержатся идиоматические выражения.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, идиоматика, языковая личность, диалектная фразеология, авторское использование идиом, трансформация идиом.

E. N. Zolina

A. A. Khusnutdinov

A. A. Khusnutdinova

AUTHOR'S USE OF IDIOMS IN THE SPEECH OF AN INDIGENOUS VILLAGER OF IVANOVO REGION

In the report, under the concept of "author's", all the cases of using, including transformed, idiomatic expressions recorded in the speech of an indigenous villager of the Ivanovo region, which can be defined as marked only by this author, are summarized. To establish the usability or occasional nature of such cases requires scientific justification and certain systematization. The article shows – by means of specific examples – the heterogeneity of the author's use of phraseological units in the speech and substantiates the idea of the need to study the uniqueness of a person's phraseological lexicon from the point of view of composition and use based on the entire corpus of units and all contexts (statements) that contain idiomatic expressions.

Keywords: russian language, phraseology, idioms, linguistic personality, dialect phraseology, author's use of idioms, transformation of idioms.

Описание языка личности (и лексикографическое в том числе) нацелено, помимо всего прочего, на выявление индивидуальных черт лексикона человека и способов выражения, определяющих особенности его речи. Для такой характеристики языка личности особое значение приобретает употребление языковых единиц, которое определяется обычно как «окказиональное», «индивидуально-авторское», «авторское». Показателями авторского употребления считаются обычно единичность использования в речи (текстах) и отсутствие выражения или формы употребления (в широком смысле) в имеющихся в распоряжении исследователей словарях.

Единичность фиксации отдельных слов и выражений, а также каких-либо форм и значений не является для науки чем-то новым и необычным. Достаточно давно она отмечена исследователями, имеющими дело с памятниками письменности прошлых эпох, когда форма слова, его значение или сам факт существования в языке слова вызывает сомнения, споры и разные толкования из-за того, что слово только в одном и единственном виде зафиксировано в каком-либо тексте. Исследователям, имеющим дело со словарями, известны также «лексико-

графические фантомы» – «ложные» слова и выражения, появление которых в словарях связано с неточностями и ошибками в фиксации и интерпретации языкового материала при составлении словарей, см. о них [1, с. 425; 2; 3; 4, с. 21–33] и др. (Ср. аналогичную ошибку в восприятии выражения *ни копейки* в следующем разговоре отца с пятилетней дочерью: « – Папа, а что такое «никапейка»? – Такого слова нет, дочь. – Но ты же все время говоришь, что у тебя нет «никапейки».) Единичность фиксации слова и выражения может быть связана с их ошибочным употреблением (ср. «*ешевы рукавиц*» в речи иностранца в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина), которое, в свою очередь, может быть ненамеренным и намеренным [5, с. 184–206] или вызвано стремлением вернуть слову и выражению его мотивированность и образность (обычно в детской речи, ср.: «упал *вверх кармашками*»; «она умная, у нее *семь прядей во лбу*»), см. подробнее о таком употреблении фразеологических единиц [6].

Фиксация слова или выражения в словарях тоже не может быть надежным критерием, т. к., с одной стороны, значительное число, например, фразеологических единиц, которые активно исполь-

зуются в живой речи (см. о них [7]), не получило полноценного лексикографического описания в словарях, с другой стороны, общие фразеологические словари русского языка, в частности ФСРЯ, включают внутрь словарной статьи случаи особого, в том числе и единичного, употребления фразеологизмов в текстах тех или иных авторов. Из этого следует вывод о необходимости уточнения в науке понятий «авторское», «индивидуально-авторское», «окказиональное», «нестандартное» и т. п.

Основной задачей данной статьи является характеристика примеров «авторского» употребления идиом, зафиксированных в речи коренного сельского жителя Ивановской области. В понятие «авторское» при отборе языкового материала мы вкладывали только один общий смысл – ‘фиксируется в речи данного автора’. Работа основана на материалах картотеки авторского словаря, описывающего фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области (см. ФЛС в разделе «Словари и справочники»). Ошибки («ложные» выражения, «фразеологические фантомы») в лексикографическом описании идиом в этом словаре исключены, так как составители имели возможность ознакомиться информанта с текстом словаря и учесть все его поправки и замечания, касающиеся как самих единиц, так и их представления в словаре. В процессе создания этого словаря были выявлены случаи «авторского» в указанном выше смысле использования идиом (в том числе и трансформированного), характеристика которых с точки зрения узуальности / окказиональности требует специальных комментариев. Как показывают наблюдения, такое использование фразеологических единиц требует определенной дифференциации и некоторой систематизации. На основе наших материалов можно выделить несколько разновидностей таких употреблений.

В первую очередь следует указать на случаи, когда употребление фразеологической единицы только на первый взгляд выглядит как окказиональное, индивидуально-авторское. Например, контекст «Берите деньги у бабушки. С такой зарплатой вы до пенсии будете жить *на бабушкином аттестате*» совершенно очевидно указывает «привязанность» фразеологизма к конкретной речевой ситуации, иначе говоря, на индивидуальность употребления. Однако оказывается, что выражение *на бабушкином аттестате* в русской речи используется достаточно давно, хотя и не фиксируется словарями, ср.: «Спросил командующий, как с харчишками, с куревом. Мы плечами пожимаем – известно как: *на бабушкином аттестате*. – Скоро все будет. Скоро еду, курево, новое обмундирование подвезут. К празднику, – заверил генерал. – Даже водочки маленько выдадут. Выпьемте в честь нашей победы» (В. Астафьев, Жизнь прожить). Здесь, однако, следует отметить и «авторское» использование этого фразеологизма применительно к ситуации, когда пенсионеры вынуждены материально поддерживать своих детей и внуков, заработки которых не могут обеспечить даже минимальный уровень жизни. Аналогичным является пример с фразеологической единицей *и пёс не взлетает*

на кого со значением ‘никто не обратит внимания на кого-либо, не будет считаться с кем-либо’ («Это пока меня боятся и уважают. А вот выйду на пенсию – *и пёс не взлетает*»), ср.: «– Э! Нечего тут! Гуляй, пока молода, состаришься – *и пёс* на тебя *не взлетает*, – во все горло хохоча, сказала Фленушка и опять заплясала, припевая» (Мельников-Печерский, В лесах).

Далее следует выделить случаи авторской трансформации известных выражений, которые в общеупотребительной форме обычно фиксируются в словарях русского языка. Такая трансформация разнообразна, может затрагивать разные стороны фразеологической единицы (форму, значение и т. д.), может быть достаточно простой (*в костюме адама* > *в адамовом костюме*) и весьма сложной (*вытягивать жилы из кого* > *выдирать жилы из кого* > *выдирать жилы из мозгов у кого*); к последней могут быть отнесены и случаи контаминированного употребления (*молоть чушь* < *нести чушь* и *молоть языком*, *отлить пиллюлю* < *отлить пулю* и *поднести пиллюлю*, *из рук вон выходящий* < *из рук вон* и *из ряда вон выходящий*, *списывать со счетов* < *списывать в тираж* и *сбрасывать со счетов*). Особенностью таких примеров является то, что здесь путем трансформации создаются авторские выражения и формы, однако они являются результатом использования известных и распространенных способов преобразования фразеологических единиц (см. об этих способах [ФРП]).

Путем трансформации идиом создаются также новые фразеологические и лексические единицы, которые могут рассматриваться как авторские в силу привязанности к конкретной речевой ситуации, например: *мухи летают над кем* ‘кто-либо сильно пьян, в нетрезвом состоянии’ («Ой-ёй-ёй! Какие *мухи* над вами *летают!* Видать, посидели вы у Олега хорошо. Значит, завтра косить не поедем. Похмеляться будем»), ср.: *под мухой*; *выйти из курса* – ‘забыть о том, что было известно ранее о чем-либо’ (<В ответ на реплику «Я вот пойду и скажу ему, что в курсе всех его дел»:> «А вот бы стукнуть тебя по шебале <голове>, чтобы ты *вышел из курса* и не совался куда не просят.), ср.: *входить в курс дела*; *знать в хвост кого* ‘(знать) по внешнему виду, по облику’ («Вот говорят: «Ветеринарный врач всех своих коров должен знать в лицо». А я скажу: «Ветеринарный врач должен всех своих коров знать *в хвост!*». Ты, конечно, меня поправишь, неправильно я выразился, но любой ветеринар сказал бы: «В точку попал, Наполеон Семёнович!». <В типовых молочных фермах советского времени коровы располагались задом к центральному проходу для удобства при доении.>), ср.: *знать в лицо кого*; *сердобольцы* – ‘люди, которые волнуются, переживают за кого-либо или за что-либо’ («Рано ты репку запел. Ещё не все *сердобольцы* собрались»), ср.: *сердце болит у кого за кого, за что*; *лапшевник* – ‘человек, который намеренно вводит других в заблуждение, обманывает’ («Он <президент> ведь ничего не делает, духа единого. Только лапшу вешает, а с коррупцией не борется. *Лапшевник* он»), ср.: *вешать лапшу на уши кому*.

В речи информанта отмечены также случаи использования фразеологизма, авторство которого принадлежит другому лицу. В таких случаях информант ссылается на лицо, у которого он заимствовал выражение, например: *лететь вперёд пинка* – ‘стараться сделать что-либо как можно раньше, досрочно, не дожидаясь положенного времени, установленного срока или команды, приказа’ («Что мы с тобой будем, вон как Арсентий говорит, *лететь вперёд пинка*? Завтра они <начальники> и сами забудут, что хотят от нас сегодня. Какую дурь придумали! Делать мы ничего не будем. А затребуют они отчёта – мы бумагу пошлём, что у нас всё в ажуре. Нечего *лететь вперёд пинка*»). Освоение такого фразеологизма может выражаться и в его трансформированном использовании. Так, информант указывает на автора выражения *утопить Муму* – ‘решительно отказаться от прежней линии поведения, кардинально изменить свое отношение к кому-либо, к чему-либо, перестать поступать или делать что-либо как прежде’ («Вон Арсентий говорит, что Муму он уже *утопил*, ничего больше <в поле> делать не будет. Ну, и мы сажать картошку в поле больше не будем. Мы тоже не Герасимы. Может, так и лучше будет»). На освоение информантом выражения *утопить Муму* указывает трансформация выражения, которую без сомнения следует признать авторской, ср.: «Жалуется она <соседка>, что курицы наши к ней в огород ходят, крыльцо загадили, требует извести их. Ну, мы загородим тут всё, чтобы курицы не ходили. А Муму *топить* не будем. Куда мы без кур?!» (*топить Муму* – ‘действовать по приказу или в интересах другого, поступаясь своими желаниями, выгодой и т. п.’).

В речи информанта отмечены также случаи, когда авторский неологизм получает распространение, хотя и локальное. Таким выражением, получившем распространение в с. Болотново Родниковского района Ивановской области, является фразеологическая единица *на Симу*, ср.: «● НА СИМУ, адverb., обл. На кого-либо одного (перекладывать всю работу). # *Это выражение у нас в деревне от одного мужика ленивого пошло. Его скирдовать поставят с женой (её Симой звали), так он через раз кричит: «Давай на Симу», чтобы самому сено не принимать. Так и пошло: на Симу да на Симу. # У вас врачей <ветеринарных> вон сколько, всё сами можете сделать, а вы всё на Симу да на Симу футболите» [ФСЛ].*

В речи информанта зафиксирован и собственный авторский фразеологизм *как пить* – ‘не слишком горячий, не обжигающий (о чае, кипяченой воде, молоке и т. п.)’, например: «Давай чай. Только как *пить*. Горячего не надо. Ёк-ковырок, губы обжѣг! Ведь просил чаю как *пить*! Дай-ка мне молока кипяченого. Только как *пить*. Чаю мне <дай> как *пить*, а не кипятка!»

Авторское употребление идиом, как следует из наблюдений, весьма нередкое явление в речи нашего информанта, который, хотя и является обычным носителем языка, демонстрирует и хорошее практическое знание фразеологии языка, и ясное представление о возможностях использования иди-

ом как особых единиц в речи. Это наглядно демонстрирует пример употребления информантом фразеологической единицы *на кровях*. В речи информанта зафиксировано употребление фразеологической единицы *на кровях* в четырех значениях, из которых, по нашим наблюдениям, только первое является употребительным в речи «ружейных» охотников, ср. (приведем словарную статью из ФЛС; знаком ► показывается трансформированное употребление идиомы):

«● НА КРОВЯХ. 1. *выпить*, адverb., жарг. 1. По случаю удачной охоты (выпить). # *У Олега охотники сидят, выпивают на кровях. Сегодня они кабана добыли. Секача здорового.* ► По случаю забоя домашнего скота (выпить). # *А поросёнка мы с тобой вырастили хорошего. Килограмм сто пятьдесят будет, не меньше. И разделались с ним быстро. Пойдем обедать, да и выпьем на кровях, а то мясо невкусно будет.* # *Как ты быстро! В восемь часов свинью зарезал, а к двенадцати она уже в морозильнике, и упакованная в пакетики. Давай за обедом выпьем на кровях по маленькой рюмочке, а то мясо будет невкусным.* # *Хоть петухов только мы с тобой зарубили, а на кровях выпьем!* 2. *кто*, адъект. В состоянии, когда еще есть желание, охота, готовность (выпить). # *Давай, мать, выноси нам ещё вина. Пошто бережёшь? Пока на кровях, надо выпить.* # *Олег, конечно, на кровях, ему ещё надо выпить, а никому уже не хочется с ним сидеть.* # *Мать, принеси ещё вина нам. Мне хватит, а вот Арсентию надо. Пока ещё на кровях, он выпьет.* 3. *кто*, адъект. В состоянии душевного подъема, воодушевления, прилива сил и т. п. (от достигнутой победы, успеха). # <Команде> *Голландии надо бы ещё гол забить, пока на кровях, а то бразильцы живо-два счёт сравнивают.* 4. адverb. С азартом, воодушевляясь получаемыми результатами, успехом и т. п. (делать что-либо). # *Дело у нас сразу пошло хорошо, так на кровях и кончили».*

Таким образом, авторское употребление фразеологических единиц в речи нашего информанта оказывается весьма разнородным, требует определенной систематизации и научного осмысления. Наши наблюдения показывают, что вопрос об индивидуальности фразеологического лексикона личности должен решаться не только на основе той части фразеологии личности, которая характеризуется единичностью, необычностью, отсутствием такого употребления в речи других носителей языка, а на основе всего корпуса фразеологических единиц и всех зафиксированных контекстов (высказываний), в которых эти единицы содержатся. Особо следует указать на необходимость исследования в этом аспекте случаев узуального, типового, стандартного употребления фразеологических единиц, так как, на наш взгляд, учет особенностей самого фразеологизма (формы, значения, стилистических и др. свойств) при выборе идиомы или формы употребления для использования в конкретной речевой ситуации не меньше характеризует индивидуальность фразеологического лексикона личности, чем случаи окказионального, трансформированного, нестандартного

употребления фразеологических единиц. Вопрос этот требует специального исследования на материале текстов разных авторов с учетом индивидуальности лексикона каждого из них.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Боброва М. В. О фантомах в диалектной фразеологии: к постановке вопроса // Вестник Пермского университета. – 2014. – Российская и зарубежная филология. – Вып. 3(27). – С. 94–103.
3. Жуков А. В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 51. – С. 57–60.
4. Кобелева И. А. Русская диалектная фразеология: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера). – СПб. : Наука, 2007. – 200 с.
5. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л. : Наука, 1977. – 284 с.
6. Хуснутдинов А. А. Окказиональное употребление фразеологизмов в речи: авторские транс-

формации и ошибки // Вопросы речевого развития учащихся в школе и вузе. К 85-летию со дня рождения В. Е. Мамушина : сб. науч. ст. и методических рекомендаций по материалам Всероссийской науч.-метод. конф. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. – С. 290–296.

7. Хуснутдинов А. А. О некоторых задачах отечественной фразеологии и фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. – Тула : ТППО, 2018. – С. 460–465.

Словари и справочники

ФЛС: Золина Е. Н., Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области. Словарь. – Иваново : Изд-во ИГХТУ, 2019. – 416 с.

ФРР: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. – М. : Русские словари, 1997. – 856 с.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

УДК 811.161.1'36

С. Ю. Лаврова
(Россия, Череповец)
Л. А. Ермакова
(Россия, Кострома)

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ *МОЖНО* / *НЕЛЬЗЯ* В СТРУКТУРЕ ПАРЕМИЙ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена линвоаксиологическому анализу бинарной оппозиции «можно / нельзя» в структуре русских паремий. Анализу подвергаются модально-оценочные смыслы паремий со словами категории состояния. В работе поэтапно рассматриваются семантические, синтаксические и прагматические компоненты значений слов категории состояния с учетом видов деонтической и аксиологической модальностей. Материалом для выбора данных паремий послужили словари пословиц и поговорок В. И. Даля.

Ключевые слова: паремия, бинарная оппозиция, слова категории состояния «можно / нельзя», модальность, линвоаксиология.

S. Yu. Lavrova
L. A. Ermakova

BINARY OPPOSITION 'POSSIBLE – IMPOSSIBLE' / 'ALLOWED – NOT ALLOWED' IN STRUCTURE OF PROVERBS AND SAYINGS: LINGUAXIOLOGICAL ANALYSIS

The article is devoted to a linguoaxiological analysis of the binary opposition ('possible – impossible' / 'allowed – not allowed') in the structure of Russian proverbs and sayings. The research paper centres around modal-evaluative meanings of proverbs and sayings with the words of the category of state. The authors of the article study semantic, syntactic and pragmatic components of the meanings of the words of the category of state on a step-by-step basis, taking into account the types of deontic and axiological modalities. The type of the source material used for the research includes dictionaries of proverbs and sayings by V. I. Dahl.

Keywords: proverbs and sayings, binary opposition, words of the category of state 'possible – impossible' / 'allowed – not allowed', modality, linguoaxiology.

Лингвокультурологи характеризуют паремии в языковой картине мира (ЯКМ) как ядерные устойчивые употребления наряду с фразеологизмами. «Наивная этика» паремий, формирующая «наивную норму» русской ЯКМ, поражает неисто-

щимым смысловым богатством, выраженным в языке с помощью оценочной операциональной семантики.

Бинарные паремии со словами категории состояния (СКС) в структуре предикатов представляют собой особую группу суждений, в которых выявля-

ются несколько типов модальностей (например, деонтическая и аксиологическая): *Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить* [ДВ, с. 24] (определенный тип предписания и оценочность объекта) или *Слушать его можно, а верить нельзя* (совет адресату – лицу, которому надлежит исполнять предписание, и оценка определенного типажа человека).

Бинарные паремии с СКС в структуре предикатов представляют собой особую группу суждений с аксиологической модальностью, предлагающих изменение нормы поведения, например: *Соврать можно, а перевернуть нельзя* или *Нельзя перескочить, так можно подлезть* и др. Ценностные знания и нормативность поведения характеризуют интенцию адресантов, основанную на прецедентности.

Объектом изучения в данной работе выступают модально-оценочные смыслы паремий с бинарными словами категории состояния *можно / нельзя*.

Предметом анализа являются скрытые механизмы смысловой взаимосвязи между явлениями, предметами, лицами, характеризующие субъективные трактовки представителей русского народа.

Остановимся на ключевых понятиях.

Бинарная оппозиция (БО) понимается исследователями как универсальное средство моделирования ЯКМ в виде пар противоположных признаков. В зависимости от выбора науки можно охарактеризовать БО с различных точек зрения при сохранении ее ядерного понимания. Как логико-философское понятие БО есть связка двух членов оппозиции, между которыми устанавливаются измеримые определенным параметром понятия: внешнее и внутреннее, часть и целое, необходимое и случайное, сущность и явление, субъект и объект и другие соотношения бинаризма.

БО часто критикуется за то, что, будучи одномерной, формирует линейные связи [4]. Действительно, на первый взгляд линейная связь воспринимается как связь, не обладающая смысловой глубиной в современном мире вертикальных контекстов и богатых ассоциаций. Однако все далеко не так просто, поскольку БО меняет свою «линейность» на «ассоциативность» в том случае, как только попадает в зону какого-либо контекста. Например, в пословице *Сегодня можно, завтра нельзя* темпоральные СКС формируют шкалу ограничения, внутри которой осуществляется ситуация выбора. В пословице *Мало ль чего можно, да нельзя* использование в первой части безличной конструкции фразеологизма *мало ли что / мало ли чего* со значением ‘многое, всякое, разное’ [ФСРЛЯ, с. 358] расширяет значение СКС *можно* (модальная оценка действий человека), но смысл второй безличной конструкции «снимает» все эти возможности употреблением СКС *нельзя* (отсутствие возможности сделать что-либо). В обоих случаях бинарность употребления *можно / нельзя* в одной пословице характеризуется разными глубинными смыслами: в первой – наличием ограничения на действие, во второй – гипотетической возможностью снижения, по большому счету отсутствия этой возможности.

Общеизвестно, что на языковом уровне понятие БО впервые было рассмотрено представителем

Пражского лингвистического кружка, создателем фонологии Н. С. Трубецким при описании дифференциальных признаков фонемы [9]. В дальнейшем продуктивность применения БО в лингвистических исследованиях возросла и распространилась как на другие уровни языка, так и на текст. Глубоко сказано на теоретическом обосновании значимости БО и влияния структурализма с его описанием скрытых противоположений, четких правил [3].

В языке культуры БО продуктивно изучаются и при характеристике мифологем, архетипов, мифов, культурных ритмов, стихотворных рифм и т. д. БО воспринимаются как универсальная находка человечества, представленная в первом жестком дихотомическом варианте.

ЯКМ любого народа универсальна в понимании общечеловеческих категорий, включая пол *мужчина / женщина*, что и отражается во фразеологическом и паремиологическом фондах любого естественного языка. Одновременно с этим ЯКМ уникальна в контексте национальных координат и обладает ценностно-оценочным арсеналом, получающим выражение в тех же указанных выше фондах.

В связи с актуализацией когнитивно-дискурсивного направления в современной лингвистике обращаем внимание на тот факт, что когнитивная фразеология и паремиология, как отмечает Б. Ю. Норман, образуют единую сферу идиоматики, когда, например, фразеологизм разрастается до объема пословицы, как в нашем примере, приведенном выше (*Мало ль чего можно, да нельзя*) [7, с. 246].

Лингвисты так определяют когнитивно-прагматический базис паремий: 1) прошлый, предметно-чувственный опыт народа отражается в ядре – статическом фрейме, который фокусирует в себе опыт человеческой повседневности; 2) прагматические свойства паремии (аксиологические, эмотивные, деонтические, культурно-коннотативные и другие) воплощаются в сценарии (динамичном фрейме) [2; 6].

Мы предлагаем следующее рабочее определение **бинарной оппозиции** как функциональной структуры для создания двустороннего смысла *можно / нельзя* по оценочной шкале *хорошо / плохо* (аксиология паремиологической картины мира русского народа) и по шкале *соблюдение долга / нарушение долга* (деонтология – нормативные предписания по поведению в «наивной» паремиологической картине мира).

Следующим ключевым понятием выступают **слово категории состояния** *можно / нельзя*, выполняющие предикативную функцию в выбранных нами для анализа паремиях.

СКС характеризуются особым статусом в языковой системе русского языка, поскольку 1) имеют неизменяемую форму, но не считаются наречиями (за исключением концепции «Русской грамматики – 80») [8, т. 1, с. 703]; 2) употребляются только в структуре безличных конструкций, всегда являясь предикатами; 3) их семантический потенциал позволяет рассматривать данные языковые единицы как значимые аксиологические и деонтологические единицы.

СКС *можно / нельзя* в качестве оценочных предикатов, употребляемых в антонимичной паре, представляют собой единицы, семантика которых трансформирует свое значение и свой смысл в зависимости от контекста. Например: *Поднять можно, а через избу перекинуть нельзя* (речь идет о пухе) или *Ничего нельзя, а все можно*. Обратим внимание на препозицию и постпозицию искомым СКС: постановка в первом порядке (сначала *можно*, а потом *нельзя*), характеризует ситуацию с конкретным ограничением. Но в следующей паремии при смене позиции СКС *можно* актуализирует вседозволенность и полное отрицание абстрактных норм *ничего нельзя*, выстраивая двойное противопоставление – *все можно*. Отметим, что синтактика СКС с другими частями речи в структуре паремий формирует оценочные, ценностные и деонтические значения с учетом синтаксической позиции внутри безличного предложения.

Кроме такого рода употреблений, внутри паремий происходят следующие семантико-синтаксические процессы: 1) пост- и препозиция СКС *можно / нельзя* формирует в пословицах абсолютно или практически противоположные смыслы, например: *Оно бы и очень можно, да никак нельзя; Нельзя, коли нет в мошне; можно, коли есть в мошне*; 2) использование в паремии модального глагола *хочется*, выражающего не само действие, а целевую установку, конкретизирует смысл всего высказывания, наполняя его модальностью желания, потребностью в чем-либо, например: *Чего нельзя, того и хочется*. Данная паремия как компонент зафиксированной устной коммуникации характеризует размытость границ высказывания, обусловленных неконкретизированными употреблениями языковых единиц *нельзя – хочется*.

Особое место в паремиологическом фонде занимают пословицы, в которых одно из рассматриваемых нами СКС либо употребляется дважды вместо антонимичного слова, либо заменяется на любое другое слово, чаще всего – глагол. Например: *Чего нельзя, того нельзя; Тошно, да миновать не можно* – СКС заменяется словом, зарифмованным со словом *тошно*; *Оттого нельзя, что земля мерзла* и др.

Еще одно из типичных употреблений – использование двух инфинитивов в структуре сложноподчиненной конструкции с СКС *нельзя*: *Перестань о том тужить, чему нельзя пособить* или *Что про то говорить, чего нельзя воротить?* Данные слова входят в состав сложных именных сказуемых в обеих конструкциях, определяя в смысловом понимании стратегию поведения человека и оценку его состояния.

Таким образом, синтагматика паремий с СКС продуктивно влияет на их смысловой потенциал и должна учитываться при лингвоаксиологическом анализе конструкций.

В паремиях с бинарной парой СКС *можно / нельзя* выявляется противоречивый контекст возможных действий человека, характеризующих стратегию его поведения. В русском языке, где порядок слов, в частности, заменяет формальные грамматические показатели – артикли, неопределенность как лингвистическая категория проявляет себя в развер-

тывании тема-рематической доминанты высказывания. В безличной конструкции с предикатами, выраженными СКС или глаголами и СКС, например: *Можно убежать от разговора, но нельзя убежать от себя*, первая ее часть выступает в качестве темы высказывания, тогда как вторая ее часть – в качестве ремы. Данное с СКС «*можно ... от разговора*» расширяется новым с СКС «*нельзя ... от себя*». Слова категории состояния создают противоречивые контексты, в которых обычно аксиологическая модальность превалирует над деонтической.

Обратимся к прагматическим функциям данных паремий. Несомненно, что глубинная семантика паремий, претендующих на афористичные высказывания с аксиологической и деонтической модальностью, позволяет нам акцентировать внимание на их модально-оценочных смыслах. Как видим из отмеченных примеров, паремии способны реализовывать сразу несколько модально-оценочных смыслов практически в каждой конструкции с СКС *можно / нельзя*.

Как известно, прагматическая функция паремий (рекомендация, наставление) содержит показательную для характеристики этноязыкового сознания оценку ситуации, которую следует учитывать представителю социума [1, с. 171]. Следовательно, паремиологический фонд любого естественного языка выражает в очевидной или менее очевидной форме оценку языкового коллектива тому или иному событию / объекту и так далее. Говоря о взаимосвязи оценки с другими видами модальности, Е. М. Вольф подчеркивает, что аксиологическая модальность нередко оказывается сопряжена с модальностями должностования, желания, пользы, угрозы [5, с. 122–131]. По мнению ученого, сходство логических структур с предикатами «хорошо / плохо» и «обязательно / необязательно» говорит в пользу того, что высказывания с деонтической модальностью выражают ориентацию на нормативность, соответственно «особенность оценки определяется ориентацией оценки на норму, на объект с такими характеристиками, которые предъявляются к нему нормативными требованиями» [5, с. 122].

Проследим, как прагматика смыслов паремий складывается из пересечения отмеченных выше модальностей. В пословицах *Нельзя быть земле русской без государя; Нельзя земле без царя стоять; Грозно, страшно, а без царя нельзя* явно выраженная прескриптивная модальность (необходимость наличия государя на русской земле) тесно соседствует с аксиологической модальностью (значимость *сильного главы* в формировании единого государства). Оценка в данном случае вытекает из пресуппозиции *быть без царя / государя – это плохо*. Экспликаторами оценочного смысла в паремиях выступает сочетание с двойным отрицанием (отрицательные семы в словах *нельзя* ‘нет возможности, невозможно; не разрешается, не дозволено’ [МАС, т. 2, с. 453] и *без* ‘в отсутствие кого-л., во время отлучки кого-л.’ [МАС, т. 1, с. 68]), благодаря которому создается положительная оценка ключевого компонента паремий, в данном случае – царя / государя. Даже при наличии СКС с ярко выраженной отрицательной

семантикой, например: *Грозно, страшно, а без царя нельзя* (*грозно* – от *грозный* ‘наводящий страх, ужас, грозящий бедой, гибелью’ [МАС, т. 1, с. 349] и *страшно* – ‘о чувстве страха, испытываемом кем-л.’ [МАС, т. 4, с. 284]) общая оценка ситуации остается положительной: пусть плохо с царем, но без него еще хуже.

БО *можно / нельзя* в структуре одной паремии также способна создавать оценочность даже у тех единиц, в ядерном компоненте значения которых нет оценочной семы. Так, в паремии *Нельзя, коли нет в мошине; можно, коли есть в мошине* лексема *мошина* ‘мешок для денег; кошелек’ [МАС, т. 2, с. 306] не содержит в себе оценочной семантики, но в сочетании с СКС *нельзя* и *можно* («нельзя, коли нет» и «можно, коли есть») приобретает ценностное значение, из которого можно сделать вывод о том, что в русском языковом сознании богатство и финансовая состоятельность оценивается преимущественно положительно, так как дает свободу и независимость, а также ощущение спокойствия и довольства.

Аксиологическая сущность бинарного восприятия предполагает, что нормативные понятия («обязательно», «разрешено» и «запрещено» могут быть определены через оценочные понятия (например, «обязательно» через «хорошо», «запрещено» через «плохо» и т. д.). Однако одно и то же СКС может иметь как положительный, так и отрицательный оценочный знак в зависимости от высказывания и места соответствующей ситуации в ценностной картине мира человека. По мнению Е. М. Вольф, «оценки зоны «+» чаще ориентированы на отношение субъекта к событию, а зона «-» предпочитает указание на свойства и действия объекта» [5, с. 20]. Так, в паремии *Это не булавка, можно найти* модальный рисунок включает в себя модальность возможности и надежды (что с аксиологической точки зрения предполагает оценку ситуации знаком «+»). Синтаксический прием акротезы, заключающийся в актуализации утверждения одного из предметов (признаков, явлений) действительности путем отрицания его альтернативы, подчеркивает отношение говорящего к событию как возможному и нетрудному. Паремия *Про его совесть можно сказать повесть* с точки зрения модальности представляет собой предостережение относительно нравственных качеств человека, что несет в себе отрицательный оценочный знак. В данном случае свойства и действия объекта рассматриваются как негативные, так как рассказать целую повесть можно только о нечистой совести, о человеке с запятнанной репутацией. Модальность предостережения также наблюдаем в паремии *Можно поправить, да будет хуже*. Оценочность в данном случае является эксплицитной и определена локализацией оценочной семы в структуре лексического значения слова *хуже* с ярко выраженной семантикой со знаком «-». Отрицательная аксиологическая зона предполагает указание на свойства и действия объекта, которые оцениваются как неудовлетворительные, так как человек, не умеющий что-то делать, не сделает дело как следует ни с первого, ни с последующих раз. Это отчасти

объясняется включением пословицы в тематическую группу «толк – бестолочь».

Таким образом, отмечаем, что модально-оценочные смыслы паремий с бинарными словами категории состояния *можно / нельзя* определяются с учетом следующих характеристик: 1) особенностей языковых параметров слов категории состояния *можно / нельзя* (как не соотносимых с другими частями речи), семантика которых формируется за счет разнообразных модальных значений (необходимости, готовности, желаний, возможности / невозможности выполнить действие); 2) особенностей синтаксических параметров слов категории состояния *можно / нельзя*, употребляемых в бинарных структурах русских паремий в конкретных синтаксических позициях внутри конструкций; 3) особенностей прагматических параметров бинарных структур в составе паремий со словами категории состояния *можно / нельзя*, выявляющих как наличие конкретных видов модальности – деонтической и аксиологической, так и их взаимопересечение в одном употреблении при «приращении смысла»; 4) особенностей значимости аксиологического восприятия носителей языка при характеристике нормативных понятий через оценочные как с положительным, так и отрицательным оценочным знаком в ценностной картине мира русских людей.

Завершая работу, можно констатировать, что бинарные паремиологические конструкции со словами категории состояния представляют собой продуктивный для языкового анализа пласт русского фольклорного материала, модальный потенциал которого поистине неисчерпаем в глубинных смыслах его бытования в языковой картине мира пользователей.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 6(85), ч. 2. – С. 169–180.
2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматический дискурс русских пословиц: постановка проблемы // Rossica olomucensia XLVI-II: sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX: Olomoucké dny rusistů, Olomouc, 30.08. – 01.09.2007. – Olomouc, 2008. – С. 325–329.
3. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания. – М.: Академия, 2005. – 672 с.
4. Баранцев Р. Г. От бинарных оппозиций – к тернарному синтезу. – URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0019/d01/00160024.htm> (дата обращения: 25.02.20).
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Челышевой. – Изд. стереотип. – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. – 278 с. – (Лингвистическое наследие XX века.)
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
7. Норман Б. Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках. // Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию

В. П. Гудкова / под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 246–257.

8. Русская грамматика : в 2 т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1980. – 788 с.

9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / под ред. С. Д. Кацнельсона. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

Словари и справочники

МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.

ФСРЛЯ: Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

ДВ: Даль В. И. 1000 русских пословиц и поговорок. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 515 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=480571> (дата обращения: 03.03.2020).

ПРН: Даль В. И. Пословицы русского народа. – СПб. : Типография М. О. Вольф, 1879. – Т. 2. – 654 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=131961> (дата обращения: 03.03.2020).

УДК (811.161.1(092))

Н. В. Халикова

(Россия, Москва)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ НАУЧНЫХ КОНЦЕПТОВ *СТИЛЬ И ГРАММАТИКА* В РАБОТАХ ЛИНГВИСТОВ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

В статье рассматривается метафорический план научного языка, фразеологическая репрезентация образного уровня научных концептов Грамматика и Стиль. Показана семантическая структура двух образных парадигм: Язык – Пространство и Язык – Движение. Каждый элемент парадигмы представляет собой семантический вариант и реализуется в лексических и фразеологических единицах разных типов. Общность научного мышления позволяет использовать научную фразеологию для осмысления трудноопределимых и новых понятий, для создания образа научного предмета, образа исследователя.

Ключевые слова. *Научный диалект, фразеологическая единица, образная парадигма, метафорический термин, образ исследователя, научное клише, образность научного текста.*

N. V. Khalikova

PHRASEOLOGY AS A MEANS OF IMPLEMENTING A COGNITIVE METAPHOR IN CREATING SCIENTIFIC TERMS *STYLE AND GRAMMAR* IN THE WORKS OF LINGUISTS OF THE LATE XIX – MID. XX CENTURIES

The article considers the metaphorical plan of scientific language, phraseological representation of the figurative level of scientific concepts Grammar and Style. The semantic structure of two figurative paradigms is shown: Language – Space and Language – Movement. Each element of the paradigm is a semantic variant and is implemented in lexical and phraseological units of different types. The commonality of scientific thinking allows us to use scientific phraseology to understand difficult-to-define and new concepts, to create an image of a scientific subject, an image of a researcher.

Keywords: *scientific idiolect, phraseological unit, figurative paradigm, metaphorical term, image of a researcher, scientific cliché, imagery of a scientific text.*

Тема нашей статьи относится к стилистике текста и обусловлена двумя факторами. Во-первых, смещением акцента в конструкции «фразеологизм в тексте» на научный текст и язык его автора, образ исследователя (по аналогии с художественным «образом автора»). Под фразеологической единицей (ФЕ) традиционно понимаем «устойчиво воспроизводимые сверхсловные наименования» [23, с. 55]. Во-вторых, способностью ФЕ выстраиваться в иные классификационные системы по семантическим критериям (например, образная парадигма, метафорическое поле). При изучении образности научной речи классиков отечественной лингвистики объектом внимания становятся условия появления фразеологизма в конкретном тексте, его значимость для конкретной языковой личности, взаимодействие с семантическими категориями при выражении науч-

ных концептов и базовых когнитивных метафор в научном дискурсе.

Прежде всего нас интересует сам принцип организации научного текста, который позволяет использовать фразеологию как норму представления знания в формировании образной семантики традиционных оппозиций: *Язык и Речь, Грамматика и Текст, Язык и Стиль*. Нам важно показать, как ФЕ может быть «привязана» не к общезыковому словарю, а к терминосистемам, научному языку в целом. Приведем пример. Следы схожего фразеологического употребления заметны в примерах разных авторов-лингвистов, если темой их высказывания является: 1) метод, научное направление, разделы лингвистики; 2) речь; 3) язык, его исторические изменения. Одна из основных базовых метафор, или образных парадигм, для этих трех значений – это «поток

(течение)», «водное пространство (река, русло, ручей, резервуар, мост и прочие элементы семантической группы). Когнитивная метафора реализуется в образных единицах идиостиля, представленных преимущественно сверхсловными наименованиями: а) фразеологизмами, в том числе трансформированными, модифицированными (*проложить русло, перекинуть мостик, всплыть на поверхность, вывести на торную дорогу*); б) тропом (*как два берега одной реки* [18, с. 8]); в) речевым клише, глагольно-описательным оборотом, стертой метафорой, фоновым термином (*речевая струя, в потоке речи, расплывчатость значений, органически вытекает, вобрать в себя, пройти все стадии, вызвать перемену, произвести сдвиг / толчок, семантическая база, круг форм*); г) окказионализмами (*лингвистическая / глагольная «пыль» (по выражению де Соссюра)* [12, с. 22, 40]); д) воспроизводимым образом на основе когнитивной метафоры (грамматика – резервуар, разлив, словообразовательные процессы – поток, растворение, языковые аномалии и неологизмы – капли, брызги, ручейки, струи, гроза). *И над всеми этими противоречиями гремит лингвистический гром!* [8, с. 44]. Если в литературном языке клише типа *произвести сдвиг / толчок* едва заметны в смысловом отношении, то, например, в грамматическом и стилистическом учении В. В. Виноградова это один из важнейших символов. По выражению А. П. Чудакова, от Гумбольдта Виноградов взял символику тектонических разломов, геологических сдвигов, слома [27, с. 31–32].

Это позволяет лингвистам разных эпох создавать устойчивые серии образных высказываний на базе фразеологической семантики, смысл которых понятен в рамках образных парадигм, компоненты которых становятся или уже являются элементами фоновых сверхсловных терминов и научных клише. Например: 1) входить в русло [ФСРЯ, с. 403]: «...три струи, бегущие по руслу развития нашего языка: историческую, книжную и живую народную» [19, с. 2]; 2) идти против течения [ФСРЯ, с. 475]: «...сталкиваются два встречных течения. Одно течение, очень сильное, направляется от СВ к НСВ» [9, с. 420]; 4) всплывать на поверхность [ФСРЯ, с. 84]: «...слово <...> со всеми своими значениями, готовыми по первому поводу *всплыть на поверхность*» [12, с. 21]; 5) выйти из берегов – «...фразеологический состав языка не знает рамок – это скорее – *безбрежный разлив, вышедший за лексикологическое русло*» [23, с. 55].

Если говорить о научном стиле отечественной лингвистики в целом, то изучение фразеологии, включая фоновые сверхсловные термины, как формы реализации когнитивных метафор являются своеобразным показателем его исторического развития, так как стиль и манера мышления воспитывается наиболее влиятельными учеными. Зачастую они создают лингвистические «стихотворения в прозе», стилистическая яркость которых абсолютно равна точности выражаемой мысли. Метафорические элементы являются привычными для лингвиста связками для трудноопределимых научных понятий, какими были (да и сейчас являются) стиль и грамматика.

Эстетическая функция фразеологизма затуманена, он не отвлекает от основного предмета рассуждения. Например, поддерживаемый клише развернутый образ развивающегося класса части речи: «...и некоторые продуктивные категории имен существительных <...> оказываются *свежими* грамматическими резервуарами, из которых льется широкий поток форм в класс наречий. <...> А навстречу этому течению снова движется живая струя лексических неологизмов и заимствований в форме наречий, *несущихся* в литературную речь из разных социальных диалектов...» [9, с. 318–319]. Подобное представление о языке и стиле свойственно Виноградову десятилетиями, является признаком его научного идиостиля (см: [24]). Установка на информационно-познавательную активность читателя научного текста позволяет видеть здесь динамичный, заинтересованный, даже отчасти страстный образ исследователя, систематизирующую и смысловую функцию клише, подчиненных когнитивной метафоре «грамматика» – «поток». Это важно особенно там, где вводится совершенно новый метод или предмет исследования.

Существует некоторое различие между быденной и научной картинами мира. В первой язык в целом представлен, например, как: 1) хранилище, склад, копилка («словарный запас языка; 2) инструмент; 3) сцена, платформа, пространство, на котором говорящий-«актер» может показать свое «умение» [15, с. 13–18]. Выстраивание образной парадигматики в научной лингвистической картине мира XIX–XX веков происходит по-другому. Десятки когнитивных метафор объединяются несколькими генерализующими образами [21]. В каждом индивидуальном научном языке образы группируются особым образом, что и позволяет видеть объективную и субъективную языковую ситуации в лексико-фразеологическом выражении категории образности. О фразеологической репрезентации образа *Стиль* – «сцена в трудах Виноградова см. нашу работу [25].

Стиль (речь) и Грамматика (язык) имеют общий состав образных парадигм, представляющих смысловое единство по принципу полисеманта, где левый элемент – базовый термин, правый – его образный репрезентант-дефиниция, и каждый вариант семантически (ассоциативно) обусловлен предшествующими. Представим весьма небольшой фрагмент фразеологической зоны семантической структуры научных концептов *Язык и Стиль* (вся словарная зона образов гораздо больше и не умещается в рамках статьи).

I. Пространство (сферы, область, сторона, круг, пограничная зона, царство, ряд, строй, строение и т. п.).

Положить предел, лежать на границе, выйти за пределы, сузить пределы [9, с. 500, 509, 518, 395 и др.], *двигаться по кругу, провести четкую границу, класть резкую грань* [13 с. 498; 9, с. 222]; *в одной плоскости* [10], *тесно прилегает* [9, с. 366]; *замкнутый круг* [12, с. 32], *центр притяжения* [3, с. 285].

1.1. Почва, земля, поле. Область возникновения (зарождения) и развития единицы, категории, учение.

Широкое / обширное / необозримое поле [19, с. 8; 11, с. 11, 18], *найти почву* [17, с. 71], *почва под ногами* [19, с. 58], *ставить на почву, остаться на лингвистической почве* [2, с. 417, 441]. «Вместе с тем его [Шахматова] творчество, выходя за пределы русской диалектологии на широкое поле славяноведения, влечётся к самым запутанным <...> проблемам» [11, с. 18].

1.2. Растение (цветок, дерево, заросли, лес, ветви, побеги, семена, корни)

Продраться сквозь заросли, пустить глубокие корни [4, с. 120, 213 и др.; 29, с. 119], *зерна истины* [28, с. 174], *обрасти побегами* [9, с. 517; 12, с. 22]; *рациональное зерно* [22, с. 516]: «Но и у эти писателей национально-речевые корни прозаического стиля были не очень глубоки и недостаточно демократичны» [4, с. 516].

1.3. Здание, построенное, вместилище, строительный материал. Стилистическая или грамматическая система единиц, категорий; индивидуальный стиль, грамматическое учение, метод.

Ломать фундамент [6], *положить фундамент* [29, с. 691], *краеугольный камень* [26, с. 519]: «Словосочетание – *строительный материал*» [13, с. 498]; «<Виноградов> *воздвигает* свое научное знание из *строительного материала*, предоставляемого не одним языкознанием, а тремя отраслями» [17, с. 410].

1.4. Материал, ткань, нить. Преимущественно о стиле. Речь, текст, стилистический прием, основные идеи, категории.

Ткань языка, резать по живому, на живую нитку [9, с. 328]; *плести сеть* [11], *тянуть нить* (12, с. 85): «А. М. Пешковским на живую нитку скрепляется средний род кратких имен прилагательных с наречием» [9, с. 328].

1.6. Картина (рисунок, эскиз, набросок, контур, линии, портрет). Преимущественно о лексической и грамматической семантике, стилистических функциях, оценках.

Наметить линию, семантический контур, в (психологических) красках, переливать (экспрессивными) красками [12, с. 650], *рельефно выступать* [9, с. 457]; *живые краски* [19, с. 18]: «В самих приемах подбор и сочетания фраз еще трудно *наметить* вполне, четкую и твердую *стилистическую линию*. Более или менее резко *обозначаются* лишь *общие семантические контуры* анакреонтического, эротического и элегического стиля» [4, с. 121].

1.7. Ментальное.

Русским духом пахнет [19, с. 3]; *теневые стороны* [22, с. 516]; *становится на одну доску* [9]: «Глаголы объективные здесь *становятся на одну доску* с субъективными» [9, с. 501].

II. Процесс (жизнь, путь, движение, сила, прорыв, сдвиг, произрастание, борьба.

Ариаднина нить [29, с. 125]; *войти в колею* [29, с. 691; 19, с. 58], *отыскать грамматическую лазейку* [19, с. 50], *пройти все ступени, пройти шаг за шагом* [19, с. 56]; *окружить (экспрессивной) атмосферой* [12, с. 25)]; *следовать по пути* [6; 19], *идти стройными рядами* [11, с. 22)]; *путеводная нить* [19, с. 15], *пойти по пути* (чего?) [12]; *вступить на новый путь* [10, с. 200]; *находиться на полпути* [9,

с. 315]; *указать путь* [12, с. 12]; *сделать решающий шаг* [16, с. 244]: «Беда в том, что автор <...> *попал* в ту же *колею*, по которой многие уже тащили нашу несчастную русскую грамматику. Колея эта глубока» [19, с. 58].

2.1. Жизнь

Дать жизнь [12, с. 355], *вдохнуть жизнь* [1, с. 408], *разделить (синтаксическую) участь* [9, с. 218], *живая вода* [10, с. 155]: «Пользуясь всеми достижениями русской литературной стилистики, Крылов как бы *вспрыскивает* их *живой водой* народной семантики» [10, с. 155].

2.2. Борьба (война)

Боевой арсенал [8, с. 238]; *объявить (неприимиримую) войну* [28], *неусыпная борьба* [1, с. 408], *выбросить за борт* [9, с. 369], *вести наступление* [9, с. 438], *вырваться из плена* [9, с. 318], *получить подкрепление* [12, с. 365]; *надеть ярмо* [19, с. 45], *ставить преграды* [10, с. 37]: «Раз *надевши добровольно ярмо* иностранных языков, наша грамматика так *свыклась* с ним, что и не думает о том, как бы скинуть его с себя» [19, с. 45]; «Непродуктивные типы воспринимаются как *выброшенные за борт* живой грамматической системы» [9, с. 369]; «Пушкин уже в начале двадцатых годов *объявляет войну* описательному, манерному стилю карамзинистов» [4, 19]; «...в трагической недоговоренности, эллиптичности стиля *заложена взрывчатая сила* эмоционального заряда» [8, с. 84].

2.3. Охота. Научные споры, поиск форм выражения, идей.

Раскидывать сети, ловить тенетами, терять / отыскивать следы [20, с. 465; 29, с. 536]: «Ученые <...> не могли отказать от удовольствия *гоняться за глаголами, как за диким зверем, и ловить его грамматическими тенетами залогов*» [19, с. 37].

2.4. Живое существо (человек, животное)

Грызть норму [28], *на лбу написано* [14 с. 82], *получить права* [14, с. 82]: «Наоборот, *глагольность* у таких слов, можно сказать, *на лбу написана*» [14, с. 82].

Даже на таком крошечном фрагменте большого образного словаря лингвистики можно сделать показать следующие выводы. Базовые когнитивные метафоры *Язык – Пространство (Здание, Картина, Сцена)* и *Язык – Движение (Жизнь, Борьба, Путь)* наиболее многочисленны по образности и лексико-фразеологическому составу. Для каждого терминологического поля актуализируются, то есть становятся первыми по значимости, свои образные парадигмы: грамматика – строительство, здание, стиль – картина, сцена, языковые изменения – водное пространство, сдвиги, потоки. В состав авторского научного языка отбирается та фразеология, которая соответствует одной из доминант творчества (образа исследователя), например, для Виноградова – стремительность движения и сила действия, для Винокура – язык как личность; для Н. П. Некрасова – борение, противодействие. Словарь образных парадигм научных идиологов должен учитывать идиоматическую сочетаемость базовых терминов, способы окказиональной трансформации, время формирования и закреплённости метафорических терминов.

Литература

1. Будагов Р. А. О предмете языкознания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Наука, 1972. – Т. XXXI. Вып. 5. – С. 401–412.
2. Будде Е. Ф. [Рецензия] // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1905. – Т. X. – Кн. 1. – С. 415–441.
3. Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – М.-Л.: Academia, 1935. – 457 с.
4. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1941. – 620 с.
5. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М. : Гослитиздат, 1959. – 654 с.
6. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избр. труды. Т. 4. – М. : Наука, 1976. – 516 с.
7. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
8. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избр. труды. – М., 1980.
9. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
10. Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей: Избр. труды. – М., 1990. – 388 с.
11. Виноградов В. В. Ал. Ал. Шахматов // Материалы межд. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А. А. Шахматова. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 10–55.
12. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
13. Виноградов В. В., Серебренников Б. А. О состоянии и задачах советского языкознания // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. XIII. – Вып. 4. – С. 317–329.
14. Винокур Г.О. Имя или глагол // Русская речь: сборник издаваемых Отделом словесных искусств. – Л. : Академия, 1927–1928. – № 3. – С. 73–85.
15. Демьянков В. З. Образы языка в контрастном освещении // Критика и семиотика. – 2014. – № 2. – С. 11–20.
16. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Наука, 1968. – Т. XXVII. Вып. 3. – С. 236–245.
17. Конрад Н. И. О работах В. В. Виноградова по вопросам стилистики, поэтики и теории поэтической речи // Проблемы современной филологии : сб. ст. к 70-летию В. В. Виноградова. – М. : Наука, 1965. – С. 400–412.
18. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН Серия литературы и языка. – М. : Наука, 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
19. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. – СПб., 1865. – 314 с.
20. Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. – Л., 1928. – Т. I. – Кн. 2. – С. 458–476.
21. Плисецкая А. Д. Эволюция концепта «язык» в лингвистической науке XX века : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
22. Серебренников Б. А. О путях развития языкознания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1973. – Т. XXXII. – Вып. 6. – С. 513–518.
23. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
24. Халикова Н. В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В. В. Виноградова // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 61–66.
25. Халикова Н. В. Образные единицы ЛСГ сцена (театр) в филологических трудах В. В. Виноградова // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящённой памяти проф. П. А. Леканта. – М. : МГОУ, 2019. – С. 341–345.
26. Чикобава А. Язык и «теория языка» – в философии и лингвистике // Изв. Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1973. – Т. XXXII. – Вып. 6. – С. 519–523.
27. Чудаков А. П. О характере научной медиации и стиля В. В. Виноградова // Русская речь. – 1989. – № 6. – С. 31–36.
28. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1945. – Т. IV. – Вып. 5. – С. 173–186.
29. Ягич И. В. История славянской филологии. – СПб., 1910. – 961 с.

Словари

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Живой язык, 2007.

**УСЛОВНЫЕ СОЮЗЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РЕЗУЛЬТАТ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГИПОТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО)**

В статье ставится вопрос о динамике развития подчинительных скреп условных сложноподчинённых предложений, многие из которых являются результатом слияния свободных словосочетаний. Делается вывод о том, что ни в драматургическом творчестве А. Н. Островского, ни в более поздний период этот процесс не получил окончательного завершения.

Ключевые слова. Условные гипотактические союзы, фразеологизация, язык А. Н. Островского.

Tsin Lidun

**CONDITIONAL CONJUNCTIONS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE AS A RESULT
OF PHRASEOLOGY (FROM THE EXAMPLES OF HYPOTHETICAL CONSTRUCTIONS FROM PLAYS,
WRITTEN BY A. N. OSTROVSKY)**

The article deals with the problem of the dynamics of the development of subordinate brackets of conditionally complex sentences, many of which are the result of merging in the past, in most cases the recent past, free phrases. The conclusion is shown that neither in the dramatic work of A. N. Ostrovsky, nor in the later period, this process did not receive final completion.

Keywords. Conditional hypotactic unions, phraseology (phraseological units), A. N. Ostrovsky.

Проблемы подчинения и сочинения, союзного и бессоюзного соединения предложений принадлежат к важным вопросам русского языка. В течение многих последних десятилетий в отечественной синтаксической науке «утвердилось понимание сложного предложения вообще и сложноподчинённого предложения в частности как структурного и семантического целого», впервые осознанное, по словам Л. Ю. Максимова, В. А. Богородицким и В. В. Виноградовым [1, с. 93]. В свете положений структурно-семантического анализа сложноподчинённых предложений в интерпретации Н. С. Поспелова – Л. Ю. Максимова – В. А. Белошапковой и др. ведущая роль подчинительных скреп на фоне комплекса строительных средств этих конструкций, в своей совокупности важных для создания гипотактического единства, не потеряла своего значения. Как известно, в первую очередь это касается обстоятельственных (по другой терминологии – детерминантных, функциональных) предложений. При этом важно учитывать национальный хронотоп создания этого явления: системообразующая роль подчинительных союзных средств сложилась в русском языке относительно недавно, а корпус самих подчинительных союзных средств в своем современном виде определился не ранее XVII века и все еще переживает процесс формирования. Для наилучшего исполнения своей функции при создании единого структурно-семантического сложноподчинённого контента (речь, конечно, идет о книжном литературном языке) в идеале союзное подчинительное средство должно быть моносемантично, то есть однозначно, и по возможности универсально для всех его типов и жанров. Поэтому так важен исторический подход при определении типологического статуса подчинительной союзной скрепы на лю-

бом этапе продолжающегося развития русского литературного языка.

Объектом наших наблюдений в этом плане являются сложноподчинённые условные предложения в текстах драм А.Н. Островского. Пьесы выдающегося русского драматурга не сходят с русской сцены на протяжении почти двух веков, а их язык, демонстрирующий лучшие выразительно-изобразительные качества национального русского языка, не только доставляет эстетическое удовольствие современному читателю и зрителю, но и доносит до них эталонные, исторически сложившиеся нормы живой русской речи. Сказанное выше можно отнести и к употреблению в пьесах драматурга союзов условных сложноподчинённых предложений (УСП).

УСП в ряду других предложений категории обусловленности, возможно, конкурируя только с причинными, принадлежат к самым продуктивным и издавна употребляемым гипотактическим конструкциям книжного русского литературного языка разных жанров, а модификации их союзов отражают как их церковнославянский генетический статус, так и чисто русский, народно-разговорный. В главе «Сложноподчинённые предложения условия» академической монографии по сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков (АН СССР) говорится следующее: «Как известно, рано сформировавшись, союзное условное предложение занимает большое место в памятниках древнерусской письменности XI–XIV вв.», а в «старорусском языке XV – первой половины XVII вв. условное сложноподчинённое предложение оформляется многочисленными союзами, различающимися по сфере распространения, по степени употребительности и оттенкам значения» [2, с. 160]. Союзы этих конструкций стилистически биполярны: книжные (церковнославянские) и разговорные (русские). Это цер-

ковнославянский союз *аще*, далее русские *аже*, *оже*, *иже*, иногда вопросительная частица *ли* в роли условного союза, книжный *еже*, союз *если* («союз *если*, впоследствии ставший основным условным союзом русского языка, впервые появляется в памятниках письменности в XVI в. Он не ограничен стилистической закреплённостью, но широкого распространения ещё не имеет» [2, с. 161]), союз глагольного происхождения *будет* («известный древнерусскому языку, в XV–XVII вв. является господствующим союзом условных конструкций деловой письменности» [2, с. 161]), наречие *только* в роли условного союза, временные союзы, не одинаковые по степени употребительности в старорусский период временные союзы *коли*, *как (кабы)*, *егда*, *когда*, которые могут иметь условное значение [2, с. 161].

В языке произведений А. Н. Островского, как и в целом в современном русском литературном языке, изменился и прежний, характерный для древнерусского и старорусского языка, состав союзов, и их функционально-стилистические качества, и степень их распространения (количественный состав условных союзов в текстах А. Н. Островского выявлен в «Частотном словаре языка А. Н. Островского», что в определенной степени можно считать релевантным и для общелитературного русского языка того периода (см. [3 и 4]). Данные об этом см., например, в статье [5].

Список условных союзов в пьесах писателя таков: наиболее распространен союз *если*, продуктивны союзы *коли*, *кабы*, хотя последние, как и *ежели*, *как*, *ли* могут иметь архаический и просторечный оттенок, достаточно употребителен аффективно окрашенный не книжный *когда*, совмещающий условное и временное значения. Эти фреквентивные и стилистически значимые соотношения характерны в основном и для современного русского общелитературного языка (за исключением нетипичного в последнем *ли*), но тут есть и несколько иные мнения. Л. А. Булаховский полагает, что «наряду с установившимся в настоящее время в качестве господствующего союзом *если*, в первой половине XIX в. употребляют без специальной стилистической окраски *ежели* и немного чаще, чем теперь – *коль* и *коли*. <...> Реже аффективное, не вышедшее и позже из употребления *как* в значении условного союза, – в других сочетаниях, с налётом просторечия. <...> Среди употребительных в первой половине XIX в. союзов условия надо упомянуть ещё обыкновенно аффективно окрашенное *когда бы*, *когда б* с очень широкой амплитудой чувствований в словах, с которыми оно может сочетаться...» [6, с. 414].

Значительная часть из списка условных союзов, употребляющихся у А. Н. Островского и вообще в русском литературном языке, в диахронии связана по своему происхождению с фразеологизмами. До сих пор раздельно оформленными аналитическими единствами остаются союзы *если бы (б)*, *когда бы (б)* со значением нереального условия. Союз *кабы (как бы)* как условный и цельноформленный сформировался и вошёл в литературный язык из сочетания временного союза *как* и частицы *бы*, бывшего аори-

ста, «наличие которой более чётко отграничивало условное значение от временного», когда в нём «уже бытовал (в определённых жанрах литературы) в роли союза условия союз времени *коли*» [7, с. 532]. Памятники письменности XVII века дают примеры употребления его в этом качестве. «*Как* и *кабы* находим в живой русской диалектной речи, в пословицах, поговорках» [7, 532]. О том, что союз *кабы* в старорусском языке «не вошёл в широкое литературное употребление» и о типичности союза *кабы* для разговорной, народно-поэтической речи и народных говоров со ссылкой на А. Б. Шапиро и В. И. Собиникову говорит и А. Н. Стеценко [8, с. 229]. Последние союзы, особенно *кабы*, широко распространены в диалогах пьес А. Н. Островского, на примерах которых мы видим, что многовековой отбор союзных средств условных сложноподчинённых предложений ещё не закончен.

В. И. Борковский писал, что в современном русском литературном языке «из утвердившегося в языке небольшого числа союзов некоторые (*ежели*, *буде*, *коли*, *как*, *кабы*) употребляются лишь с определёнными стилистическими целями. Господствующее положение занимают в литературном языке имеющие непродолжительную историю союзы *если* и *когда*» [7, с. 532–533]. Из перечисленных союзов в творчестве драматурга мы не находим только союза *буде*, характерного для севернорусских говоров. И это неудивительно, хотя А. Н. Островский, москвич только в первом поколении, был связан крепкими родственными, дружескими узами с костромской землёй, но это была сторона с крайне западными костромскими говорами (г. Кострома, Щельково, Кинешма), где в качестве условного не использовался союз *буде*.

Действительно, история *если* и *когда* как условных союзов непродолжительна. Новообразование «*если* из *есь(ть)ли*» появляется «в памятниках русского языка относительно поздно, не ранее XVI века. <...> Условный союз *есь(ть)ли* образовался из глагольной формы *есь*, потерявшей своё лексическое значение, прибавлением вопросительной частицы *ли*, широко употребляемой в условных предложениях для усиления условного значения (ср.: *аще ли*, *аже ли*, *оже ли*, *еже ли*). Ряд исследователей (В. А. Богородицкий, Б. В. Лавров, Э. И. Коротаяева и др.) усматривают в этом обстоятельстве связь условных предложений с вопросительными, в чём мы разделяем их точку зрения» [8, с. 224–225]. Далее А. Н. Стеценко излагает тот общеизвестный факт о том, что «условный союз *ежели* возник из местоимения *еже*, употреблявшегося в функции условного союза, и вопросительной частицы *ли*, усиливающей условное значение союза (*еже ли* = *ежели*). Появился он относительно поздно. В памятниках XIV–XVI вв. условные конструкции с союзом *ежели* не встречаются. Они появляются лишь в памятниках русского языка XVII в.» [8, с. 226].

Подобным образом в результате фразеологизации, как союзы *если* и *ежели*, возник и союз *коли*. Союзы-новообразования с инкорпорированной в его составе вопросительной частицей *ли* в конечном итоге демонстрируют сложный путь преобразования

простого вопросительного предложения с временным значением в сложное со значением условия–следствия. В памятниках делового письма «в древнерусском языке употребление наречия *коли* в значении условного союза не нашло широкого применения» в отличие от повествовательной литературы с соотносительным союзом или без него (см. примеры этого в [2, с. 173]), в диалогах же героев пьес драматурга *коли* по степени продуктивности входит в тысячу самых частотных слов у А. Н. Островского. Вообще же связь условного значения с временным для истории всех условных союзов бесспорна, что особенно ярко видно на историческом фоне их развития: «Условные предложения семантически близки предложениям временным, так как отношение условия и следствия – отношения предыдущего к последующему, чем и объясняется возможность наличия для этих двух видов предложений общих формальных признаков – союзов *коли, как, егда, когда*» [2, с. 173].

Союз *когда*, бывшее местоимённое наречие *къгьда, совмещающий условно-следственные отношения с временными, малоупотребительный в древнерусском языке, получивший большое распространение лишь в петровскую эпоху (об этом говорит В. И. Борковский со ссылкой на Б. В. Лаврова [7, с. 532]) и частотный у А. Н. Островского, представляет собой образец ранней фразеологизации: преобразование и слияние местоимений и местоимённых частиц в его составе, возможно, произошло в праславянский период (см. [ЭССЯ 1987, с. 173]).

Таким образом, мы видим, что большая часть союзов УСП, употребляющихся в пьесах А. Н. Островского, исторически сформировалась путём фразеологизации (слияния и переоформления) местоимений, местоимённых частиц, наречий, а позже и глаголов в разные периоды развития русского языка. Их идиоматизация (переоформление) как в отношении формы, так и значения продолжается до сих пор, являясь непрерывным процессом.

Литература

1. Максимов Л. Ю. Сложноподчинённое предложение в ряду других синтаксических единиц // Мысли о современном русском языке : сб. статей под ред. акад. В. В. Виноградова. – М. : Просвещение, 1969. – 216 с.
2. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчинённое предложение / отв. ред. В. И. Борковский. – М. : Наука 1973. – 360 с.
3. Тысяча самых частых слов // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Костромаиздат ; Шуя : ШПГУ, 2012. – С. 655–658.
4. Частотный словарь языка А. Н. Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома : Костромаиздат; Шуя : ШПГУ, 2012. – С. 531–634.
5. Ганцовская Н. С., Волкова Е. Б., Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в послепетушкинскую эпоху: весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Языковедение. – 2020. – № 1(186). – С. 42–45.
6. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М. : Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1954. – 486 с.
7. Борковский В. Я., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М. : Наука, 1965. – С. 343–556.
8. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. – М. : Высшая школа, 1977. – 352 с.

Словари

- ЭСРЯ*: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. II. – М. : Прогресс, 1967; – 323 с.
- ЭССЯ*: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – Т. 13. – М. : Наука, 1987.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СФЕРЫ ЛОЖЬ / ПРАВДА: ЛЕКСИЧЕСКАЯ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ, ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье сопоставляются две лексические группировки русского языка: лексико-фразеологическое поле «Сообщение недостоверной информации» и лексико-семантическое поле «Сообщение достоверной информации». Показано, что данные сферы неравномерно представлены в современном русском языке. Анализу подвергается также паремиологическая зона, расширяющая состав данных группировок и дополняющая их содержание интерпретационными признаками – оценочными, регулятивными, утилитарными и др.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле, лексико-семантическое поле, паремиологическая зона, лексема, фразеологическая единица.

M. V. Shamanova

SEMANTIC SPHERES FALSE / TRUE: LEXICAL, PHRASEOLOGICAL, PAREMIOLOGICAL OBJECTIFICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article compares two lexical groups of the Russian language: the lexical-phraseological field «Report of false information» and lexical-semantic field «Report of true information». It is shown that these spheres presented in the modern Russian language unevenly. Paremiological zone, that expands structure of these groups and complements their content by interpretative features – evaluative, regulatory and utilitarian etc. – also being analyzed.

Keywords: lexical-phraseological field, lexical-semantic field, paremiological zone, lexeme, phraseological unit.

Семантические сферы ЛОЖЬ / ПРАВДА рассматриваются нами на примере лексико-фразеологического поля (ЛФП) «Сообщение недостоверной информации» и лексико-семантического поля (ЛСП) «Сообщение достоверной информации». В свою очередь, данные микрополя являются составными частями более крупной группировки русского языка – лексико-фразеологического поля «Общение».

Описание паремиологической зоны наряду с лексическими и фразеологическими средствами расширяет представление об обозначенной семантической сфере, позволяет выявить интерпретационные семантические признаки – оценочные, регулятивные, утилитарные и др.

ЛФП «Сообщение недостоверной информации» равномерно представлено лексическими и фразеологическими единицами. В нем насчитывается 39 лексем и 41 фразеологическая единица: *брехня, враки, ложь, неправда, обман, лживый, обманный, лживо, завратиться / завираться, извратить / извращать, изовратиться, лгать / солгать, обмануть / обманывать, одурачивать, прилгать / прилгаться, провратиться / провираться, темнить; бабушкины сказки, вводить в обман – ввести в обман, вертеться как береста на огне, вешать лапшу на уши, грешить против истины, крутить хвостом, лить пули, метать петли, морочить голову, наврать с три короба, отклоняться от истины – отклониться от истины, петли вязать, представить в кривом зеркале – представлять в кривом зеркале, прибавить для красного словца, пудрить мозги – запудрить мозги, травить бабки и др.*

Другое поле – «Сообщение достоверной информации» – крайне слабо представлено в русском

языке. В его составе насчитывается только две лексические единицы: *правдивый* и *правдиво*.

Пересекается с двумя анализируемыми полями лексико-фразеологическое поле «Характеристика человека и его качеств в отношении к речи, общению». Некоторые единицы данного микрополя, кроме интегральной семы ‘человек’ и ‘качество человека’, включают дифференциальную сему ‘лгать’ / ‘говорить правду’: *брехло, брехун и брехунья, враль, врун и врунья, вруша, лгун и лгунья, лгунишка, лжеец, лживость, обманчик и обманница, правдивость, лживый, правдивый, правдолюбивый*.

Сопоставление лексического и фразеологического состава микрополей показывает, что в русском языке дифференцированно и в большом объеме представлены языковые единицы со значением ‘говорить неправду’ и ‘человек, который говорит неправду’ и отсутствуют лексемы и фразеологизмы со значением ‘говорить правду’.

Паремиологические зоны данных полей многочисленны, зачастую противопоставляются друг другу, реже пересекаются. Примыкая к лексико-фразеологическому или лексико-семантическому полю, паремиологическая зона образует дополнительный номинативный ресурс для обозначения коммуникативных процессов и явлений и выступает как внешняя периферия поля.

Паремиологическая зона ЛФП «Сообщение недостоверной информации» насчитывает 336 примеров. Во многих пословицах отражается резко отрицательное отношение ко лжи и описываются последствия обмана: *ложь приравняется к серьезным проступкам: Кто лжет, тот и крадет; Проврался, что в карты проигрался; Проврался, что прокрался: вперед не поверят* и др.; лгуна ожидают серьезные последствия: *Один раз соврал, а на век лжецом*

стал; *Со вранья не мрут, да вперед веры неймут; Лжа что ржа: тлит; Вранье, что дранье: того и гляди руку занозишь; Меньше врется – спокойнее живет; Вранье не введет в добро* и др.; ложь приводит к прекращению отношений: *Лгать, так людей обегать; Врать, так с людьми не знать.*

Пословицы утилитарной зоны рассматривают данную сторону общения с точки зрения пользы, выгоды для человека: *Не обманешь – не продашь; Не соврешь, и зобу не набьешь; Сладкая ложь лучше горькой правды; Худая увертка, а без нее нельзя; Что полжешь, то и поживешь; Умная ложь лучше глупой правды; Сладкая ложь лучше горькой правды* и др.

Регулятивные пословицы содержат прескрипции – как надо поступать: *Меньше ври, больше ешь, спи да грезь на себя!; Чем завираться, лучше молча почесаться; На что переверять, лучше смолчать; Молодому лгать вредно, старому – непотребно; Богатому красть, а старому лгать (одинаково кстати); Всякая неправда – грех; Не с ветру говорится, что лгать не годится; Не наводи тень на плетень; Зерна мели, а много не ври!; Зерна мели, а лишнего не ври!; Ври, да знай меру!; Ври, да не завирайся!; Звони, да не зазванивайся!; Звони, звони, да не перезванивай!*

Паремиологическая зона ЛСП «Сообщение достоверной информации» насчитывает 105 примеров.

Положительно оценивается человек, который говорит правду: *Кто за правду горой, тот истый герой; Перед правым и горы преклоняются.*

Утилитарный характер носят следующие пословицы: *Без правды веку не изживешь; Без правды*

жить – с бела света бежать; Правда ино груба, а без правды беда.

Регулятивные пословицы содержат следующие предписания: *следует говорить правду: Говори рьяно, да без обмана; Как ни жаться, а в правде признаться; Нечего Бога гневить, надо правду говорить; Пей, ешь, а правду режь; Хлеб-соль ешь, а правду (правду-матку) режь; Царев хлеб ешь, а правду режь!; Не криви душой: кривобок на тот свет уйдеишь; правдивые слова должны подтверждаться делом: Говоришь правду, правду и делай; Молвя правду, правду и чини.*

Анализ лексического, фразеологического и паремиологического состава двух полей коммуникативной лексики русского языка позволил сделать следующие выводы.

1. Неравномерный лексический и фразеологический состав полей «Сообщение достоверной информации» и «Сообщение недостоверной информации» свидетельствует о высокой коммуникативной релевантности и важности семантической сферы ЛОЖЬ в русском языке.

2. Наличие богатой паремиологической зоны у одного и другого поля свидетельствует о коммуникативной важности и востребованности данной сферы общения в русском языке и русской лингвокультуре.

Словари и справочники

СРПП: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.

ПРН: Даль В. И. Пословицы русского народа. – М. : Русская книга, 1993.

УДК 81.373

И. В. Шустина

(Россия, Ярославль)

Т. Б. Колышкина

(Россия, Ярославль)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РЕЧИ УЧАСТНИКОВ РАДИОИНТЕРВЬЮ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕМУ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности употребления фразеологизмов в радиодискурсе на примере просветительских передач на экономическую тему. Авторы анализируют их типы и функции, семантический и экспрессивный потенциал, позволяющий решать коммуникативные задачи.

Ключевые слова: фразеологизмы, просветительский радиодискурс, радиointerview

I. V. Shustina

T. B. Kolyshkina

PHRASEOLOGIES IN THE SPEECH OF THE PARTICIPANTS OF THE RADIO INTERVIEW ON THE ECONOMIC THEME: A COMMUNICATIVE ASPECT

The article discusses the features of the use of phraseological units in radio discourse on the example of educational programs on the economic topic. The authors analyze its types and functions, semantic and expressive potential, which allows solving communicative tasks.

Keywords: phraseological units, educational radio discourse, radio interview.

В современном медиапространстве существует большое количество средств массовой информации, поэтому, чтобы привлечь вни-

мание адресата к своему каналу, авторам программ приходится искать новые форматы как с точки зрения содержания, так и с точки зрения предъявления

информации. Телевидение дает больше возможностей для привлечения и поддержания внимания аудитории за счет динамичного видеоряда. Формат радиовещания ограничивает авторов программ в выразительных средствах исключительно вербальными и звуковыми ресурсами. В более выгодной ситуации находятся развлекательные радиостанции и развлекательные передачи, поскольку их контент изначально держит внимание аудитории в силу своей простоты. Сложнее выстраивать коммуникацию с радиослушателями в программах просветительского характера. Авторам данных радиопередач приходится искать способы и средства привлечения и поддержания внимания слушателей, адекватные целям и содержанию самой передачи. Интересным решением такой задачи является формат радиоинтервью на экономическую тему. Мы обратились к радиоинтервью «Бизнес наизнанку», которое выходит на радиоканале «Эхо Москвы». Целью исследования стало выявление типов и функций фразеологизмов в данном типе радиоречи.

Само название передачи «Бизнес наизнанку» можно рассматривать как трансформированный (усеченный) фразеологизм *выворачивать / вывернуть наизнанку*, имеющий несколько значений: 'представлять что-либо в ином свете, обнаруживать истинную сущность чего-либо' [ФСРЯ, с. 88]; 'ложь, вербальный обман, введение в заблуждение'; 'честность, откровенность, искренность' [СТСРЯ, с. 50]. Столь полярные толкования значения фразеологизма, одновременно актуализирующиеся в названии, служат средством привлечения внимания достаточно широкой аудитории, как той, которая желает знать полезную информацию о ведении бизнеса, так и той, которая любит узнавать разного скандальную информацию.

Рассмотрим типы и функции фразеологизмов в речи ведущей передачи Н. Самойловой [1]. Надо отметить, что Н. Самойлова почти все анонсы темы передачи строит с использованием фразеологизмов: 1) «Удивительно, что имея за плечами даже значительный опыт ведения бизнеса, а иногда и программы бизнес-образования, собственники продолжают наступать на те же грабли, с которыми уже встречались их собратья по цеху»; 2) «Что он выиграет от того, что маркетинг и продажи счастливо пойдут рука об руку на благо выручки и растущей прибыли?»; 3) «То есть они обучают сотрудников только тогда, когда в этом возникает острая и сиюминутная необходимость или когда это пришло в голову шефу»; 4) «Выбор интернет-агентства всегда головная боль для любой компании. Как не наступить на грабли, которые уже набили шишки вашим конкурентам?»; 5) «Это страшное слово “КРП”. Сколько нервов оно попортит на моей консалтинговой памяти не только топ-менеджерам, но и рядовым специалистам!»; 6) «Сегмент B2B традиционно с точки зрения маркетинга и рекламы достаточно обделен». Приведенные фразеологизмы не обладают ярко выраженной стилистической окраской, за исключением оборота *набить шишки*, имеющего помету «просторечное», «ироничное», и оборота *рука об руку*

с книжной окраской. Преимущественно нейтральный характер используемых в анонсе фразеологизмов объясняется их функцией – привлечением внимания к рассматриваемой проблеме и, как следствие, к самой передаче. Обилие стилистически окрашенных оборотов для анонсирования темы было бы неуместно, поскольку могло бы отпугнуть определенные группы слушателей.

В некоторых случаях ведущая использует прием повтора фразеологизма для связи структурных частей интервью: например, для перехода от блиц-опроса к основной части интервью Н. Самойлова повторяет фразеологизм, использованный в анонсе («Итак, я вас спросила в блице, вы согласны с моим утверждением, что почти все ошибки собственников бизнеса идентичны? И вы ответили да. Но если это общеизвестный факт, то почему вроде бы умные люди, которые создали свой бизнес, наступают на одни и те же грабли?»).

Фразеологизмы ведущая использует для побуждения собеседника к обсуждению проблемы. Обратимся к примеру такого использования фразеологизмов: «Но если мы действуем в большей степени на автомате, то я, как собственник, в какой момент должна понять, что я совершаю ошибку? Мозг ведь захочет закрыть глазки на это (Н. Самойлова). – Он не то, что захочет, он будет помогать закрывать глазки на это (С. Несмеянов)». В приведенном примере использован трансформированный фразеологизм *закрывать глаза на что* в значении 'намеренно не обращать никакого внимания на что-либо, не замечать чего-либо' [ФСРЯ, с. 159]. Н. Самойлова производит замену нейтрального слова *глаза* на стилистически окрашенное слово *глазки* и включает данный фразеологизм в метафорический оборот, в результате речь приобретает выразительность. Интересен тот факт, что гость в студии отзеркаливает речевое поведение ведущей и подхватывает заданную языковую игру, используя предложенный фразеологизм.

В ряде случаев Н. Самойлова использует фразеологизмы для отзеркаливания и расположения собеседника. Так, например, в ответ на фразу гостя Е. Дворниковой: «Вот я 20 лет на рынке и до сих пор сталкиваюсь с таким мнением, что маркетинг – это некая обслуживающая функция, это девочки, мальчики на побегушках, напечатать визиточки, буклеты, оформить стенд. Вот такое до сих пор отношение к маркетингу. Соответственно, продажник говорит: “Мы зарабатываем деньги. А маркетинг непонятно что делает”. Вот такое отношение, к сожалению, сформировалось. И последние годы чуть меняется, но очень сложно. Мне кажется, сами маркетологи тоже в этом виноваты. Сейчас на меня, конечно, *полетят камни*» – Н. Самойлова отвечает: «Я абсолютно с тобой согласна. Поэтому пусть камни летят в обеих». В этом же интервью Н. Самойлова использует прием отзеркаливания с повтором фразеологизма, но не в соседней фразе, а в конце интервью. Е. Дворникова в середине интервью заявляет: «Потому что маркетологи мониторили рынок и говорили: “Слушай, давай сделаем в тушь добавку масло ши, потому что оно пушает ресницы, еще что-

то». То есть на основании того, что люди *держат руку на пульсе* и дают технологам, что надо сделать, что хочется потребителю». Н. Самойлова в конце интервью говорит: «То есть я пытаюсь *возложить вину* за конфликт помимо двух руководителей подразделений на вышестоящего топ-менеджера, который абсолютно точно *держит руку на пульсе*».

С целью поддержания диалога с собеседником и демонстрации включенного слушания Н. Самойлова использует фразеологизмы для перефразирования мысли собеседника. Например, на реплику С. Несмеянова: «Страх... Есть такое понимание...» – Н. Самойлова отвечает: «Это ошибка, я так понимаю. Потому что *топчешься на месте*». Данный фразеологизм имеет неодобрительную окраску и позволяет выразить негативную оценку ситуации, о которой идет речь.

В некоторых случаях интервьюер обращается к фразеологизмам, причем с разговорной окраской, для побуждения к правдивому, откровенному ответу на вопрос: «Но давай тоже *посмотрим правде в глаза*, что когда заставляют соревноваться два подразделения, которые занимаются одним и тем же действием, ну притом что мы с тобой это не одобряем, но о'кей...» Фразеологизм использует Н. Самойлова в конце передачи для побуждения слушателей к интерактивному общению: «А я напомним, что сразу после эфира этот выпуск вы можете послушать на сайте «Эха Москвы», а также на странице радиопроекта в Фейсбук. Для этого в поисковой строке социальной сети введите: радиопроект “Бизнес наизнанку”. Поставьте лайк на странице – и вы всегда *будете в курсе* самых актуальных изнанок бизнеса. Мы встретимся ровно через неделю».

Фразеологизмы ведущая использует для выражения собственной позиции по обсуждаемым вопросам, причем в зависимости от темы разговора эти фразеологизмы могут иметь разную стилистическую окраску: 1) нейтральную, если проблема не затрагивает Н. Самойлову лично: «Мне-то казалось, что всегда маркетолог должен *погружаться с головой* в отдел продаж»; «Если ты видишь, что то, куда тянет представитель клиента, – это полный крах и провал, я не очень понимаю, как в этом случае можно взять деньги и *остаться с чистыми руками*», и 2) просторечную окраску («Я не работаю с БАДами и с клиниками пластической хирургии, ибо считаю, что мужчины самостоятельно справляются с тем, что гнобят своих женщин и отправляют их *под нож*»), если проблема вызывает у ведущей острую эмоциональную реакцию [ФСРЯШ, с. 358]. И в первом, и во втором случае исходный фразеологизм может трансформироваться разными способами, за счет чего появляются новые смысловые и стилистические оттенки.

Не менее частотны фразеологизмы в речи интервьюируемых, хотя количество их употреблений у разных гостей отличается. Это определяется разными факторами: степенью знакомства гостя и ведущего, типом языковой личности интервьюируемого, задачами, которые он ставит себе в интервью. Мы остановимся на функциях и типах фразеологизмов в речи гостей программы.

Пожалуй, самая распространенная функция фразеологизмов в выступлениях интервьюируемых оценочная, поскольку гости в студии говорят об актуальных вопросах бизнеса, предлагают реальные кейсы и, конечно, дают оценку происходящему. В качестве объекта оценки может выступать типовая ситуация, которая встречается во многих компаниях. Как правило, оценка бывает отрицательная (1) «Ну, если его какой-то бизнес-тренер тренировал, что пусть конкурируют и результаты будут лучше, наверное, это вина не их, а бизнес-тренера, который так тренирует, что должны подразделения соревноваться и тогда будет лучше результат. Мне кажется, это *на износ* людей заставляют *работать*»; 2) «Ну, вот здесь тоже много *копий сломано*, кто что. Как правило, это параллельная история, как мы сказали»; 3) «Когда компания стартует в бизнесе, то никто не может развиваться без продаж. *Другое дело*, когда компания достигает определенного пикового состояния, то продажи уже не настолько важны»; 4) «Он есть уже и в тренингах, что нужно уметь и мочь для того, чтоб можно было чувствовать в этом новом мире себя *как рыба в воде*». Почти все гости студии используют фразеологизмы в данной функции, однако выбирают обороты с разной стилистической окраской: чаще всего говорящие обращаются к нейтральным фразеологизмам, реже к книжным или разговорным. Выбор фразеологизмов зависит от типа языковой личности и от личной включенности в ситуацию, о которой говорит. Иногда с помощью фразеологизма выражается оценка не реальной, а прогнозируемой, причем нежелательной ситуации: «Ты думаешь, как сотрудник, что шеф имел в виду это. Ты начинаешь это делать. Если все получилось, шеф молодец. Значит, он правильное указание тебе дал. Он согласен с этим сразу и бесповоротно. Если ты, *не дай бог*, не тот результат получил...».

Гости в студии выражают оценку обсуждаемых явлений: 1) «Но есть такое понятие, как *благодетельность*. Не надо о ней кричать. Как записано в писании, что *левая рука не должна знать, что делает правая*. Поэтому, не надо кичиться *благодетельностью*, но она должна присутствовать, все-таки все равно заберет»; 2) «Это одна из проблем, что реально вы, как заказчик, не знаете, и я могу *вешать* очень большую *лапшу* вам *на уши* в плане именно времени»; 3) «Поэтому вместе с ним вы приобретаете не только знания, но еще и опыт, который он прошел, и агентства, с которыми он работал. Это не всегда *играет на руку*, потому что выстроенные отношения влекут за собой какие-то схемы и так далее». Выбор фразеологизмов или паремий для выражения оценки обусловлен характером оцениваемого явления: характеризуя *благодетельность* как явление, гость в студии обращается к *библейскому* выражению, а рассуждая о навязывании услуг, он использует просторечное выражение с пренебрежительной окраской [ФСРЯ, с. 63], причем трансформирует это выражение за счет введения дополнительных компонентов. Если оцениваемое явление имеет неоднозначное толкование, например опыт

нанимаемого сотрудника, то в таком случае оценка может быть выражена нейтральными оборотами или разговорными выражениями, как в последнем примере [ФСРЯ, с. 214].

В некоторых интервью с помощью фразеологизмов очень точно и выразительно характеризуются отношения между сотрудниками компаний: «С точки зрения эффективности контролировать проще сотрудника, так как вы с ним просто *на короткой ноге*. То есть вы можете устраивать ежедневные планерки, ежедневные летучки – работа по скраму, скрам-митинги. Можете раз в неделю с ним встречаться. Но просто за счет доступности этого человека внутри компании, конечно, контролировать его проще». Чаще всего такие фразеологизмы обладают разговорной окраской и выражают эмоции говорящего. Как разновидность характеристики отношений между сотрудниками компании можно выделить описание положения сотрудника в организации, причем оно может быть представлено антитезой, полюсами которой являются фразеологизмы: «Это уже не тот захват рынка, где твоя роль играет значение. То есть большинство проектов, например: *на тебя* сначала год *молятся*, потом ты становишься *мальчиком для битья*. Все зависит от роли, от активности компании. Я за то, что это элита. Я за то, что это серьезная профессия. Единственное, что я против того, чтобы превращать действительно *в мальчиков для битья* из-за незнания, что с этим делать». Как видим из приведенного примера, беспредельная любовь, обожание, выраженные фразеологизмом *молятся на тебя*, противопоставлены необоснованным обвинениям, наказанию за чужие ошибки, что заложено в значении выражения *мальчик для битья*. Говорящий неодобрительно относится к обеим моделям поведения руководства к подчиненному, а потому в его речи используются обороты с функциональной и эмоционально-экспрессивной окраской: просторечное, экспрессивное [ФСРЯ, с. 315] и неодобрительное или презрительное [БСКСРЯ, с. 261].

Гости в студии используют фразеологизмы для характеристики людей определенного типа: если описываемый тип человека у говорящего вызывает симпатию, то для характеристики такого человека употребляются разговорные или нейтральные обороты, не имеющие ярко выраженной эмоционально-оценочной окраски: «У нас не будет больше людей, которые *держат в голове* кучу продуктов. Вы будете ошибаться, создавая отделы продаж». В случае, когда описываемый тип человека крайне несимпатичен говорящему, появляются выражения просторечные или жаргонные, часто с пренебрежительным оттенком: «Из обычных людей, которым скучно *рубить капусту* на семечки, которые понимают, что шашлычок под коньячок исчерпалось еще лет 15 назад, что ломтик лимона в бокале коньяка не вершина эволюции. Вершина эволюции какая-то другая».

Особый интерес представляют случаи использования фразеологизмов для выстраивания коммуникации с собеседником, причем как с непосредственным собеседником – ведущей передачи, так и с опосредованным собеседником – слушателем.

Обращение к фразеологизмам в этом случае неслучайно, поскольку они по своей природе многослойны с точки зрения семантики и окрасок. Так, гость использует фразеологизм «Вот вы *прямо вот в корень*», чтобы сделать комплимент ведущей. Действительно, фразеологизм *смотреть [глядеть] в корень* имеет значение ‘вникать в суть чего-либо, обращать внимание на самое существенное, главное в каком-либо деле, явлении обстоятельстве и т. п.’ [ФСРЯ, с. 420], поэтому он может рассматриваться как похвала собеседника, но в то же время, как отмечается в «Большом словаре крылатых слов русского языка», фразеологизм *в корень* от *смотри в корень* имеет разговорную окраску и является шутливым призывом к глубокому исследованию сути явления [БСКСРЯ, с. 463]. Таким образом, фразеологизм в этом контексте одновременно выполняет две функции: дает положительную оценку собеседнику и призывает его к глубокому изучению проблемы, о которой идет речь. В некоторых интервью гость использует фразеологизм исключительно для побуждения к правдивому взгляду на проблему: «Нет, подожди. Давай мы *посмотрим правде в глаза*. Если твоя диагностика верна, то мы полагаем, что есть люди, у которых, например, развиты ментальные параметры и личностные, но не хватает энергии». Фразеологизм имеет разговорную, экспрессивную окраску и вполне уместен в ситуации общения гостя и ведущей программы, поскольку они давно знакомы и используют вариант «ты»-коммуникации.

Особый интерес представляет употребление фразеологизма, выражающего возможную реакцию аудитории, настроенной оппозиционно: «Соответственно, продажник говорит: “Мы зарабатываем деньги. А маркетинг непонятно что делает”. Вот такое отношение, к сожалению, сформировалось. И последние годы чуть меняется, но очень сложно. Мне кажется, сами маркетологи тоже в этом виноваты. Сейчас на меня, конечно, *полетят камни*». Как видим, гость использует книжный фразеологизм, отсылающий нас к библейскому тексту, однако производит замену компонента *бросать* на *полететь*, трансформируя таким образом субъектно-объектные отношения. Если в исходном варианте структура фразеологизма предполагает обязательное наличие некоего субъекта (кто бросает камни), то в измененном варианте субъектом становится первоначальный объект (камни сами летят). Подобная замена делает тональность высказывания более сдержанной в эмоциональном плане и не содержит даже косвенной агрессии оппонента по отношению к говорящему.

Как показало исследование, в современной радиоречи просветительского характера фразеологизмы весьма распространенное явление. Функции, которые они выполняют, очень разнообразны, однако общая функция – прямое или опосредованное выражение отношения говорящего к кому-либо или чему-либо. Безусловно, в современной радиоречи преобладают фразеологизмы с разговорной, а иногда и с просторечной окраской, имеющие разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки, поскольку современная массовая коммуникация отличается

стилистической сниженностью, приближенностью к обиходно-бытовому общению. Фразеологизмы – это уникальные языковые единицы, обладающие колоссальным экспрессивным потенциалом, позволяющие решать многочисленные коммуникативные задачи в современном радиодискурсе, выразительные возможности которого крайне ограничены.

Словари и справочники

БСКСРЯ: Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 623 [1] с.

СТСРЯ: Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.] ; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добро-

вольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135, [1] с.

ФСРЯ 2006: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др. ; под ред. и послесл. А. И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 524 [4] с.

ФСРЯ 2013: Фразеологический словарь русского языка: около 12000 фразеологизмов / М. И. Степанова. – издание 2-е испр. и. доп. – СПб. : Виктория плюс, 2013. – 608 с.

ФСРЯШ: Фразеологический словарь русского языка для школьников / авт.-сост. М. А. Котова – 2007. – 704 с.

Источники

[1]. URL: echo.msk.ru/programs/businessnaizn (дата обращения: 13.01.2020).

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

УДК 811.161.1

Ю. А. Воронцова

(Россия, Белгород)

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

Статья посвящена рассмотрению антропонимических паремий в лингвокультурологическом аспекте. Выявляются специфические характеристики антропонимов в семантическом пространстве паремий. Подчеркивается, что паремии с компонентом-антропонимом способствуют выявлению культурно-национальной палитры определенного этноса.

Ключевые слова: паремия, антропонимическая лексика, национально-культурная информация

U. A. Vorontsova

PAREMIOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ANTHROPONYM

The article is devoted to the consideration of anthroponymic proverbs from the point of view of the linguocultural aspect. It is come to light the specific characteristics of anthroponym in the semantic space of proverbs. It is emphasized that the proverbs with a component-anthroponym promote the identification of a cultural-national palette of a certain ethnos.

Keywords: proverb, anthroponymic lexicon, national and cultural information.

Паремииологическая единица как сложная и противоречиво толкуемая сфера языковых явлений традиционно представляет собой неотъемлемую часть фразеологического корпуса языка.

В паремиях содержатся интерпретации, рекомендации, установки, результаты оценки типичных ситуаций в рамках определенного социокультурного пространства, то есть в них заключен универсальный способ моделирования социально значимых стереотипов языкового сознания и трансляции эталонов и стандартов поведения в пределах определенной национальной культуры.

Антропонимы составляют неотъемлемую часть языковой картины мира большинства культур. Паремии с компонентом-онимом активно исследуются лингвистами, например, достаточно подробно освещены особенности фразеологизмов с компонентом-топонимом (Жондакова А. И., Захарина Г. Р., Осыка М. В. и др.), с компонентом – именем собственным (Кучешева И. Л., Дороднева Н. В., Ермакова Е. В., Стребкова Ю. В., Коган Е. С., Флейшер Е. А., Рыжкина Е. В., Созинова Э. М., Катермина В. В., Хохлина М. Л., Гриченко Л. В., Бабаева Л. В. и др.).

Корпус русских паремий с антропонимическим компонентом – один из самых многочисленных, что свидетельствует об их распространенности и закреплённости в языке. Обратимся к паремиям, в составе которых входит компонент-антропоним, с точки зрения лингвокультурологического аспекта. Антропонимические образы эксплицируются в семантическом пространстве паремий.

Значимость имени собственного в жизни человека, его присвоение и употребление подчеркивается в паремиях: *Как тебя зовут? – Зовут зовуткой, а величают уткой; Без имени ребенок – чертенок; Помяни по имени, а он тут; Хорошо и там и тут, где*

по имени зовут; В лицо человек сам себя не признает, а имя свое знает; Имя свое всяк знает, а в лицо себя никто не помнит; С именем Иван, без имени – болван; Богатого по отчеству, убого по прозвищу.

В паремиях сформирован перечень употребительных мужских и женских имен: *Иван, Федот, Еремей, Павел, Андрей, Фома, Фока, Матвей, Савва, Макар, Маша, Федора, Варвара, Алена, Настя* и др.

Отчества и фамилии в составе паремий малоупотребительны: *Как Иван Васин на всё согласен; Хоть Кузьминичина, да не корыстна, и Ивановна, да нам надобна; Толкуй, Фетинья Савишина, про ботвинью давешну; Мужик – Черт Иванович Вережкин,* так как это приводит к конкретизации значения.

Паремия «не столько рассказывает о чём-нибудь конкретном, сколько напоминает о типичном» [4, с. 60], поэтому в большинстве случаев антропоним в их составе приобретает обобщенный характер (смысл), так как и субъект, и свойство, и действие, и время, и пространство, и событие, и явление, и факт в ней предельно типизированы. Например: *Добро к Фоме пришло, да промеж рук ушло; Мели, Емеля, твоя неделя; Мели, Агаша, изба-то наша; Не по Сеньке шапка.* Семантика обобщения и всеобщности усиливается и подкрепляется местоименными кванторами общности *всяк, всякий, каждый, все, любой* и др.: *У всякого Гришки свои делишки; У всякого Матвея своя затея; У всякого Павла своя правда; У всякого Федорки свои отговорки; У каждого Ярмолки свои отговорки; Не всяк Наум наставит на ум; Не всяк Тарас подпевать горазд; На каждого Макара найдется своя Хавронья; Каждая Аленка хвалит свою буренку; Все Иванычи Ивановы детки.*

Антропонимической лексике в составе паремий присуща множественность интерпретаций: *Каков Савва, такова ему и слава; На Ивана слава, а виноват-то*

Савва. Наши Андрей никому не злодей; Андрей ротозей; У нашего Андриюшки нет ни полушки. Фома неверующий; Фома не купит ума, своего продаст. На бедного Макара и шишки валятся; Макару поклон, а Макар на семь сторон. В трех братьях дураки – Иванушки, а одиночные – Емели да Афони; Кобылка бежит, а Ивашка лежит. Имена собственные характеризуются поливариантностью, они обозначают разных по характеру и поведению субъектов.

За антропонимами не только закрепляются определенные качественные признаки и характеристики человека, но и дается их оценка: *Роман кладет все в свой карман; Роман – кожаный карман; Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванов; Ростом с Ивана, а умом с болвана; Крестил поп Иванов, да прозвали люди болваном; Бедному Кузеньке бедная и песенка.* «<...> каждый народ в своих именах собственных ищет осмысления человеческой природы, преобразуя тот или иной оним в символ. Социальная оценка имен перерастает в оценку человеческих качеств» [1, с. 76].

Диминутивная форма антропонима в составе паремий актуализирует уменьшительный, ласкательный, уничижительный, пренебрежительный, фамильярный и т. п. оттенок значения. Субъективно оценочное значение обычно выражается посредством уменьшительных суффиксов: *У нашего Андриюшки нет ни полушки; У всякого Гришки свои делишки; По Ивашке и рубашка; Не по Соньке санки; Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка; У нашей Марьюшки пироги сами месятся, и в печь скачут; У нашего Гришки нет отрыжки; У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома; Как у Сенюшки две денежки – так Семен да Семен, а у Сенюшки ни денежки – ни во что – Семен; Сашки – канашки, Машки – букашки, Маринушки – разинюшки; Степанидушка все хвостом подметет; Павлушка – медный лоб; Дружка на дружку, а все на Петрушку; Ловко Степка печку склал: труба высокая, а дым в подворотню тянет; Федюшке дали денежку, а он и алтын просит; Радуйся Кирюшка, будет у бабушки пирушка; По Сеньке – и шапка, по Еремке – колтак, а по Ивашке – рубашка; Наша Валюшка – телушка, кто ее позовет, за тем и идет; Наши Мишка не берет лишка.*

Включение антропонимической лексики в паремии может быть обусловлено звуковой организацией и основано на приемах стихотворной речи. «По собственно лингвистическим причинам имена собственные используются <...> для преднамеренной рифмовки» [5, с. 69], которая в паремиях «преимущественно простая, точная и парная, охватывающая созвучием обычно большое количество звуков» [2, с. 105]. Чаще всего выбор и включение антропонима в паремию определяется зависимостью от того, «с каким словом это имя должно рифмоваться» [3, с. 145]. Рифмуются, как правило, наиболее значимые слова: *Фоку приставляй сбоку, а Демид прямо глядит; Вавило красное рыло; У злой Натальи все люди каналы; Яков, Яков, не все бы ты вякал; Федул губы надул; Хороша Маша, да не наша; Пришли на Настю беды да напасти; Дмитрий да Борис за огород*

подрались; Оробей Еремей – обидит и воробей; Арсенья ждать до воскресенья; Пахом – вся рожка в один ком; Не все Потапу на лапу; Наши Тарас не хуже вас; Наши Филат не бывает виноват.

Большую часть паремий с компонентом-антропонимом составляют те, в которых отражаются различные параметры жизни, содержатся оценки поведения, артефактов, качеств, свойств, событий, поступков, ситуаций и т.п.: *Наварила, напекла Акулина про Петра; Савва съел сало, утерся, заперся, сказал: не видал; Голодному Федоту любые щи в охоту; Такой-сякой Пантелей, а вместе веселей; Щеголь Ивашка: что ни год, то рубашка; Худ Матвей, когда не умеет потчевать гостей; Пекла Галя пирожки – и ворота в тесте!; Проснулась Ульяна не поздно, не рано – все с работы идут, а она тут как тут; Был Иван, а стал болван, а все винцо виновато; В праздник – Груша, а в будни – клуша; В людях Илья, а дома – пороса; И по рожке видать, что Сазоном звать; Тарас плешивый – человек неспесивый; Были денежки – любили Сеню девушки, а не стало денежек – забыли Сеню девушки; Не тужила, не плакала – пошла Марфа за Якова.*

Итак, лингвистическими показателями культурно-национальной маркированности паремий является антропонимическая лексика. В паремиологическом фонде русского языка семантическое поле «Личные мужские и женские имена» представлено достаточно широко. Антропонимы являются важнейшим элементом организации семантической структуры паремий. Паремии с компонентом-антропонимом прямо или опосредованно заключают в своем значении культурно-специфическую информацию о носителях языка, составляют своеобразные суждения о жизни народа, дают систему точных характеристик его менталитета.

Антропонимические паремии обладают способностью обозначать фрагменты действительности, выражать обобщенность, оценку, эксплицировать культурные смыслы, значимые для этноязыкового сознания носителей русского языка. Таким образом, паремиологические единицы с антропонимическим компонентом выражают способность аккумулировать важную национально-культурную информацию.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Глухих В. М. О благозвучии пословиц и поговорок // Русская речь. – 1990. – № 2. – С. 103–106.
3. Лазутин С. Г. Ритм, метрика и рифма пословицы // Поэтика русского фольклора. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 136–147.
4. Тарланов З. К. Очерки по синтаксису русских пословиц. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 136 с.
5. Твердохлеб О. Г. Рифмовка личных имен собственных в русских пословицах (преднамеренность рифмовки, грамматические особенности и модели пословиц) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016. – № 7. – С. 67–71.

Словари и справочники

ПРН: Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник В. Даля : в 3 т. – М. : Рус. кн. : Лана, 2005.

РПП: Михайлова Л. М. 20 000 русских пословиц и поговорок. – М. : Центрполиграф, 2010.

БСПП: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М. : Олма Медиа Групп, 2007.

УДК 802.0. - 56

Ф. И. Карташкова

(Россия, Иваново)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИИ СТРАХА

Статья посвящена изучению роли фразеологических единиц английского языка в передаче эмоционального состояния человека. На основании анализа словарей выделены фразеологизмы, концептуализирующие психофизиологические реакции человека при выражении эмоции страха, рассмотрено их функционирование в тексте.

Ключевые слова: фразеологическая единица, психофизиологические реакции, невербальное поведение, эмоция страха.

F. I. Kartashkova

ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS CONCEPTUALIZING NON-VERBAL BEHAVIOR OF PEOPLE EXPERIENCING FEAR

The article is dedicated to the study of a group of phraseological units which describe psychophysiological reactions of people experiencing fear. The group was distinguished on the basis of lexicographic analysis. The way these phraseological units function in a literary piece is shown.

Keywords: phraseological units, non-verbal communication, psychophysiological reactions, the emotion of fear.

В связи с возросшим интересом учёных к изучению взаимодействия вербального и невербального кодов исследование фразеологических единиц, описывающих невербальное поведение человека, приобретает особо важное значение. Это связано с тем, что концептуализация различных невербальных действий человека, и в частности – его тело, находит отражение именно во фразеологических единицах [1]. Особый интерес представляет изучение фразеологических единиц, которые выражают эмоции человека, поскольку телесный код культуры отражает и эмоциональное состояние человека: эмоции могут быть описаны по модели «тело как вместилище эмоций» [2].

Для обозначения внешних проявлений эмоциональных состояний мы будем использовать термин «психофизиологические реакции» (далее – ПФР). Фразеологические единицы, описывающие ПФР человека, представляют особый интерес, поскольку позволяют понять, как представители англоязычного этноса концептуализируют своё тело и различные телесные проявления. Отметим, что подобные фразеологические единицы весьма разнообразны. Это объясняется тем, что в центре языка и языковых единиц стоит Человек, изучающий самого себя, что является основой для его самопознания.

В ходе анализа фразеологических словарей английского языка были выделены фразеологизмы, концептуализирующие психофизиологические реакции человека при выражении эмоции страха: сердцебиение, дрожь, изменение цвета лица, потоотделение, нарушение ритма дыхания.

Одним из важнейших физиологических признаков эмоции страха является физиологический

симптом «сердцебиение». Приведём примеры фразеологических единиц, концептуализирующих данный физиологический симптом, ядерным компонентом которых является соматизм *heart*: *to have one's heart in one's shoes / boots* – быть испуганным; *one's heart misses a beat* – сердце замирает; *one's heart stood still* – сердце оборвалось; *the heart leaped into the mouth / throat* – душа в пятки ушла и др.

Во фразеологизмах, обозначающих ПФР дрожи, семантическим центром служат глаголы, номинирующие вегетативную деятельность человека (*to shiver, to tremble, to shake*): *to tremble like an Aspen leaf* – дрожать как осиновый лист; *to shake in one's boots* – трясти от страха и др.

Фразеологические единицы, обозначающие динамику цвета лица, чаще всего представляют собой компаративные конструкции: *as white as chalk* – белый, как мел; *as white as driven snow* – белый, как снег и др.

Эмоция страха связана напрямую и с таким проявлением вегетативной деятельности человека, как потоотделение: *to break in cold sweat* – покрыться холодным потом; *to sweat bullets* – обливаться потом от страха и др.

Эмоцию страха манифестирует также ПФР респираторного характера (изменение ритма дыхания), что отражается в английской лингвокультуре в соответствующих фразеологических единицах: *to have a frog in one's throat* – ощутить спазм в горле; *to draw breath* – дышать с трудом и др.

Для английской лингвокультуры (равно как и для русской) при выражении эмоции страха характерно обозначение так называемого волоскового рефлекса (медицинский термин): *one's hair stands like*

a mountain – волосы дыбом встают; *make the hairs on the back of the neck stand up* – сильно испугать кого-либо и др.

При страхе у человека наблюдаются трудности речепродуцирования, что также находит своё отражение во фразеологическом фонде английского языка: *to swallow one's tongue* – лишиться дара речи; *his tongue failed him* – лишился дара речи; *one's tongue glued itself to the root of one's mouth* – язык отнялся и др.

Для английской лингвокультуры характерны метафорические фразеологические единицы с ассоциативно-образной основой. В концептуализации эмоционального состояния «страх» прослеживается сходство поведения человека и повадок животных в ситуациях испуга: *to move like as a scalded cat* – бежать как ошпаренный кот; *with one's tail between one's legs* – поджав хвост от испуга и др.

Перейдем к рассмотрению функционирования рассматриваемых фразеологических единиц в художественном тексте. Пресуппозитивную семантику фразеологизмов, концептуализирующих эмоцию страха, в самом общем виде можно представить так: действия лица или любого одушевленного объекта X в отношении лица Y приводят к тому, что в результате этого лицо Y испытывает страх, сопровождающийся психофизиологическими изменениями.

Рассмотрим пример: «Mrs. Merriwether's breath went out of her lungs as explosively as though she had been punched. Melanie's hands were shaking but she went on hurriedly... Mrs. Merriwether's breath had come back and she charged. "Melly Hamilton, I never heard such a lie in my life!"» [Mitchell, p. 192] В данной коммуникативно-прагматической ситуации персонаж известного американского романа (Мелани) пытается возразить своей наставнице, повергая её в состояние гнева. Данное эмоциональное состояние описывается в художественном тексте языковой номинацией ПФР респираторного характера, выражением которой служит фразеологическая единица в форме предикативной фразы *breath went out of her lungs*. Это, в свою очередь, провоцирует ответную эмоциональную реакцию страха, представленную в тексте описанием тремора рук; в качестве языковой номинации выступает предикативная фраза *hands were shaking*.

Концептуализацию ПФР сердцебиения наблюдаем в следующем примере: «I suddenly saw an image rise in the reflection beside my own. The wolf was big and grey, with strong stripes of black on the top of his head and his ears. My heart started hammering. But I didn't turn around. Instead, I met his yellow eyes in the mirror of the water and waited to see what he would do next» [Picoult, p. 74]. Эмоция страха вызвана в данном примере тем, что персонаж обнаруживает рядом с собой свирепого волка, что и определяет изменение работы его вегетативной системы. Языковой номинацией данной ПФР служит глагольный фразеологизм *heart started hammering* с соматизмом *heart*.

Отметим, что в некоторых случаях каузаторм страха может выступать не только определенное действие, но и сама реалья: «... he wouldn't stay by himself. The place gave him the jim-jams, he said» [Pritchard, 54]. Здесь персонаж испытывает настолько

сильный страх к локусу, что он повергает его в состояние сильного волнения, эквивалентом которого в русской лингвокультуре служит фразеологизм *мороз по коже подирает*, что подчеркивает не только интенсивность эмоциональной реакции, но и весьма неприятные ощущения.

Такой синкретизм явление типичное, довольно часто эмоция страха сопровождается отвращением, что иллюстрирует нижеследующий пример: «I looked up to see Miss Caroline standing in the middle of the room, sheer horror flooding her face...

"It's alive!" she screamed. Miss Caroline pointed a shaking finger not at the floor, not at the desk, but to hulking individual unknown to me» [Lee, 45]. В данном примере персонаж (учительница), увидев мерзкое животное в классной комнате, испытывает страх / ужас, что выражается в ее невербальном поведении через ПФР дрожи, языковой номинацией которой служит фразеологизм *to point a shaking finger*.

Любопытно, что для английской лингвокультуры (в отличие от русской) характерно описание нарушения деятельности пищеварительного тракта при выражении эмоции страха, чаще всего наблюдаемое в фемининном невербальном поведении: «It was three-thirty now, and Holly sat outside in the car with butterflies in her tummy... However, it was time to put that fear aside» [Ahern, p.29]. Здесь молодая женщина испытывает страх в связи с предстоящим разговором со своей семьей. Данная эмоция выражается в изменении работы вегетативной системы персонажа, языковой номинацией чего служит фразеологизм *to have butterflies on one's stomach / tummy*.

Для англоязычного художественного текста характерно употребление метафорических фразеологических номинаций, объективирующих эмоцию страха в невербальном поведении человека: «He felt as if his heart was beating itself to death in some empty hollow» [Wilde, 97]. Метафорическое использование фразеологической единицы в тексте художественного произведения позволяет не только назвать элемент телесного кода, но и уподобить его живому существу. Метафорические конструкции дают возможность автору художественного произведения указать степень интенсивности эмоции, а также задействовать сложный комплекс ассоциаций реципиента / читателя, создавая тем самым «объемный» художественный образ.

Таким образом, исследование рассматриваемых фразеологических единиц определяется потребностью изучения языковых единиц, осуществляющих перевод семантики невербального кода на вербальный, что будет способствовать решению проблемы соотношения естественного и телесного языков.

Литература

1. Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. – 2011. – № 6. – С. 54–66.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Словари

БАРФС: Большой англо-русский фразеологический словарь / под ред. А. В. Кунина. – М.: Рус. яз., 1984.

Источники

Margaret Mitchell *Gone with the Wind*. – New York, 2000.

Picoult J. *Lone Wolf*. – Харьков, 2012.

Prichard C. *Subtle Flame*. – Melbourne, 1967.

Lee H. *To Kill a Mockingbird*. – СПб., 2002.

Ahern S. P. S. *I Love You*. – L., 2002.

Wilde O. *The Picture of Dorian Grey*. – L., 1997.

УДК 811.161.1

Е. В. Кудрявцева

(Россия, Кострома)

ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ *КОРОВА*

Статья посвящена исследованию особенностей окказионального преобразования фразеологических единиц с анималистическим компонентом корова. Данные фразеологизмы обладают яркой образной мотивировкой, что позволяет говорить об их активном преобразовательном потенциале. Окказиональные преобразования происходят посредством замены анималистического компонента, при этом авторские интенции направлены на конкретизацию, интенсификацию и буквализацию значения фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологический компонент-зооним, анималистический фразеологический компонент, окказиональные трансформации фразеологизма.

E. V. Kudryavtseva

OCCASIONAL TRANSFORMATIONS OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ZOONYM COMPONENT *COW*

The article is dedicated to the study of occasional potency of the phraseological units with the zoonym component cow. These phraseologisms are characterized with figurative motivation, which lets us speak of active transforming potency. Occasional transformations take place by means of substituting the animalistic component. Authors' intentions are aimed at concretization, intensification and literalism of a phraseological meaning.

Keywords: phraseological unit, phraseological zoonym component, animalistic phraseological component, occasional transformations of a phraseologism.

Фразеологический состав языка – «это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 9]. Фразеологизм является уникальной единицей речи, обладающей языковой семантикой и культурной коннотацией. Образ, лежащий в основе ФЕ, рассматривается, как особый проводник в системе языка и культуры. Фразеологизм возникает в процессе метафоризации явлений и предметов реальности. Метафора обладает уникальным свойством «„навязывать“ говорящим специфичный взгляд на мир» [1, с. 134]. Таким образом, любая ФЕ закрепляет в себе определенный способ мировосприятия, присущий носителям конкретного языка. Наиболее ярко ментальность русского народа проявляется во фразеологизмах с компонентами-зоонимами. Животные всегда играли огромную роль в жизни человека. Именно поэтому образы животных стали в метафорическом ключе использоваться для описания различных ситуаций, лёгших в основу фразеологической образности.

Фразеологизмы с анималистическим компонентом относятся к числу широко употребительных. Они используются в речи носителями языка не только в узуальном, но и в окказиональном виде, что часто связано с их прозрачной мотивировкой и актуализированным зооморфным образом с прямой оценоч-

ностью. Стремления авторов расширить или сузить семантическую составляющую узуального фразеологизма приводит к появлению окказиональных вариантов. Фразеологические единицы трансформируются с целью конкретизации значения, интенсификации экспрессивно-оценочного плана фразеологизма, буквализации восприятия действий и участников событий [2, с. 44–46].

Самым полезным животным для человека, без которого невозможно представить сельское хозяйство, является корова. Животное по сей день выполняет функцию главной кормилицы для человека, производительницы молока как сырья, широко используемого в пищевой индустрии. К физическим характеристикам животного относятся большие размеры, наличие вымени, длинный широкий язык, привычка жевать. Корове свойственна выносливость, покорность, неповоротливость, отсутствие грации. Для человека корова выполняет функцию источника питания (молоко, мясо) и совершенно непригодна в труде [РКПЛКС, с. 88–89]. Корове отводится большая роль в крестьянском быту.

Зооним *корова* входит в состав трёх фразеологических единиц: *как корова языком слизала, идёт как корове седло, дойная корова*. Фразеологический образ данных идиом основывается на стереотипном представлении носителей языка о животном. Все

вышеперечисленные ФЕ закрепляют анималистический образ с преобладающей негативной оценочностью в нём, а фразеологические словари дают помету «неодобрительный», «шутливый», «иронический», «просторечие» в словарных статьях данных фразеологизмов [РФИЭС, ФСРЯ].

К числу активно используемых носителями языка фразеологических единиц с данным анималистическим компонентом относится ФЕ *как корова языком слизала* ('внезапно, бесследно исчез') [РФИЭС, с. 346]. В образной основе фразеологизма лежит такая специфичная характеристика животного, как большой шершавый язык, который начисто слизывает пищу. Корова является жвачным животным, постоянно жующим. Поэтому если что-то будет находиться в непосредственной близости от неё, это будет слизано языком, то есть съедено. Актуализируется сема 'отсутствие'.

Данная ФЕ имеет широкий преобразовательный потенциал. Окказиональные трансформации происходят посредством замены компонента-зоонима лексемами тематической группы «Животное» (*верблюд, коза, собака, кошка*) и посредством сокращения компонентного состава (отсутствие деятеля). Авторские интенции направлены на конкретизацию значения и буквализацию восприятия действий и участников событий.

«Галдят как ошалелые, что их судно потопила какая-то яхта. Какая яхта, куда и откуда она шла?.. Копы Балеарских островов хотели было про нее выяснять, но вот беда – арабов этих **как верблюд языком слизал...**» [4]. Окказиональный заместитель *верблюд* конкретизирует значение фразеологизма по месту. Данное животное относится к числу жвачных, однако обитает в странах с сухим и жарким климатом. Верблюд, как и корова, постоянно что-то жуёт. Выбор окказионального компонента обусловлен использованием лексемы *араб*. Для жителей арабских стран верблюд является обыденным животным в отличие от коровы.

«Гуляй страна! Ешь, отдыхай и пьянствуй. / **Коза слизала языком** январь. / Российская безумствующая паства / По снегу от безделья просто вжарь!» [6] В данном примере авторские интенции направлены на конкретизацию образа по манере поведения. Лексема *коза* относится к группе «Домашний скот». Коза – как животное – отличается от коровы своими внешними данными и поведенческими характеристиками. Данное животное не обладает большим, широким языком, хотя тоже относится к жвачным. Её отличает вздорный нрав, бойкость и непоседливость. В приведенном выше отрывке поведение жителей России в январские новогодние каникулы сопоставляется с поведенческими особенностями козы (гуляй, ешь, отдыхай, безумствующая, безделье, вжарь). Контекст актуализирует сему 'отсутствие' – январь прошёл в бесполезных гуляниях, месяц упущен.

«**Как собака языком слизала**» [5] – название видеоролика, в котором хозяин оставляет приготовленные бутерброды на столе и выходит на короткое время, за которое его домашний питомец съедает их, слизывая всё до последней крошки. Окказиональный

заместитель позволяет буквально представить действие, изменяя фразеологический образ в деталях, при этом семантика фразеологизма сохраняется.

«**Как кошка проблемы языком слизала**» [3] – название статьи, в которой рассказывается про заговор, с помощью которого можно избавиться от проблем. Суть заговора заключается в том, что проблемы записываются на отдельный листок бумаги, который кладется в сито. Через это сито наливается молоко кошке в миску. В итоге кошка избавляет от всех проблем в процессе слизывания молока из миски. Окказиональный заместитель *кошка* выполняет функцию конкретизатора и буквализатора. С одной стороны, отмечается приращение дополнительного смысла. Кошка известна своей способностью исцелять. Происходит конкретизация фразеологического значения по функции животного. С другой стороны, фразеологический образ воспринимается буквально. Описывается ситуация, где кошка слизывает молоко языком. Таким образом, компонент-зооним *кошка* является буквализатором, актуализирующим образный план фразеологизма.

«В прежние времена, действительно, сказывают, что была эта самая совесть и даже очень, а как пошли везде господа – **всё языком слизнуло**» [2] (Мамин-Сибиряк. Около господ). Данный окказиональный вариант построен на основе фразеологического эллипсиса, происходит сокращение компонентного состава за счет вычленения субстантивного элемента *корова*. Несмотря на опущение опорного компонента, семантика фразеологизма сохраняется за счет контекстуального окружения. Актуализируется сема 'отсутствие'.

Другим фразеологизмом с компонентом-зоонимом *корова*, активно используемым носителями языка, является единица **идёт как корове седло** ('о чём-либо абсолютно не идущем кому-либо, делающем его смешным, нелепым') [РФИЭС, с. 346]. Корова характеризуется как животное не упряжное, относящееся к числу простых животных, неблагоприятных. Конституция животного и его физические данные делают образ коровы с седлом нелепым, а её саму – предметом насмешек. Актуализируется сема 'несоответствие'.

ФЕ проявляет относительно активный преобразовательный потенциал. Замена компонента-зоонима *корова* происходит с целью конкретизации значения и интенсификации экспрессивно-оценочного плана фразеологизма. Окказиональными заместителями выступают слова лексико-тематической группы «Животные»: *жираф, собака*. Данные лексемы называют животных, которые не используются для верховой езды. Соответственно, сама ситуация ношения седла животными представляется каламбурной.

«**Как жирафе седло или нужен ли бог эволюции?**» [7] – данная монография является ответом П. И. Волкова на работу А. К. Москвитина «Теория эволюции в теологическом аспекте», в которой последний говорит, что эволюция не случайна и в ней есть доля Божественного участия. В заключении Москвитин рассуждает об удивительных явлениях в природе, например, о листе на деревьях, которой

хватает и низким, и средним, и высоким животным, и звучит риторический вопрос «Зачем же тогда возникли жирафы?». Автор монографии достаточно критичен к идеям Москвитина, доказывая силу эволюции и отсутствие Бога в ней. Окказиональный заместитель *жирафа* конкретизирует образ фразеологизма по ситуации, делая отсылку на первоисточник. Жираф является парнокопытным жвачным животным. Он не используется для верховой езды. Использование лексемы *жирафа* придаёт ироническую окраску фразеологическому образу, сохраняя нереальность ситуации.

«Почему на депутатах Думы европейские костюмы, шляпы и галстуки сидят **как на собаке седло?**» [1] – в данном комментарии происходит замена узуального компонента на лексему *собака*. Собака относится к числу животных, непригодных для верховой езды, что делает ситуацию, закреплённую в образе фразеологизма, нереальной. Такое замещение обусловлено желанием автора оскорбить, задеть людей, о которых идёт речь. Согласно толковым словарям, лексема *собака* используется как бранное слово, имеет значения ‘негодяй, презренный человек’ [ТССРЯ, с. 576]. Авторские интенции направлены на интенсификацию экспрессивно-оценочного плана фразеологизма. Окказиональный заместитель меняет оценочность фразеологизма с нейтральной на негативную. Автор напрямую выражает своё отрицательное отношение к людям власти. При этом ключевая сема ‘несоответствие’ сохраняется.

Другой анализируемой единицей языка является фразеологизм *дойная корова* (‘обильный и безотказный источник материальных благ, постоянно и беззастенчиво используемый в личных интересах’) [РКПЛКС, с. 90]. Данный фразеологизм закрепляет образ животного, которое отдаёт, не требуя многого взамен. Делается акцент на тот факт, что щедрость и преданность не замечаются, продолжается грубое использование до полного исчерпания ресурса дающего.

ФЕ *дойная корова* проявляет относительно активный преобразовательный потенциал. Происходит замена анималистического компонента с целью буквализации восприятия действий и участников событий. Заместитель-зооним *бычок* отличается гендерной принадлежностью. «Афера века. **Дойные бычки**, или как оригинальные коррупционные схемы используют в Шымкенте?» [8] – данная статья представляет собой журналистское расследование, в ходе которого выявляется коррупционная схема кражи 14 миллиардов тенге, выделенных организации на развитие дойной отрасли. Данное сельскохозяйственное предприятие включило в реестр наряду с коровами и быков. Согласно представленному отчету, каждый бык даёт удой в 30 литров молока. Авторские интенции направлены на буквальное восприятие фразеологического образа (в статье речь идет именно о доении быков). Автор акцентирует внимание на абсурдности ситуации. Бык имеет ряд существенных отличий как в физиологическом, так

и в функциональном планах, которые придают комичность образу окказионального фразеологизма.

Изучение окказиональных вариантов узуальных ФЕ с компонентом-зоонимом *корова* позволяет определить трансформационные возможности данных фразеологизмов. Авторы текстов преобразуют ФЕ с анималистическим компонентом *корова* посредством замены анималистического компонента с целью конкретизации, буквализации и интенсификации фразеологического значения. Окказиональными заместителями выступают слова, называющие различных животных, которые в каждом конкретном случае имеют схожие характеристики с коровой.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 228 с.
2. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 289 с.

Словари

РКПЛКС: Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004.

РФИЭС: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007.

ТССРЯ: Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – М. : АСТ : Астрель, 2006.

Источники

- [1] @ответы. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/24134313> (дата обращения: 18.04.2020).
- [2] Mamin-Sibiryak. lit. – URL: <http://mamin-sibiryak.lit-info.ru/mamin-sibiryak/proza/okolo-gospod/okolo-gospod-xxi.htm> (дата обращения: 20.04.2020).
- [3] Vanilla.su. – URL: <https://vanilla.su/kak-koshka-problemy-yazykom-slizala.html> (дата обращения: 30.04.2020).
- [4] Дом-книг. – URL: https://dom-knig.com/read_318368-94 (дата обращения: 30.04.2020).
- [5] Одноклассники. – URL: <https://ok.ru/usnalsam/topics> (дата обращения: 20.04.2020).
- [6] Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2015/01/04/1253> (дата обращения: 16.04.2020).
- [7] Эволюция без границ. – URL: <http://www.sivatherium.narod.ru/creawork/giraffa.htm> (дата обращения: 30.04.2020).
- [8] Эхо Казахстана. – URL: <https://ehonews.kz/afere-veka-dojnye-byчки-ili-kak-originalnye-korruptsionnye-shemy-ispolzuyut-v-shymkente> (дата обращения: 28.04.2020).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МАКРОКОНЦЕПТА «РОД, СЕМЬЯ» В УКРАИНСКОЙ ПАРЕМИКЕ

В статье на материале паремий тематической группы «Род, семья» в украинской повседневной бытовой культуре прослежен процесс актуализации архетипической семантики. В частности, по результатам использования авторской методики моделирования концептуальных цепочек выделены архетипы «жизнь – смерть», «порядок, закон», «добро – зло», «свой/чужой». Сделаны выводы о социокультурном содержании обобщающих сентенций, о их связи с бытовыми ситуациями как кодами национальной культуры.

Ключевые слова: архетип, концептосфера, макроконцепт, фразеопаремийная картина мира, названия родства, концептуальная цепочка, сема, паремия.

Zh. V. Marfina

REPRESENTATION OF THE MACROCONCEPT "KIND, FAMILY" IN THE UKRAINIAN PAREMIC

In this paper, the process of updating of archetypal semantics on the material of paremias of a thematic group "Kind, Family" in the Ukrainian everyday culture is treated. In particular, according to the results using the author's methodology for modeling conceptual chains, the archetypes "life - death", "an order, the law", "good - the evil", "friend/foe" are allocated. Based on the results, conclusions about sociocultural content of the generalizing maxims and about their connection with everyday situations as codes of national culture are drawn.

Keywords: archetype, conceptsphere, macroconcept, phraseoparemia picture of the world, names of kinship, conceptual chain, sema, paremia.

В последние десятилетия усилилось внимание исследователей к вопросу национально-культурных особенностей языковой картины мира (Н. Алефиренко, А. Вежицкая, И. Голубовская, С. Ермоленко, В. Жайворонок, А. Загнитко, В. Карасик, В. Кононенко, И. Кононенко, Ж. Соколовская, Ю. Степанов и др.), отображающей в языке мировосприятие представителей определенного этноса. Среди знаков, определяющих такие особенности, – названия родства (далее – НР), сохраняющие в своей внутренней форме, кроме прочих, этнокультурные компоненты семантики, являющиеся «константами национальной культуры» [9, с. 7]. Подтверждением этого является тот факт, что лингвисты неоднократно обращали внимание на функционирование таких лексических единиц именно в паремиях [1, 3, 4, 6, 8–10].

У восточных славян понятия рода, семьи, не-отделимые от социальной и личной жизни индивидуума, «рассматривались как важная составляющая самого существования человека, требовавшие постоянной поддержки и помощи, которую ей могли предоставить только члены семьи, близкие родственники» [5, с. 57]. Эти представления определенным образом концептуализировались и представлены в паремийных макро- и микрообразах с широким диапазоном ценностно-духовных составляющих: от концепта «Род, семья» (макроуровень семантики) до последующих субординационных концептов, воплощенных в многоуровневой парадигме степеней родства.

Примечательно, что большинство исследователей относят данный макроконцепт к так называемым концептам-универсалиям (А. Головин), к ключевым (М. Пименова, Ю. Макарец, О. Слипчук, Н. Занегина, Г. Гунышова и др.) или фундаментальным (Н. Занегина, Е. Верещагин, В. Костомаров и др.) концептам, определяющим жизнеустройство человечества, предо-

пределяющим построение более сложных социально-культурных взаимодействий, связей.

Е. Глотова отмечала, что анализируемый концепт «архетипически связан с такими концептами, как СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СВОЙ/ЧУЖОЙ, СВОБОДА, БЫТ, так как в основе лежат взаимопонимание, взаимоподдержка, семейные проблемы, быт, взаимоотношения между супругами и детьми, семейные ценности, выяснение отношений между супругами, воспитание детей, родственные отношения и т. д. Компоненты большинства фразеологизмов и паремий соотносятся с антропным, или собственно человеческим, кодом культуры и несут функционально значимые для культуры смыслы. В основе всех рассмотренных фразеологизмов и паремий и лежит этот код, создающий метафорический смысл и значение единиц в целом» [2, с. 50].

Прежде всего стоит отметить, что украинские пословицы со стержневыми номинациями *pid, rodina, sim'ya*, равно как и русские, отображают своеобразие крестьянской повседневной бытовой этнокультуры, воплотившей в себе особенности народного языкового мышления. Выделенный макроконцепт разворачивается в паремийных текстах в так называемых концептуальных цепочках, которые позволяют вербализацию того или иного макро- (микро-) концепта, «устремленного» к архетипической семантике, к праобразам, идеалам о социально-бытовых отношениях между людьми.

Основной метод анализа паремийных контекстов – моделирование концептуальных цепочек, в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – НР), или два-три (концепты одной либо различных лексико-семантических парадигм) понятия. Эти понятия выделены в представленных моделях полужирным начертанием, что указывает на их основную роль в типологическом народно-разговор-

ном микроконтексте, на основе которого и составляется семантическая модель, на их функцию опорного слова, определяющего формирование высказывания. Между ними, благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов), установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате раскодирования их внутренней формы и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки ↔ (корреляция вербализаторов концептов), ←, → (следствие, результат взаимодействия сем, семем), : (сопоставление культурных концептов), + (наложение сем, семем), = (отождествление семантики вербализаторов концептов), ≈ (семантическое уподобление) указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания. Кроме того, использован ряд скобок: фигурных { } – для обозначения отдельной модели концептуальной цепочки; квадратных [] – для выделенных структурных элементов концептуальной цепочки; косая черта / – для отделения синонимических, гиперо-гипонимических составляющих или лексико-тематических вариантов в пределах одного из компонентов концептуальной цепочки. Заглавными буквами отмечены словесно-образные, ситуативные мотивы, воплощенные в анализируемом материале.

Основная цель нашего исследования – путем моделирования семантики высказывания о роде и семье восстановить архетипическое семантическое ядро социального сегмента украинской повседневной бытовой культуры, установить средства его актуализации.

Макроконцепт «Род, семья» в украинской фразеопаремийной картине мира разворачивается в устоявшихся высказываниях, которые отражают ассоциативно-семантические стереотипы народной культуры. Их типическими моделями являются различные концептуальные цепочки.

По нашему мнению, одним из основополагающих для человека является архетип ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ. В повседневном мышлении это отражает украинский паремийный текст *Без сім'ї й без роду – хоч з мосту та в воду*. Сема ‘жизнь’ (мост) утверждается через метонимическое словупотребление, вербализуясь в аппозитивной семантике – ‘смерть’ (вода).

С сакрализацией доли / судьбы связана концептуальная цепочка { [род / рід] ← /написано/ → [судьба / доля], например: *Що кому написано на роду, то й конем не об'їдеш (того не об'їдеш і на льоду)*. В данном обобщении также отражен повседневный опыт селянина-труженика, опыт противостояния силам природы, опыт выживания. Архетипический контекст сопряжен с сакральной сентенцией «быть записанным в Книгу жизни» (свернутая метафора на роду написано).

Причинно-следственные социальные и вещественные отношения передает концептуальная цепочка { [большой / великий род] ← /постная/ → [пища / еда], как вот: *Великий рід – пісний обід*. Она воплощает особенности крестьянского уклада жизни до начала XX века (возможно, и его первых

десятилетий, отмеченных бедствованием) – большое количество членов семьи, проживающих вместе, невозможность обеспечения сытости.

По-разному вербализованы в украинских и русских паремийных текстах базовые аппозитивные концепты культуры ДОБРО – ЗЛО. Именно под их патронатом наиболее выражены ценностно-духовные составляющие, их аксиология.

По нашим наблюдениям, украинские пословицы-максимы через причинно-следственную синтаксическую семантику воплощают определенные идеалы, например, лада в семье, то есть ‘упорядоченности, порядка, согласия’ (концептуальная пара { [род / рід] → [порядок, лад] }): *Який рід, такий лад*. Компаративная же семантика является формой воплощения желаемого, например, семьи как ‘защиты’ от ветра на перепутьях судьбы (концептуальная пара { [род, семья / рід, родина] → [защита] }): *Немов верета на шляху: без роду, без племені, без захисту*. В такой пословице *верета* (‘рядно’) – материальный символ покрывала, то есть один из компонентов артефактной метафоры семьи. Сравнение урожая пшеницы (‘богатство’, и дополнительная количественная сема) с силой любви воплощает концептуальная пара { [семья] ← /богатство/ → [любовь] }: *Як мені пшениця родила, так мене й родина любила*.

Паремий с неодобрительной семантикой, проецированной на понятие ‘недружная семья’, ‘недружественные отношения’, значительно меньше: *Рідня – серед дня, а як сонце сховається, то й не родичається*; *Близька рідня – на одному сонці онучі сушили*.

Примечательно, что в украинской этнокультуре понятие рода и семьи соотносено с позитивным образом советчика (концептуальная пара { [род / рід, плем'я] → [разговор, совет] }): *Без роду, без племені, без привіту, без совіту; Нема що їсти, нема пити, нема роду, щоб поговорити*.

В то же время негативные стороны в отношениях между членами большого рода передает сема ‘отсутствие пищи’ – *ніде пообідати*, ‘отсутствие крова’ – *ніде голови прихилити* (концептуальная цепочка { [род / рід, плем'я] → [пища] = [семья] }): *Рід великий, а пообідать ніде; Роду без переводу, а пообідать ніде; Великий рід, та ніде голови прихилити*.

Архетипная оппозиция ДОБРО – ЗЛО также довольно четко представлена. Обобщающая аксиологическая функция сконцентрирована в постоянных эпитетах – *дурний* (рус. *дурной*), *поганий* (рус. *плохой*), *лихий* (рус. *лихой*), *злий* (рус. *злой*) род: *В дурному роду нема переводу; Поганому роду нема встиду; Не трать ходу до поганого роду; Нещаслива година, як лиха родина*. Человеческое сознание отталкивается от негативного, злого. Искренность отношений в общих делах, среди которых общий стол, пища духовная и физическая. Плохое не имеет права на существование, оно должно искореняться: концептуальная цепочка { [(плохой) род / рід, плем'я] = [несчастье] }.

Средством концептуализации позитивной семантики базового понятия ДОБРО в украинской паремийной картине мира является вспомогательный

член концептуальной цепочки – *время* ({{добро: **добра година**] → [родина]}}). Именно *добра година* – это своеобразная ситуация, когда род, семья едины: *Аби добра година, то знайдеться родина; Як добра година, то є й родина; При добрій годині – брати й побратими, а при лихій годині – нема й родини.*

Особенностью украинских паремий с вербализаторами лингвокультурного концепта «Родство» является сформированность ироничных текстов, в которых обыгрывается многочисленность семьи (У нашого Омелька невелика сімейка: тільки він та вона, та старий та стара, тільки Сидір та Нестерко, та діток шестерко, та батько, та мати, та їхні три брати).

Базовые концепты СВОЙ – ЧУЖОЙ также реализованы в паремийной семантике. По нашим наблюдениям, в украинской паремийной картине мира их больше, чем в русской: *Свого доправляйся, роду не чужайся; Нашому роду нема переводу.* Вспомогательными номинациями для их вербализации являются слова-образы преграды (*вода*), преодолевая которую нужно стремиться в семью (*До свого роду хоч через воду; Хоч по горло (по шию) в воду; Хоч і по шию (по коліна) в воду, та до свого роду*). Интимизированность оценочной семантики («свой») поддерживает сема позитивного восприятия семьи: *Своя сім'я не важка.* Об особенностях культурного концепта «свой» С. Толстая писала: «Кто может быть субъектом (посессором) «своего»? Прежде всего, человек как отдельный индивидуум или люди как объединения разного типа и масштаба. [...] Соответственно этому область объектов *своего* для каждого отдельного человека можно представить в виде концентрических кругов: центром этой концентрической конструкции будет сам человек и то, что принадлежит ему, прежде всего его собственное тело. Следующий круг будет состоять из его ближайшего окружения (своя семья, свой дом), далее будет идти более широкий круг родственников (свой род), затем будет идти круг близких, соседей знакомых (своя улица, свой круг общения, круг единомышленников и т. п.), за ним – круг односельчан или вообще земляков, далее круг людей, связанных с ним этнической, языковой, конфессиональной, профессиональной и т. п. общностью (свой народ, своя страна), и, наконец, весь род человеческий, весь земной мир в противоположность «иному», потустороннему» [7, с. 319].

В украинском паремийном фонде макроконцепты «Род, семья» также концентрируют тексты для характеристики индивидуальных – негативных – черт членов семейства: *У роду (в сім'ї) не без урода; Нема роду без вроду; У родині не без вродка.*

Таким образом, в украинской паремийной картине мира довольно четко актуализирована архетипическая семантика «жизнь – смерть», «порядок, закон», «добро – зло», «свой/чужой». Ее конкретизаторами являются природоморфные, антропоморфные, артефактные метафоры, слова-символы мировой культуры. Актуализированы функции оценочных эпитетов. Паремии тематической группы «Род, семья» отражают социокультурные ценности повседневного бытового общения, быта, простые правила духовной и физической жизни.

Литература

1. Аносов Е. А. Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25. – Серия «Лингвистика», Вып. 15. – С. 93–96.
2. Глотова Е. А. Семья в русском национальном сознании // Гуманитарные исследования. Филология. – 2014. – № 3(4). – С. 47–50.
3. Жизневская О. Н. Стереотип родительских отношений в пословичной картине мира белорусов // Мова і культура. Київ: Київ. нац. ун-т, Видав. дім Д. Бурого, 2012. – Вип. 15. – Т. 3. – С. 165–171.
4. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: теория и практика. – СПб.: МИРС, 2009. – 292 с.
5. Кононенко В. І. Українська лінгвокультурологія. – Київ: Вища школа, 2008. – 327 с.
6. Макарець Ю. С. Концепти *рід, родина, сім'я* в мовній картині світу українців // Наукові записки. Філологічні науки. Кн. 1. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2013. – С. 75–78.
7. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: ИНДРИК, 2008. – 528 с.
8. Ужченко В. Д. Східноукраїнська фразеологія. – Луганськ: Альма-матер, 2003. – 362 с.
9. Чернова А. В. Концепти «батько», «мати» в українській лексико-фразеологічній системі світу: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.
10. Щербакова Н. В. Фразеологізми з назвами людей у лексичному наповненні: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Харків, 2002. – 18 с.

Словари и справочники

- III*: Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / упоряд. М. М. Пазяк. – Київ: Наук. думка, 1990. – 528 с.
- РУТСІП*: Російсько-український тлумачний словник паремій. – Кривий Ріг: ФОП Маринченко С. В., 2016. – 454 с.

Е. И. Тюменева

(Россия, Москва)

Нгуен Тхань Ха

(Вьетнам, Ханой)

ОБРАЗ МЫШИ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье исследуются вьетнамские фразеологические единицы, имеющие в своём составе зооним мышь. На материалах лексикографических и фразеологических словарей выявлены и рассмотрены фразеологизмы, включающие в свой состав этот зооним. Исследуется национальное своеобразие в восприятии образа мыши и крысы в двух культурах.

Ключевые слова: зооним, фразеологизм, мышь, этнокультурный компонент.

E. I. Tyumeneva

Nguyen Thanh Ha

IMAGES OF MOUSE IN VIETNAMESE PHRASEOLOGY

This article is intended to explore Vietnamese idioms related to mouse in terms of quantity, frequency of use, cultural attitudes and meanings. The study is the first time the components of Vietnamese ethnocultural culture and idioms including zoonim chuột has been studied.

Keywords: zoonim, idioms, mouse, ethnocultural culture.

Зоонимы широко представлены в лексике любого языка. Часто они используются в устойчивых выражениях, отражающих особенности культуры, исторического развития, географии. Зоонимы и зооморфизмы, используемые носителями языка, возникают на основе образного сравнения повадок животного через систему оценочных образов, существующих в национальной картине мира.

В литературе на русском языке не так много работ, посвящённых зоонимам и зооморфизмам как части вьетнамской фразеологии [6, с. 303–313; 3, с. 15–26]. Мышь упоминает в своём исследовании С. Е. Глазунова: «Еще одно животное, хорошо знакомое в первую очередь в крестьянских хозяйствах и, видимо, поэтому вошедшее во многие фразеологизмы, – это мышь (крыса)». *Đầu voi đuôi chuột* – ‘голова слона, хвост мыши’ – ≈ ‘родила гора мышь; много шума из ничего; *chuột chạy cùng sào* – ‘мышь добежала до конца шеста’ – ‘зайти в тупик, оказаться в безвыходном положении’; *chuột sa chĩnh gạo (chuột sa lọ mớ)* – ‘мышь угодила в горшок с рисом (мышь угодила в банку с салом)’ – ‘неожиданно повезло; счастье привалило’; *chuột gặm chân mèo* – ‘мышь грызет кошачью лапу’ – ‘рискованный поступок, безумный риск’; *cháy nhà ra mắt chuột* – ‘при пожаре крысы вылезают наружу’ – в критической ситуации люди проявляют свое истинное лицо [3, с. 18].

Во вьетнамской научной литературе образ мыши в паремиях подробно не исследуется по причине довольно редкого его использования. В таблице Нгуен Ван Но *мышь* находится на 17 месте по частоте упоминания в пословицах и поговорках после таких животных, в том числе мифических, как *шелкопряд, лягушка, дракон и муха* [8, с. 317].

Тем не менее образ мыши занимает определённую нишу в космогонических представлениях вьетнамцев. Пребывая в течение многих веков в прямой или косвенной зависимости от Китая, древние вьетнамцы переняли и китайский способ

летоисчисления, основанный на лунном календаре. И в этом календаре мышь предстаёт как одно из самых почитаемых животных, являясь первым циклическим животным двенадцатеричного цикла. Причиной этого будто бы послужил тот факт, что по приглашению Будды мышь пришла первой на празднование Нового года, на прослушивание праздничной проповеди. А всего пришли двенадцать животных, которые и стали знаками китайского, а затем и вьетнамского календаря. Согласно другому варианту этой легенды, Будда созывал животных проститься с ним перед его уходом в нирвану, и опять же Мышь пришла первой [1]. В мифологии Китая, Японии, Вьетнама, Кореи мышь почитается как один из знаков, приносящих денежный достаток. Получается, что мышь несет в себе положительное значение, олицетворяя собой мудрость, отзывчивость, умение рационально обращаться с деньгами.

Следует отметить, что слово, обозначающее мышь как животное – знак лунного календаря – *tí (tý)*, а общеупотребительное слово – *chuột*. Дело в том, что лексика вьетнамского языка характеризуется наличием двух систем – исконной вьетнамской системы и ханвьетской подсистемы. Для исконной лексической системы характерна свободная, а не связанная слогоморфема, а ханвьетские морфемы употребляются только в составе сложных слов [2]. Слово *tý* принадлежит ханвьетской подсистеме, самостоятельно не употребляется, а используется лишь как знак, обозначающий определённый год лунного календаря, например, *tuổi tý* – ‘родившийся в год мыши’.

По мнению вьетнамцев, крыса / мышь как знак лунного календаря символизирует ум, терпение, и смелость. Этому знаку свойственны такие качества, как хитрость, скрытность, быстрота реакции. Человек, рожденный в этот год, находит выход из любых ситуаций. Он не теряет даже во время паники, не поддаётся эмоциям, не принимает необ-

думанных решений. Представитель этого знака часто решает самые сложные задачи нетривиальными методами, которые многими вообще не рассматриваются как возможные и успешные.

Во вьетнамской фразеологии употребляется слово *chuột*, не являющееся полным аналогом русского слова *мышь*. Оно относится к так называемым общим словам, обозначающим какое-либо понятие в целом, а для конкретизации к общему слову добавляется вторая морфема, уточняющая её значение. Слово *chuột* является частью слова *chuột chù* – ‘землеройка’, *chuột chũi* – ‘крот’, *chuột cống* – ‘серая крыса’, *chuột đồng* – ‘полевая мышь’. Как общее слово одноморфемное слово *chuột* более всего соответствует русскому ‘мышиние’ или ‘грызуны’. Вследствие этого трактовка слогоморфемы *chuột* во фразеологических единицах требует не только обращения к двуязычным словарям, но и знания экстралингвистических факторов.

Интересно проследить эволюцию словарных статей *chuột* и *tú* в трёх наиболее полных вьетнамско-русских словарях. В словаре 1961 г. *chuột* – крыса; мышь, а *tú* – первый циклический знак двенадцатеричного цикла, то есть название животного не упоминается. [В-РС, с. 108, с. 570]. В словаре 1992 г. *chuột* – ‘мышь’, ‘крыса’, [ВРС, с. 123], в словаре 2012 г. *chuột* также переводится как ‘мышь’, ‘крыса’, а вот к слову *tú* добавлено пояснение ‘знак Мыши’ [НБВС, т. 1, с. 485], [НБВС, т. 2, с. 902].

Трактовка образа мыши в паремиях отличается от тех качеств, которые приписываются людям, родившимся в год Мыши (Крысы). В одних случаях осуждаются лицемерие и двуличие: *chuột chẻ vỏ bẻp chẳng ăn/ chó chẻ nhà dột ra nằm bụi tre* – букв. ‘мышь осуждает из угла кухни, не поев / собака осуждает протекающую крышу, хотя сама спит в прибрежных зарослях бамбука’. В других случаях порицаются те, кто рассчитывает на других и не несёт ответственности за порученное дело: *chuột bẫy đào không nên lỗ* – букв. ‘целая стая мышей не может вырыть ямку’. Про хвастунов, которые бахвалятся своими несуществующими талантами, говорят *chuột chù lại có xạ hương* – букв. ‘землеройка, а пахнет мускусом’ ≈ *синице никогда не быть журавлём*. Если человек находится в опасной ситуации, он похож на мышь, которая добежала до конца шеста: *chuột chạy cùng sào*. Когда приходит беда, проявляются истинные качества людей. В таком случае можно употребить поговорку *cháy nhà ra mặt chuột* – букв. ‘когда горит дом, крысы вылезают наружу’ ≈ *крысы бегут с тонущего корабля*. В данном случае при переводе и подборе эквивалента следует употребить слово *крыса*, так как в русском языке оно имеет негативную коннотацию.

Возникнув в глубокой древности, поговорки и поговорки отражали жизнь простых крестьян, которые трудились на своём поле от зари до зари в любую погоду, в том числе и в дождь. Отсюда появился компаративный оборот *ướt như chuột lột* – букв. ‘мокрый как мышь без шкуры’ ≈ *промокнуть до нитки*. Тесное, тёмное крестьянское жилище характеризовали как *nhà ổ chuột* – букв. ‘крысиная нора’.

Во вьетнамских пословицах и поговорках образ мыши часто встречается в паре с образом кошки: *mèo khen mèo dài đuôi / chuột khen chuột nhỏ dễ chui dễ trèo* – букв. ‘кошка хвалит себя за длинный хвост / мышь хвалит себя маленьким ростом, удобно прятаться’ ≈ *сам себя не похвалишь – никто не похвалит*; *mèo nhỏ bắt chuột con* – букв. ‘маленькая кошка ловит мышонка’ ≈ *браться за непосильную работу*; *mèo nhỏ bắt chuột to* – букв. ‘маленькая кошка ловит больших мышей’ ≈ *браться за непосильную работу*. Трусливая мышь во вьетнамских фразеологизмах может проявлять чудеса храбрости, граничащей с безрассудством: *chuột gặm chân mèo* – букв. ‘мышь грызет кошачью лапу’ или *sắc nhanh, chuột dễ cắn được cổ mèo* – букв. ‘своими острыми зубами мышка может прокусить кошачье горло’. В противопоставлении большого и маленького также используется образ мыши: *đầu voi, đuôi chuột* – букв. ‘голова слона, хвост мыши’ ≈ *гора родила мышью*). В последнее время вьетнамцы характеризуют этим фразеологизмом жадных чиновников, которые обманывают простых людей, обещая большую выгоду от своих проектов, но в итоге всё кончается ничем.

Иногда фразеологизмы со словом *chuột* имеют двойной смысл: *chuột sa chĩnh gạo* – букв. ‘мышь угодила в горшок с рисом’ ≈ *счастье привалило!* сначала прочитывается как большая удача, но затем приходит понимание, что рис когда-нибудь закончится, а мышь уже не сможет выбраться из этого горшка (≈ *бесплатный сыр бывает только в мышеловке*).

Заключение

Объектом исследования в данной работе являются фразеологические единицы вьетнамского языка. Предметом исследования – пословицы и поговорки, имеющие в своём составе зооним *мышь*. Зоохарактеристика человека, возникающая на основе образного представления о таком животном, как мышь / крыса, ярко и непосредственно отражает национальную самобытность вьетнамского языка через систему оценочных образов-эталонов, характерных для вьетнамского народа.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Глазунова С. Е. Образы животного мира во вьетнамской фразеологии // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения : сб. ст. 5-го межвуз. семинара по лингвострановедению. Ч. II. Концептосфера «мир животных» в аспекте лингвострановедения / под ред. Л. Г. Ведениной. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – С. 15–26.
4. Нгуен Тхань Ха. Отражение национальной культуры во фразеологизмах русского и вьетнамского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2016. – 251 с.

5. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М. : КомКнига, 2006. – 224 с.

6. Тюменева Е. И. Образы животных как национально-специфические символы вьетнамской фразеологии // Вьетнамские исследования. Вып. 4: сб. науч. ст. / под ред. В. М. Мазырина. – М. : ИДВ РАН, 2014. – С. 303–313.

7. Чинь Тхи Ким Нгок. Лингвокультурологические основы диалога культур (на материале обучения русскому языку вьетнамцев): дис. ... д-ра филол. наук 10.02.01. – М., 2000. – 361 с.

8. Nguyễn Văn Nở. Biểu trưng trong tục ngữ người Việt. Nxb Đại học Quốc gia – Hà Nội. 2010. – 482 с.

Словари и справочники

В-РС: Глебова И. И., Зеленцов В. А. и др. Вьетнамско-русский словарь. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.

ВРС: Глебова И. И., Соколов А. А. Вьетнамско-русский словарь. – М. : Русский язык, 1992.

НБВС: Новый большой вьетнамско-русский словарь. – М. : Восточная литература, 2012 (т. 1 и т. 2).

Источники

[1]. URL: <https://moluch.ru/archive/47/5854/> (дата обращения: 05.02.2020).

[2] Вьетнамские исследования. – URL: [<http://www.ifes-ras.ru/vs/issue/2531-vetnamskie-issledovaniya-seriya-2-2019-3/>]. (дата обращения: 07.02.2020).

УДК 811.163.41

М. С. Хмелевский

(Россия, Санкт-Петербург)

И. В. Кузнецова

(Россия, Чебоксары)

ОРИЕНТАЛИЗМЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена исследованию и лингвокультурологическому анализу фразеологических единиц, содержащих ориентализмы или турцизмы, в основном в языке исламизированных славян Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии. Анализу подвергаются те концептуальные концепты, которые заключены в славянской фразеологии языка мусульманской части обширного южнославянского мира.

Ключевые слова: сербский язык, турцизмы, фразеология, Босния и Герцеговина, мусульманская культура у южных славян.

M. S. Khmelevskiy

I. V. Kuznetsova

ORIENTALISMS AS THE CONCEPTUAL COMPONENTS IN PHRASEOLOGISMS IN SOUTH SLAVIC LANGUAGES

The article is devoted to the study and linguoculturological analysis of phraseological units containing orientalisms or turcisms, mainly in the Islamic Slavs of Bosnia and Herzegovina, Montenegro and Macedonia. The analysis is carried out on those conceptual lexical components, which are contained in the Slavic phraseology of the Muslim part of the South Slavic world.

Keywords: Serbian language, turcisms, phraseology, Bosnia and Herzegovina, Muslim culture in the southern world and languages.

В результате распространения ислама среди славянского населения Боснийского вилаета наряду с миром *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* на Балканском полуострове (вместе с помаками в Болгарии) формируется еще один – славяно-мусульманский мир, который в настоящее время насчитывает около 1,8 млн человек. Данный исторический факт ярко иллюстрирует современный фразеологизм *pade Bosna ko dozrelo jabuko u sultanovo krilo* – букв. «попала Босния, как созревшее яблоко, в объятия султана», который в современном языке употребляется в значении «свершилось что-либо неминуемое и заранее предreshенное, чему невозможно было противостоять». О том, как мусульманская религия особым образом приживалась в Боснии и подстраивалась под нравы, устои и традиции местного

славянского населения, образно свидетельствует и поговорка: *Bosna je potekla šerbetom, ali i muselezom* – «И потекли по Боснии не только шербет, но и вино» (где турцизмы *šerbet* – «вода, подслащенная медом» и *muselez* – «слабое вино из незрелого винограда»). Пословица хранит в себе образ пришедшего вместе с исламом запрета на употребление алкогольных напитков, которые «помутняют дух и разум», но, с другой стороны, подмечает стремление боснийцев сохранить привычный уклад жизни и традиции виноделия, то есть, принимая новое, не утратить при этом и старое, что подтверждает еще одна ироничная пословица: *religije se mijenjaju, pivo i vino ostaje* – «религии меняются, а пиво и вино остаются» [5, с. 230].

На религиозном принципе, который в данном регионе всегда имел основополагающее значение

в процессе формирования отдельных народов Южной Славии, в XV веке здесь зарождается еще одна нация славян-мусульман, боснийских мусульман, босняков (или бошняков), в прошлом именовавших себя также турками, а во второй половине XX века возникает официальный термин для наименования данного южнославянского народа – мусульмане (*Muslimani*) [3, с. 127].

Как и любой крупный столичный город на Балканах, Сараево имеет свой узнаваемый и маркированный языковой код, характеризующееся особым статусом интердиалектного образования (в этом смысле сравним социально-языковые статусы загребского койне в Хорватии, белградского жаргона в Сербии или подгорицкого диалекта в Черногории). Специфику сараевского койне составляет совокупность характерных языковых черт, а именно диалектологические особенности Сараевского кантона, региональное семантическое переосмысление отдельных лексических единиц, заимствования из немецкого языка и особо маркированный статус турцизмов и – шире – ориентализмов в повседневной речи жителей Сараево. В этом смысле следует отметить также актуальную тенденцию к расширению сферы употребления “сараевского языка”, который постепенно выходит за рамки разговорного общения и границы одного города и все чаще проникает в устный и письменный язык общегосударственных СМИ, политики, официально-делового общения, а также – посредством массовой культуры – отдельные характерные лексемы и выражения выходят за пределы Боснии и Герцеговины, сохраняя при этом в сознании реципиентов ассоциативную связь с местом своего происхождения. Так, характеризуя то или иное значение отдельных специфически боснийских языковых форм, наши информанты из Сербии, Черногории и Хорватии сопровождали свои толкования такими уточнениями, как: *Razumem, ali kod nas se tako ne kaže, to ćeš čuti samo u Bosni* – «Я понимаю, но у нас так не говорят, это ты услышишь только в Боснии», *tako se kaže u Bosni* – «так говорят в Боснии», *kako se kaže u Sarajevu...* – «как говорят в Сараево...», *to je muslimanski izraz za...* – «это мусульманское (т.е. боснийско-мусульманское) выражение для...» и т. п.¹ [5, с. 230].

В ходе проведенных нами полевых исследований разговорной речи боснийских мусульман нас интересовало живое (а не словарное) употребление именно тех ориентализмов, которые претерпели процесс семантического переосмысления внутри современного сараевского койне, что сформировало его специфику и колорит. Показательным примером вышесказанному является их живое употребление во фразеологизированных устойчивых сочетаниях, одним из компонентов которых выступает семантически пересмысленная турецкая, арабская или пер-

сидская по своему происхождению лексема. Так, турцизм *džamija* – «мечеть» является общим для всего южнославянского языкового пространства, однако только в речи славянских мусульман, у которых данное понятие не является признаком чужеродной культуры, а наоборот, относится к повседневной жизни, мы встречаем такие устойчивые сочетания, как *čisto kao u džamiji* – ‘очень чисто’, или *čuvati kao džamiju* – ‘очень беречь, хранить’, *iz džamije bi ukrao* – ‘он бы из мечети украл’ – об искусном воре, для которого нет ничего святого. Аналогичный пример находим и с выражением *ramazanski post*, понятным носителям и других культур, но только в языке тех, для кого оно является обозначением культурологически ограниченной реалии, то есть для славянских мусульман, мы обнаруживаем устойчивое сравнение *trajati kao ramazanski post* – ‘длиться очень долго’. В связи с этим приведем еще один фразеологизм *vikati sa munare* – букв. «кричать с минарета» в значении ‘распространять какую-либо новость, весть, информацию как можно шире, сплетничать’. Нередко мы наблюдаем и явление лексического переосмысления ориентализмов, обозначающих религиозные понятия в исламе, которые в своем новом семантическом качестве и с приобретенным экспрессивным оттенком попадают в сферу жаргонного употребления. Так, к примеру, лексему *dženaza* – ‘намаз, совершаемый в мечети по умершему’ – с переосмысленной семантикой можно встретить и в жаргоне спортивных болельщиков в значении ‘поражение с большим результатом’ или с иронично-экспрессивной окраской – в устойчивом сравнении *veselo kao na dženazi* в значении ‘очень грустно, тихо’ [4, с. 120].

Остановимся на описании наиболее иллюстративных примеров функционирования переосмысленных и актуализированных ориентализмов в живой речи носителей современного сараевского койне.

Наряду с интернациональными фразеологическими моделями (встречающимися в большинстве европейских языков) – *caru carevo, kralju kraljevo, bogu božje* (ср. русск. *Кесарю Кесарево*, польск. *Cesarzowi, co cesarskie, a Bogu, co boskie*) в языке боснийских мусульман мы находим варианты данной конструкции со специфичными для рассматриваемого региона компонентами-ориентализмами: *agi agino* (*aga* – ‘вождь, правитель’), *begu begovo* (*beg* – ‘старший, главный правитель’) или, например, вариант с расширением – *hadžiji hadžijino... a meni moje* (*hadžija* – ‘хаджи’: 1. ‘почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку и Медину’, 2. ‘праведный человек’, а в жаргоне – 3. ‘богатый, знатный, авторитетный, выделяющийся каким-либо качеством человек’). Данный компонент в последнем значении употребляется в устойчивом сочетании *Ili si bos, ili si hadžija* – «Или ты бос, или хаджи» (ср. русск., например, *Или пан, или пропал*). Ироничность данному фразеологическому сочетанию в современном молодежном жаргоне дополнительно придает возможность его обыгрывания благодаря омонимии прилагательного *bos* – ‘босой’ и английского заимствования *bos* – ‘босс’. В продолжение темы языковой игры внутри данного

¹ Здесь и далее приводятся примеры, собранные и записанные нами у информантов в ходе полевых исследований в Боснии и Герцеговине с 2009 по 2015 гг., а также взятые из современных словарей, вышедших в последнее десятилетие (см. список литературы).

фразеологического сочетания приведем вариант жаргонного употребления с пейоративным компонентом: *jebe se tebi što je hadžija bos* – ‘тебе плевать, что хаджи босой’. Выражение используется в ситуации, когда говорящий потерял все, что имел, оказался в затруднительном положении, но он не находит сочувствия по этому поводу у своего собеседника [1, с. 435].

Вышеприведенные примеры иллюстрируют процесс актуализации ориентализмов в силу экстралингвистических причин путем попадания в интернациональную фразеологическую модель, которые начинают жить в принимающем языке «своей жизнью», порождая все новые значения и семантические вариации, вплоть до переносных и жаргонных. В связи с этим приведем такое устойчивое сравнение, как *oči kao fildžani* – о больших (от удивления или страха) глазах. Здесь *fildžan* (ср. славянские аналоги – *čaša, šolja*) – заимствование из турецкого языка в значении ‘стакан, чашка, кружка, чаша’ с тем отличием, что *fildžan* – традиционная кофейная чашка без ручки, подается на медном подносе вместе с туркой и является неотъемлемым и широко распространенным атрибутом традиции питья кофе, сопровождаемой многочисленными ритуалами, в том числе и гаданием. Отметим, что данная лексема знакома и сербам, и хорватам, она включается в академические словари, правда, с пометой «региональное, ориентальное» [9], тогда как для боснийских мусульман она является общеупотребительной и обозначает предмет повседневного быта. С тем же компонентом зафиксирован еще один фразеологизм – *gledati u fildžan* – букв. «смотреть в кофейную чашку» в значении ‘гадать’ (ср. *gledati u šolju*). Следует также отметить, что *fildžan* в сараевском жаргоне может семантически переосмыслиться и в спортивном жаргоне обозначать ‘кубок’. В данном значении слово довольно широко употребляемо в ироническом фразеологизированном сочетании для наименования “дворового футбольного соревнования” – *Fildžan liga* (ср. русск. *кубок лиги*, польск. *puchar ligi*), при этом, оно также фиксируется и в сфере профессионального футбола – *Fildžan liga UEFA, Bundes fildžan liga* и т. п. [7].

Как видно из примеров, ориентализмы выступают в переосмысленном значении как довольно частый компонент в устойчивых сочетаниях, в особенности с экспрессивным оттенком. Рассмотрим пример употребления ориентализма *megdan* (вариант *mejdan*). Данное заимствование проникло в язык многих славян посредством турецкого языка из арабского, в котором оно означает ‘площадь, открытая равнинная местность’, а также ‘поле / арена боя, место для представлений’ (ср. название парка у центральной крепости в Белграде (а часто и самой крепости) – *Kalemegdan*, где тур. *kale* – ‘крепость’, т. е. букв. «Замковая площадь»). Во времена Османской империи данная лексема употреблялась в Боснии также для обозначения спортивных соревнований (метание копья, камня, прыжки, забеги и т. п.) или зрелищных мероприятий, проводимых на главной площади города или на любой открытой местности по случаю больших праздников. Данный историзм закрепился в

таких фразеологических единицах, как *dobiti mejdan / dobiti na mejdanu* – ‘выиграть соревнование / победить в поединке’, *(po)dijeliti megdan s kim* – ‘бороться (с кем-л.), соревноваться’, а также *ostati na megdanu* – ‘победить, стать победителем’ [6, с. 117].

В продолжение затронутой темы стоит также проанализировать и такие фразеологические сочетания, в которых одним из компонентов выступают ориентализмы, употребляемые исключительно в среде боснийских мусульман и отражающие особенности их менталитета, уклада жизни и конфессиональной принадлежности. Так, с принятием ислама в язык боснийских мусульман через турецкий попадает заимствование из персидского языка *bajram* – ‘мусульманский религиозный праздник’, которое, актуализировавшись в последние десятилетия, в разговорной речи употребляется для обозначения любого праздника вообще. Причем, данный компонент легко укладывается в интернациональные фразеологические модели: *budali je svaki dan bajram* – «дураку каждый день праздник» (ср. русск. *дураку каждый день праздник*, польск. *dla głupiego każdy dzień święto*), *ni bajrami nisu što su bili* – «даже святые праздники уже не те, что были раньше» (говорится о ностальгии по старым временам), *od bajrama do bajrama* – «очень редко» [3, с. 129].

Местный колорит отражает и фразеологизм с компонентом *šenluk* (тур. ‘бал, веселье’): *kad je šenluk, nek je šenluk!* (по общей модели *kad je bal nek je bal*) с вариантами второй части: *kad je šenluk, nek i hala gori* – «когда праздник – пусть хоть и зал горит» или *kad je šenluk nek izgori i džamija* – «когда праздник – пусть и мечеть сгорит». Ареал употребления лексемы *šenluk* выходит за пределы сараевского жаргона, но именно в нем она получает дополнительное семантическое расширение – ‘веселье, тусовка, пьянка’ [6, с. 112].

Особое значение в сараевском койне по частотности своего употребления получило и такое турецкое заимствование, как *dernek*, известное другим южным славянам, как: 1. ‘собрание людей, собрание’, 2. ‘ярмарка’. В турецком данное слово имеет также значение ‘общество, содружество, партнерство’, которое употребляется и в переносном смысле ‘большой праздник, веселье’. В современном сараевском жаргоне оно часто фиксируется в последнем метафорическом значении, синонимичном славянским *zabava, žurka* и ориентализму *tulum* (в жаргоне сараевской молодежи – ‘вечеринка, тусовка, пьянка’), с тем отличием, что в семантике слова *dernek* заложена сема большого праздника, масштабной вечеринки с обязательным присутствием алкогольных напитков, устраиваемой с особым размахом и по особым случаям, как, например, юбилей, свадьба, окончание школы, рождение ребенка и т. п. [7].

Для турцизма *rahatluk* трудно подобрать славянский эквивалент, он служит для обозначения концептуального для боснийского (и шире – южнославянского) менталитета понятия, объединяющего в себе состояние удовлетворения, полной расслабленности, удовольствия, беззаботности и умиротворения (ср. общеславянский турцизм в схожем

значении *merak*). Наши информанты характеризовали его так: «*nepopisivi osjećaj opuštenosti, pokoja, bezbrižnosti, odnosno nirvana*» – т. е. ‘неописуемое ощущение расслабленности, беззаботности или нирвана’. Данный компонент встречается в таких устойчивых сочетаниях, как: *Bez zdravlja nema rahatluka* – «без здоровья нет удовольствия / расслабления / беззаботного времяпрепровождения» или: *Bosanac nađe rahatluk i na kraju svijeta* – «босниец найдет «рахатлук» и на краю света» [10, с. 87].

Еще один турцизм – *deredža* в значении ‘религиозный статус, положение’ – иллюстрирует процесс выхода лексемы за рамки сугубо религиозной сферы и расширения сферы ее использования в живой речи, например, в качестве компонента во фразеологизме *dobar (pošten/pametan) i budala (glup) su na istoj deredži* – «добрый (честный/умный) и дурак (глупый) – все в одном положении» Здесь говорится об уравнивании в правах разных по своим способностям и характеристикам людей; *pasti na jednu deredžu* – ‘уподобиться’ (обычно с негативным значением). Данный фразеологизм в современном языке обрастает многочисленными вариантами типа: *Pariz i Sarajevo su na istoj deredži* – «Париж и Сараево – на равных правах», причем первая часть может свободно варьироваться: *lud i hrabar* – «сумасшедший и смелый», *dobar i jeban* – здесь «хороший и придурковатый», *zdravi hodža i zdravi hamal* – «здоровый ходжа и здоровый носильщик / чернорабочий»), *sva božija stvorenja kod Allaha* – «все божии создания у Аллаха» – *su na istoj deredži*. Фразеологизм с компонентом-турцизмом создан по устойчивой модели *na istoj su liniji / na istoj su razini* – «на одном уровне», *na istoj su stazi* – «на одной тропе» и т. п. [2, с. 79].

Иллюстративным примером выхода ориентализма за пределы сферы религии и расширения своего значения в разговорном языке может послужить лексема *akšam* – ‘магриб’, то есть четвертый по порядку ежедневный намаз (молитва), совершаемый сразу после захода солнца. Время совершения этого намаза явилось определяющим при метафоризации значения данной лексемы в разговорном языке, напр., в таких устойчивых выражениях, как *od sabaha do akšama* – ‘от заката до рассвета’ (где *sabah* – «фаджр», первый по порядку ежедневный намаз, совершаемый после восхода солнца). Здесь любопытно проследить процесс расширения жаргонного значения лексемы *akšam* с турецким по происхождению суффиксом *akšamluk*, которая отражает местный колорит мусульманских славян и специфику укоренения ислама на славянской почве, – «вид отдыха – легкое времяпрепровождение в кругу друзей и близких, ведущих непринужденные беседы, обычно за едой и ракией, причем всегда в вечернее время суток». Отсюда возникают такие фразеологические сочетания, как *akšamluk pijuckati* – ‘попивать ракию в кругу друзей в вечернее время’ или *od akšamluka do akšamluka* – ‘наслаждаться жизнью’. В качестве иллюстрации приведем выдержку из эссе «Боснийские хорваты» писателя И. Ловреновича: *Pravi akšamluk je rafinirana institucija kulture svakidašnjice, akšamluk je bosanska ekstaza* – «Настоящий

«акшамлук» – т. е. рафинированный институт культуры повседневности, «акшамлук» [9, с. 22].

Современное явление актуализации ориентализмов в языке боснийских мусульман можно проиллюстрировать еще одним весьма показательным примером с лексемой *avaz*, которая пришла из персидского языка через турецкий в значении ‘голос, пение, песня’. В прошлом ее употребление было ограничено религиозной сферой и являлось архаизированным. Толчком для актуализации и распространения данной лексемы в разговорном языке послужил факт начала выхода в 1995 г. многотиражной и самой популярной в Боснии и Герцеговине общенациональной ежедневной газеты «*Dnevni avaz*», вследствие чего данная лексема приобретает «новую жизнь» и переходит из сферы религиозного или фольклорного употребления в сферу разговорного языка и жаргона. Приведем следующие примеры употребления данного слова в таких актуализированных устойчивых сочетаниях, как (*vikati, zvati*) *iz avaza* – ‘громко (кричать, звать), во весь голос’, *jedna glava hiljadu avaza* – ‘болтун’, *otvoriti avaz (kome)* – ‘дать (кому) повод для разговоров’ [7, с. 18].

В заключение в рамках рассматриваемой темы нельзя не упомянуть и о такой лексико-синтаксической категории, характерной для всего южнославянского языкового ареала, как устойчивые фразеологизированные клятвы, заклания. Наряду с общими для всех южных славян закланиями *boga mi* – «богом клянусь», *života mi* – «жизнью клянусь», *majke mi* – «матерью клянусь» и т. п. в Боснии довольно широко распространены аналогичные словосочетания-штампы, как: *Allaha mi, pojma ti nemaš o tome!* – «Аллахом клянусь, ты в этом ничего не понимаешь!», *Dolazim ja, rahmeta mi* – «Я приду, клянусь покоем усопшего» и даже с повторением компонента для усиления экспрессии: *Kunem se Allahom i rahmetom, istina je to!* – «Клянусь Аллахом и покоем усопшего, это правда!». Здесь следует отметить, что сама лексема *Allah* довольно часто встречается в речи боснийских мусульман в качестве синонимичного заменителя компонента в общих для южнославянского языкового пространства выражениях, как, например: *Allah će znati* (ср. *Bog će znati*), *Ako Allah da* (ср. *Ako Bog da*), восклицание *Allah, Allah* (ср. *Bože, Bože!*), удивление в звательном падеже *Allahu sačuvaj* (ср. *Bože sačuvaj*) и т. п., а междометное словосочетание, целиком заимствованное из Корана, *Allahu ekber!* часто используется для эмоционально-экспрессивного выражения удивления, восхищения [8, с. 51].

Итак, на приведенных примерах нами был рассмотрен современный процесс актуализации ориентализмов в речи боснийских мусульман. Данное явление актуализации заимствований из восточных языков, как было показано выше, играет далеко не последнюю роль в формировании боснийского жаргона и сленга, в котором характерным и отличительным маркером которого выступают ориентализмы, получившие в последние десятилетия в силу различных причин «новую жизнь». Подводя итог, следует также отметить, что многое из лексики и фразеологии боснийских мусуль-

ман, в основном, благодаря популяризации боснийской культуры, литературы, киноискусства, поэзии, сараевской бардовской песни, выходит за рамки данного микроареала и становится узнаваемым далеко за его пределами, в современных странах бывшей Югославии.

Литература

1. Кузнецова И. В. Ориентализмы-названия титулов и должностей в устойчивых сравнениях южных славян (на фоне других языков) // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník 89 (2019), sešit 4.* – Praha : Slovanský ústav AV ČR, 2019. – P. 432–439.
2. Кузнецова И. В. Ориентализмы-антропонимы в южнославянских устойчивых сравнениях // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 64(1).* – Budapest : Akadémiai Kiadó, 2019. – P. 71–83.
3. Кузнецова И. В. Устойчивые сравнения с компонентом-турцизмом религиозной тематики в языках народов бывшей Югославии // *Никоновские чтения. Электронный сборник научных статей по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г.Л. Никоновой).* – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 124–129.

4. Хмелевский М. С. Концептуальное переосмысление тюркизмов, ставших национальными символами славянских народов // *Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции.* – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 118–124.

5. Хмелевский М. С., Особенности фразеологии города Сараева // *Национальное и интернациональное в славянской фразеологии. Hrsg. von Harry Walter, Valerij M. Mokienko.* – Greifswald, 2013. – С. 227–231.

6. Halilović S., Tanović I., Šehović A. *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik.* – Sarajevo, 2009. – 249 с.

7. Saračević N. *Rječnik sarajevskog žargona – prilog leksikografiji bosanskoga jezika, 2. izd.* – Zenica, 2007. – 178 s.

8. Šehović A., Haverić D., *Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika.* – Sarajevo, 2017. – 81 s.

9. Škaljić A. *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku.* – Sarajevo, 1989. – 589 s.

10. Tanović I. *Frazeologija bosanskog jezika.* – Sarajevo, 2000. – 156 s.

УДК 371.01

Г. А. Шиганова
(Россия, Челябинск)

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ КАРТИНЫ МИРА У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

В статье определяются актуальные проблемы формирования представлений о русской картине мира у детей-билингвов в начальной школе посредством изучения фразеологических единиц. Описываются методические приемы, помогающие восприятию обучающимися русской социокультуры, ее языка, традиций и обычаев.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая единица, билингвы, методы, русская социокультура.

G. A. Shiganova

STUDYING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN ELEMENTARY SCHOOL AS ONE OF THE WAYS OF FORMING THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW AMONG BILINGUAL CHILDREN

The article defines the current problems of forming the Russian linguistic worldview among bilingual children in elementary school by means of the studying phraseological units. Method techniques that help students to understand the Russian socio-cultural environment, language, traditions and customs are described.

Keywords: linguistic worldview, phraseological unit, bilinguals, method techniques, Russian socio-cultural environment.

В современном мире политика толерантности и взаимопонимания между национальностями является основой для сосуществования различных стран. Язык и речь являются необходимым механизмом для осуществления межличностной связи между людьми разных национальностей. Проблема формирования билингвизма с раннего возраста была и остается актуальной, так как в наше время межнациональные связи успешно развиваются, происходит взаимодействие культур, языков, и

оптимальным решением является обучение детей разным языкам, которые в дальнейшем им будут необходимы.

Понятие «билингвизм» имеет несколько значений. В Википедии находим следующее определение данному языковому явлению. «Билингвизм (двуязычие < лат. *bi-* «два» + лат. *lingua* «язык»): 1) практика попеременного пользования двумя языками; 2) владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию

(даже при минимальном знании языков); 3) одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения» [3]. В нашей статье мы используем данный термин во втором значении.

В современном образовательном процессе формирование билингвизма у детей занимает достаточно прочную позицию, начиная уже с детского сада. В дальнейшем изучение двух и даже трех языков идет в школах и вузах. В данной статье мы рассматриваем билингвизм с точки зрения овладения русским языком как неродным. Упрощение получения гражданства России для иностранцев привело к тому, что в нашей стране мигрантов становится все больше и больше с каждым годом, и дети их идут учиться в русские школы. Как они будут осваивать непростую лексико-фразеологическую и грамматическую систему русского языка, зависит не только от учителей, но и всего социума – сверстников, родителей, соседей – от всех, с кем детям придется осуществлять речевое взаимодействие. Ученые установили, что дети-билингвы являются более восприимчивыми к окружающему миру, так как у них лучше фокусируется внимание на изучаемом объекте, они могут различать неверно построенные речевые фразы, осваивать русский язык в сопоставлении с родным языком, переключая свои ментальные процессы. Овладение социокультурной компетенцией обучающимся раскрывается прежде всего в знании ими национально-культурного быта носителей языка: этикета, обычаев, истории, культуры.

С 2018 года в рамках научного проекта «Подготовка будущих учителей начальных классов к работе с детьми-билингвами» Комплексной программы и плана научно-исследовательской, проектной и научно-организационной деятельности Научного Центра Российской Академии Образования на базе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета на 2018–2020 годы педагоги и студенты проводят экспериментальное исследование по обучению детей, владеющих двумя языками. В частности, кафедра русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе факультета подготовки учителей начальных классов ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ» активно работает над проблемой освоения детьми-билингвами русского языка как основы для формирования вторичного социокультурного кода. Исследование над процессом формирования русской языковой картины мира у детей-билингвов младшего школьного возраста осуществляется на базе МАОУ СОШ № 6 г. Челябинска.

В статье представляем фрагмент эксперимента, касающийся усвоения языковой картины мира у детей мигрантов посредством работы над русскими фразеологизмами. Общеизвестно, что фразеологизмы как более сложное языковое образование по сравнению с лексемами в любом языке в большей степени играют роль трансляторов национально-культурных смыслов. Вследствие этого считаем, что билингвы, усваивая русские фразеологические единицы, будут демонстрировать более высокий уро-

вень владения языковыми смыслами, понимание внутренней структуры высказывания, знания исторических фактов. Поскольку в школе учатся дети разных национальностей: русские, татары, башкиры, таджики, узбеки, украинцы, – имеющие разный уровень подготовки, учителю важно выбрать самые приемлемые методы и приемы работы с фразеологизмами на уроках русского языка и во внеурочной деятельности. Языковая картина мира отражает бытие человека во всех его проявлениях, и «особую роль играют фразеологические единицы, в образном содержании которых воплощено культурно-национальное мировидение» [2, с. 26].

Знакомство с русской языковой картиной мира у детей, для которых русский язык является родным, и у детей с неродным языком, конечно, происходит по-разному. Для последних более успешному освоению русских фразеологизмов будет, безусловно, сравнение с единицами родного языка, но это не всегда возможно, так как во фразеологическом фонде русского языка есть большое количество единиц, не имеющих эквивалентов в других языках. В начальной школе с детьми-билингвами лучше начинать изучение с ФЕ, имеющих частичные семантические эквиваленты в родных языках. Национальная ментальность, стратегия и тактика поведения, учет гендерного аспекта, знание обрядовых моментов обнаруживаются как в устной, так и в письменной коммуникации билингвов. Согласно мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [1], большую часть страноведческой информации содержит в себе национально-культурная семантика фразеологизмов.

Предполагаем, что в начальной школе знакомство с фразеологическими единицами следует начинать наряду с работой над лексемами, так как в языке слово и фразеологизм сосуществуют в единстве и обладают такими общими свойствами, как однозначность и многозначность, вступают в системные связи и отношения между собой – омонимические, синонимические, антонимические. Лексемы и фразеологизмы представляют единую систему языка – лексико-фразеологическую. Конечно, усвоение фразеологизмов в младшем школьном возрасте, особенно нерусскими детьми, идет значительно сложнее, так как это сверхсловные единицы и значение их не является механическим сложением смыслов составляющих их слов. Омонимия фразеологических единиц со свободными сочетаниями и словосочетаниями, с одной стороны, затрудняет понимание значения фразеологической единицы, а с другой – помогает, так как только в сравнении с последними можно объяснить детям смысл того или иного фразеологизма.

В учебниках по русскому языку для начальной школы разных систем обязательно присутствует материал по фразеологии, в одних системах он представлен достаточно хаотично, в других более структурирован. Авторы учебников и дидактических материалов к учебникам иногда выделяют целые рубрики, например, «Когда мы так говорим? Работа с фразеологизмами». Так, в учебнике «Русский язык» В. П. Канакиной и В. Г. Горещкого (система «Школа России») понятие о фразеологизме дается

только в 3 классе в теме «Что такое фразеологизмы?». В конце учебника находится «Словарь фразеологизмов», в котором представлено краткое толкование значения каждого фразеологизма. К сожалению, далеко не все фразеологизмы объясняются с точки зрения происхождения. А ведь именно этимология помогает понять смысл фразеологизма, сделать восприятие обучающимися значений этих сверхсловных единиц наглядным и доступным, так как во фразеологизмах в наибольшей степени отражена специфика русской национальной культуры, причем учитель сможет применить материал по фразеологии почти на каждом уроке по русскому языку и по литературному чтению.

Считаем, что для освоения трудного фразеологического материала детьми, для которых русский язык является неродным, оптимальным методом будет лингвистическая игра. В методике описано достаточно много игровых приемов усвоения фразеологических единиц, например, «Четвертый лишний» (В каждом из столбцов найдите четвертый лишний фразеологизм; объясните, почему он «лишний», и составьте с ним предложение); «Цепочка фразеологизмов» (Каждый ученик подбирает синоним к заданной единице); «О ком так говорят?» (Стреляный воробей, белая ворона и т.п.); «Одним словом» (Зарубить на носу – запомнить); «Глаголы наши – фразеологизмы ваши» (*Гневаться* – метать громы и молнии); «Отгадайте: какие фразеологизмы имеются в виду?» (Его вешают, приходя в уныние; задирают – зазнаваясь; его всюду суют, вмешиваясь не в свое дело); «Фразеологический зоопарк» (Вспомните, какие животные живут во фразеологизмах. Объясните значения фразеологизмов); Фразеологическая викторина «Откуда эти строки?» (Назовите литературное произведение, его автора, а также раскройте значение выделенных фразеологизмов. Например: «И растет ребенок там *не по дням, а по часам*»). Можно детям предлагать тексты, в которых

содержится информация о происхождении того или иного фразеологизма, для диктантов, изложений, пересказов. Интересными будут выполнения различных проектов, работа с фразеологическими и толковыми словарями и т.п. Выбор продуктивных методов и приемов при обучении детей-билингвов фразеологии русского языка является основой для того, чтобы они могли слышать фразеологизмы, видеть их в тексте, понимать их смысл, употреблять в своей речи. Для этого учитель должен продумать систему работы над фразеологическим материалом (от простого к сложному), взаимосвязь и последовательность заданий и упражнений, активизацию фразеологизмов в речи.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. – Изд-е 4-е, перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 251 с.
2. Нуртазина М. Б. Фразеотворчество в условиях межкультурной коммуникации Республики Казахстан // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 г.). – Белгород : Эпицентр, 2019. – С. 26–27.
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 07.02.2020).

Словари и справочники

- ФС: Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81-115

Г. Т. Безкоровайна

(Россия, Москва)

Л. Н. Гишкаева

(Россия, Москва)

НУМЕРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ, ЧЕЧЕНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье с позиций лингвокультурологии анализируются примеры фразеологических единиц из близкородственных восточнославянских языков (русского и украинского), английского, относящегося к германской группе, и языка чеченцев, входящего в подветвь нахских языков ветви нахско-дагестанских языков. Анализ примеров позволяет отыскать общее и национально-специфическое в паремиях и фразеологических единицах, что подтверждает важность общечеловеческих ценностей, зафиксированных в паремиях с нумерологическим компонентом, а также отражение в них истории, культуры и быта каждого народа. Сопоставительный анализ показывает частотное и менее распространенное употребление числа в составе фразеологизмов.

Ключевые слова: лингвокультурология, нумеративные фразеологические единицы, число, символическое значение, паремия, сопоставление.

G. T. Bezkorovaynaya

L. N. Gishkaeva

NUMERAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN, UKRAINIAN, CHECHEN, AND ENGLISH: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

The article analyzes the examples of phraseological units (FU) from closely related Eastern Slovene languages (Russian and Ukrainian), English belonging to the Germanic group, and the Chechen language, which is a sub-branch of the Nakh languages of the branch of the Nakh-Dagestan languages. The analysis of examples allows us to find common and national-specific features in paremias and FU, which confirms the importance of universal values recorded in paremias with a numerological component, as well as the reflection of the history, culture and life of each nation in them. Comparative analysis shows the frequency and less common numbers in the composition of FU.

Keywords: linguistic culture, numerical phraseological units, numerals, symbolic meaning, paremia, comparison.

Фразеологические единицы (ФЕ) составляют сокровищницу языка и культуры любого народа. Интерес к сопоставительному изучению паремий в разных языках с целью нахождения общего и специфического в них представляется очень перспективным и важным в процессе пополнения гуманитарного знания и отражения культурного кода в языках. В последние десятилетия ФЕ с доминантным компонентом находятся в поле зрения лингвистов [см. 2, 4, 18]. Как верно замечает И. Ю. Третьякова, «...фразеологические единицы отличаются по степени функциональной активности, частотность выбора говорящими фразеологизмов, входящих в те или иные фразеосемантические поля, позволяет установить ... оценку говорящими событий, лиц, процессов, происходящих в мире [17, с. 175]. Оценочный характер нумеративных ФЕ также позволяет лучше представить языковую картину мира каждого языка. Интерес к нумеративным паремиям и ФЕ постоянно растёт [см. 9, 11, 15]. В данной работе проанализированы группы ФЕ и паремий из русского, украинского, чеченского и английского языков, содержащих числовой компонент. Анализ

примеров из близкородственных восточнославянских языков, языка чеченцев, входящего в подветвь нахских языков ветви нахско-дагестанских языков, английского, относящегося к германской группе языков, призван отыскать общность и различие в культурном коде народов с позиций важности общечеловеческих ценностей, отраженных в паремиях с нумеративным компонентом. Примеры были отобраны из русских, украинских, чеченских и английских словарей и сборников пословиц, а также из нескольких пословичных электронных ресурсов.

Отметим, что число в истории человечества всегда играло важную роль. Как говорил Пифагор, «все в мире есть числа». В словаре символов Д. Трессидер пишет: «В индуистской традиции числа считались основой материальной вселенной. Ацтеки отождествляли каждую цифру с каким-либо богом, качеством, стороной света и цветом. Так как числа использовались богами для управления миром, они, как считалось, имели специфические символические значения» [СС]. Цель статьи – определить сходства символических значений ФЕ с числами, найти схожие по компонентному составу и се-

мантике, а также найти редкие, присущие только одному языку примеры, отражающие особенности исторического и культурного кода нации. В работе использованы следующие методы: сопоставительный метод для исследования компонентного состава ФЕ, их варьирования; методы компонентного и семантического анализа для исследования значения фразеологизма.

Начнем рассмотрение с паремий с числом *один*. Во всех языках, взятых в качестве материала исследования, есть паремии, семантика которых одинакова: *Одна пчела не много мёда натаскает* (рус.), *Одна бджола меду не наносит* (укр.), *The lower millstone grinds as well as the upper* (Ам.), *The lower mill-stone grinds as well as the upper* (Br.), *One man is no man* (Br.), *One stone alone cannot grind corn* (Ам.) [БАРФС]. В английской пословице остается число *один*, но предметы, которые составляют паремии, иные. Однако символический смысл не изменился. В чеченском языке тот же смысл имеет пословица: *Цхъана тлулгах глала хиряц, цхъана тлемалочух эскархирдац* (чеч.) – *Из одного камня башни не получится, а из одного воина – войска*. Такое же значение ‘невозможность сделать что-то одному и сражаться одному’ выражено в синонимичной русской пословице *Один в поле не воин* и в её украинской вариации *Один солдат – в полі не вояка, один у полі не воїн, один гусак поля не витопче*. Паремии и ФЕ с компонентом *один* имеют большое распространение во всех языках, выбранных нами для анализа, что можно объяснить тем, что число *один* символизирует первичную цельность: «В обыденном понимании один – эмблема начала, знак человеческого «я», а также одиночества» [СС]. Можно привести немало примеров, имеющих число *один* в своем составе и сохраняющих смысл, связанный с толкованием самого числа. Было проанализировано свыше 100 русских пословиц и фразеологических единиц, схожих по семантике с ФЕ. Особенно распространены схожие по составу паремии в русском и украинском языках. Например, *Одна мудрая голова ста голов стоит. Одна голова хорошо, а две лучше. Свій розум май і людей питай* (укр.) *Беда не приходить одна. Як одна біда йде, то й другу за собою веде* (укр.). Характерна для всех языков и паремия, связанная с земледелием: *Летний день год кормит* (рус.), *Аьхка де дайнарэ – лай шийтта дийнахь меца лела. – Тот, кто потерял один день летом, двенадцать дней голодал зимой* (чеч.). *Один летний день кормит зимний месяц. Влітку один тиждень рік годує* (укр.). *A spring day feeds a year* (англ.)

Поскольку в составе паремий можно отыскать практически все количественные и порядковые числительные, которые являлись предметом исследования в предыдущих работах лингвистов по нумеративным ФЕ (см, напр., [9, 11] и др.), остановимся подробнее на тех, о которых написано не так много. Числительные теряют свою функцию выражения какого-то определённого количества и, являясь частью фольклора, преобразуются в ФЕ символический смысл. В нумерологии и в математике числа выполняют разные функции. Во фразеологии число при-

обретает образность. Каждая ФЕ содержит в себе как общечеловеческие, так и национально специфические черты, в частности это касается нумеративных ФЕ, поскольку «абстрактные понятия универсальны, но социокультурные и исторические условия их номинирования и закрепления в национальном сознании специфичны» [1, с.418].

С числом *два* находим примеры, которые сохраняют свою семантику во всех языках: *За двумя зайцями погонисься – ни одного не поймаєшь, За двома зайцями поженеєшся – жодного не спіймаєши* (укр.). По-английски: *If you run after two hares, you will catch neither*. Здесь выражена тщетность попыток сделать одновременно многое. Много паремией с числом *два* в украинском языке: *Дай на три дні – візьмеш злидні. Два б’ється – третій не мішайся. Два брати рідні, і обидва Івановичі, але один – так, а другий – дурак. Два брехуни одної правди не скажуть. Два дурні б’ються, а третій дивиться*. В чеченском обнаружена следующая ФЕ: *Цхъана буйна ши хорбаз тарлур яц*. – В одной руке два арбуза не удержишь [ЧРФС].

Уникальным, на наш взгляд, является пример паремии в чеченском языке с числом *два*: *Йисинчу зудчунна гленах ши майра го: велларг, хинверг – Вдова во сне видит двух мужей: покойного и будущего*. Другой пример с числом *два* имеет аналоги как в русском, так и в английском языках: *Хьестаделла эса шина аттах декхна. – Ласковый телёнок двух коров сосал* (ср. *Ласковый теленок двух маток сосёт*). Английский аналог пословицы «*Ласковый телёнок двух маток сосёт*» – *You can catch more flies with honey than with vinegar: мух проще ловить мёдом, а не уксусом* [3].

Широко распространены ФЕ с числами 5, 7, 50, 70. Было рассмотрено более 150 таких ФЕ. Рассмотрим, как трактуется в нумерологии число *пять*. «Число – символ человека; графически изображается фигурой человека, чья голова, разведенные в стороны руки и широко расставленные ноги образуют пятиконечную звезду, или просто пятиконечной звездой (пентаграммой)» [СС].

ФЕ с числом *пять* есть во всех языках, которые мы анализируем. В английском в значении *отдохнуть* используется ФЕ *take five; торговаться – five-finger discount; five will get you ten – твёрдо верить во что-л. fiver: five-dollar bill – банкнота в пять фунтов*. Есть аналогичные паремии в рассматриваемых языках: *Пятая спица в колеснице, Fifth wheel, Пятое колесо в телеге, Fifth wheel, odd man out*. Число *пять* в следующей паремии подчеркивает нежелание работать практически всю неделю, так как пятый день недели пятница, а за ней – выходные: *День гуляє, три слабий, а на п’ятий – вихідний* (укр.).

Известна паремия, имеющая варианты во всех рассматриваемых языках, – *Знать, как свои пять пальцев* (рус). *Знати, як свої п’ять пальців* (укр.) – ‘очень хорошо в чём-то разбираться’. *Пхи пелг санна* (чеч.). – ‘(знать) очень хорошо, основательно’. [ЧРФС]. – букв. *Как пять пальцев*. В английском эквиваленте цифровой компонент отсутствует, но есть паремия *To know something like the palm of the*

hand. Еще одну английскую ФЕ с числом *пять* находим в словаре Мюррея: *To come in with five (or two) eggs* – ‘сплетничать’.

Число приобретает в паремиях дополнительный смысл: «Новое качество значения, возникшее в результате трансформации комбинаторной структуры во фразеологическую единицу, обычно называется добавочным или эмоционально-экспрессивным элементом значения» [15, с.8].

Известен фразеологизм *искать пятый угол* 1. *Сиб.* Угрожать кому-л. ФСС, 88. 2. *Волг., Морд.* Скрываться, спастись от преследования, наказания. Глухов 1988, 59; СРГМ 1980, 121. 3. *Прибайк.* Тщетно искать спасения. СНФП, 135 [БРАФС]. ‘Тщетно искать спасения’ – в этом смысл данного ФЕ. В английском и чеченском языках такого фразеологизма не найдено. Следует, однако, согласиться, что «...отсутствие эквивалента пословицы в другом языке может означать, что он [эквивалент] пока не обнаружен исследователями, возможно, существовал ранее и вышел из употребления» [2, с. 119].

Культура чеченского народа, который испытал много невзгод и войн, отражена в таких паремиях, как *Кхаанна кечбинчу кхачано виь вузийна – Пици, приготовленной для троих, хватило на четверых*.

Есть пословицы, которые представляют собой варианты перевода из европейских языков. Например, *Не кладите яйца в одну корзину* – ‘Don’t Put All Your Eggs in One Basket’, *To put all your eggs in one basket means to risk losing everything by having only one plan or idea and depend entirely on it for your success* из итальянской или испанской пословицы. В рассмотренных нами языках есть паремия *Один за всех, все за одного. Всі за одного і один за всіх (укр.), All for one and one for all (англ.)*. *Один за всех и все за одного*, которая впервые использована в романе А. Дюма «Три мушкетера», была внесена Далем в Словарь пословиц русского народа и затем разошлась во многие языки. Вольфганг Мидер отмечает факт существования общих европейских пословиц, то есть «...пословиц, которые распространились по Европе благодаря точным заимствованным переводам» [20, с.25].

Иногда содержащийся в одном языке фразеологизм имеет в другом языке аналог, в котором числительное отсутствует. Приведем примеры с ФЕ *опять двадцать пять! here we go again! (In refer, to sth. tiresome, constantly repeated) again the same thing: - here we go again! - there (англ.)* [БРАФС].

Интересны примеры с числительными *пятьдесят* и *семьдесят*. По мнению нумерологов, удесятеренное число от сакральных чисел еще больше усиливает их значения. «Число 50 представляет собой пятёрку, значение которой усилено в многочисленной прогрессии. В нумерологии цифру *пять* считают числом человечества. Складывается впечатлительное, что создавать по образу человека было задачей именно цифры *пять*. У человека по пять пальцев на руках и ногах, органов чувств пять и даже основных систем человеческого организма. Кармический код души *пятьдесят* делает людей позитивными во всем. Они видят только хорошее и стараются доне-

сти это до окружающих» [1]. В русском и английском языках есть интересный фразеологизм, который означает неоднозначное отношение к чему-либо, причем в русском языке есть прямая калька с английского. Мы говорим *пятьдесят на пятьдесят*, что может означать *и так и сяк* (22) *или-или* (3) *по-разному* (16) *пополам на пополам* (3) среднее (1). Но можем сказать и *фифти-фифти* (9). *Fifty – fifty* в английском имеет то же значение. Калька – *фифти фифти* вошла и в другие языки, в нашем случае – в украинский. В чеченском есть аналог ФЕ «50–50»: *Ах-улх (в половину – на половину). Неодобр. – с большим трудом, еле-еле, кое-как и т.п.* [ЧРФС].

Символическое значение числа *семь* и производных также известно. Как пишет Д. Трессидер, «...семь – священное, мистическое, волшебное число, особенно у народов Западной Азии; символизирует космический и духовный порядок и завершение природного цикла. Важность числа *семь* прослеживается начиная с первых попыток астрономических наблюдений – древние могли видеть невооруженным глазом семь «блуждающих звезд» – Солнце, Луну, Марс, Меркурий, Юпитер, Венеру и Сатурн, которые во многих культурах послужили названиями для дней недели» [СС].

Магическое число *семь* очень широко распространено в пословицах рассматриваемых языков. Т. Б. Пасечник пишет: «Семь – священное число, символ божественности, выражение идеи Вселенной, символ высших космических начал. Оно значимо и закрепилось в культуре в таких своих вариантах, как *семь нот*, *семь цветов спектра*, *семь звезд Большой медведицы*, *семь дней недели*» [6, с. 125].

Приведем несколько примеров: *У него семь пятниц на неделе. He keeps changing his mind. Сім п'ятниця на тиждень. У семи нянєк дитя без глазу. У семи ньєнок дитя без одного ока. Everybody's business is nobody's business. Too many cooks spoil the broth.* Как видим, аналоги могут не содержать числовой компонент, как, например, в английском варианте. В данных пословицах число *семь* использовано для усиления как количественного компонента, так и символа: *Работать до седьмого пота. Працювати до сьомого поту. Сім разів відміряй, один раз відріж. Семеро одного не ждуть. Семеро воює, а один горю (укр.)*. Интересна украинская паремия *Всім по сім, а мені таки вісім*. Источники не дают объяснения и толкования данной паремии. Можно только предположить, что здесь попытка выделиться среди других, получить больше чего-то, пожадничать.

ФЕ *семь смертных грехов* основывается на христианском учении о покаянии и грехе. В украинском находим аналог *сім смертних гріхів*. Религиозная и библейская основа и в паремии: *Тридцять рублей злата, оставайся место свято (о Иуде) (скопцы)*. Ощущение счастья и наслаждения выражено также в ФЕ с числом *семь*: *Быть на седьмом небе. In the seventh heaven /To be on cloud nine*.

В чеченском языке число *семь* также весьма продуктивно. В чеченско-русском фразеологическом словаре Д. Б. Байсултанова нами обнаружено свыше 25 устойчивых выражений (включая производные)

с нумерологическим компонентом *семь*. Рассмотрим самые яркие на наш взгляд ФЕ: *ВорхІанна биъча биссал (й, д)*. – нереальное преувеличение чего-л. (обычно говорится о размерах головы), букв.: Семь человек съедят и еще останется; *ВорхІ вала // ВорхІ ле*. – разг. Все страдают или будут страдать, букв. Семеро умирает; *ВорхІ вала*. – Пожелание смерти кому-л.: чтобы потомство не росло, букв. семеро умирай у тебя; *ВорхІ вешин ваиа (йиша) войла (йойла)!* – разг. Причитание брата или сестры. Сестра семи братьев (брат семи сестёр); *ВорхІ вешин ваиа войла(!)* – разг. Доброе пожелание рождённому сыну; *ВорхІ вийча санна*. – разг. Вызывающий глубокую неприязнь, букв. Как будто семеро убито; *ВорхІ догла тоъха* – 1. Тщательно спрятано что-л.; 2. Под надежной охраной; букв. За семью замками; *ВорхІе стигал тІекхета*. – разг. Разрушить все, что было в реальности у кого-л., букв. свалилось семь небес [ЧРФС].

В английских идиомах числа 9, 11 и 7 встречаются в следующих паремиях: *Seven may be company but nine are confusion, Everything in sevens and elevens*. Есть некоторое различие в частотности чисел в паремиях и их использовании. В. М. Мокниенко отмечает: «Пословица – это минимальный художественный текст, и как таковой она, в отличие от такой строевой единицы языка, как слово, воспринимается индивидуально, избирательно. Пословиц «для всех» нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории» [7, с. 15].

В состав ФЕ может входить и несколько чисел. Аналогом русской поговорки с числом *семь* – *Семеро одного не ждут* – в украинском становится поговорка с иными числами – *Двоє третього не чекають*. Есть противопоставление внутри одной паремии и в русском языке: *Семьдесят семь полков: все повалились, а три остались (сосна, ель и вереск зимой)*.

Часто в одном из языков числовой компонент в аналоге паремии не сохраняется либо может быть вариант с другим числом: *У семи нянек дитя без глаза (рус.)*. *Too many cooks spoil the broth (англ.)*. *Быть на седьмом небе (рус.)*. *In the seventh heaven, To be on cloud nine (англ.)*.

Интересно, что в пословицах с числами *пять* и *семь* можно найти аналоги во всех языках, а пословицы с числами *пятьдесят* и *семьдесят* распространены в славянских языках, но отсутствуют в чеченском языке и их мало в английском языке. Число *семьдесят* продуктивно в русском и украинском языках: *Баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает. В семь лет перебедали семьдесят семь бед. И в семьдесят лет, да совести нет. У бабы семьдесят две увертки в день. баба – женщина через семьдесят могил хватил один блин. Семьдесят одёжек, а все без застёжек (рус.)*. Очевидно, это напрямую связано с традиционным отношением к определенным числам. Между тем десятичные цифры многократно усиливают смысл пословицы: *Кто в двадцать лет не здоров (не хорош), в тридцать не умён, а в сорок не богат, тому век таким не бывать. Тридцать лет, как видел коровий след, а всё молоком отрыгается. Тридцать посте-*

лей, тридцать гостей, постель с постелью не сойдётся, гость с гостем не столкнётся (дни в месяце) [БАРФС].

Выражение с числом *семьдесят* – *Семьдесят арестантов* – перекликается с пословицей *Сорок бочек арестантов* (Прибайк.). Очень много; больше, чем следует; больше, чем нужно (наговорить, наболтать) (СНФП, 18). Числительное *сорок* связано с древнерусской мерой отсчёта беличьих и собольих шуруков – «сороками». Когда хотели обозначить бесчисленное количество чего-либо, говорили «сорок сороков». Сорок бочек – это очень много. «Арестанты» – мелкая рыба. Так что *Наговорить сорок бочек арестантов* означало рассказать множество небывлиц о якобы невиданно огромном улове [4]. В украинском языке такому значению соответствует следующая поговорка – *Наговорив сім міхів горіхів, гречаної вовни, та всі не повні*. Основа сравнения здесь – продукты, которые выращены тружениками. Этот фразеологизм имеет много синонимов, например *городити теревені (дурниці), гнути всячину, смаленого дуба плести, плести (гнути), сон рябої кобили розказувати, химині кури розводити, плести (верзти) нісенітниці (нісенітницю, небиліці), про химині, кури торочити*. Для паремии со смыслом 'говорить ерунду, лгать, выдумывать небывлицы' в украинской фразеологии в качестве составляющих выступают сельскохозяйственные атрибуты: овощи, крупы, домашний скот. В английском языке соответствует идиома *horse feathers*. Эти и другие примеры паремий с нумеративным компонентом подтверждают мысль о том, что, в отличие от нумеративных компонентов ФЕ, «компоненты-числительные в чистом виде, так сказать, «оголены»: их прямая семантика прозрачна и прозаична, как и сами «сухие числа». Но при этом – и именно такое свойство нумеративной фразеологии привлекает исследователей – они развивают семантику не рациональную, а иррациональную, символическую, уходящую корнями в древние толщи магических осмыслений Числа» [7, с. 10].

В процессе исследования были найдены паремии, которые возникли и существуют только в одном из анализируемых языков. Было отмечено наличие в русской фразеологии таких примеров, которые связаны с историей советского периода. См., например, ФЕ *пятьдесят лет советскому футболу* – сущ., кол-во синонимов: 2 • семейные трусы (2) • трусы (24). Словарь синонимов ASIS. В. Н. Тришин. 2013. Синонимы: семейные трусы, трусы. Реалия советского времени вошла в фонд фразеологии. Есть поговорка, характерная для украинского: *Заробив в пана плату: з чотирьох дощок хат*.

Продуктивно в рассматриваемых языках и число *тысяча*: *Тисяча братів одним поясом подпоясаны, на мать поставлены (сноп на земле)* (Пословицы русского народа). 1. *Эзир доттагІ верг ваьлла, эзир сту берг велла – Имеющий тысячу друзей – спасся, имеющий тысячу голов скота – погиб.* (чеч.); во сто раз (в тысячу раз) (*иноск. гиперб.*) – гораздо больше, *Тьопно цъаьбен вийна вац, матто – эзар вийна. – Ружье убило только одного, а язык тысячу.* (*соотв. Злые языки страшнее пистолета*) [ЧРФС].

В результате анализа нумеративных ФЕ в русском, украинском, чеченском и английском языках было установлено следующее:

а) во всех рассмотренных языках, несмотря на принадлежность к разным семьям, есть пословицы с нумеративным компонентом, которые и по форме, и по компонентному составу, и по семантике равнозначны;

б) пословицы могут быть аналогами без числовых компонентов, но передавать суть пословицы с числами в другом языке;

в) есть универсальные пословицы, которые существуют в разных языках, вошедшие в результате заимствований и последующего перевода на иной язык с сохранением семантики и всех компонентов;

г) числа в составе паремий и идиом чаще всего прирастают символическими значениями;

д) в результате исторического развития народов, традиций в языке присутствуют пословицы и идиомы, которые сложно отыскать в других языках.

Анализ ФЕ русского, украинского, чеченского и английского языков ещё раз подтверждает мысль о том, что «ценность пословиц любого языка состоит в том, что во многих из них заключены важные знания о национальной культуре» [2, с. 10].

Литература

1. Безкоровая Г. Т. Семантическое поле как фрагмент национальной языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М. : Изд-во: Российск. ун-та Дружбы народов, 2017. – Vol. 8, № 2. – С. 413–419.

2. Бредис М. А., Ломакина Л. В. Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет) – 2018. – № 4. – С. 118–129.

3. Бредис М. А., Ломакина Л. В., Мокиенко В. М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц // Русин. – 2020. – № 2(60).

4. Культурные коннотации русского зоонима «волк» и его эквивалентов в английском, испанском и чеченском языках / Л. Н. Гишкаева, Ю. Н. Эбзеева, Н. В. Дубинина, В. В. Барабаш // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 150–160.

5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Минск : Тетра Системс, 2004, – 256 с.

6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2001, – 208 с.

7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

8. Мокиенко В. М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. – М., 2015. – С. 4–25.

9. Мюррей Ю. В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов / The Big Book Of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents. – М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2008. – 252 с.

10. Осипова А. А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира (опыт сопоставительного исследования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 23 с.

11. Пасечник Т. Б. Число в русской фразеологии // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 124–127.

12. Пасечник Т. Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 18 с.

13. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. – Ужгород, 2011. – 241 с.

14. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 296 с.

15. Телегина Е. В. Оценочно-культурологический аспект русских и английских фразеологизмов с порядковыми и количественными числительными: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2017. – 23 с.

16. Голикина Е. Н. Об общем отличительном признаке фразеологической единиц, отграничивающем их от нефразеологизмов // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц : сб. науч. ст. – Тула, 1972. – С. 7–19.

17. Третьякова И. Ю. Кто, как и зачем вешает лапшу на уши (к вопросу о фразеологизме в коммуникативном пространстве // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 18–23 марта 2016 г.). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – С. 175–179.

18. Luiza N. Gishkaeva, Olga V. Lomakina. Zoonym wolf in phraseology and pramiology: cultural connotations (in Russian, Ukrainian, Chechen and English) // Scientific journal, ISOP, West-East Vol 2-1, 2019. – S. 23–27.

19. Manser M. H. The Facts On File. Dictionary of Proverbs. – New York : Infobase Publishing, 2007, – 512 p.

20. Mieder W. Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics. – University Press of Mississippi, 2014. – 489 p.

21. Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport : Greenwood Press, CT. 2004. – 305 p.

Словари и справочники

ЧРФС. Байсултанов, Дауд Бобаевич. Чеченско-русский фразеологический словарь: около 12 тыс. фразеологических единиц чеченского языка : в 3 т. – Грозный : Грозненский рабочий, 2016. – Т. 1 : А–Д. – 2016. – 732 с.

Ed. G. L. Apperson. The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Wordsworth Editions Limited. – 1993 and 2006.

БРАФС Большой русско-английский фразеологический словарь. – URL: <https://rus-eng-phraseology-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 23.05.2020).

ППН Даль В. И. Пословицы русского народа. – URL: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-dal/19875-posloviцы-i-pogovorki-russkogo-naroda-vladimir-dal/read/page-1.html> (дата обращения: 16.05.2020).

СС. Тресиддер Д. Словарь символов. – М., 1999. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim (дата обращения: 16.06.2020).

УДК 811.161.1

Источники

[1] URL: <https://darmaga.ru/numerologiya/chislo-50.html> (дата обращения: 16.05.2020).

[2] URL: <https://www.idioms.online/put-all-your-eggs-in-one-basket> (дата обращения: 16.05.2020).

[3] URL: <http://chtooznachaet.ru/chto-oznachaet-pogovorka-laskovyy-telenok-dvux-matok-soset.html> (дата обращения: 16.05.2020).

[4] URL: <https://proza.ru/2018/05/04/536> (дата обращения: 16.05.2020).

Гоу Яньминь

(Китай. Россия, Москва)

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПРАЗДНОВАНИЯ КИТАЙСКОГО НОВОГО ГОДА В ПРИМЕТАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье дан анализ китайских и русских примет, приуроченных к празднованию Нового года, с позиций лингвокультурологии. Показано, как обычаи двух народов находят отражение в приметах как культурно заряженных текстах.

Ключевые слова: *примета, китайские приметы, русские приметы, праздник, новый год, лингвокультурология.*

Gou Yanmin

A REFLECTION OF THE TRADITIONS OF CELEBRATING CHINESE NEW YEAR SUPERSTITIONS: LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS

The article analyzes Chinese and Russian omens, dedicated to the new year celebration from the point of view of linguoculturology. It is shown how the customs of the two peoples are reflected in omens, as culturally charged texts.

Keywords: *Omens, Chinese omens, Russian omens, holiday, new year, cultural linguistics.*

Культура любого народа, как и его язык, специфичны. Сопоставительный анализ взаимодействия языков и культур интересуют учёных-гуманитариев. «Фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления „языка культуры“, описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации» [4, с. 120]. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц различных групп заключается в выявлении «особенностей мировидения и означивания того или иного фрагмента картины мира» [2, с. 16].

Паремиологические ресурсы языка обладают большим познавательным потенциалом. Привлечение паремиологического материала двух и более языков позволяет «не просто доказать уникальность того или иного языка, выраженную в различных жанрах паремий, а представить семантическую общность при мнимой различности, показывая точки соприкосновения языков и культур» [1, с. 270].

Приметы как один из видов паремий «являются одним из древнейших типов паремий и представляют особое явление в национальной культуре» [5, с. 74], поэтому, с одной стороны, выступают частью культуры, а с другой – частью языка, следовательно, могут быть объектом лингвокультурологических исследований.

Российские учёные В. К. Харченко и Е. В. Тонкова подразделяют приметы на календарные, погодные, обрядовые и бытовые [7, с. 35–36]. К календар-

ным приметам относятся приметы, связанные с какими-либо праздниками. «Праздники присутствуют во всех лингвокультурах, однако имеют национальное преломление, которое выражается как в репертуаре праздников, так и в культурных традициях празднования» [3, с. 80].

В европейской, как и в азиатской культуре Новый год является одним из популярных праздников. При анализе русской лингвокультуры необходимо принимать во внимание, что до 1700 года Новый год начинался в сентябре, поэтому современные русские приметы создавались уже в XVIII веке и позднее. Китайский новый год представляет собой самый важный из всех праздников для китайского народа.

Рассмотрим китайские приметы.

1. 过年吃饺子, 来年日子更红火。 (букв. В Северном Китае поедание пельменей при встрече Нового Года принесет еще большее процветание в жизни в Новом году). Эта примета основана на традиции лепки пельменей всей семьёй перед праздником, что способствует объединению семьи.

2. 放鞭炮, 迎新年 (букв. Разжигание петард и фейерверков накануне нового года – к счастью). Разжигание петард и фейерверков имеет целью бросить старое и поприветствовать новый год.

3. 贴春联, 迎新年 (букв. В канун Нового года наклеивать парные полосы красной бумаги с но-

вогодными пожеланиями (Китайский Новый год) – к счастью и безопасности).

4. 贴窗花，迎新年 (букв. В канун Нового года вырезание бумажных узоров для наклейки на окна – к счастью).

5. 除夕守夜，为新年带来好运气 (букв. Не спать в канун нового года – к счастью). Ночное бодрствование символизирует изгнание всех злых болезней и избавляет от несчастья.

6. 打破东西要说岁岁 (碎碎) 平安 (букв. Если кто-нибудь разбивает тарелку, ему нужно сказать: „Благополучия год за годом“, тогда в следующем году все будут в безопасности и здоровы). Слова *разбить* и *каждый год* по-китайски звучат одинаково.

7. 新年贴财神贴得勿高勿低，主人家里钱铺

满地 (букв. Если до Нового года в вашем доме изображение бога богатства располагается на правильном уровне (70–80 см), тогда ваше благосостояние улучшится). Бог богатства – бог мировых финансовых ресурсов в китайском даосизме.

8. 大年初一 扫地不吉利 (букв. Если подмести пол в первый день китайского нового года, у семьи могут быть неприятности в будущем году). Первый день Нового года – праздник метлы, подметание пола сметет счастье и удачу, этим может навлечь стихийное бедствие.

Как видно из примеров, традиционные обряды и ритуалы являются основным содержанием новогоднего праздника, представляют собой культурное наследие Китая.

Приведём русские примеры, связанные с Новым годом.

В русской лингвокультуре атрибутом праздника считается богато сервированный стол. Чтобы год был удачным, надо было варить кашу, на что указывает этнограф и фольклорист И.П. Сахаров в книге «Сказания русского народа» [6, с. 213]. Отметим, что до настоящего времени хорошо накрытый стол в канун Нового года – символ благополучия русских.

Однако больше всего примет, содержащих упоминание Нового года, связано с определением погодных особенностей будущего года, поэтому они могут считаться погодными: *Если на Новый год небо звёздное – к урожаю; На Новый год много звёзд на небе – ягоды будут; Сильный ветер на Новый год – богатый урожай орехов; Звёздная ночь на Новый год – урожаем гороха и чечевицы; В Новый год сильный мороз и малый снежок – к урожаю хлебов, а если тепло и нет снега – к неурожаю* [ППРН, с. 452]. Значимость наблюдений над природой продиктована обыденным сознанием русских, тем фактом, что благополучие связывалось с хорошим урожаем, плодородием.

Выявление языковой и этнокультурной специфики примет, уточнение их паремиологического статуса и места обогащает паремиологическую теорию и практику лингвокультурологической презентации китайской и русской паремиологии в целом. Как показало рассмотрение паремиологического

материала – примет китайского и русского языков, связанных с Новым годом, для китайской лингвокультуры важное значение имеют атрибуты (фейерверк, парные полосы красной бумаги, осколки посуды). Несмотря на наличие в русской культуре новогодней ёлки как главного атрибута Нового года, в русской паремиологии отсутствуют приметы, связанные с этим. В русской лингвокультуре Новый год отождествляется с желанием благополучия, которое достигается при хорошем урожае, на этом основании можно говорить о связи благополучия в жизни и получения хорошего урожая. Анализ проанализированных примет, связанных с празднованием Нового года, способствует знакомству с лингвокультурой того или иного народа.

Литература

1. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 265–284. – DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.

2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры : монография. – М. : Ленанд, 2019.

3. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – Ч. 1. – С. 78–86.

4. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. – 2016. – № 3. – С. 119–128.

5. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения : колл. монография / науч. ред. проф. Т. Г. Никитина. – Псков : ПГПУ, 2008. – 256 с.

6. Сахаров И. П. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым / сост. С. Д. Ошевский, предисл. Г. П. Присенко. – Тула : Приок. кн. изд-во, 2000. – 480 с.

7. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы : монография. – Белгород : Белгородская областная типография, 2008. – 222 с.

Словари и справочники

ППРН Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М. : Сюита, 1996. – 544 с.

СС 陈勤建. 中国风俗小辞典[M].

上海辞书出版社, 2008. (Чэнь Циньцзянь. Китайский словарь обычаев и традиций / под ред. Чэнь Циньцзянь. – Шанхай : Шанхайское Народное Издательство, 2008). – 620 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БЕДНОСТИ И БОГАТСТВЕ В ИРАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
НА ФОНЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

Работа посвящена рассмотрению персидских паремий о богатстве и бедности с лингвокультурологических позиций как стереотипов народного сознания. В качестве материала исследования выступают персидские паремии, которым дан русский перевод. Сделан вывод о ценностных установках иранского народа.

Ключевые слова: персидские паремии, богатство, бедность, система ценностей, лингвокультура.

E. Jamali

IDEA OF POVERTY AND WEALTH IN IRANIAN LINGUISTIC CULTURE AGAINST
THE BACKGROUND OF RUSSIAN PAREMIAS

The work is devoted to the consideration of Persian paremiias about wealth and poverty from linguistic and cultural perspectives as stereotypes of the national consciousness. The research material is Persian paremiias, which are given russian translation. The conclusion is made about the value attitudes of the Iranian people.

Ключевые слова: персидские паремии, богатство, бедность, система ценностей, лингвокультура.

Человек может понять мир и самого себя благодаря языку, в котором закреплён общественно-политический, морально-этический опыт народа. По мнению современных исследователей, «наиболее яркими единицами, в которых запечатлен опыт народа, его социально-эстетические, морально-этические, художественные и духовные идеалы, особенности мировоззрения и мировосприятия, являются паремии» [3, с. 3].

Паремиологический фонд языка, включающий пословицы, приметы, загадки, присловья, представляет набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, несёт информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира. Реконструкция паремиологической картины мира, проведённая различными способами, поможет воспроизвести лингвокультурологическую информацию, показав менталитет народа и представив его ценностные ориентиры [2, с. 79].

Интерес лингвокультурологов определяется стремлением к осмыслению явления культуры как специфического вида реальности народа и общества в мире, соотносённости понятий язык и культура. Пословицы можно считать лингвокультурологическими единицами, то есть единицами, во внутренней форме которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества [1].

Данная работа посвящена рассмотрению персидских паремий о богатстве и бедности с лингвокультурологических позиций как стереотипов народного сознания. Предметом исследования являются персидские паремии, представленные в лексикографических источниках (Голева Г. С. «Фарси-русский фразеологический словарь»; Короглы Х. «Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова»; Амини Амир Голи «Словарь персидских пословиц и поговорок с объяснением их значений»; Деххода Али Акбар «Персидские пословицы и поговорки»).

Рассмотрим обозначения *богатый – бедный*, представленные в персидской лексикографии. Для

обозначения человека, который имеет много материальных преимуществ, используют разные слова, например: перс. *تاجر، توانگر، دولتمند، غنى، مالدار، متعین* – рус. торговец, мощный, богатый, сильный, сытый, не нуждающийся, богач, миллионер [здесь и далее перевод наш]. Бедный, с другой стороны, обозначается такими словами, как (перс. *بضاعت، بی نوا، تنگدست، تهی دست، بربخت، بیچاره* – рус. небогатый, бедный, нищий, неимущий, бедняк, нуждающийся, неудачник, безденежье, несчастный, голый, голодный, дервиш, беззаботный, беспечный).

Как известно, понятия *богатство – бедность* представляют собой антонимы, что отчётливо проявляется в персидских паремиях, в которых отмечено противостояние богатых и бедных людей с различных морально-этических сторон.

Приведем пословицы, дающие в общем смысле представление об оппозиции *бедность – богатство*, в частности о противостоянии богатых и бедных людей в персидской лингвокультуре: перс. *هر که زر دارد همه چیز دارد و هر که زر ندارد هیچ چیز ندارد* – букв. *У кого есть золото – есть всё, у кого нет золота – нет ничего*; перс. *آدم گرسنه خواب نان سنگک میبیند و کباب بازار* – букв. *Голодному не снится, всё хлеб снится; бедняк видит кباب*; перс. *کباب، بی پول ها به بوی کباب کباب، ا کتو بے دےنه – تکتو دیم اکتو کبابا*.

Итак, концептуальное поле «богатство» в значительной степени включает в себя представления о материальных и нематериальных благах. Ассоциации с материальной сферой видятся достаточно предсказуемыми. Они вполне соответствуют реалиям современного мира и толкованиям персидских словарей.

В иранском народном сознании на уровне лексики установлено, что люди, имеющие высокое положение в обществе, представляются богатыми. Например: (перс. *ملکه* – рус. королева); (перс. *شاهزاده* – рус. принц); (перс. *شاه* – рус. царь, шах) и др., а люди рабочих профессий обычно являются бедняками. Такая тенденция часто встречается в фольклорных

текстах и произведениях художественной литературы. Бедность означает потерю или дефицит, а бедным считают того, у кого расходы выше доходов, следовательно, этот человек не может обеспечить себя и свою семью: перс. *در جیبش را تار عنکبوت گرفته است*; перс. *ته جیبش از آینه عروس پاکتر است* – рус. *Нет ни гроша в кармане* (букв. Карман чище зеркала невесты); перс. *شپش ته* (букв. *Его вошь зовётся Маниже-ханом* (значит: всё принадлежащее себе он ценит слишком высоко); перс. *زیر اندازش* – рус. *Гол как сокол* (букв. Земля его подстилка, а небо – одеяло).

Коллективный портрет богатства и богатого человека, бедности и бедного человека в иранской лингвокультуре совпадает с положительными и отрицательными характеристиками. По материальному положению богатый человек в паремиях характеризуется обеспеченностью, самостоятельностью, благополучием: перс. *پولدار روی سیبیل شاه نقاره می زند* – букв. *Богач бьет в литавры на шахских усах*; перс. *هر که را ز زر در ترازوست، زور در بازوست* – рус. *С богатым не тягайся* (или: *не тянись*).

Согласно народному представлению, богатство само по себе не является грехом; Бог дает силу, чтобы получить богатство. Честно приобретенное и использованное с умом может быть благословением для всех. Однако является вредным проклятием, если достигнуто иным образом.

Но среди иранцев наблюдается и другой подход, свидетельствующий о том, что приобретение крупного материального средства всегда совпадает с нарушением закона, игнорированием права других членов общества, обманом: перс. *تا خانه ای ویران نشود* – букв. *Пока дом не разрушится, новый не построят*; перс. *خانه ی ظالم به آه مظلوم برپاست* – букв. *Дом тирана возведён на стонах угнетённых* (то есть на зыбкой основе).

Люди по отношению к тем, кто оказался вдруг богатым, говорят: перс. *یا رب میباید که گدا معتبر شود* / *گر معتبر شود ز خدا بی خبر شود* – букв. *О боже, не допусти, чтобы у нищего появились деньги; если у него будут деньги, он перестанет почитать Бога*; перс. *او را بندگان خدا را بنده نیست* – букв. *Он уж не раб Божий!* (он заважничал, возомнил о себе); перс. *خدا خر را دید* – букв. *Бог увидел (узнал) осла и не дал ему рогов* – ср. *Бодливой корове Бог рог не даёт*; перс. *آن دو شاخ گاو اگر خر داشتی / یک شکم در آدمی نگذاشتی* – букв. *Имей осёл бычьих рогов – не осталось бы человека с нераспоротым животом*; перс. *گریه ی مسکین اگر پر داشتی / تخم گنجشک از زمین برداشتی* – букв. *Имей убогая кошка крылья – исчез бы с лица земли воробьиный род*; перс. *گر زر بیوشی و اگر اطلس بیوشی همان کنگر فروشی* – букв. *Оденься хоть в атлас и парчу – ты всё же продавец травы для осла*; перс. *گدا اگر همه ی عالم به او دهند گداست* – букв. *Нищий останется нищим, если даже отдашь ему весь мир* (привыкшему попросить трудного себя переломить); перс. *گدا را رو بدهی صاحبخانه می شود* – букв. *Избалуеть нищего, он останется хозяином в доме* (стяжатель позарится на всё добро своего благодетеля).

Иранскому обществу характерно милосердное отношение к бедным людям, поскольку концепт

«бедность» в иранской паремиологической картине мира очень часто сочетается со следующими понятиями: честность, правда, надежность и лояльность. Люди с низкими доходами и в то же время с высокими моральными ценностями вызывают у окружающих симпатию и уважение. По отношению к таким людям говорят: перс. *خدا رزاق است* – букв. *Бог поможет, проживёшь с Божьей помощью* (утешение на жалобы бедняка); перс. *خدا یار مظلومان است* – букв. *Бог – друг обездоленных*; перс. *کس بی کسان خداست* – букв. *Одиноким человек – сам себе хозяин*; перс. *خدا چاره ساز است* – букв. *Бог избавляет от бед*; перс. *خدا کریم است* – букв. *Бог милостив* (ободряющая реплика: *надейся, задуманное осуществится*); перс. *خدا گر ز حکمت ببند دری، ز رحمت گشاید در دیگری* – букв. *Если Бог закроет из мудрости одну дверь, то из милосердия он распахнёт другую*; перс. *مفلس در امان خداست* – рус. *С голого как со святого*.

Итак, проанализированный материал показал, что крайние позиции дихотомии «богатство – бедность» – роскошь и нищета – оцениваются в иранской лингвокультуре негативно. Честную бедность иранский народ воспринимает лояльно и относится к такой ситуации с пониманием. Самостоятельно заработанное богатство, часть из которого идет на пользу общества, считается с этической точки зрения вполне приемлемым и вызывает уважение.

Таким образом, изучение основных культурно значимых концептуальных полей помогает понять масштаб ценностей и установок народов. Богатство и бедность с лингвистической и лингвокультурологической точек зрения интересны тем, что это концептуальное поле отражает отношение к материальным и духовным компонентам мира, передает систему ценностей людей.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. – М. : Флинта: Наука, 2018. – 360 с.
2. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – Ч. 1. – С. 78–86.
3. Паремология без границ: монография / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.

Словари

- ФРФС*: Голева Г. С. Фарси-русский фразеологический словарь. – М., 2000. – 554 с.
- III*: Короглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. – Изд. 2-е, доп. – М. : Наука, 1973. – 615 с.
- СПИ*: Амини Амир Голи. Словарь персидских пословиц и поговорок с объяснением их значений. – Тегеран: Али Акбар Элми, 1960. – 692 с. (*امیر قلی*)
 امینی، فرهنگ عوام یا تفسیر اصطلاحات و امثال فارسی، انتشارات مطبوعاتی علی اکبر علمی، تهران 1339.

ППШП: Деххода Али Акбар. Персидские поговорки и пословицы. В 4 т. – Тегеран : Амир Кабир, 2004 (علی اکبر دهخدا، فرهنگ امثال و حکم فارسی در 4 جلد، تهران، 1383).

ТСПИ: Моин М. Толковый словарь персидского языка. – Т. 4. – Тегеран: Намен, 2009. – 1450 с. (محمد معین، فرهنگ معین، انتشارات نامه، تهران، 1388).

УДК 811.11

М. М. Кондратенко

(Россия, Ярославль)

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ЮЖНОНЕМЕЦКИХ И СЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются семантические модели устойчивых выражений, содержащих зооним, в восточнофранконских немецких и некоторых славянских говорах; выявляется их этноязыковая специфика.

Ключевые слова: немецкая и славянская диалектология, этнолингвистика, фразеологические модели, зоонимы.

M. M. Kondratenko

COLLOCATIONS WITH THE COMPONENT-ZOONYM IN SOUTH GERMAN AND SLAVIC DIALECTS

The article deals with semantic models of collocations containing a zoonym in East Franconian German and some Slavic dialects; their ethno-linguistic specificity is revealed.

Keywords: German and Slavic dialectology, ethnolinguistics, phraseological models, animalisms.

Изучение устойчивых выражений с компонентом-зоонимом представляет собой сложившуюся, традиционную область исследований. Однако некоторые аспекты ее проблематики оставляют до сих пор нерешенные вопросы. Таковыми являются вопросы о символической, или культурной, семантике компонентов фразеологизма, а также о семантических моделях в разных, зачастую достаточно удаленных генетически языках. Специфика фразеологического значения, как уже констатировалось в лингвистических штудиях, заключается в его тяготении не к номинации, а к выражению коннотативных оттенков, поскольку семантика устойчивых выражений может быть манифестирована иными языковыми средствами. В сфере коннотации особый интерес вызывает ее этнокультурная специфика, проявляющаяся в использовании особых языковых кодов, в том числе зоологического кода. Находит ли символическое значение устойчивого выражения эквивалент во фразеологии говоров иного языка? В настоящей статье корпус устойчивых выражений языка рассматривается как его фразематика (вслед за позицией, которой придерживается В. Хлебда), включающая не только идиомы, но и пословицы, поговорки (цит. по [1, с. 246]).

В качестве объекта исследования выбраны фраземы одного из южнонемецких диалектов – восточнофранконского, распространенного на территории северной части Баварии. Как показало исследование, устойчивые выражения, характерные для говоров Франконии, содержат в своем составе немало зоонимов, придающих особый коннотативный оттенок всей языковой единице. Чтобы определить, является ли эта коннотация этноспецифической, был предпринят поиск эквивалентов на славянском материале. В дальнейшем предстоит определить, представляют ли со-

бой семантические совпадения генетическое, типологическое или заимствованное явление.

В сопоставительной славяно-германской фразеологии существует ряд особых проблем. Одна из них заключается в том, что нередко славянским устойчивым сочетаниям в традиционном понимании их структуры соответствуют немецкие композиты, не попадающие формально под определение ФЕ, но тождественные им семантически (*kühwütighummeldumm* (глупый как корова) – ‘в высшей степени глупый человек’; *Mond-Kaiwe* (лунный теленок) – ‘мечтательный человек’; *Kuenoocht* (коровья ночь) – ‘глубокие сумерки’, *Kuahdorf* (коровья деревня) – ‘маленькая деревня’ (здесь и далее восточнофранконский материал приводится по данным картотеки «Словаря Восточной Франконии» («Ostfränkisches Wörterbuch»), находящейся в отделе «Атлас Восточной Франконии» университета Эрланген-Нюрнберг, Германия, по состоянию на 2015 г.; в списке источников [WBF]; у диалектных южнонемецких устойчивых словосочетаний дается буквальный перевод на русский язык и – в случае необходимости – на литературный немецкий).

Особенностью восточнофранконской фразематики является уподобление в рамках устойчивого словосочетания одного животного другому. Подобное совмещение образов животных наблюдается в следующих выражениях: *aalglatt wie Frosch* (скользящий / гладкий подобно угрю, как лягушка) – ‘о бесчувственном человеке’; *a kuhäugedte Gons* (гусыня с коровьими глазами) – ‘женщина с большими глазами’; *döi is websi wöi a Bremm* (die ist wespig wie eine Bremse – она нетерпелива как овод) – ‘она очень нетерпелива’, в последнем примере необходимо учитывать, что оборот *döi is websi* (die ist wespig – она как оса) уже передает значение ‘она нетерпелива’.

Одним из самых частотных зоонимов в составе восточнофранконских фразем являются *корова*

и вол. Для носителей этих говоров данные животные являются символами оппозиции мужское / женское в различных аспектах ее проявления. Применительно к хозяйственной деятельности наблюдаются следующие антиномии: *die besdi Khüa käffd mer im Schda ll* (die besten Kühe kauft man im Stall – лучших коров покупают в хлеву) – ‘лучших невест выбирают по их работе’ и белор. *не выбірай жонку не на ігрышчы, а на іржышчы, не выбірай дзеуку у карагодзе, а у агародзе*, где манифестация того же значения осуществляется без использования зоонима [СБП, с. 261]. Труд мужчины и женщины также оценивается различно в народной фразематике: *a Kuh is kee Ochs* (корова – не бык) – ‘женщина в тяжелой работе не может сделать то же, что и мужчина’; в белорусских говорах *як быка ні кармі, малака не дасць* [ТСП, с. 639]; *гора табе, воле, калі цябе карова коле* [СБП, с. 259] *карова целица, а ў быка зад баліць* [СБП, с. 287].

Корова, кроме того, выступает в качестве символа богатства, достатка, а ее отсутствие – бедности: *hod mer erstemol en Schdall su kriegt mer oach noch eh Kuh* (есть хлев, будет и корова), *dei ham die letzte Kuh verkauft* (он продал последнюю корову) – ‘о закрытии предприятия’, *прапала кароўка, прападай і вяроўка* [СБП, с. 287]; *bei dem seiner Kuh kann me de Kapp an de Rippe hänge* (у его коровы можно шапку на ребра повесить) – ‘о бедном хозяйстве’; *адну карову мае і тую за хвост падымае, карова на дварэ, дык і харч на стале* в белорусских говорах [СБП, с. 287]; *melkn wi a Kuah* (доить как корову) – ‘вытаскивать из кого-то деньги’, аналогично – *дойная корова*.

В восточнофранконских говорах *корова* имеет также ряд других символических значений, например интеллектуальной ограниченности: *wos was a Kuh ven Sunntouch* (что корова знает о воскресенье) – ‘ничего не понимать’, *sie stiert wie a Kälbla* (установилась как теленок) – ‘она смотрит глупо’, *dümmer wie die Kūh in Russland* (глупый как корова – в России) – ‘очень глупый’. Для манифестации ограниченного ума может также использоваться образ курицы: *der hot a Gedächtnis wie a Henna* – ‘у него память как у наседки/курицы’, и болг. *имама кокоши ум* [ФРБЕ, т. 2, с. 631], белор. *скажы курыцы, дык яна па ўсеі вуліцы* [СБП, с. 326].

Распространенным зоонимом в составе фразем самых разных языков является *козел*. Одно из общих значений (наряду с манифестацией маскулинности, равенства) – ‘то, чего нельзя делать ни в коем случае’: *den Bock zum Gärtner machen* в восточнофранконских говорах и *воўк не настух, казёл не агароднік* в белорусских [ТСП, с. 643]. Однако в немецком варианте оборот *är machd den Bock zum Gärtner* (он делает козла садовником) имеет еще одно значение – ‘он ничего не может’. Стоит отметить также использование этого зоонима во Франконии для выражения примет народного календаря: *Wenn die Nonnen schmachten in den Klostern, dann ist Ostern. Wenn die alten Böcke höher springen als die jüngsten, dann ist Pfingsten* (когда монахини следуют

в монастырь – это Пасха. Когда старые козлы прыгают выше молодых – это Троица).

Среди наименований *козы* зафиксированы ее номинации на основе социальных или этнических маркеров: на немецком материале это *Ormaleit-Kuh* (корова бедных людей); на славянском – что-то инородное: рус. *жидовская корова*, пол. *żydowskie bydło, żydowskie zwierzę*, в Белоруссии разведение *жидовского статку* – признак нанесения ущерба овцам [СД, т. 2, с. 524].

Обозначения *слона* используются в восточнофранконских говорах, как и в славянских, для обозначения преувеличения, несопоставимости понятий абсолютно разного масштаба: *as anner Laus an Elefanten machen, mach net aus ana Muckn an Elefantn* (делать слона из вши, из мухи), *des is a Unterschied wi a Laus und a Elefant* (разница как между вошью и слоном); в болгарском языке *правя от бълхата слон, правя от мравката слон, правя от мухата слон* (делать слона из блохи, муравья, мухи) [ФРБЕ, т. 2, с. 734].

Наименования *поросенка* встречаются в таком обороте, как *wie de Sau grunzt su grunze oach ihr Ferkel* (как хрюкает свинья, так хрюкает и поросенок). Наиболее распространенная семантическая модель с использованием этого зоонима – обозначение предпочтений к своему в противопоставлении чужому:

jede Sau nennt ihr Ferkel oam Schönste (каждая свинья называет своего поросенка самым прекрасным), на славянском материале эта модель также представлена, но обычно с использованием других зоонимов, например *кожны кулік сваё балота хвалиць* [СБП, с. 289]. Обратное отношение к своему потомству зафиксировано в белорусском примере *свінні не да парасят, калі яе смяляць* [СБП, с. 310].

Одним из зоонимов, используемых в восточнофранконской фразематике, является наименование *обезьяны* – *Affe*. Оно служит характеристикой состояния опьянения человека: ‘тяжелое опьянение’ *der hout an Affn* (der hat einen Affen – у него обезьяна) или ‘легкое опьянение’ *däia ha'ut an kloin Affn* (der hat einen kleinen Affen – у него маленькая обезьяна). Однако зафиксирован оборот *mich laust der Aff* со значением ‘когда кто-то сознательно рассказывает неправду’. Определенное соответствие, а именно связь обезьяны с игровым поведением, обманом, проявляется в болгарских выражениях *разигравам като маймуна* [ФРБЕ, т. 2, с. 243] – ‘дразнить, провоцировать к действиям, не давая возможности их выполнить’; *искам с трици маймуни да ловя* – ‘стараться достичь результата, ничего не давая взамен, не расходуя средств’ [ФРБЕ, т. 1, с. 460].

Распространенным зоонимом, используемым в восточнофранконских говорах, является обозначение *мухи*. Наряду с метафорой для мужчин, привлекаемых женщиной *auf der hocken sie wie die Fliegen* (на нее они как мухи садятся) – ‘о женщине, привлекающей мужчин’ и *като мухи на мед* в болгарском [ФРБЕ, т. 2, с. 657], заслуживает внимания семантическая параллель, в рамках которой муха предстает как жалящее, кусающее существо: *die kleinste Flieche hawwe de größte Schdachel* (у самой маленькой мухи самое большое жало) и белор. *няма злей асенняй*

мухи і дзеўкі-векавухі [СБП, с. 248]. Интересна и социальная коннотация в выражении *je fetter die Fliege(n), je magerer der Hund* (чем жирнее мухи, тем худее собаки).

Зооним *собака* может использоваться и в немецких, и славянских говорах для обозначения некоей силы, преследующей боязливых, безынициативных людей: *den Letzten beißen die Hunde* (последнего кусают собаки) – ‘нельзя быть последним’ и белор. *на смелага сабакі брэшуць, а баязлівага рвуць* [СБП, с. 253].

Фраземы с компонентом-зоонимом составляют важную часть народной фразематики. Некоторые из них обладают этноспецифическим характером, например восточнофранконские *dää hot Häring gessn* (он съел селедку) – ‘о человеке с интенсивной растительностью на лице’, *von jedm Dorf an Hund* (из каждой деревни собака) – ‘иметь в карточной игре все масти’. Большая часть подобных фразем обладает параллелями в славянских языках, отличаюсь особенностями коннотативного значения.

УДК 811.161.1; 81'37

Литература

1. Турпа А. Wariantywność frazematyki w gwarach polskich // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*. – *Studia Linguistica* 14 (2019). – S. 246–257.

Словари и справочники

СД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под редакцией Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 2. – М. : Международные отношения, 1999.

СБП: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Слоўнік беларускіх прыказак: Даведнік. – Минск : БелЭн, 1996.

ТСП: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. – Гродна : ГрДУ, 2011.

ФРБЕ: Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. В 2 т. – София : Издателство на Българската академия на науките, 1974–1975.

WBF: Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften, „Ostfränkisches Wörterbuch“. Fürth, 2015 <https://lexhelfer.wbf.badw.de>.

Е. В. Недельчо

(Россия, Кострома)

ЗООНИМЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОСЛОВИЦАХ НАРОДОВ КАВКАЗА

В статье рассматриваются русские пословицы и пословицы народов Кавказа с компонентами-зоонимами, выявляются особенности их семантики, функционирования и системные связи.

Ключевые слова: паремия, пословица, паремиологическое значение, компоненты-зоонимы и орнитонимы, компонентный состав, образная основа.

E. V. Nedelcho

ZOONYMS IN RUSSIAN PROVERBS AND PROVERBS OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

The article examines Russian Proverbs and Proverbs of the peoples of the Caucasus with components-zoonyms, reveals the features of their semantics, functioning and system connections.

Keywords: *paremia, proverb, paremiological meaning, components-zoonyms and ornithonyms, component composition, figurative basis.*

Фонд паремиологических единиц того или иного языка представляет несомненный интерес для лингвокультурологии, так как позволяет выявить наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Сопоставительному анализу паремиологических единиц разных языков продолжает уделяться большое внимание, поскольку он помогает определить специфику заключённого в паремиях, рассматриваемых как результат коллективного опыта, синтез коллективного мышления, назидательного характера, здравый смысл и нравственные интересы народа.

Лексемы, организующие структуру паремий, относятся к разным тематическим группам. Эти лексемы могут иметь или не иметь соответствующие аналоги в другом языке и могут характеризоваться разной степенью представленности. Среди таких лексем можно отметить цветочные лексемы, количественные слова, флористические компоненты. Одну из наиболее распространённых по представленности групп образуют паремии с анималистическими ком-

понентами: зоонимами (наименованиями животных) и орнитонимами (наименованиями птиц). Эти лексемы относятся к наиболее древнему пласту лексики во всех языках мира. Стремясь охарактеризовать чувства, поведение, внешность человека, народ прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего.

Важнейшим аспектом в изучении паремий является анализ образности пословиц как ведущего смыслообразующего уровня их организации. Художественно-образный строй пословиц очень сложен, так как в сжатой, лаконичной форме представляет обобщённое, содержательно ёмкое утверждение. Малая форма паремий характеризуется наличием глубинной структуры, в которой скрыты элементы смысла (подтекст, многозначность, ироническая окраска). Следовательно, пословицы используют различные тропы, фигуры и их комбинации. Паремии рассчитаны, таким образом, на знание и понимание участниками коммуникации образности паремий.

Основными тропами в пословицах выступают метафора, метонимия и сравнение. В основе метафо-

ризации лежит внутренняя связь между предметами, явлениями природы и жизнью человека, его деятельностью, общественными отношениями. Чаще всего осуществляется перенос качеств и действий через анималистические образы. Во паремиологическом фонде разных языков часто встречаются единицы, использующие метафоры, связанные с повадками животных или птиц: *Каждая корова своего теленка лижет; Хоть конь на четырех ногах, и тот спотыкается; Наряд соколиный, а походка воронья.*

За большинством образов животных закреплены определённые характеристики, обладающие положительным или отрицательным коннотативным значением. Например, волк – хищный, лиса – хитрая, заяц – трусливый, осёл – упрямый, глупый, свинья – наглая, теленок – наивный: *Посади свинью за стол – она копыта на стол; Ласковый телёнок две матки сосет.* То же явление прослеживается и в использовании названий птиц и насекомых: сорока – разговорчивая, сова – мудрая, но неприветливая, сокол – быстрый, красивый, пчела – трудолюбивая, муха – надоедливая, оса – злая. Так, например, в пословицах народов Кавказа лев – символ мужества и смелости, козёл – глупости и невежества, комар – слабости и незначительности, змея – ума, мудрости, но и зла, предательства, овца – покорности, осёл – незначительности, глупости, непривлекательности, например: *Сражающийся под родным небо приобретает мужество льва – рутульская; Человека узнают не по бороде, а по уму: бороду и козёл имеет – абазинская; И комар иногда одолеет льва – абхазская; Лыстивое слово и змею из норы выведет – черкесская; Согреешь на груди змею, она ужалит грудь твою – балкарская; Покорную овцу трижды доят – даргинская; Если бы криком можно было бы что-нибудь сделать, осёл каждый день строил бы по семь домов – лакская.*

Данная особенность паремий позволяет выявить специфику мировоззрения отдельных народов, которое проявляется через смысловые коннотации определённых анималистических образов.

Паремии с компонентами-зоонимами и орнитонимами разнообразны по тематике: очень часто это пословицы о любви к родине и готовности постоять за неё, о дружбе, об отношении к труду, о воспитании, о любви родителей к своим детям, о благодарности и неблагодарности, о человеческих пороках – трусости, лести.

Образы-зоонимы и орнитонимы обладают разной частотностью употребления. Если образы *льва, змеи, коня, осла, собаки* и др. являются частотными в пословицах разных народов, то образы *тигра, утки, джейрана, верблюда, слона* являются нечастотными, почти единичными (*Не думай, что тихий лес пуст, там, может быть, скрывается тигр* – табасаранская; *Пусть весь мир в воде – о чём тужить утке* – кумыкская; *Детёныш утки уже в яйце знает воду* – табасаранская; *От быстрого бега осёл не станет джейраном* – лакская). В русских пословицах таких образов нет.

Зоонимы-компоненты устойчивых фраз имеют национальную специфику. В пословицах разных народов можно выявить зоонимы и орнитонимы,

которые характерны именно для пословиц того или иного народа и могут не употребляться в пословицах других народов. Так, например, в азербайджанских пословицах встречаются образы верблюда, осла, мула, барана, которые не характерны для пословиц русского языка: *Верблюда под ковром не спрячешь; Как бы ни был велик верблюд – всегда на поводу у осла; Барана вешают за баранью ногу, козла – за козлиную; Где барана нет, и коза сойдет за барана; Одна соломинка может верблюду спину натереть.*

Однако есть такие зоонимы, которые встречаются в пословицах и фразеологизмах разных языков, и характеристики, которые закреплены за ними, одинаковы (*волк, лиса, собака, сокол, ворона, свинья, лошадь, конь* и др.): *Волк в пастухи не годится; Сокол в отлёте – ворона в почёте; Не всякий, кто лает, – собака, не всякий, кто говорит, – человек* (это азербайджанские пословицы); *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; Вороны везде черные; Брови черные – соболиные, очи ясные – соколиные* (русские).

Так, одним из самых распространённых образов в пословицах разных народов является зооним *свинья*. Например, русской пословице *Свинье на небо не глядеть* соответствует армянская *Свинья звёзд не видит*. В данных паремиях используется один и тот же зооним *свинья*. При неполной тождественности грамматической структуры пословицы характеризуются синтаксическим параллелизмом. Субстантивные компоненты этих пословиц (*звезды – небо*) входят в одну тематическую группу и характеризуются ассоциативной связью, олицетворяя что-то высокое, светлое, недоступное. Связь паремий усиливается глагольными компонентами-синонимами *не видеть – не глядеть*. Общее значение формирует контекстуальная антитеза *свинья – небо, звезды*. Зооним *свинья* характеризуется негативной коннотацией, обозначая тупость, наглость, невежество. Таким образом, зооним имеет характеризующую функцию. Зооним *свинья* вступает в противоречие с компонентами *небо – звёзды*, что позволяет выявить следующее паремиологическое значение: ‘человеку низкому недоступны и неведомы высокие помыслы’. И, следовательно, эти примеры можно охарактеризовать как межъязыковые синонимы.

Многие пословицы, и русские, и кавказские, построены на сравнении, например: *Без брата брат, что сокол без крыла* (чеченская). Очень часто такое сравнение содержит сему ущербности, что выявляет особую значимость для народа предмета, явления, названного в первой части паремии. Однако гораздо чаще компоненты-зоонимы вступают в противопоставление: *Гусь свинье не товарищ* (русская пословица); *Орёл мух не ловит; Слон осла не заменит; Филином сокола не заменить* (азербайджанские пословицы). Эти образы, как мы понимаем, заключают в себе ярко выраженные или положительные, или отрицательные оценки.

На антитезе построены многие пословичные контексты, как двухчастные, так и одночастные: *Дружных шкура ягнёнка укрывает, а недружных и бычья не прикроет* (абазинская); *Между волком и козой дружбы не бывает* (лакская).

- Анализируя пословицы народов Кавказа с антонимично представленными зоокомпонентами, можно выявить ряд устойчивых пар зоонимов и орнитонимов:
- орёл – ворон / ворона (*Если во главе стаи птиц орёл, то полёт их если во главе стаи к падали* – кабардинская);
 - лев – лиса (*Лев и одряхлев, не станет лисой* – аварская);
 - пёс / собака – волк (*Хромает пёс недолго: пока не замечает волка* – кабардинская, *От того, что волку отрежешь хвост, он собакой не станет* – лезгинская);
 - конь – осёл: (*Если падать, то лучше с коня, чем с осла* – грузинская, *Лучше свой осёл, чем чужой конь* – лезгинская);
 - осёл – мул: (*Как ни седлай черного осла, он все равно мулом не станет* – азербайджанская);
 - комар – лев (*И комар иногда одолеет льва* – абхазская);
 - волк – коза (*Между волком и козой дружбы не бывает* – лакская);
 - ягнёнок – бык (*Дружных шкура ягнёнка укрывает, а недружных и бычья не прикроет* – абазинская);
 - буйволица – курица (*Когда буйволица отелится, никто не знает, но когда курица яйцо снесет – сотня соседей слышит* – татская);
 - змея – дракон (*Змею нужно убить, пока она ещё не превратилась в дракона* – лакская) и др.

Интересно, что антитеза может быть представлена и имплицитно: *Хоть и оседлай осла, он всё равно останется ослом*. Она соотносится с антитезой *конь – осёл* в пословице *Если падать, то лучше с коня, чем с осла*. В паремиях отразилось отношение народа к коню. Данный анималистический образ, безусловно, имеет положительную оценочность, олицетворяя статность, красоту, изящность, благородство.

Пословицам свойственно представлять через определённый зооним стереотипное поведение человека, его типологический характер, утверждая невозможность его изменения. Таким образом, можно выделить целый ряд пословиц разных народов, содержащих одну и ту же мысль о невозможности исправить сущность человека. В структуре этих пословиц активно употребляются зоокомпоненты. Среди русских контекстов с этим значением можно назвать следующие: *Волк и каждый год линяет, а всё шерсть бывает*; *Чёрного кобеля не отмоешь добела*; *Хоть с мылом мой ворону, всё равно не станет белой*. Пословицы народов Кавказа, имеющие это же значение: *Хоть и оседлай осла, он всё равно останется ослом*; *От того, что волку отрежешь хвост, он собакой не станет*; *Как ни седлай черного осла, он все равно мулом не станет*; *Змея может переменить кожу, но язык – никогда* и др. Паремнологическое значение русских паремий, как показывают примеры, часто подчёркивается цветовыми компонентами, которые представлены в пословицах народов Кавказа в гораздо меньшей степени.

С этой моделью семантически пересекается модель, по которой построены пословицы, утверждающие, что человек поступает в соответствии со свойственным ему определённым статусом, характе-

ром, положением, взглядами. Так, русской пословице *Лев мышью не давит* соответствует осетинская *Орёл мух не ловит*. Оба контекста построены на контекстуальных антонимах *лев – мышшь*, *орёл – муха*, первые компоненты символизируют кого-то важного и статного, степенного и благородного, а вторые – что-то низкое, мелкое, мелочное, ничтожное. Данные контексты можно рассматривать как синонимичные, характеризующиеся одинаковым значением, но разной образностью.

Если образы *льва* и *орла* являются близкими по своему значению, то есть синонимичными, то зоонимы *ворона* и *орёл* в паремииологии вступают в антонимические отношения: *Орёл с вороною не толкует* (русская), *Если во главе стаи птиц орёл, то полет птиц уподобляется полету орла; если во главе стаи ворон, то он приведет только к падали* (кабардинская). Противопоставленность рассматриваемых образов имеет архаичный характер, в мифологии разных народов данные птицы обозначали полярные понятия – светлые и тёмные силы. Таким образом, орёл символизирует что-то светлое, высокое, а ворона – что-то тёмное, низменное. В кабардинской паремии образуется ассоциативная связь орнитонима *ворон* и компонента *падаль* как символа упадка в обществе, разрушения социальной гармонии и благополучия.

Подобным значением также обладает другая русская пословица: *Белый лебедь серому гусю не товарищ*, в которой противопоставление между орнитонимами (*лебедь – гусь*) поддерживается цветовой антитезой (*белый – серый*). Лебедь традиционно считается птицей благородной, красивой, которая олицетворяет что-то высокое, чистое, светлое. Зооним *серый гусь* олицетворяет что-то обыденное, земное.

В некоторых контекстах зоонимы не олицетворяют какие-либо определённые качества, а обладают общей положительной или отрицательной коннотацией: Например, *лев* в аварской пословице *Лев и одряхлев не станет лисой* представляет в целом образ положительный, это сила, мужество, власть, благородство, справедливость, а лиса, напротив, – хитрость, изворотливость, лесть, обман, неблагородство. С возрастом, утверждает пословица, теряется здоровье, мощь, физическая сила, но не теряются сила духа, верность принципам, значение и уважение. Лезгинская пословица *Лучше свой осёл, чем чужой конь*, которая утверждает приоритет своего, тоже базируется на антитезе *осла* как общепризнательного образа и общеположительного – *коня*.

Сопоставительное исследование паремнологических единиц разных языков представляет интерес и является важным направлением в современной паремииологии, поскольку позволяет выявить специфику устойчивых фраз, проявляющуюся в компонентном составе и характере образной основы, и их национально-культурное своеобразие.

Пословицы разных народов, несмотря на различия в структуре и компонентном составе, образной основе, тем не менее, давая оценку людям и явлениям жизни, уча, как следует или не следует поступать, в целом похожи по тем ценностям, которые утверждают: это долг, любовь к своей стране, семья,

уважение к родителям, любовь к детям, понимание добра и зла, верность, правда, совесть, трудолюбие, дружба и товарищество.

Словари и справочники

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М. : Азбука, 2007.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1986.

3. *Пословицы горских народов Кавказа : сост. О. Шамба. – Сухум : Абхазский государственный университет, Общественный Фонд науки Абхазии, 2002.*

УДК 811.161.1

Н. Ю. Нелюбова

(Россия, Москва)

В. И. Ершов

(Россия, Москва)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ КАК ОСНОВА АНАЛИЗА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЭТНОСА

Статья посвящена исследованию ценностных ориентиров французов и русских на основе изучения названий и состава тематических групп пословиц в паремиологических словарях. Анализ, проведенный на примере ценностей труда и дружбы, показал, что оценочность во французских пословицах чаще выражается косвенными средствами и характеризуется меньшей степенью назидательности, чем в русских. Большая сконцентрированность человека на своих интересах во французских пословицах, обусловлена принадлежностью данных этносов к разным типам культур: французов – к индивидуалистской, а русских – к коллективистской.

Ключевые слова: французские пословицы, русские пословицы, паремиографические словари, оценочность, ценность, антиценность, тематическая классификация пословиц.

N. Yu. Nelyubova,

V. I. Ershov

THEMATIC CLASSIFICATIONS OF FRENCH AND RUSSIAN

The paper is devoted to the study of the values orientation of French and Russian people based on the study of the names and composition of thematic groups of Proverbs in paroemiological dictionaries. The research made on the example of such values as work and friendship has shown that the evaluation in French Proverbs is more often expressed by indirect means and is characterized by a lower degree of edification than in Russian Proverbs. The greater concentration of a person on their personal interests in French Proverbs is due to the belonging of these ethnic groups to different types of cultures: the French-to the individualist, and the Russian-to the collectivist.

Keywords: French Proverbs, Russian Proverbs, paroemiographic dictionaries, evaluation, value, anti-value, thematic classification of Proverbs.

Паремия, будучи свёрнутым текстом, обладает богатым познавательным потенциалом, содержит ценностные установки этноса, включает информацию об опыте предыдущих поколений. При наличии ряда универсальных черт эти единицы обладают национально-культурным своеобразием в каждом языке, «могут быть различными образные средства языка, лексическое наполнение паремий, что обусловлено различиями истории, традиций, уклада жизни, быта народов – носителей языка, вербализуемые установки культуры также могут отличаться» [2, с. 19]. Исследование языков в сопоставительном аспекте в ракурсе антропоцентрической парадигмы предполагает изучение отражения в них базовых ценностей соответствующих этносов с точки зрения выявления общего и особенного. «Сравнительно-сопоставительная лингвистическая аксиология ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в „кресте реальности“» [3, с. 305].

Поскольку классификация ценностей непосредственно связана с их тематической отнесенностью [10, с. 98], показательными являются названия и состав тематических рубрик в паремиологических словарях. Подобные аксиологические исследования на материале ряда языков наиболее подробно и основательно представлены в трудах Л.Б. Савенковой [11] и Е. В. Ничипорчик [8, 9]. Предложенная нами методика была частично изложена и использована ранее в процессе анализа русского, французского и английского паремиографического материала [5–7; 10]. На первом этапе исследования, в частности, французских и русских пословиц был осуществлен выбор аутентичных словарей [1; 4; 12; 13] по принципу наличия в них тематической классификации. Второй этап состоял в подсчете количества пословичных единиц в рамках каждой рубрики. Количественный показатель отражал в данном случае степень важности темы каждой рубрики, связанной с определенной ценностью или антиценностью. Расположение тем в порядке убывания количества пословиц позволило выстроить общую картину иерархии тем, а следовательно, и ценностей. Третий этап исследования предполагает

сравнительный анализ данных словарей каждого из исследуемых языков с последующим сопоставлением полученной картины в разных языках.

Наиболее информативным оказалось выявление одинаковых пословиц, отражающих определенные ценности, представленных как минимум в двух словарях для одного языка. Например, в результате сопоставления данных, репрезентирующих одну из самых важных ценностей для обеих лингвокультур – **труд**, во французских паремиологических словарях было обнаружено 43 одинаковых паремии, а в словарях русских пословиц – 110.

Важным является изучение соотношения пословиц, выражающих положительную и отрицательную оценку рассматриваемого явления. Так, и во французском, и в русском материале наблюдается в абсолютном большинстве случаев положительная оценка труда: *Il faut semer qui veut moissonner (Не посеешь – не пожнешь)*; *L'oisiveté est mère de tous les vices (Праздность – мать всех пороков)*; *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*; *Труд человека кормит, а лень портит и др.*

В анализируемых языках ценность труда выражается в ряде примеров через осуждение лени, праздности, которые рассматриваются как безусловная антиценность: *Лень хуже хвори*, причем прием антитезы как в пределах одной пословицы *Где работа, там и густо, а в ленивом доме – пусто*, так и разных единиц: *Мозолистые руки не знают скуки*; *Белые руки чужие труды любят* встречается преимущественно в русском языке. Более того, аксиологическая диада служит названием рубрики «Труд и безделье» в словаре «Народная мудрость» [4, с. 361]. Прямому выражению оценки способствуют аксиологические «координаты», а именно, слова *хороший, добрый, лучшие, лучший, плохой, плохо, худший, хуже* [8, с. 238]: *Добрый повар стоит доктора*; *Von ouvrier ne viendra jamais tard à son travail (Хороший работник на работу никогда не опоздает)*. Во французском материале прямая оценка, как и назидательность в целом, проявляется в меньшей степени.

Ценность **дружба**, также представляющая важность для носителей обоих языков, нашла отражение в 12 пословицах, общих для двух французских источников, и в 75 одинаковых единицах, встретившихся в двух русских словарях. Названия рубрик и подрубрик о дружбе обозначены во всех четырех словарях либо в виде диады: «Amitié / inimitié / Дружба / вражда» [12], «Дружба и вражда» [4, с. 235], либо как подрубрика «L'inimitié, l'ennemi / Вражда, враг» [11, р. 105], либо название подрубрики подразумевает дуальность «Дружба дружбе рознь» [1, с. 319], хотя основная рубрика о дружбе в словаре В. И. Зиминой называется пословицей: «Дерево держится корнями, а человек – друзьями», из чего следует однозначно положительное отношение к дружбе. Наличие диад в названиях рубрик может свидетельствовать не только о том, что вражда и враги представляют несомненную область антиценностей (через упоминание этих понятий, противоположных дружбе и друзьям, подчеркивается ценность крепкой дружбы), но и о двойственном отно-

шении к дружбе, в которой нередко есть место для предательства и глупости: *Rien n'est si dangereux qu'un ignorant (indiscret) ami, mieux vaudrait un sage ennemi (Глупый друг опаснее врага)*; *Сказал другу, а пошло по кругу*; *Лучше честный враг, чем коварный друг*. В подобной ситуации умный враг ценится выше, чем неверный или недалекий друг: враг заставляет сохранять бдительность. Во французском материале выявляется большая, по сравнению с русским, дистанцированность и несколько меньшая требовательность по отношению к друзьям и более терпимое и в то же время ироничное отношение к их особенностям: *Si ton ami est borgne, regarde-le de profil (Если ваш друг одноглазый, посмотрите на него в профиль)* – существует даже французская короткометражная комедия, в качестве названия которой использована данная пословица. Возможно, этот факт объясняется принадлежностью французов к индивидуалистскому, а русских – к коллективистскому типу культур.

Следует отметить, что французские пословицы более древнего происхождения отражают скорее прагматические преимущества дружбы (деньги, услуги). В более поздних единицах оценка дружбы более возвышенна. В целом дружба во французском паремиологическом фонде предстает как одна из важнейших ценностей [11, р. 104]: *Mieux vaut prochain ami que lointain parent (Близкий друг лучше дальнего родственника)*.

В нашей картотеке 27 % русских пословиц содержат однозначно положительную оценку дружбы, особенно надежной: *Хороший друг лучше плохой родни*; *Человек без друзей – что дерево без корней*; *Верному другу цены нет*. В основном и во французских, и в русских пословицах представлено описание различных жизненных ситуаций, связанных с дружбой, даются советы или предупреждения: *Les petits présents entretiennent l'amitié (Малые дары дружбу укрепляют)*; *Qui cesse d'être ami ne l'a jamais été (Друг до поры – тот же недруг)*; *Ami de tous, ami de personne (Кто дружен со всеми – тот никому не друг)*; *Верному другу жертвуй всем, кроме чести*; *Дружба дружбой, а деньгам – счет*; *Дружба дружбой, а служба службой*; *Друзья познаются в беде*.

Как во французских, так и в русских пословицах о дружбе выявлено большое количество аксиологических координат, что видно из примеров, приведенных выше. То же самое можно сказать и о наличии антитезы, выражающей ценностные отношения.

Исследование французского и русского пословичного материала, выбранного из четырех словарей, проведенное в рамках сравнительно-сопоставительной лингвоаксиологии на примере двух ценностей **труд** и **дружба**, позволили прийти к следующим выводам. Почти все пословичные единицы несут положительную оценку труда, а диада «труд – безделье» представляет собой классический пример ценности и антиценности в языковом сознании обоих этносов. Пословицы на тему дружбы выявляют совершенно иную картину: безусловную ценность представляют верные друзья, которые могут стать ближе родственникам, дружба с которыми важнее денег, а умный враг может рассматриваться в качестве стимула к росту и развитию.

Следовательно, диада «дружба – вражда» отражает скорее диалектическое взаимодействие данных крайностей, чем пару «ценность – антиценность».

Положительная оценка труда, которая во французском материале выражена чаще косвенными средствами и характеризуется меньшей степенью назидательности, чем в русском, как и большая степень сконцентрированности человека на своих интересах и соблюдение дистанции в дружбе во французских пословицах, могут объясняться традиционной принадлежностью данных этносов к разным типам культур: француз – преимущественно к индивидуалистской, а русских – к коллективистской.

Литература

1. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – 736 с.
2. Зиновьева Е. И., Пи Цзянькунь. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 1(7). – С. 18–24.
3. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – № 4(54). – С. 303–317.
4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 416 с.
5. Нелюбова Н. Ю. Иерархическая структура ценностей носителей французского и русского языков: национальное и интернациональное // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей / редкол.: Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 95–98.
6. Нелюбова Н. Ю. Проблема выявления ценностных ориентиров этноса на основе изучения их языковой репрезентации средствами паремиологии (на материале французского и русского языков) // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22–23 октября 2019 г. – М. : РУДН, 2019. – С. 154–161.
7. Нелюбова Н. Ю., Чертилин О. В., Ершов В. И. Общие и уникальные черты в тематике французских, русских и английских пословиц как отражение ценностных ориентиров // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.): тр. и матер. : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. – Т.2. – С. 194–198.
8. Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
9. Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Минск, 2016. – 56 с.
10. Паремиология без границ : монография / коллектив авторов; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
11. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.
12. Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. – P. : Le Robert, 2010. – 759 p.
13. URL: <http://www.linternaute.fr/proverbe/ theme>.

Е. Р. Ратушная

(Россия, Курган)

С. Г. Москвичева

(Россия, Курган)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ*,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА,
В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена исследованию фразеологизмов с компонентом «сердце» в русском и таджикском языках. Проведенный семантический сопоставительный анализ позволил выявить разнообразные тематические группы, отражающие широкий спектр эмоционально-психических состояний человека, раскрыть универсальные и национально-специфические свойства данной фразеологической группы.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, лингвокультура, семантика, национальная специфика, эмоционально-психическое состояние.

E. R. Ratushnaya

S. G. Moskvicheva

**NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGISTS WITH THE *HEART* COMPONENT,
DESIGNING THE EMOTIONAL-MENTAL STATE OF A HUMAN,
IN RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES**

The article is devoted to the study of phraseological units with the “heart” component in the Russian and Tajik languages. The carried out semantic comparative analysis made it possible to identify a variety of thematic groups that reflect a wide range of emotional and mental states of a person, to reveal the universal and nationally specific properties of this phraseological group.

Keywords: phraseological unit, component, linguistic culture, semantics, national specificity, emotional and mental state.

Фразеологизмы ярко и образно отражают специфическое мировоззрение и миропонимание народа, его культуру, исторические традиции. По мнению В. Н. Телия, «...фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 9]. Изучение фразеологизмов в разных языках позволяет обнаружить яркую национально-культурную специфику менталитета народа, раскрыть особенности его мироощущения.

В нашей статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом *сердце*, отражающие область чувств и эмоциональную сферу личности, переживания, которые сопровождают какие-либо жизненные ситуации. Сердце в лингвокультуре как русского, так и таджикского народа символизирует внутренний душевный мир человека, эмоциональные состояния, настроения и т. д. В составе фразеологизмов компонент *сердце* «...восходит к одной из древнейших форм осознания мира, для которой характерно анимистическое, т. е. одушевляющее, восприятие такой нематериальной сущности, как сердце. <...> Сердцу, как и душе, приписывается способность чувствовать – болеть, ныть, страдать, переживать и т. п.» [2, с. 633].

Фразеологизмы с компонентом *сердце* в русском и таджикском языках непосредственно связаны с наиболее значимыми морально-нравственными чувствами, эмоциями и переживаниями человека: любовь, симпатия, страдание, горе, интерес, волнение, радость, восхищение.

Как показал проведенный нами сопоставительный анализ, одной из наиболее многочисленных групп в обоих языках являются фразеологизмы, отражающие область любовных переживаний. В русском языке данную сферу представляют фразеологизмы *войти в сердце* – ‘стать глубоко любимым, вызвать чувство сильной любви, привязанности’; *находить дорогу к сердцу (кого, чьему)* – ‘вызывать чье-то расположение, привязанность, любовь’; *открывать сердце* – ‘признаваться в любви’; *покорять сердце* – ‘добиваться любви кого-либо, заставлять полюбить себя’ и другие.

В таджикском языке любовные переживания передаются фразеологическими единицами, имеющими национально специфичную образную основу: *быть снаружи сердца* – ‘быть ненужным в любовных отношениях’; *оторвать сердце от кого-то* – ‘разлюбить кого-либо’; *сердце кипит* – ‘быть взволнованным (от любви или от чего-то другого)’; *сердце привязать* – ‘испытывать очень сильное чувство любви, привязанности к кому-либо’; *иметь теплое сердце* – ‘испытывать чувство любви, расположения, симпатии к кому-либо’.

В таджикской лингвокультуре, как и в русской, чувство сильной любви часто ассоциируется с утратой, потерей своего сердца: *проиграть свое сердце* – ‘влюбиться в кого-то’; *отдать кому-то сердце* – ‘полюбить кого-либо’; *терять сердце* – ‘быть в восторге от кого-либо; полюбить очень сильно, неожиданно’.

Эмоциональное состояние сильной любви, страсти образно сравнивается с разбитым, поврежденным сердцем: *разбить сердце* – ‘обидеть (от любви; нет веры больше этому человеку)’; *иметь дырку в сердце* (в таджикском языке) – ‘страдать (от любви или от чего-то плохого)’.

Таджикский фразеологизм *жареное сердце* имеет национально специфичную внутреннюю форму, образно характеризуя состояние человека, измученного любовными переживаниями.

Фразеологизмы с компонентом *сердце* также могут передавать состояние беспокойства, страдания, душевной боли: *болеть сердцем (за кого-либо, за что-либо)* – эстрадать, беспокоиться, тревожиться; *сердце болит (кого-либо, чье-либо)* – ‘о человеке, который испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания’. Эмоционально-психическое состояние очень сильного, мучительного страдания выражается фразеологизмом *надрывать сердце*. В семантике фразеологизма *кошки скребут на сердце* содержатся дополнительные дифференциальные семы ‘грусть’, ‘тоска’.

Чувство сильного волнения, тревоги, беспокойства характеризуется фразеологизмом *брать за сердце* – ‘глубоко волновать, тревожить; вызывать шемящую тоску, боль’. Однако данный фразеологизм способен также выражать позитивные эмоции – радость, умиление и т. п. Состояние сильного волнения транслируется в русском языке с помощью фразеологизма *сердце горит*. В таджикском языке состояние огорчения передается фразеологизмом *остудить сердце*.

К сфере негативных эмоций относятся также гнев, раздражение, которые в русском языке передаются фразеологизмом *держать (иметь) сердце* – ‘сердиться, испытывать гнев, злость, обиду и т. п.’ В таджикском языке состояние внутреннего конфликта образно характеризуется фразеологизмом *съесть свое сердце* – ‘переживать внутренний конфликт, конфликт с самим собой’.

Фразеологизмы с компонентом *сердце* способны выражать позитивные эмоции, состояние радости, душевного покоя, облегчения: *сердце радуется, отлегло от сердца, отдыхать сердцем*.

В таджикском языке фразеологизмы с компонентом *сердце* могут передавать моральную поддержку, расположение к человеку: *поднять чье-то сердце* – ‘поддерживать кого-то в горе, неудаче; утешить, успокоить’;

взять чье-то сердце в свои руки – ‘расположить к себе кого-то (в любой ситуации: например, начальника расположить к себе)’.

Национально специфичными являются таджикские фразеологизмы *помыть сердце от кого-то* – ‘терять надежду на кого-либо’; *сузить сердце* – ‘растроиться; заставить волноваться’; *отвернуть сердце* – ‘отдалиться от кого-либо’; *помыть сердце от пыли* – ‘очистить сердце (от греха, переживаний, плохих поступков)’.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом *сердце* в русском и таджикском языках передают широкий спектр разнообразных чувств, переживаний, эмоций. В обоих лингвокультурах сердце образно олицетворяет внутренний мир человека, передает самые различные эмоционально-психические состояния человека. Фразеологизмы в данных языках могут иметь сходную образную основу, в то же время имеются и национально специфичные языковые единицы, отражающие особенности мировосприятия каждого народа.

Литература

1. БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

А. В. Савченко
(Тайвань, Тайбэй)

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЯЗЫКЕ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Статья посвящена анализу языка спортивного дискурса в аспекте неологизации фразеологической системы. Сфера спорта является благодатной почвой для возникновения новых идиом, имеющих разные стилистические оттенки и выполняющих различные прагматические функции. В то же время уже имеющиеся фразеологические единицы в некоторых контекстах могут приобретать новое, спортивное, значение. Исследование проводилось на материале тесно связанных русского и украинского языков, функционировавших в одном культурном пространстве (включая сферу спорта).

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, межъязыковая конвергенция, язык спортивной журналистики, спортивный дискурс, фразеология, идиомы, русско-украинская конвергенция языков

A. V. Savchenko

RUSSIAN AND UKRAINIAN PHRASEOLOGICAL PARALLELS IN THE LANGUAGE OF SPORTS JOURNALISM

The article is devoted to the analysis of the language of the sports discourse in the aspect of neologization of the phraseological systems. The sphere of sports provides a fertile field for the emergence of new idioms that have different stylistic and various pragmatic functions. Phraseological units in some contexts can acquire a new, sporting meaning. The study was carried out on the material of the closely related Russian and Ukrainian languages that functioned in the same cultural space (including the sphere of sports).

Keywords: Russian language, Ukrainian language, interlingual convergence, sports journalism language, sports discourse, phraseology, idioms, Russian-Ukrainian language convergence

Хорошо известно, что в языке находят свое отражение процессы, происходящие в обществе в определенный исторический период [1, 2]. Наиболее репрезентативным в этой связи представляется язык средств массовой информации [4].

Одним из ярких показательных с лингвистической точки зрения феноменов сегодня является сфера спорта. Язык спорта весьма специфичен: это и система спортивной терминологии, и «профессиональный язык» – жаргон спортсменов (и тех, кто профессионально связан с данной сферой: тренеров, судей и т. д.). Это также и язык болельщиков в самом широком смысле (включая фанатский сленг как язык особой субкультуры). Своеобразным связующим звеном между профессиональными спортсменами, различными спортивными специалистами и болельщиками является спортивная журналистика. Ее задача – не только информативное освещение различных спортивных мероприятий, но и по возможности более глубокое погружение читателя, слушателя, зрителя в атмосферу происходящего во время спортивного состязания.

В языке спортивной журналистики спорт со всей своей спецификой отражается в наиболее полной мере: от спортивной терминологии и профессионализмов (включая жаргонизмы) до фанатского сленга. Благодаря этому язык спортивной журналистики в последние десятилетия постоянно активно развивается – в языковой обиход, помимо общепринятой терминологической лексики, входит значительное число различных слов и выражений: новых понятий и терминов, специфических оборотов, которые используются в сфере спортивной коммуника-

ции, в профессиональном речевом обиходе. Многие такие выражения нередко становятся широкоупотребительными как в языке средств массовой информации, так и в повседневном общении. Таким образом, лексические и фразеологические единицы (ФЕ) спортивного дискурса являются одним из источников пополнения общего лексического состава языка и активно используются в других дискурсах (в первую очередь, в сфере политики, а также бизнеса, военной сфере, в живой разговорной речи и т. п.).

Роль спортивной журналистики сегодня также заключается в том, что во многом благодаря ей возникают новые понятия и сочетания, некоторые из которых имеют статус «полутермина», а в ряде случаев уже даже ставшие официальными терминами.

Именно фразеологизированная словесная пара нередко может становиться официальным термином или распространенным «полутермином», например: рус. *группа смерти* – укр. *група смерті* ('группа, где собрались приблизительно равные по силе команды-гранды'; ср. англ. *group of death*) и по той же модели образованные рус. *группа жизни* – укр. *група життя* ('группа, где есть один-два явных фаворита, которые без особого труда могут выиграть у заведомо более слабых соперников и пройти в следующий раунд турнира'), рус. *«золотой гол»* – укр. *золотий гол* ('победный гол, забитый в дополнительное время'; ср. англ. *golden goal*) или рус. *«мгновенная смерть»* – укр. *миттєва смерть* (ср. англ. *sudden death*) и др. Многие выражения по своему происхождению могут быть отнесены к сфере профессионального спортивного жаргона, но благодаря роли спортивных СМИ, широко использующих их в сво-

ем языке, они фактически стали общепринятыми выражениями, имеющими (полу)терминологический характер: рус. *сухой матч* (ср. англ. *clean sheet, shutout*) – укр. *сухий матч*. В числе таких фразеологизмов и фразеологизированных выражений (включая клише, частотные журналистские штампы), имеющих спортивный характер; нередко встречаются и фразеологизмы-жаргонизмы из речи профессиональных спортсменов, часто тиражирующиеся журналистами. В частности, в сфере спортивной журналистики получили широкое распространение образные разговорные слова, отражающие отдельные спортивные реалии и, как правило, выполняющие определенные стилистико-прагматические функции (например, выражение иронии, насмешки, сарказма). Нередко такие ФЕ употребляются для создания ярких образов, стилистических контрастов. Приведем несколько примеров: рус. *горчичник: показать / получить* и укр. *гірчичник: показати / отримати* (*горчичник* – ‘желтая карточка’), рус. *показать / указать на точку* – укр. *вказати (вказати) на точку* (‘назначить 11-метровый штрафной удар (пенальти)’), рус. *пробить с «точки»* – укр. *пробити з точки* (‘пробить пенальти’), рус. *деревянная медаль* – укр. *дерев’яна медаль* (иронично ‘медаль за четвертое (уже не призовое) место’), рус. *«мертвый» мяч* – укр. *«мертвий» м’яч* (‘неберущийся удар’). По схожей модели созданы выражения: рус. *мертвый игрок* – укр. *мертвий гравець* (‘плохо играющий игрок’), а также: рус. *одноногий игрок* – укр. *одноногий гравець* (‘футболист, умеющий хорошо бить только одной ногой’), а игрок, одинаково хорошо владеющий обеими ногами – рус. *двуногий игрок* и укр. *двоногий гравець*. Из разговорного обихода спортсменов командных игровых видов спорта (в первую очередь, хоккеистов) в язык вошло шутивно-ироничное выражение со значением ‘забросить много шайб, забить много голов (забросить много мячей) сопернику’: рус. *накидать полную кошелку / авоську*, где *кошелка* рус. – разг. плетеная сумка, корзина; *авоська* – разг. ‘хозяйственная сумка, сетка’); таким образом, метафорический образ выражения прозрачен: и кошелка, и авоська по внешнему виду напоминают сетку хоккейных ворот (а также в более широком смысле – футбольных ворот, баскетбольного кольца). В украинском – *накидати повну торбу / корзину* (укр. *торба* – ‘сумка’). Из русского в украинский пришло шутивное жаргонное выражение из обихода футболистов – рус. *играть в дыр-дыр* (‘1. тип упражнения: игра с мячом на тренировках, когда мяч нужно забить в маленькие по размеру ворота; 2. перен. игра в футбол для удовольствия, как правило на небольшие, часто самодельные ворота; 3. образн., экстр. О бестолковой, неинтересной игре, в которой больше суеты и мало технических действий игроков’) – укр. *грати в дир-дир*. Русскоязычную кальку в этом выражении выдает «русская» форма с гласным «и» (что соответствует русскому «ы»), хотя по правилам украинского языка должен быть «і»: русское «дыр-дыр» образовано от слова *дыра*, укр. *діра*.

Значительный пласт образной, стилистически маркированной лексики, используемой в языке спортивной журналистики, составляют перифразы и расхожие журналистские штампы применительно к спорту, оказывающиеся общими по метафорической и структурной фразеологическим моделям в русском и украинском языках. Сравним, к примеру, наиболее частотные выражения типа: рус. *королева спорта* – укр. *королева спорту* (‘легкая атлетика’), аналогичная модель: рус. *королева автоспорта* – укр. *королева автоспорту* (‘автогонки «Формула-1»’), рус. *ледовая баталия* – укр. *льодова баталія* (‘хоккейный матч’), рус. *снежный снайпер* – укр. *сніговий снайпер* а также рус. *стреляющий лыжник* – укр. *стріляючий лижник* (‘биатлонист’); по той же модели: рус. *летающий лыжник* – укр. *літаючий лижник* (‘спортсмен по прыжкам на лыжах с трамплина’) и т. п. Традиционный цвет формы футбольных судей – черный – лег в основу их перифрастической номинации, часто употребляемой в языке спортивных СМИ: рус. *люди в черном* – укр. *люди в чорному*. Перекладную ворот (а иногда также и штангу) шутивно называют *лучшая подруга вратаря / голкипера* – укр. *найкраща подруга воротарів / голкіперів* (в украинском языке слово ‘вратарь’ чаще встречается в форме множ. ч.).

Из спортивного дискурса в языковой обиход сегодня уже вошли такие популярные в спортивной журналистике и ставшие общепринятыми слова и выражения, имеющие перифрастический характер, как, например, рус. *зажечь красный / желтый свет* (*перед игроком*) – укр. *запалити жовте / червоне світло* (*перед гравцем*) (‘показать игроку желтую / красную карточку’), образное, собирательное *двенадцатый игрок* (ср. англ. *12-th man*) и укр. *дванадцятий гравець* (‘болельщики’), рус. *пожар у* (*своих*) *ворот* – укр. *пожежа біля* (*своїх*) *ворот* (‘опасная ситуация у (своих) ворот’), рус. *сохранить ворота на замке* – укр. *зберегти ворота на замку* (‘защитить ворота; не пропустить гол’), рус. *второй этаж* – укр. *другий поверх* (‘игра головой’), рус. *борьба за выживание* – укр. *боротьба за виживання* (в спорте: ‘бороться за сохранения места среди участников турнира (например, национальной футбольной лиги)’), а также в этом же значении: рус. *сохранить прописку* (*в лиге*) – *зберегти прописку* (*в лізі*), рус. *холодный душ* – укр. *холодний душ* (‘неожиданно пропущенный гол’), *защищать цвета* (*команды, клуба*) – укр. *захистити кольори* (‘выступать за определенный спортивный клуб’), рус. *пустить пенку* – укр. *пустити "пінку"* (‘пропустить легкий, обидный для вратаря гол’) и аналогичное по значению рус. *пустить бабочку* – укр. *пустив метелика* (метелик – ‘бабочка’), рус. *мариновать на лавке* – укр. *маринувати на лавці* (‘держат игрока в запасе, не выпуская его на поле’) и др.

Ярким образным зарядом в русском и украинском спортивном дискурсе обладает метафорическая фразеологическая модель с базовым компонентом *валидол* – ‘успокаивающее лекарственное средство’. На ее основе образован целый ряд разговорных выражений, используемых, в первую очередь, в речи

болельщиков, а также журналистов и самих спортсменов. Стержневой компонент подобных единиц – прилагательное *валидольный* в значении ‘очень нервный, заставляющий до последнего находиться в напряжении’: рус. *валидольный матч, валидольная игра, валидольная команда* – укр. *валідольний матч, валідольна гра, валідольна команда*. Нередко в разговорном языке (в частности, в устном репортаже) эти выражения «свертываются» до исходной метафорической модели – *валидол*; значение данной лексемы фактически покрывает каждое из выражений, построенных по синтаксической структуре *прилагательное + существительное*. В некоторых подобных фразеологизированных сочетаниях прилагательное придает спортивное значение исходной лексеме, конкретизируя ее спортивное значение, например, рус. *футбольная лотерея* – укр. *футбольна лотерея* (‘серия послематчевых 11-метровых ударов (пенальти)’).

Ярким «национально-специфичным» образом в языке спортивной журналистики еще с советского периода стало выражение *весенний футбол*, прочно вошедшее в языковой обиход. Показателен следующий фрагмент из статьи одного из спортивных журналистов, охарактеризовавшего данное явление следующим образом: «В Советском Союзе в свое время в сознании футболистов и их болельщиков прочно укоренилось выражение „весенний футбол“. Оно подразумевало: во-первых, игры на безобразных полях, во-вторых, неважное судейство, в-третьих, низкое качество самой игры» [7]. А вот отрывок из статьи, описывающей уже российские реалии: «Как правило, первые туры чемпионата России по футболу проходят под знаком „весеннего футбола“, холодного, грязного и невыразительного» [8]. В современной украинской спортивной журналистике фраза *весняний футбол* также достаточно частотно в аналогичном значении: ‘малоинтересный футбол низкого качества исполнения; часто – на плохих полях’.

Общими и в русском, и в украинском языке оказываются многие выражения из профессионального (разговорного, жаргонного) обихода спортсменов. В качестве наиболее частотных и показательных приведем ряд примеров из футбола: рус. *выиграть воздух* (‘выиграть борьбу за мяч головой’) – укр. *віграти повітря*, рус. *отклеиться от оппонента* – укр. *відклеїться від опонента* (‘уйти от опеки соперника’), рус. *играть / игра в одни ворота* – укр. *грати / гра в одні ворота* (в спорте: ‘иметь подавляющее преимущество над соперником’), рус. *посадить игру на свисток* – укр. *посадити гру на свисток* (‘постоянно останавливать игру за любое, даже незначительное нарушение правил’), рус. *гол в раздевалку* – укр. *гол у роздягальню* (‘гол, забитый или пропущенный незадолго до перерыва’) и противоположное по значению: рус. *гол из раздевалки* – укр. *гол з роздягальні* (‘гол, забитый сразу после перерыва’).

Отметим, что СМИ не только тиражируют и популяризируют такого рода выражения, но часто сами порождают фразеологизмы спортивного характера в виде «фразеологических трансформаций» на основе уже существующих ФЕ: рус. *гвоздь*

тура – укр. *цвях туру* (‘центральный матч тура’; *цвях* – гвоздь. Ср. исходное: *гвоздь программы*), рус. *шапкозакидательское настроение* – укр. *шапказакидальний настрій* (ср. исходное: *закидать шапками кого-л.*) и т. п. ФЕ с новым спортивным значением могут возникать и по определенной фразеологической модели: рус. *скрестить шпаги* – укр. *схрестити шпаги* (в спортивном контексте: ‘встретиться в спортивном поединке’). По этой же модели в русском и украинском языках используются выражения *скрестить* (укр. *схрестити*): *бутсы* (укр. *бутси*), *клюшки* (укр. *ключки*), *перчатки* (укр. *рукавички*), *ракетки* (укр. *ракетки*) и т. п.

Фразеологическая модель *повесить что-либо на гвоздь* (ср. исходное: *повесить зубы на гвоздь*) также актуализировалась в спортивном контексте, благодаря чему возник ряд новых ФЕ с общим значением ‘завершить спортивную карьеру в определенном виде спорта’, где в основе метафорической модели находится наименование главного, «знакового» для данного вида спорта атрибута игры: *повесить на гвоздь: бутсы, клюшку, коньки, лыжи, перчатки, ракетку, свисток* и т. д., ср. также в украинском: *повісити на цвях: бутси, ключку, ковзани, лижі, перчатки, ракетку, свисток*. Л. И. Степанова отмечает, что «постепенно компонент, обозначающий предмет обуви, заменяется другими атрибутами спортивной жизни: мы читаем, что конькобежец повесил коньки на гвоздь, боксер повесил перчатки на гвоздь, теннисист – ракетку на гвоздь, чемпион мира по биатлону повесил винтовку на гвоздь» [5, с. 20].

С фразеологизмом *стрелять из пушки по воробьям* (‘затрачивать неоправданно много сил, средств на что-либо’) в языке спортивного дискурса связано шутливо-ироничное выражение *стрелять по воробьям* (ирон. или неодобр. ‘бить намного выше ворот’) и аналогичный украинский фразеологизм – *стріляти по горобцях*. От данной ФЕ образовано и выражение со значением ‘очень неточный удар, удар намного выше ворот’: рус. *удар по воробьям* – укр. *удар по горобцях*. А слово *пушка* часто служит шутливой номинацией для сильного удара по мячу (в футболе).

И в русском, и в украинском языке частотны устойчивые сравнения (УС) в спортивном значении, например, рус. *как нож сквозь масло (пройти)* – укр. *як / наче / мов ніж крізь масло (пройти)* (‘легко пройти сквозь оборону соперника’), рус. *как из пушки (удар)* – укр. *як / немов з гармати* (‘об очень сильном ударе в футбольной игре’ [5, с.554]), рус. *как / словно проходной двор (оборона)* – укр. *як / мов / наче прохідний двір* (‘очень ненадежная оборона’), рус. *как на блюдечке* – укр. *як на блюдечку* (об удобной для партнера передаче) и мн. др. Одним из наиболее расхожих и широкоупотребительных в спортивном дискурсе оказывается УС *как по нотам* (*разыграть*) – укр. *як по нотах (розіграти)*. – ‘о чем-либо исполненном четко, без затруднений, по заранее подготовленному плану’ [6, с. 443]). Вероятно, его популярности способствует и сходство образной внутренней формы: и музыкальная сфера, откуда пришло данное выражение, и сфера спорта связаны

общим характером основного действия, выраженого глаголом *играть* («играть на музыкальном инструменте» и «играть в (спортивную) игру»).

Довольно распространены в языке спорта и некоторые хорошо известные УС жаргонного происхождения. Так, в частности, о крупной, безоговорочной победе над соперником говорят (*порвать*) как *тузик грелку*, то есть ‘выиграть у кого-либо с большим преимуществом’ [3, с. 249]. Приведем пример, где упоминается аналогичное УС в украинском языке: «На Украине есть поговорка: «*Порвав як мавпа газету*». Так обычно говорят в случае победы любимой команды» [9]. Тузик – кличка собаки, характерная для русского культурного пространства, однако для украинца этот образ будет хоть и понятен, но чужероден, поэтому в украинском варианте в основе метафорического образа рассматриваемого УС использован другой стержневой компонент – слово *мавпа* (‘обезьяна’), а вместо лексемы *грелка – газета*. В основе подобных разговорных экспрессивных выражений, как правило, заложены необычные образы, благодаря своей неординарности (а нередко – и абсурдности) создающие необходимый эмоционально-выразительный заряд (в частности, как соотносительные метафорические образные пары в приведенных примерах: *тузик – грелка* и *обезьяна – газета*).

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что язык современной украинской спортивной журналистики является иллюстрацией межславянской языковой конвергенции, когда схожесть лексики и отдельных фразеологических моделей, метафорических образов, синтаксических конструкций в сочетании с генетической близостью двух восточнославянских языков способствуют тому, что русский язык выполняет роль образца для создания устойчивых выражений (журналистских штампов, новых фразеологических единиц) и «полуофициальных» терминов, необходимых в журналистике для «оживления» текста, придания ему различных стилистических эффектов, выполнения определенных прагматических функций, увеличения степени экспрессии для воссоздания «атмосферы аутентичности» происходящего во время спортивного состязания.

Образное, структурное и компонентное сходство спортивных фразеологизмов в русском и украинском языках, помимо указанного родства обоих языков, обусловлено также их многолетним сосуществованием в общем языковом и культурном пространстве. Другим фактором можно считать то, что русский язык по-прежнему активно используется в украинском спортивном дискурсе (в первую очередь, в сфере профессиональной коммуникации). Что касается сферы спортивной журналистики, то и тут можно говорить об общей «журналистской школе», возникшей на базе русского языка в XX веке. Можно заметить, что, в отличие от официально принятой системы спортивной терминологии, спортивный жаргон, разговорная спортивная лексика и фразеология, характерные журнали-

стские образные обороты, в основном, возникают в русскоязычном сегменте спортивных масс-медиа, нередко становясь основой для создания аналогичных украинских выражений и понятий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный украиноязычный спортивный дискурс, с одной стороны, основан на богатом предшествующем опыте русскоязычной спортивной журналистики, с другой – близость словообразовательной, лексической и фразеологической систем двух родственных языков способствует возникновению новых образных лексических и фразеологических единиц в украинском языке, характерных для спортивного дискурса. Отметим, что активное языковое взаимодействие на уровне фразеологии остается одним из наиболее эффективных способов обогащения словарного запаса языка.

Литература

1. Мокиенко В. Проблемы европейской фразеологической неологии. *Słowo. Text. Czas* – VI. Новая фразеология в новой Европе. *Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej* (Szczecin, 6–7 września 2001 r. Greifswald, 8–9 września 2001 r.). In: M. Aleksienko, W. Mokienko, H. Walter (eds.). – Szczecin – Greifswald, 2002. – S. 63–76.

2. Мокиенко В. *Frazeologia / Konnotacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich* 2. In: W. Mokienko, H. Walter. *Koordinator naukowy i redaktor serii "Komparacja współczesnych języków słowiańskich"* Stanisław Gajda. – Universität Greifswald – Institut für Slawistik; Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2007.

3. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Словарь футбольного болельщика. *Оле-оле-оле-оле!* – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 384 с.

4. Степанова Л. Русская фразеология сегодня. *Przegląd rusycystyczny*. R. XXX, 2008, č. 4(124), s. 40–49.

5. Степанова Л. Динамические процессы в интернациональной фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XLVI-II. XIX. Olomoucké Dny Rusistů. Sborník příspěvků z mezinárodní konference*. – Olomouc, 2008. – S. 17–21.

Словари и справочники

[6] *БСРНС*: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

Источники

[7] Манин В. «И снова футбол весенний». URL: <http://vechorka.ru/article/i-snova-futbol-vesenniy> (дата обращения: 5.03.2018).

[8] Вороховский Л. «Смена-спорт», 14 марта 2005 г.

[9] Проза.ру. URL: <https://proza.ru/avtor/pangennadiy61m> (дата обращения: 03.06.2020).

ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ПАРЕМИЯ В ДИСКУРСИВНОМ ИЗУЧЕНИИ

УДК 811.161.1

Г. Н. Абреимова
(Россия, Елец)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДНЕВНИКАХ М. М. ПРИШВИНА

Статья посвящена анализу некоторых глагольных фразеологизмов, выбранных методом сплошной выборки из дневников М. М. Пришвина, и представляет собой разностороннее исследование процессов трансформации глагольных фразеологических единиц. В статье описываются механизмы и результаты индивидуально-авторских глагольных преобразований различных структурно-семантических типов.

Ключевые слова: фразеологизм, окказиональная фразеология, замена, переосмысление, структурно-семантическая трансформация, контаминация.

G. N. Abreimova

STRUCTURAL AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE DIARIES OF M. M. PRISHVIN

The article is devoted to the analysis of some verbal phraseological units selected by the method of continuous sampling from the diaries of M. M. Prishvin, and is a comprehensive study of the processes of transformation of verbal phraseological units. The article describes the mechanisms and results of individual author's verbal transformations of various structural and semantic types.

Keywords: phraseology, occasional phraseology, replacement, reinterpretation, structural and semantic transformation, contamination.

Данная работа освящает вопрос о преобразовательном потенциале фразеологических единиц (ФЕ), в структуру которых входит глагольный компонент. Наличие разнообразных трансформаций глагольных ФЕ в дневниках М. М. Пришвина говорит об их широком употреблении писателем. Нами выделены различные виды их преобразовательного потенциала: преобразование категориального значения устойчивого оборота; окказиональные ФЕ (ОФЕ), основанные на конверсии ситуации; входящие в состав образного сравнительного оборота; возникшие в результате коренного переосмысления языковых ФЕ; образованные в результате структурно-семантической аналогии по контрасту. В тексте М. М. Пришвина встречаются приемы контаминации, замены и сегментации фразеологических оборотов. Рассмотрим наиболее интересные трансформированные глагольные фразеологизмы, функционирующие в дневниковых записях писателя.

В анализируемых текстах М. Пришвина встречается большое количество окказиональных ФЕ, основанных на преобразовании категориального значения устойчивого оборота за счет перехода глагольного компонента фраземы в отглагольное существительное: «Суждения...есть *танец от печки...*» [6, с. 267] (ср. *танцевать от печки*); «...для культуры очерка не надо сложных рассуждений..., приводящих...к *переливанию из пустого в порожнее*» [6, с. 755] (ср. *переливать из пустого в порожнее*); «...писательство не есть *лов рыбы в мутной воде...*» [6, с. 352] (ср. *ловить рыбу в мутной воде*); «Единственным средством моего [оправдания]... является *выход в свет* создаваемой картины» [6,

с. 64] (ср. *выходить в свет*); «... Лева... понимает моё всё по *мерке на свой аршин*» [6, с. 72] (ср. *мерить на свой аршин*); «...кнут мужчины выразится в особой нежности... вплоть до *бытия под башмаком ...*» [6, с. 253] (ср. *быть под башмаком*); «...любовь... как *выход* одинокого «в люди» [6, с. 588] (ср. *выходить в люди*); «...рассказывать об игольном ушке для горбатого верблюда, – ... это будет...*сражение* Дон-Кихота с *ветряными мельницами*» [6, с. 311–312] (ср. *сражаться с ветренными мельницами*). Специфической модификацией здесь является превращение глагольного компонента в грамматически стержневой субстантив. В научной литературе нет четкого представления о статусе фразеологических трансформаций, образованных путем замены глагольного компонента отглагольными существительными. Третьякова И. Ю. в своей работе указывает на неоднозначность мнения фразеологов об отглагольных существительных в таких трансформациях, где, с одной стороны, они сохраняют сему 'процессуальность', а с другой стороны, «приобретают иную категориальность» [5, с. 115]. Замена глагольного компонента субстантивным в трудах Иванниковой Е. А. [2, с. 26], Колесниковой Л. Н., Попова Р. Н. [3, с. 9] и др. относится к деривационным процессам. А. В. Жуков говорит о том, что такие преобразования «принадлежат к разным лексико-грамматическим классам» [1, с. 18]. Мы придерживаемся точки зрения лингвистов о преобразовании категориально-понятийного плана фразеологизма, в котором доминирует значение 'предметность'. Такая трансформация фразеологической единицы нами определяется как окказиональная.

В дневниках М. Пришвина во многих глагольных ФЕ наблюдается переход глагольного компонента в причастие или деепричастие. Этот процесс достаточно активный, обладающий высокой степенью предсказуемости, что не дает возможности отнести подобные ФЕ к окказиональным.

Можно отметить индивидуально-авторские ФЕ, появившиеся в результате коренного переосмысления ФЕ языка. «В трансформах этого типа утрата смысловых связей, нарушение семантического тождества с производящей ФЕ сочетается с полным или частичным сохранением лексического состава и грамматической структуры прототипа» [4, с. 244]. Переосмысление фразеологизма опирается на изменение внешних дистрибутивных связей устойчивого оборота с компонентами контекста. ФЕ используется автором в контексте с нетипичным окружением, что обуславливает появление новых значений, не свойственных семантике языкового оборота. Например, ФЕ *родиться в сорочке* с узвальным значением ‘быть во всём удачливым, счастливым’ [ФСРЛЯ, с. 575] в контексте сочетается со словом *мысль*, при этом фразеологизм приобретает новое значение ‘навсегда запомнить по чувству’: «...новая мысль непременно *родится в сорочке* чувства и если, появившись, вдруг забудется, то вспомнишь потом по чувству» [6, с. 198].

Переосмыслению подвергаются фразеологические единицы *держаться на волоске* и *держаться на ниточке* в контексте: «Погода *держится на волоске*, пойдет дождь, но теплый, дунет ветер и остановится» [6, с. 295]; «Но вот война, ...рискованный бой..., когда человек в этой борьбе так изменится, что...все счастье людей только *на этой ниточке* и *держится...*» [6, с. 504]. ФЕ *держаться на волоске (на ниточке)* с узвальным значением ‘оказываться в крайне опасном положении’ [ФСРЛЯ, с. 197] в первом предложении приобретает новое значение – измениться в любой момент’, а во втором – ‘в тяжёлой ситуации осознавать, что счастье людей может исчезнуть в любой момент’. Переосмысление устойчивого оборота основано на возникновении новых отношений с окружающими компонентами контекста и не изменяет состава языкового оборота.

Еще одним интересным способом индивидуально-авторской трансформации ФЕ в дневниках М. Пришвина является фразеологическая контаминация, которая в анализируемых примерах образуется преимущественно способом наложения одной ФЕ на другую.

Наложение сходных по значению ФЕ *вбить/вбивать клин* – ‘разобщать кого-л. с кем-л., настраивая их враждебно друг к другу’ [ФСРЛЯ, с. 59] и *яблоко раздора* – ‘то, что является причиной серьёзных разногласий, спора, ссоры’ [ФСРЛЯ, с. 766], осложненное заменой глагольного компонента *вбивать* на *вколачивать* (с разговорной окраской), образовали новую по структуре ФЕ *вколачивать клин раздора* с усиленной экспрессивной окраской: «Ясно также становится,...чтобы, отступая, уничтожить Красную Армию и *вколачивать клин раздора* между Россией и союзниками» [6, с. 394].

Наложение одинаковых по значению ФЕ *хлебнуть горя* – ‘много испытать, перенести, намаяться’ [ФСРЛЯ, с. 723] и *горькая чаша* – ‘о тяжелых испытаниях, трудностях’ [ФСРЛЯ, с. 739] демонстрируется в контексте: «Весь вопрос, когда мы *хлебнем эту...чашу горя...*» [6, с. 47].

Наложение фразеологизмов *утопающий хватается за соломинку* – ‘находящийся в трудном, безвыходном положении стремится использовать для спасения даже явно бесполезное средство’ [ФРР, с. 679] и *якорь спасения* – ‘последнее средство, последняя надежда’ [ФСРЛЯ, с. 770] образует новое значение – ‘находящийся в безвыходном положении использует даже самое незначительное средство для спасения’: «И людям... *утопающим* в морях горя, подай Бог хоть *соломинку спасенья*, и то *ухватятся...*» [6, с. 321].

Активно происходит процесс замены компонентного состава глагольных фразеологизмов в дневниках писателя, который приводит к созданию окказиональных вариантов. Так, во фразеологизме *бросить камень в огород* наблюдается замена второго существительного лексемой иной тематической группы (*огород* – *дело*): «Этим [личным мнением] она [Ляля] *бросила камень в дело* Зины...» [6, с. 611]. В данном контексте ФЕ *бросить камень в дело* имеет значение, близкое языковому – ‘высказывать намеками, вскользь выражать неодобрительное отношение к чьему-либо делу’.

Во фразеологизме *хлебнуть горя* происходит изменение существительного *горе* на образное словосочетание *миска общего зла*, построенное на развернутой метафоре: «...каждому еще предстоит *хлебнуть из миски общего зла*» [6, с. 594].

Актуализация отношений противопоставленности при антонимической замене компонента (*соломинка* – *бревно*) во фразеологизме осуществляется в контексте: «Писательство лишь средство материализации духа, *бревно, за которое хватается утопающий*» [6, с. 290]. ФЕ *хвататься за соломинку* – ‘будучи растерянным в тяжёлой ситуации, поспешно искать спасения, прибегая к крайнему средству, которое помочь не может’ [ФСРЛЯ, с. 720] трансформируется в оборот *хвататься за бревно* – ‘находясь в трудном положении, стремиться использовать для спасения самое надежное средство’.

Изменение компонентов структуры фразеологизма *смотреть сквозь розовые очки* – ‘не замечать недостатков в чём-либо’ [ФСРЛЯ, с. 635] образует новое значение ‘судить со своей точки зрения’: «А символист всю великую действительность *видит сквозь очки своих домислов*» [6, с. 168].

Во фразеологическом обороте *каши не сварить* в следующем предложении происходит замена существительного: «...со старыми формами *новой лучшей жизни не сварить*» [6, с. 563]. В современном русском языке данная ФЕ употребляется в значении ‘невозможно договориться или сделать какое-либо дело с кем-либо’ [ФСРЛЯ, с. 596]. В представленном контексте ФЕ приобретает новое значение – ‘руководствуясь старыми устоями, бесполезно строить будущую достойную, благополучную жизнь’.

Прием сегментации фразеологической единицы, использованный в дневниковых записях, помогает писателю точно и лаконично выразить фразеологическое значение в слове или емком словосочетании. Под сегментацией ФЕ понимается разложение фраземы на отдельные части, которые используются в предложении в роли самостоятельной синтаксической единицы. За каждым компонентом в контексте закрепляется часть общего фразеологического значения. В дневниках писателя сегментируются на компоненты фразеологизмы *танцевать от печки*, *держаться на ниточке (на волоске)*, *подливать масло в огонь*, *надеть хомут*: «– Социализм происходит *от печки*...» [6, с. 5]; «Все нити мира свести к двум...все тут *на ниточке*...» [6, с. 171]; «...какие могут быть чудеса...чья жизнь *на волоске*» [6, с. 135]; «...события крупнейшие *на волоске*, вот вот волосок перегорит» [6, с.198]; «...Перестаньте, перестаньте, папа, мама! Это только *масло в огонь*» [6, с. 246]; «Женится и кончено: *хомут* на всю жизнь...» [6, с. 440] и др.

Еще одной причиной фразеологических преобразований может стать намеренное языковое обыгрывание значения и структурной формы фраземы в ее связи с окружающим контекстом, что приводит к каламбурному эффекту: «Люди *с толку сбиты*,...постоянно стремятся возвратиться к этому же *толку*, и оттуда опять их *сшибают*...» [6, с. 7]. Одновременное употребление в контексте синонимов *сбить* и *сшибать* придает фразеологическому обороту парадоксальное значение.

В следующем примере во фразеологическом обороте используются нетипичные элементы окружающего контекста (*весь вышел в люди – частью вышел в люди – частью остаться в себе*), с помощью которых также достигается оригинальный эффект: «...я не вышел *весь* в люди, а *только частью* вышел и *значительной частью* остался в себе» [10, с. 674].

Таким образом, результаты проведенного анализа дают нам основания полагать, что глаголь-

ные фразеологические единицы в дневниковых записях М. М. Пришвина обладают большим преобразовательным потенциалом, структурно-семантические преобразования которых могут либо изменять семантику ФЕ, либо создавать индивидуально-авторские варианты фразеологизмов.

Литература

1. Жуков В. П. Русская фразеология. – М. : Высш. шк., 1986. – 310 с.
2. Иванникова Е. А. Об отдельности и тождестве фразеологизмов в случаях структурной вариантности // Проблема устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвуз. симпозиума. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1972. – С. 120–128.
3. Колесникова Л. Н., Попов Р. Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы фразеологии : Республ. сб. науч. статей. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1980. – С. 3–13.
4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2014. – № 8. – С. 234–252.
5. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. – Ярославль, 2011. – 379 с.
6. Электронная библиотека М. М. Пришвина. – URL: <http://www.mememix.net/meme/krpsc> (дата обращения: 24.11.19).

Словари и справочники

- ФРР*: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. – М. : Русские словари, 1997.
- ФСРЛЯ*: Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Федорова. – М. : Цитадель, 2008.

ПАРЕМИИ В ЗАГОЛОВКАХ КАЗАХСТАНСКИХ ГАЗЕТ

В данной статье рассматриваются трансформирование паремии, использованные для создания заголовков в казахстанской прессе. Нами выяснено, что основными источниками заголовков являются пословицы и поговорки – более 30 %. Творческое применение пословиц и поговорок расширяет границы авторской мысли, позволяет избегать штампов, создает эффект новизны, переосмысления и придает особую «изюминку» новому тексту.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, семантика, мотивированность.

M. M. Aimagambetova

PAREMIES IN THE HEADLINES OF KAZAKHSTAN NEWSPAPERS

It is discussed the transformation of paremia, which used to create headlines in the Kazakh press. We found out that the main sources of headlines are proverbs and sayings. It is more than 30%. The creative application of proverbs and sayings expands the boundaries of the author's thought, allows avoiding clichés, and creates the effect of novelty, rethinking and gives a special "flavor" to a new text.

Key words: paremia, proverb, saying, semantics, motivation.

Пословицы и поговорки – неотъемлемая часть культурного наследия народа. Они отражают историю народа, обозначают типичные жизненные и смысловые ситуации, передают дух народа и особенности менталитета.

К пословицам как к эффективному стилистическому средству обращаются писатели и публицисты. Мы употребляем пословицы и поговорки не только в повседневной разговорной речи, «чтобы убедить в чем-то собеседника или кратко и метко охарактеризовать ситуацию», но и встречаем их в газетах и журналах, теле- и радиопередачах, в интернет-блогах и чатах. Как отмечает В. М. Мокиенко, «...за пословицами стоит многовековая мудрость народов, опыт целых поколений. Удачное употребление пословицы не только повышает эмоционально-оценочный потенциал текста, но и дает возможность точно и кратко охарактеризовать ситуацию минимальными средствами, но с максимальной смысловой емкостью» [2, с. 6]. Все это делает необычайно интересным и плодотворным их всестороннее изучение.

Пословицы и поговорки всех народов мира передают одни и те же типовые ситуации, имеют сходное логическое содержание, различаясь лишь образами (деталими, реалиями), с помощью которых передается логическое содержание. Согласно теории Г. Л. Пермякова, паремии обладают тремя четко выраженными автономными структурными планами: планом лингвистической (композиционной) структуры, планом логической (семиотической) структуры и планом реалий [4, с. 87]. Отсюда следует, что пословицы и поговорки можно рассматривать и как языковые единицы, и как фольклорные тексты.

В науке о языке пока еще не сложилось общепринятого взгляда на пословицы и поговорки. Чаще всего под пословицей понимают меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющее форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица – это законченное образное или не образное изречение афористического ха-

рактера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. Поговорки же интерпретируются как устойчивые словосочетания в узком смысле слова. Главное отличие пословицы от поговорки: пословица представляет собой законченную синтаксическую структуру с назидательным содержанием; поговорка – «строительный элемент» предложения, оценочно-экспрессивное словосочетание, чаще всего выполняющее в нём ту же функцию, что и образно коннотируемое слово [3, с. 36–37].

Пословицы и поговорки – распространенный и очень важный жанр устного народного творчества, отличающийся разной степенью мотивированности. С этой точки зрения можно выделить три наиболее четко очерченных вида пословиц и поговорок [1, с. 167]. К первому относятся пословицы, которые в настоящее время уже не употребляются в прямом значении. Они сближаются по смыслу с фразеологизмами, как: *Бабушка надвое сказала; Быть бычку на веревочке*. Ко второму виду относятся пословицы, которые отличаются двойным планом – буквальным и иносказательным. Например, *Аппетит приходит во время еды; Кашу маслом не испортишь*. Третий вид составляют выражения, употребляющиеся только в буквальном смысле. Сюда относятся поговорки: *Бедность не порок; Век живи, век учишь*.

Как показал анализ теоретического и практического материала, процессы в обществе влияют на язык и отражаются в нем. Средства массовой коммуникации наиболее активно актуализируют современные тенденции: стремление к экспрессии, новизне формы и содержания, смешению стилей, нивелировке типов речи. Языковое сознание современного человека создает условия для популярности трансформированных устойчивых сочетаний в любой ситуации. В результате изменений в социуме меняется языковое сознание его членов. Увеличивается спрос на иронию, сарказм и языковую игру.

Рассмотрев процесс трансформации пословиц и поговорок на примере газетных заголовков казахстанской прессы, мы пришли к выводу, что в заголовках могут использоваться все известные лексические и синтаксические средства выразительности. Выяснили, что основными источниками заголовков являются пословицы и поговорки – более 30 % заголовков составляют их преобразования. При этом следует отметить, что в основном все пословицы и поговорки используются не в прямом значении, а подвергаются трансформации. Пословицы и поговорки представляют собой типичные примеры «чужой речи», ставшей «своей» в процессе языкового и культурного развития определенного коллектива [1]. Большая часть пословиц и поговорок отличается простотой, образностью, выразительностью и краткостью. Они достаточно хорошо известны среднестатистическому читателю, поэтому легко узнаваемы даже в трансформированном виде. Примером могут служить такие заголовки:

«Голод – не тетка, даже в Африке» («МК в Казахстане», 11–17 марта 2019) → *Голод – не тетка, пирожок не поднесет;*

«Готовь сани летом, или появится ли в Казахстане рынок грузовых перевозок после 2020» («Мегаполис», 2 марта 2019) → *Готовь сани летом, а телегу зимой;*

«Что на уме, то и на языке» («Мегаполис», 16 марта 2020) → *Пьяный, что малый: что на уме, то на языке;*

«Чем дальше, тем теплее» (www.tengrinews.kz) → *Чем дальше в лес, тем больше дров;*

«В тесноте и в большой обиде» («Деловая Неделя», 6 февраля 2020) → *В тесноте, да не в обиде;*

«Семь раз позвони, один раз прими» («Время», 25 декабря 2019) → *Семь раз отмерь, один раз отрежь;*

«А ВОЗ отныне здесь» («Вечерний Алматы», 12 февраля 2020) → *А воз и ныне там;*

«... И себя показать» («Литер», 15 апреля 2020) → *Людей посмотреть и себя показать;*

«Что на лице, то и на языке» («Экспресс К», 5 июня 2019) → *Что на уме, то на языке;*

«В тесноте, да и в обиде» («Экспресс К», 5 апреля, 2019) → *В тесноте, да не в обиде;*

«Друг познается в воде» (www.ekspress-k.kz) → *Друг познается в беде;*

«Война войной, гешефт – по расписанию» («Время», 2 июня 2019) → *Война войной, а обед по расписанию;*

«Вина не приходит одна» («Время», 16 октября 2019) → *Беда не приходит одна;*

«Чем дальше, тем теплее» («Мегаполис», 16 марта 2020) → *Чем дальше в лес, тем больше дров;*

«Сила есть, сумы не надо» («Экспресс К», 11 июня 2019) → *Поговорка Сила есть, ума не надо* означает на самом деле то, что сила, применяемая безрассудно бесполезна и вредна.

Пословицы и поговорки прочно закреплены в языковом сознании говорящего и читающего. Использование понятного для собеседника стереотипно-

го изречения является сигналом принадлежности к данному социуму, связи с его культурой и традициями.

Как и другие клише, пословицы и поговорки обычно употребляются журналистами не в своей исходной форме. Преобразовав «исходный материал», журналист может непосредственно усиливать их экспрессивность, делая более открытой оценочность выражения и устраняя дидактичность, присущую большинству пословиц и поговорок. Можно предположить, что изменение и формирование языкового стандарта происходит не только благодаря его усилению, но и за счет расшатывания традиционных и сформировавшихся общепринятых норм и их преобразований. Безусловно, трансформированные пословицы и поговорки, приобретая новый смысл, актуальны и соответствуют современным реалиям, отражая ситуации настоящего времени. Творческое применение пословиц и поговорок расширяет границы авторской мысли, позволяя избегать штампов, и создает эффект новизны, переосмысления, придавая особую «изюминку» новому тексту.

В ходе анализа структуры и семантики трансформированных пословиц и поговорок выявлено два основных вида трансформаций: семантические и структурно-семантические. Структурные трансформации, свойственные корпусу паремий, на нашем материале не выявлены. Данный вид преобразований не меняет семантику и не производит комического эффекта, вызываемого, как правило, приращением нового смысла к старой форме и содержанию. В результате семантических трансформаций появляются трансформированные паремии с измененным коннотативным содержанием: «„Каждому – свое“, – сказал продавец, пряча под прилавком кусок мяса»; переосмысленной (актуализированной) внутренней формой: «Дети – цветы жизни. Не надо делать из них букет»; буквализованным значением: «Добро обязательно победит зло. Поставит на колени. И зверски убьет»; измененным коммуникативным типом высказывания: «Меняют ли коней на переправе?»

Жанр паремии – категория коммуникативная, так как структурно-семантический состав текста во многом зависит от ситуации его произнесения. Содержательная часть пословицы в ее живом бытовании также определяется не столько значением образа или логической структурой конкретного варианта, сколько целями адресанта и смыслом ситуации, в которой употребляется текст. Каждый вариант в новом отдельном воспроизведении – это актуализация некоторого значения, условно принятого за константу. В речи возможно образование окказиональных текстов, которые впоследствии могут войти в узус. Творческое применение пословиц и поговорок расширяет границы авторской мысли, позволяет избежать штампов, создает эффект новизны.

Литература

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М. : Русский язык, 2000. – 544 с.

2. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 785 с.

3. Мокиенко В. М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. науч. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова. В 2 т. / сост., отв.

ред. В. И. Макаров. – Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. – Т. 1. – С. 33–41.

4. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М. : Наука, 1988. – 236 с.

Источники

[1] URL: <http://www.russ.ru/politics> (дата обращения: 24.01.2020).

УДК 81-23

Н. В. Амелина
(Россия, Тула)

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИ НАСЫЩЕННЫЙ КОНТЕКСТ КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ Н. И. ПИРОГОВА
(НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ 1880–1881 ГГ.)**

Статья посвящена изучению фразеологически насыщенного контекста, который является чертой идиостиля Н.И. Пирогова. В качестве материала исследования выступают письма 1880–1881 гг. Показана масштабность мышления автора и нравственная глубина затрагиваемых тем.

Ключевые слова: идиостиль Н.И. Пирогова, фразеологически насыщенный контекст, метаязыковой комментарий, самодефиниция, семантизация.

N. V. Amelina

**PHRASEOLOGICALLY RICH CONTEXT AS A FEATURE OF N. I. PIROGOV'S IDIOSTYLE
(ON THE EXAMPLE OF LETTERS FROM 1880–1881)**

The article is devoted to the study of phraseologically rich context, which is a feature of N. I. Pirogov's idiosyle. The research material includes letters from 1880 to 1881. The work reflects the magnititude of the author's thinking and the moral depth of the topics covered.

Keywords: N. I. Pirogov's idiosyle, phraseologically rich context, metalanguage commentary, self-definition, semantization.

Антропоцентрические тенденции, наметившиеся в лингвистике в конце XX века, обусловили появление ряда направлений, связанных с изучением языковой личности (ЯЛ), представленной, в частности, в текстах разной стилиевой и жанровой направленности. Исследование ЯЛ в рамках лингвистической персонологии отечественные учёные продолжили вслед за В. В. Виноградовым и доказали, что «каждый носитель языка репрезентует в языке собственную систему ценностей, опираясь на коллективный опыт целого народа» [3, с. 31]. При этом фразеология представляет собой одно из языковых средств, отражающих идиостиль того или иного автора.

Данное исследование опирается на научные идеи Е. В. Иванцовой, О. В. Мякшевой, Ю. С. Паули, О. Б. Сиротининой, С. А. Шилиной и др., которые описывали особенности элитарной ЯЛ. Однако существует ряд выдающихся людей, язык которых требует специального изучения и лексикографического описания. Среди них имя выдающегося учёного-анатома, основателя русской школы анестезии – Н. И. Пирогова (1810–1881).

Цель данной статьи – определить способы введения фразеологических единиц Н. И. Пироговым в контекст. В качестве материала исследования выступает авторская картотека фразеологических единиц (ФЕ), собранная путём сплошной выборки из писем Н. И. Пирогова И. В. Бертенсону 1880–1881 гг. Верификация фразеологического состава

проходила по «Фразеологическому словарю русского литературного языка» и «Универсальному русско-английскому словарю».

При изучении языка писателя интерес вызывают особенности использования фразеологических ресурсов и введения их в контекст, к которым относится создание фразеологически насыщенного контекста, метаязыковой комментарий ФЕ разных рядов, индивидуально-авторские приемы трансформаций. Анализ контекста, в котором употреблена ФЕ, позволяет не только осмыслить, как меняются оттенки её значения в условиях тех или иных трансформаций, но и сформировать полное представление об идиостиле писателя, уровне его образованности и нравственных установках.

Вслед за О. В. Ломакиной «к метаязыковому комментарий мы относим случаи интерпретации значения различных лексико-фразеологических единиц: перевод с иностранного языка на родной, семантизацию слов узкой сферы употребления, авторскую самодефиницию (термин А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко) при объяснении смысловых нюансов, а также различные способы коммуникативного выражения: от формального – определения типа языковой единицы (пословицы, афоризма и под.) – к промежуточному (оценка по шкале хорошо – плохо) – до концептуального» [2, с. 131].

В эпистолярных текстах Н. И. Пирогова встречаются случаи авторской самодефиниции, т. е. толкование единиц с целью уточнения, конкретиза-

ции общеизвестного значения употребленной ФЕ. Приведем примеры фразеологических конфигураций, служащих определению смыслового содержания писем к И. В. Бетерсону 1880–1881 гг.:

«Если уже нужно было *покориться судьбе* и *desoquit* требовал оставить для отпразднования одного дня моё уединение и обыкновенный *образ жизни*, то катар мой принужден был избрать, или, вернее, принудил меня *выбрать из двух зол меньшее*, т. е. предпочесть сухую Москву сырому Петербургу» [Письмо И. В. Бетерсону, 16 апреля 1881 г.; 1, с. 20].

«По моему ходатайству, с невероятными затруднениями и проволочками было, наконец, разрешено издание первого еврейского журнала на русском языке в Одессе, и я *вменяю себе не в малую заслугу*, что увеличивал значительно кружок русских образованных евреев... распространял в еврейских училищах немецкие переводы священных еврейских книг, сделанные *на казенный счет* (то есть на деньги из коробочного сбора), а в то время ещё *не был поднят* антисемитский *вопрос* в Германии и наши евреи считали её *обетованною землёю* для своего образования» [Письмо И. В. Бетерсону, 30 декабря 1880 г.; 1, с. 17].

Проанализируем первый пример. Фразеологизм *выбрать из двух зол меньшее* употребляется в значении ‘предпочесть меньшее зло или неприятность’ [ФСРЛЯ]. Семантизация ФЕ автором происходит за счет металингвистического комментария, включающего антонимичную пару *сухую – сырому*, и говорит о предпочтении Пироговым климатических условий.

Обратимся ко второму примеру. Авторское повествование включает оценку собственной гражданской деятельности по улучшению качества жизни врачей-евреев. Оценка содержится в нескольких ФЕ, которые вводятся различными способами. Так, эмоционально-экспрессивное выражение *вменяю себе не в малую заслугу* построено по принципу контаминации. В нём соединились ФЕ *вменить в обязанность* в значении ‘обязать что-нибудь сделать’ [ФСРЛЯ] и ФЕ *ставить в заслугу* [УРАС]. В сочетании с актуализатором *не в малую* оно подчеркивает значительность вклада Пирогова в работу кружка образованных евреев. Используемая ФЕ *на казённый счет*, т. е. за счет государства, в языке писателя приобретает окказиональное значение, которое можно сформулировать при помощи приводимой Пироговым семантизации. Коробочный сбор – это внутриобщинный налог, введённый в 1648 г. в Польше после обнищания еврейских общин и заключавшийся в перенесении доли налога бедных общин на наиболее состоятельные для упорядочения финансовой жизни евреев. Таким образом Пирогов говорит о сплоченности нации, заслуживающей уважение и стремлении к саморазвитию. Характеризирующую функцию выполняет актуализатор *для своего образования*, употреблённый в контексте фразеологизма *обетованною землёю*. Из письма становится понятно, что Германия для «наших» евреев – ‘предмет страстных желаний, устремлений, надежд’ [ФСРЛЯ], связанный с хорошим качеством знаний.

В текстах писем Н. И. Пирогова встречаются иноязычные вкрапления, которые относят к одному из видов метаязыкового комментария. По мнению О. В. Ломакиной, их частотное использование автором можно «объяснить высоким уровнем владения иностранным языком, ориентацией на просвещенного читателя, светскостью литературного языка» [2, с. 131]. Включение Пироговым подобных единиц, чаще латинского происхождения, в тексты писем без перевода или необходимого комментария говорит о языковой компетенции как адресанта, так и адресата: латинский язык был одним из обязательных предметов в медицинских вузах.

«При моих взглядах на воспитание я главную *надежду возлагал* не на надзирателей и воспитателей *ex officio*, а на самих наставников, т. е. на знания и науку. Я полагал, что наука *в руках* дельного учителя есть единственное мощное средство в школах и к нравственному образованию» [Письмо И. В. Бетерсону, 27 сентября 1880 г.; 1, с. 16].

В «Универсальном русско-английском словаре» латинское выражение *ex officio* имеет значение ‘по обязанности’ [УРАС]. Употреблённое в сочетании со словами *на надзирателей и воспитателей*, оно приобретает отрицательный семантический оттенок: людям, которые занимаются образованием не по призванию, а в силу долга, по мнению Пирогова, доверять нельзя. Именно поэтому настоящим наставником он считает «науку». Данной лексемой в контексте объединены два фразеологизма: книжный *надежду возлагал* в значении ‘ожидать больших, значительных результатов от деятельности кого-н.’ и *в руках*, который означает ‘во владении, под контролем’ [ФСРЛЯ]. Учёный уверен, что воспитать нравственного человека может только заинтересованный учитель, почтительно относящийся к знаниям.

Как видно из примеров, идиостилю писем Н. И. Пирогова свойствен фразеологически насыщенный контекст, причем способы ввода ФЕ автор использует разные, актуализируя, трансформируя и преобразовывая тем самым фразеологические значения. Фразеологические конфигурации, используемые автором, способствуют как определению смыслового содержания ФЕ в контексте, так и видоизменению их семантико-стилистической тональности. В языке учёного определённые ФЕ приобретают окказиональное значение, а с проникновением в сущность фразеологически насыщенного контекста, созданного Н. И. Пироговым, становится возможным оценить масштабность его мышления и нравственную глубину затрагиваемых в письмах к И. В. Бетерсону тем.

Литература

1. Пирогов Н. И. Педагогические и публицистические сочинения. «Избранное» // Историко-литературный журнал «Странник», 2019. – 560 с.
2. Ломакина О. В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. – № 1. – С. 130–137.

3. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.

Словари

УРАС: Универсальный русско-английский словарь. – URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 09.04.2020).

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. – URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 14.03.2020).

УДК 415. 61

Н. Н. Жапаркулова

(Россия, Курган)

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ
В РОМАНЕ Ч. АЙТМАТОВА «И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ»
(В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА С КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ)**

В статье рассматриваются употребление фразеологизмов и паремий в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Выявлены семантические и структурные свойства данных единиц, описаны способы их перевода с русского языка на киргизский язык.

Ключевые слова: фразеологизмы, окказиональные фразеологизмы, компонент, зооним, фразообразовательная активность, компаративный.

N. N. Zhaparkulova

**FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT-ZONIM
IN THE NOVEL “THE DAY LASTS LONGER THAN CENTURY” BY CH. AITMATOV’S
(IN THE ASPECT OF TRANSLATION FROM THE KYRGYZ LANGUAGE TO RUSSIAN)**

The article discusses the use of phraseological units and paremias in the novel by Ch. Aitmatov “And the day lasts longer than a century”. The semantic and structural properties of these units are revealed, ways of their translation from Russian into the Kyrgyz language are described.

Keywords: phraseological units, occasional phraseological units, component, zoonim, phrase-forming activity, comparative.

Творчество Чингиза Айтматова постоянно привлекает внимание филологов. Это писатель с мировым именем, автор многих известных произведений. Среди них важное место занимает роман «И дольше века длится день», который ярко отражает национальные традиции и культуру киргизского и других кочевых народов. Произведение было написано Чингизом Айтматовым на русском языке и переведено на киргизский язык Ашымом Жакыпбековым.

В романе писатель умело использует различные изобразительно-выразительные средства языка, что позволяет наиболее полно и образно передать языковую картину мира киргизского народа.

Важнейшее место в идиостиле Чингиза Айтматова занимают фразеологизмы, среди которых выделяются фразеологические единицы, включающие компонент-наименование животного, то есть фразеологизмы с компонентом-зоонимом. Данные языковые единицы являются объектом исследования в нашей статье. Основная цель работы – проанализировать особенности функционирования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Чингиза Айтматова и выявить специфику их перевода с русского языка на киргизский.

В результате проведенного исследования было обнаружено, что в составе фразеологизмов преобладают

компоненты – наименования степных животных. Это связано с тем, что действие разворачивается на бескрайних степных просторах. Герои романа неразрывно связаны с жизнью природы, с миром растений и животных и птиц, обитающих в степях. В составе фразеологизмов употребляются зоонимы *сокол, беркут, птица, лиса, зверь, волк*, а также названия домашних животных, которые верно служат человеку в его кочевой жизни: *лошадь, верблюд*.

Во многих фразеологизмах используется образ птицы, так как горы и степь являются основным местом обитания различных видов птиц. Писатель часто создает окказиональные, индивидуально-авторские фразеологизмы, построенные по синтаксической модели сравнительного оборота. Под окказиональным фразеологизмом мы, вслед за И. Ю. Третьяковой, понимаем «единицы, функционирующие в речи, не являющиеся единицами национального лексикона, не зафиксированные в нормативных словарях, образуемые отдельными носителями языка с определёнными коммуникативными целями путём трансформации языковых фразеологических единиц, существенно различающиеся с фразеологическим инвариантом в семантике и/или структуре (компонентном составе)» [5, с. 14–15].

Как подчеркивает И. Ю. Третьякова, «важнейшими признаками окказиональных фразеологизмов явля-

ются творимость и производность. Исходя из творческих способностей, раскрывая креативные возможности при использовании языка, говорящие производят от имеющихся в языке фразеологизмов новые, речевые, единицы».

Ярким примером языкового творчества Чингиза Айтматова является образование окказиональных фразеологизмов с компонентом *как*. В основе образов, лежащих в основе фразеологической семантики, часто лежит сравнение поведения, поступков человека и птицы. Например, авторский фразеологизм *как птица, вспунутая с гнезда* позволяет читателю глубже прочувствовать горе и боль матери, сын которой стал манкуртом. Найман-Ана, подобно птице, кружила на своей верблюдице Акмае по сарозекским степям, не зная, как спасти сына: «*Как птица, вспунутая с гнезда*, кружила Найман-Ана по сарозекским окрестностям. И не знала, как быть, чего ожидать».

На киргизский язык фразеологизм переведен буквально. Зооним в языке сохранился: «Уясынан чоочуп учкан чымчыктай Найман-Эне Сары-Өзөктүн ээн талаасын айланып жүрдү. Эмне кыларды, эмне күтөрдү билбейт».

Образ птицы используется также для характеристики поведения Зарипы: *как птица под крылом* оберегает своих детей Зарипа.

«...его ждут не дождутся детишки Эрмек и Даул, жена Зарипа, что в той снежной степи сберегает детишек, *как птица под крылом*, у колотящегося сердца, и слезами, нескончаемыми мольбами пытается пронять, убедить, смягчить судьбу, вымолить милосердие, чтобы мужу вышло спасение...» [2, с. 169].

Данный фразеологизм переведен на киргизский язык без сохранения зоонима. Но действие персонажа Зарипы сравнивается с действием птицы (букв.: *защищая под крылом*): «... учат элем, Даул, Эрмек эки уулум, садагаң болоюндар, экөөнү көздөй, экөөнү борошо урган ай талаадагы жалпак үйдө канатынын алдына калкалап, бооруна басып, жылытып, күйөөм бошоп келгей эле деп кудайдан тиленип, суранып, көз жашын төгүп отурган Зарипамды көздөй учат элем...» – деп кыялданса бүт денесине кан жүгүрүп, жаны сергий түшөт» [1, с. 153].

В романе также используется символический образ пары лебедей, которые символизируют верность, преданность влюбленных. Известно, что лебеди создают пары на всю жизнь, а если один погибает, другой не может без него жить. На основе этого образа Чингиз Айтматов создает окказиональный фразеологизм *как лебедь, разлученный с лебедейей белой*. Лебедь ассоциируется с акыном Раймалы, влюбленном в прекрасную девушку Бегимай. Их жестоко разлучили и предали смерти. Для передачи этого фразеологизма на киргизский язык переводчик использует компаративное сочетание *Ак сулуу куудан айрылган, Ак куу күндү караса, күн карайып чагылат*, которое в буквальном переводе означает 'как лебедь, потерявший свою половинку, смотрит

на солнце'. В данном случае переводчик немного видоизменяет исходный авторский образ, однако сохраняет образную основу фразеологизма.

Жестокость родственников, которые расправились с влюбленными, писатель ярко передает через сравнение с волчьей стаей: *сородичи, что волчьей стаей рядом шли*. В переводе на киргизский язык используется компаративный фразеологизм *как стая волков, готовая напасть*. Происходит расширение компонентного состава узуального фразеологизма *как стая волков*. Этот прием позволяет усилить степень агрессивности и злобы родственников акына. «Сородичи, что волчьей стаей рядом шли, ему кричали на скаку: Брат твой рассудком тронулся! Ума лишился! Его лечить скорее надо!» [2, с. 435].

И этот фразеологизм переведен переводчиком на киргизский язык, с сохранением зоонима: «Жаалаган бөрү тобундай туугандары коштой чаап бара жатат: Айылга! Үйгө!» [1, с. 329].

Напротив, для характеристики акына Раймалы Айтматов использует образы таких животных и птиц, которые в языковой картине мира киргизского народа ассоциируются с благородством: *марал, козерог, лебедь, беркут*. Так писатель подчеркивает свободолюбивый, независимый, благородный характер героя. Например: «Ак маралын изденип, ак бугу танда үн салса, капчыгай-колот жаңырат» (Букв.: Когда марал влюбленный подругу кличет ревом поутру, ему ущелье вторит эхом горным – пел Раймалы-ага) [1, с. 318].

Таким образом, фразеологизмы в произведении Ч. Айтматова «И дольше века длится день» с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках отличаются глубоко национальным своеобразием, которое обусловлено образом жизни народа, его исторически сложившимися традициями, географическими условиями проживания. Но при этом наблюдается значительное сходство в составе зоонимов, участвующих в формировании фразеологизмов в сопоставляемых языках.

Литература

1. Айтматов Ч. Т. И дольше века длится день. – М. : АСТ, 2018. – 512 с.
2. Айтматов Ч. Т. Собрание сочинений : в 3-х т. Т. 1. Повести. – М. : Мол. гвардия, 1982. – 607 с.
3. Ратушная Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2000. – 223 с.
4. Ратушная Е. Р., Жапаркулова Н. Н. Пословицы и фразеологизмы с компонентом-орнитонимом в киргизском и русском языках // Современный ученый. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 55–59.
5. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Кострома, 2011. – 51 с.

Л. Г. Золотых
(Китай, Сычуань)
О. Ю. Космачева
(Россия, Астрахань)

**КОГНИТИВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ИНТЕРНЕТ-ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ КРАСНЫЙ**

В статье дается обоснование изучения интернет-проектов, репрезентирующих русскую фразеологию. Выявляется в соответствии с академическим лексикографическим описанием степень достоверности популяризаторских версий, интерпретирующих фразеологические единицы с компонентом 'красный' в пространстве интернета. На примерах некоторых интернет-проектов аргументируется семантическое и стилистическое рассогласование взаимоотношения и взаимообусловленности семантики фразеологических единиц с компонентом 'красный'. Представлены некоторые когнитивные ориентиры – психологический, этнографический, антропологический, общекультурный, определяющие интегрированный подход к изучению фразеологической семантики, и в частности – интернет-интерпретации фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, колоративный компонент, когнитивное сознание, лексикографическое описание, интерпретация, интернет-проект, русское образное слово, популяризаторская версия.

L. Zolotykh
O. Kosmacheva

**COGNITIVE LANDMARKS OF INTERNET INTERPRETATIONS OF
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COLOUR COMPONENT RED**

The article gives a substantiation of Internet projects study representing Russian phraseology. The degree of public versions reliability interpreting phraseological units with the component 'Red' on the Internet is revealed according to the academic lexicographical description. On the examples of some Internet projects the semantic and stylistic mismatch between the relationship and interdependence of phraseological units semantics with the component 'Red' is argued. Some cognitive guidelines such as psychological, ethnographic, anthropological, and cultural defining an integrated approach to the study of phraseological semantics and, in particular, the Internet interpretation of phraseological units are presented.

Keywords: phraseological unit, colour component, cognitive consciousness, lexicographical description, interpretation, Internet project, Russian figurative word, public version.

Поиск интересных семантических репрезентаций фразеологических единиц (далее ФЕ) за последние 20 лет постепенно от работы только с текстовыми источниками переместился к «электронному бродяжничеству». Если ранее на страницах Сети можно было найти только контекстуальные употребления ФЕ, позже стали активно размещаться материалы монографий и статей, посвященных проблемам изучения фразеологии, то ныне пространство интернета активно насыщается различной справочной информацией, разнообразно представляющей фразеологический фонд разных языков.

Такие интернет-проекты предлагают версии происхождения ФЕ, авторские интерпретации фразеологической семантики, дают возможность свободного размещения комментариев их посетителей, которые представляют свое видение фразеологического фрагмента языковой картины мира на уровне быденного мышления. По этой причине обозначилась задача изучить интерпретацию ФЕ, «фразеологическую наполняемость» интернета. С одной стороны, это свидетельство несомненного интереса к ФЕ как этнокультурному феномену, и в то же время знакомство с такой популяризацией ФЕ актуализирует философский закон противоречия «двойственной природы: сами знаки принадлежат языковому сознанию,

а выражаемые ими представления – когнитивному» [1, с. 5]. Нами была предпринята намеренная попытка исключить оценку содержания и достоверности материалов посещаемых сайтов – статья в основном направлена на обзор некоторых интернет-проектов, интерпретирующих русскую фразеологию.

Культурная информация может восприниматься разными субъектами, передаваться, обогащаться, трансформироваться за счет ее переосмысления и различных интерпретаций, зависящих от дискурсивных ситуаций, от развития этнокультурного самосознания. И. А. Стернин, акцентируя мысль о ведущей «познавательной» стороне сознания «вообще» как когнитивном сознании, пишет, что «сознание формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а когнитивный субстрат фразеологической семантики проецирует его этнокультурную специфику во внутреннюю форму ФЕ, что впоследствии определяет фразеологические коннотации, социально значимую оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал ФЕ.

ФЕ как косвенно-производные средства, формируя концептосферу русского языка, способствуют установлению реальных корреляций в ряду соотношения структур знания, их категоризации и фразео-

логической репрезентации. ФЕ как своеобразные семиотические коды являются связующим звеном между историей и человеком, духом и сознанием в современной русской лингвокультуре. Множества взаимосвязей, характеризующих языковую модель мира в плане ее многомерности, определяют готовность ФЕ к реализации нового смысла. На том основании, что фразеологические квазистереотипы отражают специфику многообразных национальных практик, семантическая система ФЕ формирует лингвокультурную компетенцию человека.

Достоверность представления экстралингвистических факторов, формирующих внеязыковые смыслы, которые в процессе вербализации стали источником формирования фразеологического значения, репрезентируется нами на примере академического словаря – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: СПбГУ; Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина (А. К. Бирх, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова, 2005).

Обращение к Большому универсальному словарю русского языка: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая, 2016) обусловлено диапазоном представленных ФЕ: впервые в лексикографической практике дана характеристика фразеологической ценности заголовочного слова, способного входить в употребительные коммуникативно важные ФЕ, также «в зоне предъявляются и семантизируются пословицы, поговорки, крылатые слова, не ассоциируемые с русской литературой и культурой, формулы речевого этикета, клишированные образования, обладающие свойством воспроизводимости в неизменном составе» [БУСРЯ, с. 12].

Для поиска примеров интерпретации ФЕ в интернет-проектах для выявления их типичности или расхождения в сопоставлении с академическими Словарями мы в качестве материала исследования, не мудрствуя лукаво, остановили выбор на ФЕ с колоративным компонентом соответственно цветовой гамме спектра солнечного света, представленный, как известно, сказочно красивым небесным явлением – радугой. В. И. Даль представил семантику слова *радуга* в словарной статье «Радость», размышляя над возможными вариантами этимологии слова, например: «<...> веселка малорос. (от висеть? вероятнее, от веселый), но ев завет (не ручаюсь за сродство радуги с радостью, но, как это было радостное явление Ною, то связь вероятна)» [ТСЖВЯ]. Однако начиная с В. И. Даля во всех толковых словарях дается дефиниция радуги как семицветной картины «луча света, прошедшего через клин стеклянный, вид разложенного на цвета света» [ТСЖВЯ].

Из семи цветов солнечного спектра наиболее продуктивно представлен в Словарях в качестве компонента ФЕ «красный», ср.: 1) *красное вино, красное дерево, красный диплом, красный зверь, красный петух, красная книга, Красный Крест, красный лес, красный угол, красный как рак, ради красного словца, красная строка, красная цена, красной нитью проходить (тянуться), долг платежом красен, красная (красна) девица; не красна из-*

ба углами, а красна пирогами; на миру и смерть красна, пустить красного петуха, красная горка, лето красное пропела [БУСРЯ, с. 460]; 2) *красная горка, красная девица, красная шапка* (устар.), *Красная Шапочка, красной нитью проходить, красные береты, красные дети* (устар.), *красный каблук* (устар.), *красный как рак, красный петух, красный угол* [ИЭС, с. 883].

Приведем результаты сопоставления лексикографического описания некоторых ФЕ в указанных выше Словарях и их репрезентации на страницах интернета. При сравнении словарных дефиниций ФЕ *красный петух*, а также их интерпретации в некоторых интернет-проектах выделена ядерная сема «пожар». Следует отметить, что специфика Словарей обусловила объем информации: 1. \diamond *Красный петух* разг. – «пожар» [БУСРЯ, с. 778]; 2. \diamond *Пустить [красного] петуха* – «поджечь что-л., устроить пожар» [БУСРЯ, с. 959]; 3. *Красный петух*. См. *Красного петуха пустить (на крышу посадить)*. <...> *Пускать / пустить (сажать/посадить на крышу) красного петуха кому* – «поджигать что-л., устраивать пожар» [ИЭС, с. 529].

На сайте «Буридо» на странице «Фразеологизмы с „петух“» Дмитрий Сироткин в качестве автора размещает следующую группу фразеологизмов «про поджог» (далее сохраняется интерпретация автора проекта):

- *Красный петух (поджог, пожар)*.
- *Подпускать красного петуха (устраивать пожар, поджигать кого-либо)*.
- *Пускать красного петуха (поджигать что-либо, устраивая пожар)* [1].

Сайт «Copyright © 2010–2020 Словари, энциклопедии справочники – Slovar.cc» дает ссылку для выражения *красный петух* – «пожар» на Словарь воровского жаргона (2012) [2] без указания авторов и наличия какого-либо комментария. Такая связь объясняется одним из толкований: «Выражение вошло в русский литературный язык из языка разбойников» [ИЭС, с. 530] – ссылка на историко-этимологическую версию известного русского языковеда Василия Ильича Чернышева (1866–1949).

Курьезность следующей интерпретации происхождения ФЕ *пустить красного петуха* не столько в компилятивности версии, сколько в комичности подводки толкования к рекламе продажи огнетушителей: «<...> В старой России, где подавляющее число домов и других строений были деревянными, угроза *пустить красного петуха* была мощным сдерживающим фактором в соседских разборках. И только в наше время появилось такое средство для тушения огня, как огнетушитель. Не все пока имеют огнетушители у себя дома, а ведь продажа огнетушителей производится совершенно свободно!» [3].

В. М. Мокиенко, отмечая объективную обусловленность широкого читательского интереса, стимулирующего «обилие популяризаторских версий той или иной, зачастую весьма ненадежной этимологии фразеологизма», определяет значимость историко-

этимологического комментирования в раскрытии общекультурного фона русской фразеологии: «Для художников слова, учителей словесников и широкой читательской массы экскурсы в этимологию и историю фразеологизмов являются и ответом на вопрос «Правильно ли мы говорим?» <...> Правильно раскрытый исходный образ идиомы помогает приблизиться к раскрытию объективной “русской языковой картины мира”, реконструкцией которой занимаются сейчас многие лингвисты и культурологи» [4, с. 3–4].

Несомненно, интегрированный подход к изучению фразеологической семантики с привлечением не только лингвистических, но и психологических, этнографических, антропологических, общекультурных данных, которыми располагает современная наука, способствует адекватной интерпретации культурного пространства. Устойчивые денотативные ситуации генерируют ФЕ и их способность к одновременной репрезентации социальной, мировоззренческой и собственно лингвистической информации в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов. Так, знание, вербализованное ФЕ, превращается в семиотический элемент языкового сознания. Одновременно все формы знания, приведенные в соответствие с социально-культурной структурированностью мира, оказываются объектом косвенно-производной интерпретации отраженного мира, ранее объективированного знаками первичной номинации.

Так, поисковик по запросу фразеологизма *Красная Шапочка* переадресовывал в результате к ФЕ *красная шапка* – ‘Устар. О солдате’ [ИЭС, с. 763], что представлено аналогичной дефиницией выражения на сайте «Словари и энциклопедии на Академике», а сайт «Словари, энциклопедии и справочники онлайн / Фразеологический словарь русского литературного языка» также определяет вариант ФЕ *под красную шапку*. Сайт «Толковый словарь. Пословицы и поговорки. Фразеологизмы» интерпретирует ФЕ *лезть под красную шапку* – ‘делать что-то, чтобы стать солдатом. В старину солдаты носили кранные шапки’ [4].

Лингвистическую интерпретацию ФЕ *Красная Шапочка* находим на сайтах «КАРТАСЛОВ.РУ» и «Викисловарь», где выражение *Красная Шапочка* определяется как ‘имя сказочного персонажа. Вы, как Красная Шапочка, доверчиво разговорились с Серым Волком (А. Т. Аверченко, «Шутка мецената», 1923 г. цитата из НКРЯ)’ [5, 6].

Мониторинг репрезентации ФЕ *Красная Шапочка* на страницах интернета выявил интерпретации внутренней формы выражения – известной всем сказки Шарля Перро из сборника «Сказки матушки гусыни» (1697). Эти неоднозначные интерпретации весьма поразили, смущали, озадачили и даже встревожили нас, несмотря на осознание семантического потенциала ФЕ отфильтровывать «только актуальные для данного этапа развития социума факты национальной культуры и те интернациональные концепты, которые служат вечными ценностями, нашедшими своеобразие преломление в национальной лингвокультуре» [2, с. 12].

Языковая память выражения *Красная Шапочка* – ‘Часто шутл. О храбром и добром ребенке’ – поддерживается образом храброй девочки, смело идущей через лес навесить больную бабушку и не испугавшейся Волка (БМШ, с. 236; ИЭС, с. 764), что демонстрирует избирательную направленность фразеологической семантики по сравнению с лексикой и нацеленность на экспрессивно-эмотивные поля. Носителям русского языка также хорошо известен фильм «Про Красную Шапочку» (1977) – полный вариант названия «Про Красную Шапочку. Продолжение старой сказки» (режиссер Леонид Нечаев), где интересная и необычная интерпретация истории о Красной Шапочке показывает добрую, смелую, веселую, готовую в любой момент подать руку помощи девочку. Однако интернет-проекты многочисленными примерами обнаружили семантическое и стилистическое рассогласование взаимоотношения и взаимообусловленности семантики ФЕ *Красная Шапочка*, концепта, объективирующего положительные характеристики ребенка, и дискурсивного пространства сказки в знакомом с детства варианте.

Сайт «СТУДОПЕДИЯ» представляет связь головного убора – шапочки из красного бархата, подаренной любимой бабушкой, и психологии / психики человека: «*подразумевается не внешняя шапка, равно как и в выражении «DagehtmirderHuthoch» (Дословно: «У меня шапка поднимается», то есть «я выхожу из себя, я теряю терпение». – Прим. перев.)*» [7]. Вводя понятие «*внутренняя шапка*», безымянные авторы подразумевают «*наше собственное мышление, наше мозговое мышление. Ведь мозг сидит, как шапка на голове. <...> наше головное мышление означает некую изоляцию. Ведь в нем живет наш глубоко личный внутренний мир*», защищая человека «*от духовного сверхмира*», связь с которым возможна, «*но не тогда, когда мы, как Красная Шапочка, наивны и неопытны*» [7].

В своем блоге Минаева Анна поместила пост-расследование безымянного автора-историка, где сопоставлены детали народной сказки с характерным для средневековья мотивом каннибализма и литературной обработки сказки Ш. Перро и братьев Гримм [8]. Отметим, что в статье очень подробно представлен прообраз волка – оборотня, вервольфа, а также детальное повествование, как «в реальном судебном процессе официально задокументированы рассказы о том, как вервольф похищал детей, чтобы затем иметь с ними сексуальные контакты» (здесь и далее при цитировании сохранена орфография и пунктуация автора) [8], и этот пример не единственный.

Шарль Перро надел на главный персонаж «не просто какую-то абстрактную «красную шапочку», не просто какой-то там анонимный головной убор, а точно указал тип этой самой шапочки. Девочка носила сделанную из бархата красную шапочку-шаперон (Le Petit Chaperon Rouge). <...> – это средневековый мужской головной убор» [8]. Когнитивный ориентир направлен на этнографические особенности, вопреки которым Красная Шапочка ходила «в мужском головном уборе, к тому же пошитом из той материи и того цвета, которые позволено бы-

ло носить только и исключительно дворянам» [8]. За нарушение девочкой приличий, за ее непослушание разговор с некто в сером, несмотря на предупреждение матери, героиня сказки в итоге и поплатилась. Анализ деталей народной сказки привел автора статьи к выводам о грехопадении Красной Шапочки: «поглощение крови, человеческой плоти и намекающаяся сексуальная связь ребенка с оборотнем...» [8]. Указана символика красного цвета в народных сказках в средневековой Европы как знак силы мистической силы, крови. Так, на чувственно-эмпирическом уровне «языконоситель» как субъект национального самосознания является одновременно и объектом: народ издревле через мифологию, устное народное творчество, народное искусство не только выражал свою душу, но и познавал самого себя.

Следует отметить, что переход сказки «Красная Шапочка» в круг широкого чтения изменил ее текст: «У сказки появился хороший конец и исчезло нравоучение. Эта трансформация была неизбежной, как неизбежным был уход со сцены нравоучительных историй о гибели ребенка, популярных в детской литературе 2-й пол. XVIII в. Оригинальную версию Перро сегодня можно найти лишь во взрослых и комментируемых изданиях. По сути, она стала литературным памятником» [3, с. 306].

Свои поиски смыслов описывает Александр Феденко в статье «Все о Красной Шапочке», которые автор объясняет разными этапами развития женской физиологии. Половое созревание главного персонажа символизирует «головной убор красного цвета – начало детородного цикла» [9]. Одинокую мать, желая «наладить собственную жизнь», отправляет дочь к бабушке «под предлогом заботы о старом и больном человеке» [9]. Ключевые свойства женского архетипа обнаруживаются у волка, а Красная Шапочка видит в постели не волка, а бабушку. «Точнее, ее архетипическое проявление. Бабушка символизирует умершее женское либидо. И бабушка в образе волка символизирует саму смерть. Не только климакс, но и физическое умирание» [9]. Эта статья встретила нам также и на сайте «LIVEJOURNAL» в блоге «mothersway» с анонсом: «Близкая мне интерпретация сказки» [10].

Один из выявленных когнитивных ориентиров интерпретации образа Красной Шапочки – психологический, характеризующийся диаметрально противоположными концепциями. Например, молодой литератор и психолог, представляя волка как опытного мужчину среднего возраста, находит только одно объяснение легкомысленного решения Красной Шапочки «прыгнуть в постель к незнакомому мужчине... Как Вы считаете, это в порядке вещей? Я думаю, что в порядке, но только при одном условии: шапочка, должно быть, проститутка» [11]. Символика цвета в разных лингвокультурах различна, поэтому нелогично сравнивать цвет головного убора персонажа французской сказки и название площади в русском языке, как это делает Непогода: «Вместо заключения.<...> Кстати, обратите внимание на цвет шапки. Он красный. Издревле красный цвет символизирует не только красоту, но, в первую очередь, кровь. Например, Красную пло-

щадь назвали Красной не столько из-за красоты, сколько из-за количества крови на ней пролитой» [11]. Для подтверждения нелогичности сопоставления символичности цвета в разных лингвокультурах приведем культуроведческий комментарий: 1. В русской лингвокультуре **красный** цвет является цветом любви [БУСРЯ, с. 460]; 2. **Красная площадь** – «...> название Красной (т. е. красивой) площадь носит со второй половины XVII века; <...> ансамбль Красной площади признана ЮНЕСКО памятником мирового значения [БУСРЯ, с. 797].

Источником информации «Красная шапочка с точки зрения различных парадигм», размещенной на сайте «Психологи на b17.ru», является статья «Проективная диагностика в сказкотерапии» (Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Е. А. Тихонова). Интерпретация сказки объясняется мировоззрением психолога, последователя «определенной школы (психоанализ, юнгианский анализ, транзактный анализ, бихевиоризм, гуманистический подход и другие)», что объясняет разнообразие психологических воззрений на проявление «в сказке ключевых моментов своей теории» [12].

Остановимся кратко на интерпретации сказки российскими психологами «с позиции ее „жизненных уроков“. <...>Мудрость родителей заключается в том, чтобы вовремя отпустить ребенка, дать ему право на ошибку, на самостоятельный поиск и поддержать его родительским благословением. <...>Чем больше мы запрещаем детям что-либо в директивной форме, чем больше игнорируем их склонность к исследованию запретного и испытанию себя, тем травматичнее могут быть последствия их поступков» [12].

Обращение к многогранности метафоры позволяет определить ценность сказки как драгоценного кристалла «со множеством граней. В зависимости от индивидуальных предпочтений <...> мы выбираем свой „слой“, или свою „грань“, и рассматриваем сказку с ее позиции» [12]. Такой избирательный способ важен для интегрированного подхода к исследованию фразеологической семантики, и в частности к изучению интернет интерпретации фразеологических единиц. Разнообразные интерпретации сказки «Красная Шапочка» и ее героини есть результат когниции субъекта, избирающего те знания о мире, которые представлены содержанием его сознания, когнитивными ориентирами.

А. Мельников, исследователь переводов сказки Шарля Перро «Красная шапочка» в России, указывает на позицию С. Я. Маршака (1934) и М. Булатова (1935), которые были сторонниками творческой переработки сказок и сыграли важнейшую роль в изменении текста финала «Красной Шапочки». Один из важнейших факторов – это игра. «А как можно играть в «Красную Шапочку», если героиня погибает? Здесь и заложена программа радикальной трансформации конца сказки в советской и постсоветской традиции. Однако такая же трансформация текста сказки происходит и в других странах, например в США: Жестокий конец почти полностью исчез из американских версий сказки» [3, с. 302]. В большинстве изданий «Красной Шапочки» в фонде библиотеки Университета Миннесоты и в Кол-

лекции детских книг им. И. Керлана (Kerlancollectio-
nofchildren's books) при этом же университете «траги-
ческий финал сказки заменен хеппи-эндом» [3,
с. 303]. Среди многих интерпретаций сказки мы
в итоге находим подтверждение способности ФЕ
с помощью одного образа, заложенного во внутрен-
ней форме, охарактеризовать самые различные явле-
ния. Образное представление Красной Шапочки как
храброй и доброй девочки, лежащее в основе фразеоло-
гического значения, стало образным центром всей
сказки, услышанной или прочитанной в детстве.

Интерес массового читателя к образным вы-
ражениям, конечно, отличается от профессионально-
го внимания исследователя фразеологии, для кого
достоверность академических источников – слова-
рей разных типов, что представляют фразеологиче-
ский фонд, несмотря на их разнородность и возмож-
ные разночтения, есть постоянный базис научного
познания. Однако языковая картина мира динамична
и в соответствии с эволюционными особенностями
социально-культурной жизни пополняется новыми
словами, образными выражениями и оригинальными
семантическими реализациями.

В Сети много информации, не всегда имею-
щей конкретное автора – часто безымянной, о рус-
ской фразеологии, которая с разной степенью досто-
верности представлена на «разномастных» сайтах.
Интерпретация ФЕ в интернет-проектах, активно
влияющая на формирование когнитивного сознания
носителя языка, не ориентирована на глубинное по-
знание когнитивного процесса формирования фразеоло-
гической семантики.

Академические словари в силу ряда известных
нам причин не могут конкурировать со справочной
информацией интернета, достоверность которой не
оценивается специалистами, но интернет-интерпрета-
ция фразеологизмов – это самый доступный источник
знаний, популяризирующий русскую образную речь.
Некорректное представление содержательной связи
языка с культурой на страницах Сети влияет на не-
правильное формирование когнитивного сознания у
носителей русского языка, а также у иностранцев,
изучающих русский язык, тех, кто впервые знакомит-
ся с русской национальной культурой.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия
слова. Синергетика языка, сознания и культуры. –
М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и куль-
тура: Когнитивно-семиологическая синергетика сло-
ва. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
3. Мельников А. К вопросу о переводах сказ-
ки Шарля Перро «Красная шапочка» в России //
Детские чтения. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 285–309. –
URL: [http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/
view/313](http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/313) (дата обращения: 11.05.2020).
4. Мокиенко В. М. От редактора // Русская
фразеология. Историко-этимологический словарь /
СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. –
3-е изд., испр. и доп./ под. ред. В. М. Мокиенко. – М.
: Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – С. 3–10.

5. Стернин И. А. Коммуникативное и когни-
тивное сознание // С любовью в языку. – М. ; Воронеж,
2002. – С. 44–51. – URL: [http://philology.ru/linguistics1/
sternin-02a.htm](http://philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm) (дата обращения: 13.05.2020).

Словари и справочники

БМШ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулеж-
кова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского
языка. – М. : «Русские словари»: Астрель: АСТ,
2000. – 624 с.

БУСРЯ: Морковкин В. В., Богачева Г. Ф.,
Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь рус-
ского языка: Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковки-
на. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века,
2016. 1456 с. (Фундаментальные словари).

ТСЖВЯ: Даль В. И. Толковый словарь живого
великорусского языка. – URL: [https://www.slovardalja.
net/view_search.php](https://www.slovardalja.net/view_search.php) (дата обращения: 15.04.20).

ИЭС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова
Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический
словарь / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А.
Ларина. – 3-е изд., испр. и доп./ под. ред. В. М. Моки-
енко. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

Источники

- [1] Сироткин Д. Фразеологизмы с «петух» //
Сайт «Буридо». URL: [https://burido.ru/razvitiie-i-obuchenie/
637-frazeologizmu-s-petukh](https://burido.ru/razvitiie-i-obuchenie/637-frazeologizmu-s-petukh) (дата обращения:
09.06.20).
- [2] Красный петух – словарь воровского жар-
гона – Сленг и жаргон // Словари, энциклопедии
исправочники – Slovar.cc». – URL: [https://slovar.cc/
sleng/vor/2488306.html](https://slovar.cc/sleng/vor/2488306.html) (дата обращения: 10.06.20).
- [3] Красного петуха пустить // Проект
«ViktorKudrjavcev. Эсперанто это целый мир». URL:
<https://www.esperanto-plus.ru/fraz/k/krasnij-petuh.htm>
(дата обращения: 10.06.20).
- [4] Толковый словарь. Пословицы и погово-
рки. Фразеологизмы. – URL: [http://tolkru.com/fraza/
page/lezt-pod-krasnuyu-shapku.php](http://tolkru.com/fraza/page/lezt-pod-krasnuyu-shapku.php) (дата обращения:
30.05.20).
- [5] КАРТАСЛОВ.РУ. – URL: [https://
kartaslov.ru/значение-слова/красная%20шапочка](https://kartaslov.ru/значение-слова/красная%20шапочка) (да-
та обращения: 30.05.20).
- [6] Викисловарь. – URL: [ru.wiktionary.org/
wiki/Красная_Шапочка_20шапочка](http://ru.wiktionary.org/wiki/Красная_Шапочка_20шапочка) (дата обращения:
30.05.20).
- [7] Красная Шапочка // Студопедия. – URL:
https://studopedia.ru/9_85775_krasnaya-shapochka.html
(дата обращения: 04.06.20).
- [8] Красная Шапочка. Вымысел или стеб //
Персональный блог: Минаева Анна. – URL: [https://
writercenter.ru/profile/Lissa/blog/krasnaja-shapochka-
vumysel-ili-stjob.html](https://writercenter.ru/profile/Lissa/blog/krasnaja-shapochka-vumysel-ili-stjob.html) (дата обращения: 03.06.20).
- [9] Александр Феденко. Все о Красной Ша-
почке // Частный корреспондент. – URL:
[http://www.chaskor.ru/article/vse_o_krasnoj_shapochke
_38385](http://www.chaskor.ru/article/vse_o_krasnoj_shapochke_38385) (дата обращения: 07.06.20).
- [10] URL: [https://mothersway.livejournal.com/
50978.html](https://mothersway.livejournal.com/50978.html) (дата обращения 07.06.20).

[11] Непогода. Красная Шапочка глазами психолога // Непогода. – URL: <https://proza.ru/2006/06/08-381> (дата обращения: 11.06.20).

[12] Красная шапочка с точки зрения различных парадигм // Психологи на b17.ru. – URL: https://www.b17.ru/blog/krasnaya_warо4ka (дата обращения: 11.06.20).

УДК 81'373

Е. А. Колобова
(Россия, Кострома)

ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И. А. ДЕДКОВА)

Статья посвящена исследованию функций фразеологических единиц на трех композиционных уровнях мемуарного текста: бытовом, историко-философском, личностном. На основе анализа фразеологического состава текста автор приходит к выводу о том, что основной функцией фразеологических единиц в мемуарном тексте является характеризующая функция.

Ключевые слова: фразеологическая единица, мемуарная литература, характеризующая функция фразеологической единицы.

E. A. Kolobova

THE CHARACTERISTIC FUNCTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS (FOR EXAMPLE THE DIARY ENTRIES OF I. A. DEDKOV)

The article is devoted to the study of the functions of phraseological units at three compositional levels of the memoir text: the everyday level, the historical and philosophical level, and the personal level. Based on the analysis of the phraseological structure of the text, the author comes to the conclusion that the main function of phraseological units in the memoir is the characterizing function.

Key words: phraseological unit, memoirs, memoirs, describing the function of the phraseological unit.

Функционализм – один из основных принципов лингвистического анализа – предполагает изучение языковых единиц любого уровня в действии, при исполнении ими их функций в различных текстах. Фразеологические единицы (далее ФЕ), являясь неотъемлемой составляющей языка, активно используются в текстах разных стилях и выполняют определенные функции.

В отечественном языкознании существует различное понимание оснований классификации и количества функций, выполняемых ФЕ. Описание функций ФЕ представлены в работах В. Н. Телия, К. Н. Дубровиной, Д. О. Добровольского, А. В. Кунина, Н. Б. Мечковской, В. П. Жукова, А. В. Жукова, Г. К. Гизатовой и др. Например, Д. О. Добровольский выделяет 5 основных функций: квалифицирующую (характеризующую), идентифицирующую, квантифицирующую, функцию модальных операторов, функцию высказываний [3]. В монографии «Русская фразеология» авторы упоминают грамматическую, текстообразующую, контекстную, оценочную и другие функции, однако отдельной главы, посвященной их описанию, не представлено [7]. В работе Н. Б. Мечковской рассматриваются 10 функций языковых единиц (в том числе и фразеологизмов) с точки зрения социолингвистики: коммуникативная, познавательная, регулятивная, эмоционально-экспрессивная, фатическая, метаязыковая, эстетическая, этническая, магическая, биологическая [9]. Анализируя фразеологию английского языка, А. В. Кунин выделяет константные (коммуникативную, познавательную / когнитивную, номинатив-

ную) и вариативные (семантические и прагматические) функции ФЕ, относя к семантическим волюнтаривную, дейктическую, результативную, а к прагматическим – стилистическую, кумулятивную, директивную, оценочную и резюмирующую функции. Кроме того, ученый отмечает выполнение фразеологизмами текстообразующей (контекстообразующей), оценочной, характеризующей, терминологической функций [8, с. 115]. Описывая разнообразные функции единиц, исследователь справедливо отмечает, что в контексте фразеологизм выполняет несколько функций одновременно.

Представленные выше типологии демонстрируют отсутствие единого терминологического аппарата в описании функций, а также нечеткие позиции учёных в определении приоритетности тех или иных функций ФЕ в текстах. По мнению А. В. Кунина, основная функция ФЕ нейтрально-назывная [8, с. 112], тогда как К. Н. Дубровина [4, с. 56], В. Н. Телия [10], А. И. Федоров [11], Д. О. Добровольский к важнейшим функциям ФЕ относят экспрессивно-оценочную (характеризующую): «Фразеологизмы создаются не для называния каких-либо новых явлений (этим они отличаются от терминологических сочетаний типа *железная дорога, коробка скоростей* и т. п.), а для конкретизации и образно-эмоциональной оценки предметов, явлений, действий, качеств, уже названных в языке...» [11, с. 13].

На наш взгляд, наиболее значимой является именно характеризующая функция фразеологизмов, которые, будучи образными, экспрессивными единицами языка, не столько называют предмет, явле-

ние, действие, состояние, сколько дают ему характеристику, оценку, определяют стилистическую специфику текста.

Рассмотрим особенности характеризующей функции ФЕ на примере мемуарного текста «Дневника» Игоря Дедкова.

Дневник – это «динамическая автохарактеристика, выражающая бытие человека методом высказываний, группирующихся в устойчивый временной ряд» [5, с. 14]. В представленном определении содержится, на наш взгляд, указание на три основных композиционных уровня текста, которые непосредственно взаимосвязаны и замыкаются на личности писателя:

1) Бытовой уровень – рассказ об окружающих вещах, о событиях в семье, о поездках.

2) Историко-философский уровень – размышления о человеке и о его месте в жизни, о Боге, о политической обстановке в стране, о быстротечности жизни.

3) Личностный уровень – уровень самохарактеристики, который позволяет понять душевное состояние автора.

Дневниковые записи более субъективны и вместе с тем более непосредственны, искренни, чем другие виды мемуарных источников, более других призваны «показать особенности человеческого сознания» [1, с. 29]. Дневник И. А. Дедкова создавался для «себя», а не для опубликования. Именно поэтому автор не просто описывает события, людей, размышляет о себе и о мире, но и высказывает свое отношение к изображаемому, давая яркие, непосредственные, точные характеристики. Один из способов подобной характеристики – умелое использование фразеологических единиц.

Состав, количество и специфика фразеологизмов отличаются на разных уровнях текста. В «Дневнике» мало описаний бытовых подробностей жизни критика, его семьи. Повседневная жизнь, судя по содержанию произведения, интересовала Дедкова в основном как толчок для размышлений философского характера, поэтому фразеологизмы на бытовом уровне текста встречаются редко. В основном это узуальные ФЕ разговорного / просторечного оттенка, призванные дать экспрессивную характеристику элементам быта, дополнить авторское описание. Например, рассказывая о пребывании на юге, Игорь Александрович достаточно подробно описывает дом, в котором останавливался вместе с женой: «Жили мы в стороне от дороги, почти в ущелье. Во всяком случае, дом этот (фамилия хозяев – Яковлевы; старик, видимо, русский, старуха – осетиночка) – *на отшибе*; сначала по тропе поднимаешься, потом спускаешься; там, кажется, даже климат другой: теплее, прохладнее, влажнее...». [2, с. 331]. Просторечный фразеологизм *на отшибе* («в стороне, на некотором отдалении от чего-либо» [ФСРЯ, с. 306–307]) дополняет созданный автором образ дома, указывая на его уединенность, отдаленность, обособленность.

Будучи человеком умным, Дедков понимал и открыто в своем дневнике характеризовал те процессы, которые происходили в политической жизни

страны, в литературной среде. Как часто бывает в мемуарных текстах, ситуации из жизни становятся поводом для философских обобщений.

«А еще читал я сегодня рукопись Л. Б. Шульца для ярославского издательства. Называется «Общественная сила красоты». Первая глава – из диссертации на докторскую степень; нечто серьезное; все остальное – во имя публикации, преимущественно политическая, оснащенная необходимыми ссылками на первых лиц в государстве банальщина. Тоже ведь удивительно. Все вроде человек понимает, но понимание для-себя – это одно, а дело (карьера, успех, престиж и т. п.) – другое. Популярное нынче раздваивание, и туда поглядишь – *Янус*, и туда – *Янус*. Вот и разгляди единственное естественное лицо человека» [2, с. 270]. Описывая сложившуюся в стране ситуацию, Игорь Александрович отмечает ее характерную черту – двойственность – и использует фразеологизм *двуликий Янус* («двуличный человек», [ФСРЯ, с. 542]), трансформируя его синтаксическую структуру, вычлняя семантически значимый компонент структуры и семантики и повторяя его дважды. Контекстное окружение и синтаксический строй усиливают значение фразеологизма, интенсифицируя сему «двуличный»: контекстные антонимы (*нечто серьезное – банальщина; для-себя – дело; раздваивание – единственное естественное лицо*), существительное *раздваивание*, вступающее в синонимическую связь со значением фразеологизма, синтаксический параллелизм предложений. Использование книжного фразеологизма мифологического происхождения неслучайно и типично для Дедкова. Включение ФЕ такой стилистической окраски характеризует уровень языковой личности автора, отражает его начитанность, философский ум, разностороннюю образованность.

Размышляя об «общественной ценности» каждого человека, И. А. Дедков с помощью фразеонабора дает яркую отрицательную характеристику людям, которые судят о человеке по его роду занятий: «Я знаю, мои попутчики давно забыли это путешествие [поездка по размытой дороге в грузовике с нетрезвым водителем – *Е. К.*], как забываем мы номера пассажирских вагонов, в которых приходилось ездить по важным и пустяковым делам. А я помню, как сентиментальный чудак или того хуже, как наивный юноша, не знающий жизни. Ах, сколько у нас развелось мудрецов и оракулов и сколько их *сидит на наших шеях, свесив свои упитанные ножки!* Кто для них Александр Иванович? Шофер грузовика. А беднейшая женщина, вдова Александра Николаевича из нашего учреждения? Уборщица. Этим сказано все. На товар *наклеен ярлык*: цена 360 рублей. Вы получаете по труду. Такова ваша общественная ценность» [2, с. 45]. Представленный контекст показывает отношение Дедкова к сложившейся в стране социальной ситуации, характеризует расслоение советского общества, взаимоотношения между людьми, живущими «на земле», и теми, кто пользуется результатами чужого труда. Для усиления эмоционального плана автор использует преобразованный фразеологизм *сидит*

на наших шеях, свесив свои упитанные ножки, созданный на базе ФЕ *сидеть на шее* ('быть на содержании, иждивении, попечении, обременяя кого-либо' [ФСРЯ, с. 423]). Дедков расширяет компонентный состав фразеологизма местоимением *наших*, использует форму множественного числа субстантивного компонента (*шеях*), чтобы обобщить явление, придать ему общенародный масштаб, представить характерный образ рабочего человека того времени, который содержит «элиту». Для усиления образности автор включает в структуру фразеологизма устойчивое сочетание *свесив ножки* ('не доставая до пола, до земли' [ТСРЯ, с. 860]), которое имеет, на наш взгляд, глубинный смысл – характеризует оторванность людей из высшего круга от простого народа, живущего и работающего на земле. Компонент *упитанные* завершает созданную автором негативную характеристику представителей власти, противопоставляя их «беднейшей уборщице» и обыкновенному шоферу. Подобные наблюдения приводят Игоря Дедкова к философским размышлениям о значимости человека, о стереотипах, присущих обществу, о том, что очень часто о людях составляют мнение по первому впечатлению. Уподобляя значимость человеческой личности товару с ценником, автор использует фразеологизм *наклеивать ярлыки* ('давать кому-либо или чему-либо поверхностную, одностороннюю характеристику; необоснованно приписывая кому-либо или чему-либо какие-либо свойства, качества и т. п., формально, шаблонно оценивать, характеризовать' [ФСРЯ, с. 264]), преобразуя стержневой глагольный компонент в форму страдательного причастия, указывая таким образом на зависимость людей от общественного стереотипа.

Дневниковые записи содержат не только анализ явлений окружающего мира, размышления на философские и общечеловеческие темы, но и обязательную саморефлексию, описание внутреннего состояния автора. «Дневник – это молчаливое вслушивание в себя, “возникновение” в самом себе чужих голосов, молчаливый диалог, в котором важна не передача информации, а воссоздание состояния духа» [6, с. 17]. «Мечущаяся душа» – таким словосочетанием можно охарактеризовать состояние духа Игоря Дедкова. Жизненные обстоятельства (ссылка в Кострому, пристальное внимание органов госбезопасности) и глубокий ум, позволяющий видеть все негативные стороны жизни и чувствовать несправедливость, тонкая душевная организация, – все это накладывало отпечаток на мироощущение писателя. В «Дневнике» активно используются ФЕ, которые передают авторские чувства, характеризуют душевную настрой. Анализ личностного уровня выявил книжные фразеологизмы, относящиеся к тематической группе «Беспкойство. Волнение. Переживание. Тревога».

«Я думал, что вот-вот вернусь к обычному состоянию, то есть буду работать, писать, но возвращение происходит трудно и не без горечи. *Выбился я из колеи* и никак не могу вернуться» [2, с. 160]; «Смешно сказать, но телефонный звонок пятого

числа от некоего К. (представился «писателем») *выбил меня*, что называется, *из колеи*» [2, с. 179]; «Все время приходит, *не дает покоя* годами мысль: почему они так боятся – в своей стране, на своей земле – своего народа?» [2, с. 201]; «...И совсем *не стало на душе покоя*, а сомнениям всяким, недовольству собой – только дай волю, словно где плотину снесло» [2, с. 265]; «Настроение у меня странное: написанное написано, и думаю я и теперь о будущем, о том, что предстоит написать. *Покоя на душе нет*, большой удовлетворенности тоже» [2, с. 346].

Таким образом, анализ текста показывает, что автор мемуарного текста использует фразеологизмы преимущественно книжного стиля на разных композиционных уровнях текста с целью яркой, точной характеристики явлений бытового, историко-философского и личностного плана.

Литература

1. Богданова Е. В. Языковые особенности жанра дневника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 2 ч. – 2008. – № 1. – Ч. I. – С. 28–33.
2. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
3. Добровольский Д. О. Типология идиом // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М. : Наука, 1990. – С.48–62.
4. Дубровина К. Н. Особенности функционирования в языке фразеологических единиц // Функциональное описание русского языка : сб. науч. тр. – М., 1995. – С. 53–58.
5. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С.14.
6. Ёлшина Т. А. «Госка невысказанных слов»: дневник Игоря Дедкова // Костромской гуманитарный вестник. – Кострома : Изд-во КГУ, 2011. – С. 16–22.
7. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. – М. : Высшая школа, 2006. – 208 с.
8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.
9. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 310 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурный аспекты. – М., 2006. – С. 238–255.
11. Фёдоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск : Наука, 1980. – 192 с.

Словари, справочники

ТСРЯ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Советская энциклопедия, 1997. – 846 с.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1968. – 543с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИМЕТ В ПРОЗЕ Б. В. ШЕРГИНА

Статья посвящена изучению примет как средства выражения жизни и быта поморов. На материале рассказов разных лет Б. В. Шергина показано, как приметы участвуют в репрезентации местного колорита.

Ключевые слова: приметы, язык Бориса Шергина, язык писателя.

N. I. Komkova

FUNCTIONING ACCEPT IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN

The article is devoted to the study of omens as a means of expressing the life and everyday life of Pomors. It is shown which tokens of Boris Shergin are involved in the representation of the local color on the basis of stories from different years.

Keywords: omens, language of Boris Shergin, the writer's language.

Народные приметы – огромный пласт национальной культуры – входят в паремиологический фонд языка наряду с пословицами, поговорками, загадками. Приметы связаны с представлениями человека об окружающем мире и обладают познавательным потенциалом. В этом фольклорном жанре концентрировались дошедшие из глубины столетий, проверенные жизненным опытом точные и верные наблюдения, которые не только не утрачивают своего содержания, но и подтверждают его.

Существуют различные определения примет. Одним из наиболее точных считаем определение, данное Н. Н. Семененко в русле когнитивной парадигмы: это «паремический жанр, служащий средством стереотипизации прогноза когнитивно-прагматической деятельности по культурному освоению окружающего мира» [2, с. 121]. Любая примета структурно состоит из двух обязательных частей: событие и прогноз – и одной второстепенной или утраченной («страховка на случай плохого прогноза») [5, с. 133]. Е.Е. Тонкова подразделяет приметы на календарные, погодные (метеорологические) и бытовые [4, с. 6].

Проза Б. В. Шергина содержит народные поверья, предания, суеверия, являющиеся неотъемлемой частью жизни поморов, отражающей самобытность их жизни и культуры. Ал. Горелов считал, что «приметы в прозе Б.В. Шергина – сама жизнь той земли, что Архангельском зовётся» [7, с. 460]. Отождествляя пророческие тексты с приметами, можно сказать, что последние «в формальном плане представляют собой знаки и указывают на общую благоприятность или неблагоприятность событий, которые должны произойти в обозримом будущем» [1, с. 67].

Цель данной статьи – проанализировать состав и особенности функционирования примет в прозе Б. В. Шергина.

Материалом исследования послужили следующие рассказы Б. В. Шергина: «Детство в Архангельске», «Миша Ласкин», «Дождь», «Соломоноида Золотоволосая».

Обращаясь к прозе Б. В. Шергина, можно сказать, что наиболее распространены метеорологические приметы, которые в данной работе мы также будем называть «прогнозные». Это обусловлено тем, что творчество Б. В. Шергина неразрывно связано с жизнью и бытом поморов, делом жизни которых издавна считалось морское ремесло, поэтому будущее каждого помора зависело от точности прогноза погоды.

Так, в рассказе «Детство в Архангельске» Шергин говорит, что самое спокойное и благодатное время для жён Севера – зима, когда мужья их возвращаются с промысла: «Пове́терь дует вашим-то. Скоропóлучно домой ждите» [7, с. 31]. Ср.: *Пове́терь* – «попутный ветер» [КСПЯ, с. 95].

В данной примете есть событие, обозначенное диалектной лексемой *пове́терь*, которая в свою очередь является прогнозом (гарантом) благополучного возвращения в родную гавань. Так называемая «страховка» заключена в слове *скоропóлучно*, то есть максимальная быстрота прибытия зависит от попутного ветра. При других обстоятельствах возвращение кораблей также возможно, но займёт больше времени.

Вышеприведённую примету мы не находим ни у В. И. Даля, ни в народных сборниках поверий и примет, что говорит о её локальной направленности. Б. В. Шергин описывал суеверия своих соотечественников, зачастую понятные только людям, чей труд был связан с корабельным делом. Ал. Горелов отмечал, что жизнь помора – «единый знак, но знак истинно поморский, архангельский» [7, с. 156].

Вообще у Б. В. Шергина морское пространство представлено лаконично и выразительно, как, например, в рассказе «Двинская земля»: «В летние месяцы, как время придет на полночь, солнце сядет на море, точно утка, а не закатится, только снимет с себя венец. И небо загорится жемчужными облакам, и вся красота отобразится в водах. Тогда ветры перестанут и вода задумается. Настанет в море великая тишина» [7, с. 16].

Событие прихода лета прогнозирует урожай. Но богатство даров леса и пашни напрямую связано с погодными условиями, которые и являются вариан-

тивной частью приметы, той самой «страховкой», о которой мы говорили выше. В рассказе «Дождь» употреблена примета *Не быть ли дождю, – вся дрожь* [7, с. 137], в рассказе «Соломоноиде Золотоволосая» – *Ночью с моря упадёт мороз, значит своего хлеба не будет* [6, с. 117], в рассказе «Миша Ласкин» – *Если небо красное с вечера, то утром будет сильный ветер* [7, с. 35], в рассказе «Дождь» – *Гром гремит, путь к воде готовит* [7, с. 137].

Данные приметы также топичны, они являются неотъемлемой частью жизни поморов, характерны для того или иного времени года, вполне узнаваемы, но не отражены в общерусских сборниках заговоров и суеверий, так как являются исконно архангельскими. Так, С. А. Токарев, сравнивая суеверия египтян с поверьями славянских племён, отмечает, что «уклад жизни и природные условия составляли центральный опус заговоров и заклинаний» [3, с. 121], передававшийся из поколения в поколение. Эта локальность примет и их кульминационная роль в жизни поморов присуща и прозе Б. В. Шергина.

Таким образом, из трёх основных типов примет в произведениях Б. В. Шергина употребляются погодные («прогнозные») приметы. Календарных паремиологических единиц, связанных с праздниками, конкретными днями ежегодного цикла, нет в прозе писателя, но есть приметы, которые привязаны к определённому времени года, и мы можем ежемесячно определить их местоположение в природном цикле. Локусная направленность примет отражает самобытность и уникальность уклада жизни поморов, особенности местного колорита, что находит отражение в творчестве Б. В. Шергина.

Литература

1. Берестнев Г. И., Киреева Я. А. Язык и когнитивная структура профетических текстов // Антикность и русское православие : монография. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 221 с.
2. Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигмапаремиологической семантики (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук:10.02.01. – Белгород, 2012. – 418 с.
3. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. – М. : Либрикорм, 2012. – 168 с.
4. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиции лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 18 с.
5. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. – М. : Русская школа, 2010. – 320 с.
6. Шергин Б. Повести и рассказы. – М. : Лен-издат, 1984. – 495 с.
7. Шергин Б. Сказы и сказки. – М. : Современник, 1983. – 365 с.

Словари и справочники

- КСПЯ*: Моисеев И. И. Поморская говоря: Краткий словарь поморского языка. – Архангельск, 2005. – 138 с.
- ТСЖВЯ*: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – Т. 1–4.
- СЛПТ*: Эрштадт А. М., Иванищева, О. Н. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов. – Мурманск, 2016. – 238 с.

Ю. А. Кононченко
(Украина, Луганск)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК КОМПОНЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. СПЕКТОРА)

В статье раскрываются особенности функционирования фразеологизмов в творчестве Владимира Спектора как маркеров этнонациональной культуры, а также влияние региональной ситуации на формирование индивидуально-авторской картины мира писателя.

Ключевые слова: языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, концепт, фразеологические единицы.

Y. A. Kononchenko

PHRASEOLOGY AS A COMPONENT OF AN INDIVIDUAL AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE POETRY OF VLADIMIR SPECTOR)

The article reveals the features of the functioning of phraseological units in the work of Vladimir Spector as markers of ethnonational culture, as well as the influence of the regional situation on the formation of the individual author's picture of the writer's world.

Keywords: language picture of the world, individual author's picture of the world, concept, phraseological units.

В конце XX – начале XXI столетия усилился интерес к рассмотрению фразеологического состава языка с точки зрения лингвокультурологии, то есть изучение функций, лингвостилистических потенциалов, текстотворческих возможностей и прагматики фразеологических единиц как компонентов индивидуального мировоззрения в языковой картине мира писателя. Исследователи неоднократно отмечали национальную уникальность фразеологизмов относительно отражения в них элементов национального менталитета или региональных особенностей. То есть в языке в основном закрепляются и становятся фразеологизмами те аспекты значений, которые ассоциируются с культурно-национальными моделями, стереотипами, идеалами, а также региональными социально значимыми концептами.

Проблемам функционирования фразеологических единиц в авторских текстах посвящены работы Л. Г. Авксентьева, Н. Ф. Алефиренко, В. М. Белоноженко, В. Н. Вакурова, И. С. Гнатюк, В. С. Калашника, Н. П. Коломийца, Ю. Ф. Прадеда, А. В. Супрун, Л. Г. Скрипник, В. Д. Ужченко, В. А. Чабаненко и др. Однако многоплановость предмета исследования, а также разножанровая сфера функционирования этих языковых единиц обуславливают возможность и необходимость дальнейшего изучения проблемы.

Поэт и публицист Владимир Спектор является ярким представителем творческой элиты Донбасса. Владимир Давыдович – известный поэт, автор более 20 книг стихотворений и очерковой прозы. Публицист, член Национального Союза журналистов Украины, главный редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш», в недавнем прошлом собкор киевской газеты «Магистраль». Работал главным редактором теле- и радиокomпаний в Луганске. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат литературных премий, среди которых – премии имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Сергея

Михалкова, «Круг родства» имени Риталия Заславского. Почти двадцать лет – руководитель Межрегионального Союза писателей [1].

«Учусь писать у русской прозы, влюблён в её просторный слог, чтобы потом, как речь сквозь слёзы, я сам в стихи пробиться мог» – эти строки Д. Самойлова очень близки луганскому писателю [1]. Плеяда русских поэтов во главе с Пушкиным оставила неизгладимый след в жизни писателя и навсегда определила выбор поэтического языка. Следует также отметить, что на формирование языковой картины мира В. Спектора огромное влияние имела языковая ситуация данного региона: несмотря на то, что украинский язык находился в статусе национального, родным для жителей Донбасса был и остается русский язык, преобладая в повседневном общении.

Поэтический язык В. Спектора на сегодня практически не исследован и представляет значительный научный интерес. В частности, актуальным является анализ фразеологического материала в произведениях поэта как одного из весомых компонентов языковой самоидентификации личности автора. Поэтические образы, искренность, доверительность интонации, образность, метафоричность, глубина размышлений, пронзительность, виртуозное владения словом, рифмой, добротой, милосердие – все это делает творчество автора уникальным. Именно поэтому фразеологизмы, введенные в кайму поэтического текста, у В. Спектора кажутся особенно глубокими: «Двойная жизнь, как двойная мораль, / Но наша мораль крепка, как сталь. / Двойная жизнь – как двойное дно, / Где два лица, хоть лицо одно» [2, с. 21]. Фразеологизм *двойное дно*, указывающий на наличие скрытого смысла, усиливает двойственность, которую хочет подчеркнуть автор, повторяя слово «два»: «двойная жизнь», «двойная мораль», «два лица». Таким образом автор подчеркивает двойственность человеческой природы, у которой «одно лицо».

Фразеологизация поэтического текста В. Спектора имеет глубокое философское значение, размышления о жизни: «Как уходит молодость? / Как в песок вода. / С нею – всё, что так / Манило прежде» [1, с. 34]. Фразеологизм *как вода в песок* подчеркивает зыбкость бытия и быстротечность времени, грусть автора по молодости, утраченному времени, переоценке ценностей.

Размышления о человеческой природе и быстротечности бытия наталкивают автора на мысль, что все нужно делать на должном уровне и своевременно: «Едем, едем... Кто-то кружит, / Кто – петляет по спирали. / И следит – не *сесть бы в лужу*, / Чтобы вдруг не обогнали» [2, с. 29]. Фразеологизм *сесть в лужу* (т. е. оказаться в глупом, неловком положении, потерпеть неудачу) в индивидуально авторской интерпретации автора противопоставляется вечному движению («едем, едем...»), круговороту жизни, в котором у каждого свое место («кто-то кружит, кто – петляет по спирали»).

Фразеологизм *молчание – золото* (*слово – серебро, а молчание – золото*) широко используется многими писателями, не стал исключением и наш луганский поэт: «Они исчезают, но злость и добро, / И все, / Что посеяно ими – возрастает. / Молчание – золото. / Пусть серебро / останется нам, / и, как лед, не растает» [1, с. 22]. В. Спектор переосмысливает его значение, подчеркивая дуальность моральных ценностей («злость и добро») и понятий («серебро – золото»), делая акцент на выборе слова как орудия против всего, что «посеяно» злом, как права голоса, выражения собственного мнения и реализации своего потенциала.

Фразеологизм *бабье лето*, который означает ясные, теплые дни в начале осени, уже давно стал частью бытовой лексики. Так когда-то называли легкую паутинку, которая летала по полям и лесам, предвещающая сухую осень. Она ассоциировалась с едва заметными «серебряными» волосами у относительно молодой женщины, а жаркие дни – с ее возрастом, в котором женская красота уже полностью раскрылась [3]: «*Бабьим летом* согрет горизонт. / Бабья осень теплу не помеха. / Атмосферный, но, все-таки, фронт / Громыхнул затихающим эхом» [2]. В. Спектор переосмысливает фразеологизм, расширяя его авторским поэтическим образом *бабья осень*, сохраняя его изначальное значение. Летняя гроза ассоциируется у автора с фронтом, гром которого «затихает эхом», даря надежду хоть ненадолго повернуть время вспять.

Особое место и в литературе, и в творчестве писателя занимают фразеологические единицы, при формировании которых в основе лежат зоонимы, в том числе и национальные слова-поэтизмы. Фразеологизм *собачья жизнь* означает жизнь, полную невзгод, разочарований и несчастий: «С кем сегодня девушка-удача? / Как поймать её лукавый взгляд? / Даже если *жизнь* совсем *собачья*, / Есть удача где-то, говорят» [1, с. 28]. Фразеологизм *жить собакой* означает прожить жизнь в бедности, нищете. Поэт переосмысливает его значение, оставляя надежду на счастье и удачу, на светлое будущее.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе – предостерегает русская поговорка, которая уже стала фразеологизмом. В. Спектор интерпретирует ее, подчеркивая дуальность бытия: «Кому-то суждена столица, / Кому-то Ницца, море, юг... / А я держу в руках *синицу*. / И счастлив с ней? Одно из двух» [1, с. 15]. Его размышления так и остаются без ответа: либо да, либо нет...

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтический язык В. Спектора богат на яркие образы и национально-культурные устойчивые выражения. Фразеологические единицы занимают особое место в творчестве поэта, формируя индивидуально авторский стиль. В условиях регионального билингвизма языковая картина мира В. Спектора формируется под влиянием социального опыта и эмоционального состояния автора, образуя его уникальность.

Литература

1. Спектор В. Все будет хорошо: Новая книга стихов. – Луганск, 1998. – 79 с.
2. Спектор В. История любви забытой: Новая книга стихов. – Луганск, 1993. – 107 с.

Источники

- [1] Владимир Спектор: «Жизнь – моё ремесло». – URL: <https://podlinnik.org/geobarometr/nasledie/vladimir-spektor-zhizn-moe-remeslo.html> (дата обращения: 14.06.2020).
- [2] Владимир Спектор. Новые стихи. – URL: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=8086> (дата обращения: 14.06.2020).
- [3] Приложение: Список фразеологизмов русского языка. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 14.06.2020).

Т. П. Куранова
(Россия, Ярославль)

РАСШИРЕННАЯ МЕТАФОРА КАК ВИД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИИ В ЖАНРЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ

Статья посвящена такому виду структурно-семантических модификаций фразеологических единиц в жанре спортивного комментария, как расширенная метафора. Данный прием используется с целью усиления образности и увеличения экспрессивного потенциала фразеологизма, что ведет к образно-семантическому и эмоциональному обогащению спортивного контекста.

Ключевые слова: спортивный комментарий, трансформация ФЕ, расширенная метафора.

T. P. Kuranova

EXTENDED METAPHOR AS A TYPE OF PHRASEOLOGICAL INNOVATION IN THE GENRE OF SPORTS COMMENTARY

The article is devoted to such type of structural and semantic modifications of phraseological units in the genre of sports commentary as extended metaphor. This technique is used to enhance imagery and increase the expressive potential of phraseology, which leads to figurative-semantic and emotional enrichment of the sports context.

Keywords: sports commentary, transformation of phraseological units, extended metaphor.

Спортивный комментарий является важнейшей составляющей современной спортивной журналистики. Востребованность комментария как жанра объясняется психологической особенностью человека – стремлением разделить свои эмоции, полученные в ходе просмотра соревнований (здесь комментатор выступает в роли невидимого собеседника), а также получить дополнительную информацию о спортивном противостоянии. Выполнение этих функций берет на себя комментатор, который становится медиатором спортивного события.

По мнению исследователей, речь современного комментатора отличается повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. Особый интерес в жанре спортивного репортажа представляют фразеологизмы, подвергшиеся индивидуально-авторскому преобразованию.

В данной статье мы рассмотрим фразеологические инновации в телетрансляциях хоккейных матчей на канале «Первый Ярославский» в исполнении комментатора Сергея Курицына, определим цели их использования в спортивном телевизионном дискурсе.

Большое количество примеров в анализируемых репортажах свидетельствует о том, что наиболее продуктивным приемом окказиональной трансформации ФЕ в речи регионального комментатора является расширенная метафора.

По словам Е. Ф. Арсентьевой, расширенная метафора – сложное преобразование, которое ведет к группировке дополнительных подобразов вокруг основной метафоры, заключенной в ФЕ [2, с. 25]. Обратимся к примерам, иллюстрирующим случаи реализации расширенной метафоры в хоккейных репортажах С. Курицына.

1) «Посмотрим / какие козыри / будут выкладывать гости / чем будут бить команду / которая в прошлое воскресенье / проиграла //» (о ХК «Локомотив»).

Основой высказывания послужила метафора, заключенная в просторечном фразеологическом обо-

роте *выложить (свой) козырь*, употребляемом в значении ‘привести какой-либо аргумент, подтверждение чему-либо’ [ФСРЛЯ]. За счет использования такого стилистического приема, как расширенная метафора, телекомментатор оказывает образно-эмоциональное воздействие на телеаудиторию.

В следующем примере базовая метафора ФЕ *показывать зубы*, то есть ‘вести себя жёстко и агрессивно’ [ФСРЯ], ‘в резкой форме проявлять враждебность, нетерпимость, готовность дать отпор противнику’ [ФСРЛЯ], расширяется за счет появления подобраза, который создает метафорическую связь и может быть понят только в соотношении с основным образом фразеологизма.

2) «Редлихс / всё время *показывает зубы / но укусить не может //*».

Таким образом, расширенная фразеологическая метафора передает информацию об эмоциональном состоянии нападающего, отчаянных попытках в атаке и безуспешности действий игрока команды «Локомотив» Микелиса Редлихса.

Состав фразеологизма часто расширяется за счет уточняющих слов, что наглядно видно в следующем контексте:

3) «„Локомотив“ / *если не взял быка за рога / то потрогал рожки козленка //* Образно выражаясь / прощупал Касутина (вратаря) //».

Приведенный фрагмент комментария также иллюстрирует случай реализации расширенной метафоры. Телеведущий С. Курицын актуализирует образную основу известного выражения, которое служит «строительным материалом» для образования новой ФЕ, игрового образного высказывания. В результате фразеологической игры достигается оценочный и воздействующий эффект, комментарий становится ярким и привлекательным.

Развитие образной структуры фразеологизма путем **внедрения в нее дополнительных элементов** увеличивает семантическую спаянность оборота с контекстом:

4) «Джэфф Плэтт / это наша палочка-выручалочка / уже 2-й сезон // Не то / чтобы *поднять* / *упавшее знамя* «Локомотива» / и нести / а просто *поддерживать его* //».

В связи с включением в состав фразеологизма тематически сходных компонентов, книжный оборот *поднять знамя* приобретает контекстуальное значение 'продолжать действовать во имя своей команды, бороться ради нее'. Метафорическая форма высказывания, установление ассоциативных связей обуславливают прагматический эффект и выполняют оценочную функцию в прямом эфире, что подтверждает следующий пример.

5) «Но мы-то хотим большего / не только первого раунда плей-офф / а дальше // *Аппетиты* / *приходят во время еды* / а сейчас у нас *затравочка* / *такой бульончик* / *на разогрев* //»

В данном комментарии «добавочные образы, лежащие в основе ассоциативных метафор и группирующиеся вокруг “базовой метафоры” фразеологической единицы» [1, с. 91] *аппетит приходит во время еды*, служат оценкой мотивации и поведения игроков команды «Локомотив». Таким образом, на первый план в данном контексте выходит оценочно-характеризующая функция фразеологизма, которая позволяет более ярко представить сложившуюся ситуацию.

Совокупность текстов телетрансляций хоккейных матчей, проанализированная нами, позволяет сделать вывод о том, что расширенная метафора является важным смыслообразующим фактором телевизионного спортивного дискурса [3, с. 79]. Прием расширенной метафоры используется с целью усиления семантики, образности и увеличения выразительного потенциала фразеологизма, что ведет к образно-семантическому и эмоциональному обогащению спортивного контекста. Использование расширенных метафор обусловлено стремлением тележур-

налиста создать оценочный комментарий действий игроков и происходящих на арене событий [4]. Таким образом, контекстуальные преобразования ФЕ выполняют оценочную, образно-эмоциональную и воздействующую функции в спортивном дискурсивном пространстве.

Литература

1. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеогрфия в сопоставительном аспекте: (на материале русского и английского языков). – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 171 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Контекстуальное использование фразеологических единиц: коллективная монография. – Казань : Хэтэр, 2009. – 168 с.
3. Куранова Т. П. Индивидуально-авторские метафоры в телевизионном спортивном репортаже // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 2. – С. 78–83.
4. Куранова Т. П. Метафора как средство создания выразительности в дискурсе телевизионного спортивного репортажа // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского» / под науч. ред. М. Ю. Егорова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 111–116.

Словари и справочники

- ФСРЛЯ*: Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель : АСТ., 2008. – 828 с. – URL: [https:// phraseology.academic.ru](https://phraseology.academic.ru) (дата обращения: 06.03.2020).
- БФСРЯ*: Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. Е. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2006. – 784 с. – URL: <https://rus-phrase-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 06.03.2020).

О. В. Ломакина

(Россия, Москва)

А. С. Макарова

(Россия, Москва)

**ЭПТОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕНТР
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО И ГАЗЕТНОГО МЕДИДИСКУРСА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ)**

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 17-29-09064**

Статья посвящена изучению современных заголовков. Показаны особенности функционирования трёх эпонимов (крылатых единиц) в газетной публицистике и православной интернет-публицистике, на основании чего делается вывод о вхождении этих единиц в современный концентр.

Ключевые слова: заголовок, эпоним, крылатая единица, концентр, медиадискурс, православный медиадискурс.

O. V. Lomakina**A. S. Makarova**

**EPTONYMIC CONCENTER OF THE MODERN ORTHODOX AND NEWSPAPER MEDIA DISCOURSE:
COMPARATIVE ANALYSIS (ON THE MATERIAL OF TITLES)**

The article is devoted to the study of modern headlines. The features of the functioning of the three epityms (winged units) in newspaper journalism and Orthodox Internet journalism are shown, on the basis of which it is concluded that these units are included in a modern concenter.

Keywords: headline, epitym (winged unit), concenter, media discourse, Orthodox media discourse.

Публицистический стиль является наиболее восприимчивым к реалиям, поэтому переход средств массовой информации в Интернет-пространство требует смещения исследовательского акцента в сторону Интернет-текста – нового типа текста, который стал поликодовым благодаря сочетанию языковых и параязыковых средств. Современная публицистика, благодаря широкому распространению прежде всего в сети, стала, наряду с рекламой и PR, продуктом, составной частью медиадискурса.

«Медиа-текст, с одной стороны, улавливает современные языковые тенденции, которые, впоследствии запечатлеваясь в Национальном корпусе русского языка, становятся иллюстративным материалом словарей, а с другой – способствует продуцированию новой фразеологии в целом и потенциальной крылатики в частности» [6, с. 261].

Согласно нашим данным, полученным при анализе современных газетных заголовков, авторы чаще используют эпонимы (госр. крылатые единицы – КЕ) (более 60 %), менее употребительны идиомы (около 30 %), пословицы единичны [6, с. 37]. Преобладание КЕ можно объяснить тем фактом, что они являются «одним из самых ярких и действенных средств языка в аспекте воздействия на читателя», «увеличивает силу воздействия текста и способствует реализации коммуникативно-прагматической цели публикации» [7, с. 199]. Желание автора статьи привлечь внимание к опубликованному материалу, необходимость репостов и большого количества скачиваний выдвигает на первый план прагматическую функцию заголовка.

Наши наблюдения над языком печатной и Интернет-публицистики позволили говорить о существовании у современных журналистов своего рода шорт-листа эпонимов как самого употребительного разряда фразеологических ресурсов языка, которые активно используются при выборе заголовков [6, с. 260].

Мысль о выявлении современного эпонимического концентра является продолжением сосюровских идей при обозначении ядра и периферии языковых единиц. Кроме того, с идеей выявления концентра связана сформулированная в 70-е годы XX века Г. Л. Пермяковым задача определения паремиологического минимума. Впоследствии эта проблема неоднократно обсуждалась и критиковалась (Е. Е. Иванов, А. Крикман, В. М. Мокиенко). Белорусский исследователь Е. Е. Иванов (Я. Я. Ивану) в ряде работ продемонстрировал несоответствие выделенного Г. Л. Пермяковым минимума реальному употреблению на материале словарей разных лет. По мнению Е. Е. Иванова, следует говорить об основном паремиологическом фонде языка – «множестве паремий, которые являются наиболее употребимыми, а это значит, и эпистемологически актуальными для носителей языка на протяжении долгого времени его функционирования и по сегодняшний день» [3, с. 154]. По аналогии с основным паремиологическим фондом можно говорить о выявлении современного эпонимического фонда, или концентра, который «образуется за счёт наиболее употребительных единиц, служащих раскрытию интенции автора и отражающих его систему ценностей» [4, с. 82].

В медиадискурсе существуют различные жанровые классификации. Поскольку эмпирическим материалом для статьи послужили заголовки публикаций православного журнала «Фома», сайта «Православие.ру» и газет, то стоит остановиться на особенностях православного и газетного медиадискурса с целью выявления корреляции при выборе эпонимов.

Газетный подстиль был самым распространённым формой публицистического стиля, но под влиянием интернета такое терминологическое обозначение стало неточным: корректнее говорить о газетном медиадискурсе в составе медиадискурса СМИ. «Целью текстов СМИ является не только сообщение, но и оказание рационального и иррационального воздействия на массового адресата. Социально-оценочный, интерпретирующий компонент текстов в массмедиаальной сфере зачастую оказывается более важным, чем информативный компонент содержания. В речевой структуре газетных текстов социальная значимость отмечается и в содержательно-смысловой основе, и в объёмно-прагматических частях» [2, с. 14].

Православный медиадискурс, будучи эклектичным дискурсивным образованием, не только реализует информативную и воздействующую функции, но и способен возродить интерес к вере. «Обладая основными функциями публицистики, православные СМИ и их формы (интернет-сайты, блоги, электронные версии газет и журналов и т. д.) органично вписаны в контекст актуальной общественной мысли благодаря их открытости и особой духовной миссии» [8, с. 224]. Православный медиадискурс имеет неограниченное количество пользователей в интернет-пространстве: интернет-версии православных журналов и газет, интернет-порталы и сайты, православные социальные сети, аудио и видеотрансляции православных радио («Вера», «Радонеж» и пр.) и телевидения («Союз», «Спас» и пр.).

Рассмотрим заголовки, включающие эпонимы, восходящие к русской классической литературе.

Эпоним *Слезинка ребёнка* восходит к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880) [БСКСРЯ 2005: 456]. Эта единица употребляется в роли пояснительных членов предложения в предложно-падежной форме: «Очевидность добра, или Еще раз о *слезинке ребёнка*» (Фома, № 6 (74), 2009) и «Что ответить Стиву Джобсу, или Снова о *слезинке ребёнка*» (Фома №7(111), 2012). В другом заголовке наблюдается формальное (морфемное) варьирование, а эпоним заключён в кавычках, т. е. используется графический маркёр: «„Слеза ребёнка“ и „последнее прибежище негодя“»: цитаты и их интерпретации» (<https://pravoslavie.ru/60845.html>).

В газетной публицистике встречаем инвариантное употребление *Слезинка ребёнка* (Новые известия, 03.08.2004; Известия, 29.03.2010), «Дневник писателя и *слезинка ребёнка*» (Независимая газета, 04.10.2018). В следующем примере наблюдается включение эпонима в состав риторического вопроса «*Слезинка ребёнка? Продайте её*» (Газета.ру, 20.04.2020), а заголовок «Миллиард рублей и *слеза*

ребёнка» (Новая газета, 04.12.2019) представляет собой пример формального варьирования.

Приведём примеры контаминации двух эпонимов в составе заголовка: «Кризис русского языка. *Кто виноват или что делать?*» (№ 7(51), 2007), *Кто виноват или что делать?*» (июль 2012), «Почему не читают Библию, или *Кто виноват и что делать?*» (№ 11(115), 2012), «Ребенок не любит читать. *Кто виноват? Что делать?*» (№ 1(153), 2016). В основе контаминации – названия одноимённых романов, ставших риторическими вопросами русской литературы, А. И. Герцена (1845–1846) [БСКСРЯ 2005: 240] и Н. Г. Чернышевского (1863) [БСКСРЯ 2005: 545]. На наш взгляд, подобная серийность используется для экспрессивного эффекта, которым наделяют заголовки статьи.

Подобная контаминация встречается и в газетной публицистике: «*Кто виноват?*» и «*Что делать?*» (Независимая газета, 30.05.2012), «*Что делать и кто виноват?*» (Труд, 29.01.2014), «*Кто виноват и что делать?*» (Аргументы недели, 14.09.2016), «Проблемы „русского мира“: *кто виноват и что делать?*» (Новые известия, 20.08.2019). Единицы употребляются в инвариантном виде, лишь в первом случае используются графический маркёр, отсылающий к чужому тексту.

М. М. Бахтин называл журналистику «современной риторикой» [1], что даёт основание говорить о главной оппозиции публицистики как составляющей медиадискурса *автор – читатель*. Автор статьи, выбирая для заголовка эпоним, рассчитывает на пресуппозитивные знания читателя. Связь заголовка, включающего КЕ, с претекстом почти сохраняется, что говорит о переходе единиц в ядерную зону языка.

Употребление эпонимов в качестве заголовка как сильной позиции текста можно считать отличительной чертой современной публицистики, поскольку он по сравнению с другими композиционными частями газетной статьи несёт особую коммуникативную нагрузку. На примере приведённых заголовков мы показали активность эпонимов *Слезинка ребёнка*, *Кто виноват?* и *Что делать?*, которые, многократно тиражируясь, становятся частью эпонимического концентрa. Высокая употребительность этих единиц объясняется рядом факторов: незамкнутостью, воспроизводимостью, связью с источником, в результате чего происходит смещение этого периферийного раздела фразеологии в ядерную зону языкового сознания пишущего, который использует эпонимы вне зависимости от их способности. Серийность при создании названий вызвана не только тематической связью с материалом статьи, но и реализацией трансформационного потенциала КЕ, получением ими категории пословичности и вхождением в концентр.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–280.

2. Бобровская Г. В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса: монография. – Волгоград : Перемена, 2011. – 318 с.

3. Иванов Е. Е. «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Т. 2. – Sofia : HeronPress, 2007. – С. 152–156.

4. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – Ч. 1. – С. 78–86.

5. Ломакина О. В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 37–41.

6. Ломакина О. В. К вопросу об определении центра современной крылатики // IV Фирсовские

чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. Москва 22–23 октября 2019 г. / под. ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2019. – С. 259–265.

7. Макарова А. С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2016. – 250 с.

8. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2019. – № 4. – С. 223–230.

Словари

БСКСРЯ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005. – 623 с.

УДК 811. 111. 373

А. И. Лызлов
(Россия, Смоленск)

ДИСКУРСНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ КОНЦЕПТЫ «ДРУЖБА» И «ВРАЖДА» (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Работа посвящена изучению оппозитивных концептов «дружба» и «вражда», реализующих оценочный потенциал. На примере произведений публицистики исследованы особенности трансформаций фразеологических единиц, что способствует уточнению особенностей реализации оценочного потенциала английских фразеологизмов, а также случаев их дословного цитирования, содержащих оппозитивные концепты «дружба» и «вражда».

Ключевые слова: концепт, фразеологизм, оценка.

A. I. Lyzlov

DISCOURSE REALIZATION OF ENGLISH IDIOMS OBJECTIFYING CONCEPTS “FRIENDSHIP” AND “ENMITY” (ON THE EXAMPLE OF PUBLICIST WORKS)

The work is dedicated to the study of opposite concepts “friendship” and “enmity”, implementing their evaluative potential. The purpose of the work is to study on the example of publicist works the specific character of transformations of the given idioms as well as their verbatim quoting, which will contribute to specify the peculiarities of implementation of the evaluative potential of the given English idioms containing opposite concepts “friendship” and “enmity”.

Keywords: concept, idiom, evaluation.

Оппозиция, или, как еще называют, противопоставление, в языкознании понимается как различие двух или более единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, то есть быть семиологически релевантным [2, с. 369]. В оппозитивных отношениях могут находиться не только элементы языка, описывающие их со стороны формы (фонемы, граммы и т. д.), но и элементы языка, описывающие их со стороны содержания. К числу последних относятся концепты.

Концепт в языкознании – это весьма сложное образование. В. В. Красных рассматривая понятие

концепта, отмечает сложный характер этого понятия, которое, с одной стороны, представляет собой максимально абстрагированный ментальный конструкт, а с другой – обладает способностью репрезентироваться в языковом сознании в виде конкретных структур. Кроме того, концепт определяет также его национально-культурную маркированность [6, с. 272]. Н. Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие «когнитивной, эмоционально-оценочной и языковой сфер» [1, с. 80].

Исследуемые концепты находят отражение во фразеологических единицах (ФЕ) английского

языка. Под фразеологизмом традиционно понимается неделимое словосочетание, в котором семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов [2, с. 503]. Фразеологизмы способны отражать аксиологически маркированные значения, то есть значения, которые имеют оценочный потенциал. Оценка в языке представлена двумя маркерами: «хорошо» и «плохо». В теории оппозиций данная система может быть рассмотрена как бинарная оппозиция.

Представления о добре и зле описывают систему ценностей, разделяемых носителями той или иной культуры и имеющим языковую объективацию. Оценка – важный элемент языковой картины мира [5, с. 4]. Оценка – это отношение говорящего к сообщаемому [3, с. 55; 4, с. 5].

Во фразеологизмах оценка дается в рамках представленных в них ситуаций. Ситуация, по определению С. И. Ожегова, представляет собой «совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение» [ТСРЯ, с. 267].

Цель данной статьи – рассмотреть аксиологический потенциал фразеологических единиц, в которых задействованы аппозитивные концепты «дружба» и «вражда». Указанные единицы исследуются в речи, точнее – в публицистическом дискурсе, отличительными чертами которого является экспрессивно-оценочный характер, образность, что позволяет активно использовать фразеологические единицы, способные передавать оценочные смыслы.

Многие авторы употребляют указанные ФЕ в преобразованном виде.

В *FE the enemy of my enemy is my friend* [БАРФС] отражена оценочная ситуация, порицающая неразборчивость в выборе друзей.

Так, в отрывке в издании «Нью Йоркер» от 2000 года ФЕ *the enemy of my enemy is my friend* [ODP]. употребляется в сравнительно редкой для ФЕ функции номинализации – сворачивания ФЕ в одну лексическую единицу – в нашем случае адъективную, то есть ФЕ в один слитный эпитет: «*The enemy-of-my-enemy-is-my-friend logic ... dominates central-African politics*» [ODP]. Она используется для описания макиавеллевской политики некоторых деятелей Африки, что вызывает негативную реакцию автора статьи.

Еще одна ФЕ *every man is his own worst enemy* [БАРФС] часто употребляется в массмедийных текстах для характеристики политических коллизий. Она предназначена для порицания глупости.

Так, в отрывке из статьи «Flying information» в журнале «U.S. News & World Report» от 1990 г. данная ФЕ используется при описании военной операции США 1990 года против Ирака, возглавляемого Саддамом Хусейном: «Hussein may once again prove to be his own worst enemy. ... But if Hussein restrains his storm troopers in Kuwait and the motley crew of international terrorists now roosting in Baghdad, the divergent interests of its members eventually could begin to pull the anti-Iraq coalition apart» [ССАЕ].

Здесь оценочный потенциал ФЕ используется для характеристики действий Саддама Хусейна как поджигателя войны, который укрывает террористов и потому сам окажется виноват в возникновении военного конфликта, то есть «врагом самому себе».

В отрывке из статьи «Война, которой не было» в издании «Military History» от 2015 года данная ФЕ используется также в оценочно-характеризирующей функции: «In the end communism proved *its own worst enemy*, as military spending imploded the Soviet Union's already failing economy. The conflict came to a comparatively peaceful close with the fall of the Berlin Wall and other anti-communist revolutions among the Warsaw Pact states in 1989, followed by the dissolution of the Soviet Union in 1991» [ССАЕ].

В данном случае посредством ФЕ характеризуется Советский Союз времен «холодной войны», который является «врагом самому себе», потому что сам виноват в своем распаде и в прекращении существования блока стран Варшавского договора.

В отрывке из статьи «Что движет турецкой внешней политикой» в издании «Middle East Quarterly» от 2012 г. имеется пример еще одной ФЕ *friend or foe*, которая употребляется в атрибутивной функции, являясь частью составного наименования системы вооружений: «... the Turkish air force has begun installing a new *identification friend or foe* (IFF) system on its F16s ...» [ССАЕ].

Данная ФЕ используется в военном деле для обозначения системы, распознающей летательные аппараты, посредством употребления конструкции, которая по-русски звучит как «друг или враг». В русском языке используется другой образ: «свой» – «чужой».

Так, в отрывке из статьи «Что ожидать от Клинтон?» в журнале: «Money» от 1994 года данная ФЕ используется в качестве характеристики деятельности Билла Клинтона: «MONEY: Is Clinton a *friend or foe* of small business? BOWLES: He's more committed to small business than any President in recent memory» [ССАЕ]. Данная ФЕ употребляется для оценки политики президента Билла Клинтона в отношении малого бизнеса.

Многие фразеологизмы представлены в публицистике в измененном виде. Языковые ФЕ имеют разный диапазон изменчивости, окказиональные варианты и окказиональные фразеологизмы проявляют различную степень сходства и различия с языковыми ФЕ, а значит, и степень узнаваемости окказиональной единицы, идентификации фразеологизма как такового [7, с. 12].

В текстах публицистики также широко представлена ФЕ *false friends are worse than bitter enemies* 1732 [WDP]. Она также служит основой репрезентации ситуации, порицающей предательство. Данная ФЕ, как правило, употребляется в преобразованном виде, чаще всего, в усеченной форме *false friend* [9]. Так, в отрывке из статьи о баскетболисте Коуле в газете «Chicago Sun-Times» от 2006 данная ФЕ служит средством рече-

вой самохарактеристики героя публикации: «Basketball has always been my best friend because of the ability God blessed me with to play the game...» Cole said. «But at the same time, basketball has brought me many *false friends and exposed my true enemies*. People have always admired me for my basketball talent But they weren't with me when I had to deal with personal problems or really care if I got a good meal after the game» [ССАЕ].

Игрок персонализирует игру, которая для него много значит, называя ее своим другом. Возникает антитеза между игрой, которая дает ему много радости, и реальными людьми, «ложными друзьями», которые встречаются Коулу и в спорте, и в жизни.

В отрывке из статьи в «*Church History*» от 2004 года данная ФЕ используется в преобразованном виде, с усложненной структурой и заменой компонента *bitter* на *open*: «Angry, unthankful neighbors come and attack the children of Israel, just as *false friends and false brothers* do. They hurt one much more than *open enemies*» [ССАЕ].

Данная ФЕ участвует в формировании оценочного фона при изложении сюжета на религиозную тематику. В данном повествовании происходит расширение компонентного состава ФЕ. Она представлена в «разорванном» виде посредством элементов двух независимых предложений. В контексте также наличествуют усилительные лексические элементы, при сопоставлении друзей и врагов: *much more*. В качестве однородного члена, соединенного союзом *and*, к образу «ложных друзей» добавлен образ «ложных братьев».

Амбивалентность дружбы представлена и в других ФЕ. Так, в статье в газете «Washington Times» от 26 марта 2002 года использована ФЕ: *God, defend me from my friends and I will keep from my enemies* [WDP]: «*Defend me from my friends, I can defend me from myself from my enemies.*» So cried a famous French general to Louis XIV long before bridge was invented» (ODP). Данный пример иронически описывает технику игры в бридж, и при этом указывает на этимологию данной ФЕ.

В отрывке из статьи Пола Браун в издании «Ethnology» от 1990 года используется трансформированная ФЕ *a friend to all is a friend to none* 1623 (WDP), которая, выражает оценочный признак «дружба и вражда» в ряде публикаций: «Big man, past and present: Model, person, hero, legend... From Goroka to Hagen he was *a friend to all but enemy to none*. He was our king. He had influence over the people. The kiaps, the missionaries and other white men around respected him as well» [ССАЕ].

В данном контексте ФЕ употребляется для позитивно-оценочной характеристики персонажа, причем посредством замены исходного компонента ФЕ *friend* на его антоним *enemy*. Возникающая антитеза усиливается контрастом других компонентов, имеющих в исходной ФЕ – «все» и «никто». Таким образом, происходит разложение исходного значения ФЕ, при этом оценочный модус меняется с минуса на плюс. Ведь в статье речь

идет об уважаемом человеке, который не сорится ни с кем и дружен со всеми.

Приведем еще ряд нетипичных случаев ввода в массмедийный дискурс ФЕ, объективирующих оппозитивные концепты «дружба» и «вражда».

В отрывке из статьи в издании «Spectator» от 21 ноября 2001 года есть пример использования ФЕ: *the enemy of my enemy is my friend*, когда речь идет не о перестройке структуры или семантики ФЕ, а об изменении ее прагматических функций и условий употребления: «The hack right-wing answer... is to quote what the quotes claim to be ‘the old Arab proverb’: ‘*the enemy of my enemy is my friend*’» [ODP].

Это автономное употребление ФЕ, когда ставится задача объяснить значение выражения, а не выразить с его помощью какой-то иной смысл. Здесь как раз дается этимология рассматриваемой ФЕ, указывается предположительно на арабский источник.

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «дружба» и «вражда» (особенно в такой языковой репрезентации, как друг и враг) в массмедийном дискурсе выявило их оценочную значимость. В текстах публицистики наиболее активно представлены ФЕ, реализующие оценочные ситуации, объективирующие неразборчивость в выборе друзей, глупость, предательство, амбивалентность дружбы.

Оценочный потенциал контрастных концептов «дружба» и «вражда», несомненен. Подтверждением этого является не просто наличие значительного количества ФЕ с этими концептами, но и представленность этих ФЕ на страницах прессы, описывающей значимые оценочные ситуации. Рассмотренные примеры содержат как случаи дословного цитирования, так и различные окказионализмы, в рамках которых выделяются такие приемы, как усечение, изменение компонентного состава.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М., 2009.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2005.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
4. Ивин А. А. Основания логики оценок / ред. Э. Г. Храстецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1970.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
6. Красных В. В. Словарь и грамматика линвокультуры. Основы психолинвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016.
7. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и окказионально-прагматический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – 10.02.01. – русский язык. – Ярославль, 2011.

Словари и справочники

БАРФС: Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд. – М., 1998. – 944 с.

ТСРЯ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 1999.

WDP: Apperson G.L. [et al.] The Wordsworth dictionary of proverbs. Apperson Wordsworth editions Ltd., Hertford-London, 2006.

ODP: Speakers J. The Oxford dictionary of proverbs. – 5th edition. – Oxford, Oxford University Press, 2008.

CCAE: Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://corpus.byu.edu> (дата обращения: 24.06.20).

УДК 821.161.1.09

А. М. Мелерович

(Россия, Кострома)

В. М. Мокиенко

(Россия, Санкт-Петербург)

О СВОЕОБРАЗИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ И О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ (ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ) ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064 «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений»

Статья представляет разностороннее исследование особенностей функционирования фразеологических единиц в русской поэзии XIX–XXI веков, выявляющее своеобразие преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума и индивида в семантическом пространстве поэзии. Также устанавливаются принципы фразеографической разработки устойчивых единиц в русской поэзии.

Ключевые слова: художественный концепт, поэтический концепт, поэтическая фразеология, концептообразующая функция фразеологизмов, текстообразующая функция фразеологизмов, фразеологическая конфигурация.

A. M. Melerovich

V. M. Mokienko

FUNCTIONING FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POETRY AND THEIR LEXICOGRAPHIC (PHRASEOGRAPHIC) INTERPRETATION

The article represents diversified analysis of functioning features of phraseological units in Russian poetry of XIX – XXI centuries. The study reveals peculiarities relating to refraction of fragments in the worldview of an ethnic group, society, individual in the semantic field of poetry. Principles of phraseographic analysis of the usual phraseological units in Russian poetry are defined.

Keywords: artistic concept, poetic concept, poetic phraseology, concept-forming function of phraseological units, text-forming function of phraseological units, phraseological configuration.

Разностороннее исследование стилистического употребления фразеологических единиц (ФЕ) в художественной литературе и публицистике убедительно показало динамический характер фразеологии, ее открытость к различным структурно-семантическим преобразованиям.

При исследовании особенностей функционирования ФЕ в поэзии важно учесть целый ряд отличительных признаков поэтического текста как уникальной функционально-эстетической системы, выделяемых в лингвистике поэтического текста (ПТ). Уникальность ПТ как функционально-эстетической системы определяется такими его свойствами, как метаморфность, проявляющаяся в трансформациях, которые претерпевают единицы языка, выполняющие эстетическую функцию [28]; выполнение в ПТ функции смысловыражения одновременно разноразноуровневыми единицами языка. При этом доминанта в ПТ может быть фоносемантической, словообразова-

тельной, лексической, фразеологической и т. п. [11]. Е. Г. Эткинд говорит о семантизации всех элементов поэтической речи как о важнейшем законе стиха: «В контексте стиха каждый элемент звуковой формы становится окказиональным носителем содержания» [26]. Особый характер поэтической номинации, ее способы и виды обеспечивают ту или иную степень экспрессивности единиц языка и ПТ в целом.

Ю. М. Лотман дает следующую обобщающую характеристику ПТ как функционально-эстетической системы: «Стихотворение – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые, они являются обозначениями определенного содержания» [17, с. 38]. Следовательно, включаемые в ПТ слова и ФЕ, становясь элементами этого уникального фоносемантического единства, в его составе могут подвергаться трансформациям как в плане выражения, так и в плане содержания, мотивированным эстетической функцией. Покажем это на при-

мере закономерных для ПТ лексико-фразеологических парадигм, широко эксплицирующих характерные для идиом многообразные текстовые семантические поля. Входящие в их состав ФЕ реализуют внутритекстовые ассоциативно-семантические связи (парадигматические, синтагматические, деривационные). Сами сочетания образов-концептов, представляемые текстовыми конфигурациями ФЕ, идиоматичны, уникальны для данного идиолекта, специфичны для идиостиля. Приведем пример лексико-фразеологического микрополя в стихотворении Б. Слуцкого «Не за себя прошу»: «За себя никогда никого не просил. <...> / Но просить за других, унижаться, терпеть, / Даже Лазаря петь, / Даже Лазаря петь, и резину тянуть, / Спину гнуть, Спину гнуть / и руками слегка разводите, / Лишь бы как-нибудь убедить, / Убедить тех, кому все равно, / Это я научился давно». Доминантой данного ПТ является лексико-фразеологическая парадигма, манифестирующая определенный поведенческий стереотип, выработанный условиями социального существования, совмещающий бескорыстную целеустремленность и приспособленчество, – «лишь бы как-нибудь убедить тех, кому все равно». Экспрессивность ПТ мотивирована его семантикой и формой: члены текстовой парадигмы образуют градиционный ряд, в составе которого семантика ФЕ *гнуть спину, разводите руками* подвергается двойной актуализации, наряду с характеристикой поведенческого стереотипа обозначая символизирующие его телодвижения. Фразеологические повторы, инверсия компонентов ФЕ обусловлены здесь фоносемантической организацией ПТ в целом.

Подобные лексико-фразеологические поля часто репрезентируют художественные концепты, характеризующиеся психологической сложностью, индивидуальностью, широтой практически непредсказуемых семантических потенциалов, художественной ассоциативностью [3, с. 275]. Художественные, индивидуально-авторские концепты, представляемые лексико-фразеологическими полями, парадигмами тропов, образующими разнообразные стилистические фигуры, наиболее типичны для поэзии.

Например, в стихотворении Н. Матвеевой «Сводники» представлен целый ряд одноструктурных окказиональных синонимов, метафорических перифраз, служащих аллегорическим воплощением концепта «сводничество», которому даем наименование по ключевому слову (см. дефиницию слова *сводничество* в ССРЛЯ: «Корыстное посредничество между мужчиной и женщиной для содействия вступлению их в любовную связь»): «У сводников своих законов свод: / К бирюльке в плен идет бирюк-работник, / Прилежницу всегда прельщает мот. <...> Всех сводят сводники: козла с капустой:, сор – / С отсутствием метлы, рубашку – с молью, / Огонь – с водой, пилу или топор – / С деревьями, / Шиш – с маслом, рану – с солью... / Но близок час расплаты; он придет / И сводника... со своднею сведет».

Ключевой образ здесь создан окказиональным фразеологизмом *сводит рану с солью*, базирующимся на образе ФЕ *сыпать соль на рану*. Этот оборот и ряд однотипных с ним по структуре и семантике

(при различии образных основ) сочетаний основаны на внутренней антитезе. Организованные синтаксическим параллелизмом как единый период, они выражают идею противоестественных совмещений, аллегорически объединенных концептом «сводничество» в его индивидуально-авторском преломлении. Этот индивидуальный концептуальный смысл может быть интерпретирован посредством развернутой дефиниции: ‘сталкивать, пытаться совместить, «сводить» кого-либо, что-либо с тем, что для него вредно, опасно, губительно, несовместимо’.

Подобные ряды оборотов, характерные для ПТ, Б.А. Ларин назвал «синонимами поэтической речи». Они означают не тождественные, но сводимые к одному смысловому фокусу представления. Таким образом, на синонимических ассоциациях, своеобразных в поэтической речи, основывается разработка определенной темы. Б.А. Ларин подчеркивает, что «в поэтической речи очень важно *это введение семантических параллелей*, дающее сложный, дробящийся, но четкий в этой множественности образ (одно многоименное, потому что многогранное “видение поэта”» [15, с. 86].

Для поэзии характерна идиоматизация неидиоматической фразеологии, употребление в ПТ серий окказиональных идиом.

Так, в контексте поэтического цикла М. Цветаевой «Стол» номенклатурное наименование *письменный стол* преобразуется в символ творческого труда поэта.

Фразеологизм *письменный стол* здесь функционирует как многогранный символ, доминанта целой серии употребляемых по аналогии с ним в символической функции номенклатурных наименований с грамматически опорным существительным *стол*, сопоставляемых с доминантным символом и противопоставляемых ему: *садовый (стол), бильярдный (стол), обеденный (стол)* и т. д.

Б. А. Ларин отмечает, что «двусмысленность и многосмысленность» «эстетически утилизируются» поэтами: «Лирика в большинстве случаев дает не просто двойные, а многорядные (кратные) смысловые эффекты» [15, с. 66].

В следующей строфе путем нагнетания определений–эпитетов *стола* создается динамический олицетворенный наглядно-предметный образ, «вещность» которого нивелируется повторяющимся местоимением *всякий*. Сочетание этого местоимения с присоединительной конструкцией *лишь бы не сдавал высот заветных* передает мысль о непреходящей ценности «высокого» творческого труда поэта: «Сосновый, дубовый, в лаке / Грошовом, с кольцом в ноздрях, / Садовый, столовый – всякий, / Лишь бы не на трех ногах! / Как трех Самозванцев в браке / Признавшая тезка – *тот* / Бильярдный, базарный – всякий – / Лишь бы не сдавал высот / Заветных <...>».

Развитию концептуального содержания стихотворения служит и фоносемантическая его организация, проявляющаяся прежде всего в поэтической этимологии, в паронимическом сближении доминантного символа *стол* с далекими по значению словами, воспринимаемыми как однокоренные

с ним: *ствол, столп столпника, уст затвор, горящий столп*. В контексте стихотворения они наделяются ассоциативными фоносемантическими связями, создавая представление о значении творчества для поэта как животворящего, возрождающего, жизнеутверждающего начала:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что, ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался живым стволем!;

как самой надежной опоры в жизни, как предмета глубокой веры:

Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!

Контекст последнего четверостишия наиболее насыщен словами и оборотами речи, сходными по звучанию со словом *стол*, служащим наименованием поэтического цикла. Все они семантизируют центральный образ-символ, употребляясь как его перифразы, раскрывающие разные грани внутреннего мира поэта: потребность в ничем не стесняемой свободе, силу духа, непоколебимость заветных устремлений.

Здесь наблюдается **поэтическая этимология**, по определению Р.О. Якобсона [27, с. 45], параллельная народной этимологии практического языка. Как и народная этимология, она основывается на стремлении мотивировать фонетическое сходство слов смысловой связью, без различия реальных и иллюзорных этимологических ассоциаций. Как отмечает Ш. Балли, «...тем самым разрывается связь между языковым символом и мыслью: вместо нее устанавливается связь от символа к символу» [6, с. 51]. Автор отмечает, что «языковое чувство обращается скорее к форме слов, нежели к их живому смыслу» [6, с. 52]. В поэзии этот психологический феномен становится источником яркого художественного эффекта. Так возникают неожиданные семантические ассоциации между далекими понятиями. Е. Г. Эткинд устанавливает аналогию между эффектом поэтической этимологии и эффектом рифмы [26, с. 312], приводя поясняющее эту мысль глубокое и точное определение природы рифмы, сформулированное Ю. М. Лотманом: «Процесс со- и противопоставления, разные стороны которого с различной ясностью проявляются в звуковой и смысловой гранях рифмы, составляет сущность рифмы как таковой. Природа рифмы – в сближении различного и раскрытии разницы в сходном. Рифма диалектична по своей природе» [9, с. 153] (Лотман 1964, 74).

Основная единица языковой номинации – слово – в поэзии приобретает особую смысловую и экспрессивную значимость. В поэтическом контексте актуализируются потенциальные ассоциативные смыслы слов, в других контекстах приглушенные или не проявляющиеся: «В центре поэтического искусства в конечном счете стоит слово со всей совокупностью его прямых и косвенных смыслов» [26, с. 86]. Б. В. Томашевский пишет о специфической для поэзии формальной и смысловой актуализации слов: «Слово в поэзии как бы выпирает, выходит на передний план ... развитие стиховой речи ведется

главным образом по тесным словесным ассоциациям, от слова к слову, от предложения к предложению, от „образа“ к „образу“» [23, с. 73]. Слова в поэтическом контексте (в том числе и словные компоненты ФЕ) стремятся к автономности, которая достигается посредством выделения их такими характерными или специфическими для стиха средствами, как ритм, рифма, повторение слова, сопоставление антонимов, неожиданные звуковые ассоциации, поэтический синтаксис, трансформация ФЕ. См.: «В восторженном невежестве своем / *На свой аршин он нашу славу мерит...* / Как дружеским он вздором восхищен! / Как бешено своим доволен он!» (Е. Баратынский, Эпиграмма). В данном контексте компонент ФЕ *свой аршин* актуализирован в смысловом противопоставлении «нашей славе». Еще пример: «Так много камней брошено в меня, / что ни один из них уже не страшен» (А.Ахматова). Здесь компонент *много камней* трансформированной ФЕ *бросить камень в кого* сопоставляется со словосочетанием *ни один из них*, создающим количественное со- и противопоставление: «много» – «ни один».

Г.О. Винокур отмечает, что в поэтическом языке в принципе нет слов и форм немотивированных, с произвольно-условным значением: любое слово здесь может входить в определенный смысловый ряд в зависимости от того образа, созданию которого оно служит [7, с. 391].

ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов компонентов. Наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

Семантизация всех элементов поэтической речи, которая находит яркое проявление в стремлении к смысловой автономности слов, лексических компонентов фразеологических единиц, свидетельствует об изоморфизме формы и содержания [см. об этом в 18, с. 41; 19, гл. 3], обнаруживающемся в той или иной степени со свойственной ему онтологической спецификой. Следовательно, и лексические компоненты идиом, не обладающих эксплицитной членимостью, в ПТ обнаруживают тенденцию к смысловой автономности. См., например, смысловую автономность компонента *авось* идиомы *на авось* в стихотворении Ю. Кима «Это танго – оно как цыганка...»:

– А скажите, Раиса Петровна,
Где вы брали такой крепдешин?
– Это было у синего моря,
Где струятся потоки машин.
– И почему же платили за метр?
– Это дорого мне обошлось!
– А у нас креп-жоржет
Расхватали чем свет.
– *Вся надежда на русский авось.*

Содержание стихотворной строки *Вся надежда на русский авось*, в которой *авось* субстантивируется и сочетается с прилагательным *русский*, может быть передано формулировкой «надежда на случайную удачу, на везение, воспринимаемая как проявление черты национального характера». Ср. структуру

ФЕ *на авось* со структурой изоморфного ей смыслового эквивалента '(в расчете) на удачу, счастливый случай', объясняющей автономное смысловое содержание компонента *авось* в рассматриваемом контексте в соответствии с его лексико-грамматическим характером – 'случайная удача, счастливый случай'.

Исследователи выделяют отличительные свойства поэтического концепта как разновидности художественных концептов.

Поэтический концепт является основной единицей поэтического дискурса, обладающей специфической «размытой» структурой, обусловленной ассоциативно-смысловыми механизмами формирования его содержательной структуры. В структуре языкового сознания он является ритмо-метро-мелодическим воплощением создания и восприятия поэтических субъективных смыслов [25, с. 92].

Для поэтических произведений характерна поэтическая фразеология. Поэтический фразеологизм определяется как своеобразная синкретическая единица художественной речи, совмещающая в себе свойства метафоры и перифразы [2, с. 49].

Поэтические фразеологизмы представлены ограниченным количеством тематических групп: они служат обозначением лица, пейзажа, войны, поэтического творчества, жизни и смерти, чувств и состояний человека. Именно эти объекты воспроизведения актуальны для поэзии, так как они, по словам Л. Я. Гинзбург, «... касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей» [9, с. 153]. См., например, в поэзии А. Ахматовой следующую представленность основных концептов: «жизнь, земное бытие» – *земная отрада, сладость бытия, назначенный круг*; «смерть» – *последний сон, сладчайший сон, смертная истома*; любовь – *душевный жар, любовные сети, истома сладострастия* и т. п. [14].

В основе поэтической фразеологии лежат метафорические универсалии–архетипы: *жизнь – движение, смерть – сон, мир – театр, битва – пир* и под. Разумеется, и общее прозаическое пространство фразеологии достаточно интенсивно характеризует такие концептосферы. Но в поэтической фразеологии они достигают предельно высокой концентрации, обретают особые ассоциативные «обертоны смысла» (Б. А. Ларин), становятся поэтическими идеологемами.

В поэзии наиболее ярко проявляется широта семантических потенциалов слов и фразеологизмов, их художественная ассоциативность, способность вербализовать индивидуально-авторские концепты. Индивидуально-авторские концепты могут вербализоваться и фразеологическими конфигурациями (ФК), в составе которых семантически соотносящиеся ФЕ и слова образуют различные стилистические фигуры, являющиеся выразителями концептуального содержания. См., например, следующую фразеологическую конфигурацию в стихотворении М. Цветаевой «Соломинка»: «Аристократ и варвар заодно, / Их жесты, разумеется, не схожи, / Но *пить из дамской туфельки вино* / И *лаптем щи хлебать* – одно

и то же. / <...> кто грубей, кто низменней? / Бог ведает! Черт знает!»

Концептуальное содержание этой фразеологической конфигурации – идея низменности в её контрастных проявлениях – передаётся сопоставлением ФЕ *лаптем щи хлебать* с её семантико-стилистическим антонимом *пить из дамской туфельки вино* и семантизирующими фразеологическими актуализаторами, находящимися в препозиции и постпозиции по отношению к данным оборотам.

В. М. Жирмунский в качестве особого отдела поэтики выделяет семантику, исследующую проблему значения слова в поэтической речи. Семантика поэтики включает изучение слова как поэтической темы, рассмотрение различных сочетаний словесных тем – «явления повторения, параллелизма, контраста, сравнения, различные приемы развертывания метафоры и т. п.» [10, с. 153]. Слова и ФЕ, именуемые «поэтические темы», репрезентируют основные концепты поэзии, определенных поэтических направлений, а различные поэтические употребления, группировки слов и ФЕ создают номинативное поле концепта, поэтическую концептосферу, передают концептуальное содержание произведения.

Концептообразующее функционирование в ПТ фразеологических единиц, компонентов ФЕ и фразеологических конфигураций служит реализацией комплетивности поэтического текста, рассматриваемой Ю. В. Казариным как специфическое свойство поэтических произведений. Комплетивность ПТ проявляется в том, что «в процессе поэтического выражения и поэтической номинации возникают такие единицы ПТ, которые заполняют семантические и – в целом – знаковые лакуны в языке» [11, с. 41]. Заполнение семантических, номинативных лакун в ПТ поэтическими номинациями сопряжено с восприятием и интерпретацией концептуального содержания данных номинаций в неразрывной связи с ПТ, в котором они возникли и функционируют. Так, в своем программном стихотворении «Быть знаменитым некрасиво...» Б. Пастернак говорит о высшем устремлении творчества поэта: «... – так жить, чтобы в конце концов / привлечь к себе *любовь пространства, / услышать будущего зов.*»

В этом контексте одухотворенное *пространство* – образ человечества в его космическом измерении. Это пространство раздвигается до бесконечности благодаря сообщению ему временной координаты – *будущего зов.*

Возникшие в тексте окказиональные номинации, обозначающие индивидуально-авторские концепты, могут функционировать за пределами текста, в котором они возникли, приобретая статус интертекста. Интертекстуальность обуславливает семантическое преобразование слова или словосочетания, связанное с его одновременным абстрагированием от исходного текста и сохранением маркированности текстом-источником. Это соотношение приводит к тому, что авторские лексические окказионализмы и индивидуально-авторские обороты в новом тексте приобретают смысловую многоплановость. При этом на переднем плане оказывается осмысление,

приобретенное данным словом / словосочетанием в новом, заимствовавшем его тексте. См., например, употребление оборота *терновый венец* в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»: «И прежний сняв венок, / Они *венец терновый*, / *Увитый лаврами*, надели на него: / Но иглы тайные сурово / Язвили славное чело...»

Здесь ФЕ *венец терновый* в сочетании с распространяющим его словосочетанием *увитый лаврами* образует развернутую метафору, символизирующую глумление, прикрываемое показным восхвалением, которому подвергается поэт. Созданный М.Ю. Лермонтовым образ амбивалентен: он основан на сочетании символов мученичества (*венец терновый*) и славы (*лавры*). У ряда поэтов XX века встречаются аллегорические образы, основанные на амбивалентном соотношении символов страданий и славы, аллюзивно ассоциирующемся с лермонтовским *венцом терновым, увитым лаврами*. Так, И. Северянин в стихотворении «На смерть Фофанова» создаёт образ поэта-страстотерпца: «Пока поэт был жив, его вы поносили, / Покинули его, бежали, как чумы... / Пред мудрым опьянением – от бессилья / Дрожали трезвые умы! / <...> Не вам его винить: весь мир любить готовый / И видя только зло, – в отчаяньи, светло / Он жаждал опьянеть, дабы *венец терновый*, Как лавр, овил его чело!..» Здесь двустигшие «Он жаждал опьянеть, дабы *венец терновый*, как лавр, овил его чело!» передаёт стремление воспринимать духовные муки как высшую награду.

Стихотворение В. Брюсова «Поэту» завершается афоризмом, обобщенно характеризующим судьбу Поэта: «В снах утра и в бездне вечерней / Лови, что шепнет тебе Рок, / И помни: *от века из терний / Поэта заветный венок*». Афоризм *От века из терний Поэта заветный венок* символизирует одновременно обреченность поэта на страдания и мечту о «заветном венке», о признании, славе.

Н. Гумилёв в стихотворении «В библиотеке» также создаёт афористический образ, ассоциирующийся с судьбой поэта: «Так много тайн хранит любовь, / Так мучат старые гробницы! / Мне ясно кажется, что кровь / Пятнает многие страницы. / <...> И *тёрн сопутствует венцу*, / И бремя жизни – злое бремя... / Но что до этого чтецу, / Неутомимому, как время!». Афоризм *тёрн сопутствует венцу* базируется на амбивалентном сочетании двух образов-символов: *тёрн* – символ страдания, мученичества; *венец* одновременно символизирует славу и завершение жизненного пути.

ФЕ *терновый венец* восходит к евангельскому сказанию о колючем терновом венце, надетом воинами на голову Иисуса перед казнью на кресте. В поэзии нередко подчёркивается именно эта исходная «мученическая» семантика выражения: «Прими с любовью крест тяжёлый, / Он Сам носил *венец терновый*» (И. И. Козлов. Н. Б. Долгорукая. Священник); «И больно мне, что жизнь бесцельно догорит, / Что посреди бойцов – я не боец суровый, / А только стонущий, усталый инвалид, / Смотрящий с завистью на их *венец терновый*» (С. Я. Надсон. «Как каторжник...»). Таким образом, прослеживается

интертекстуальная цепь – от образа *тернового венца* в Евангелии к *венцу терновому, увитому лаврами* в стихотворении Лермонтова и далее – к образам *тёрна, лавра, венца* в поэзии XX века.

При употреблении в ПТ фразеологизмы подвергаются разнообразным трансформациям, обусловленным их текстообразующим функционированием. Трансформированные ФЕ в поэтическом тексте часто структурируют фразеологические конфигурации, формируют их концептуальное содержание. См., например, употребление ФЕ *бред сивой кобылы* (прост., презр. ‘о чьих-л. глупых, вздорных мыслях, высказываниях’ – БМС 1998, 59) в стихотворении А. Кушнера:

Кобыла сивая с ее тяжёлым бредом

Пасется в нашем языке.

Происхождения ее секрет неведом.

Пришла понурая, стоит невдалеке.

Она бы Гоголю понравилась такая:

Упрямство дикое и жуткое враньё,

копытом здоровый смысл лягая.

У Даля нет еще ни слова про неё.

И вспомню мальчика на пригородной даче,

Как он смеялся, сколько раз

Он повторял потом за нами чуть не плача

Ему казавшуюся лучшею из фраз.

Он вырос <...>

Как с бредом он справляется несносным,

вокруг пасущимся, смеётся ли ещё?

Здесь отфразеологические окказионализмы, образованные словом *бред* в сочетании с экспрессивно-оценочными эпитетами *тяжёлый, несносный*, приобретают шутливо-ироническую коннотацию, передающуюся всему тексту, представляющему развернутую метафору. Она базируется на образной основе этих окказионализмов и в заданном ими образном ключе развивает многоплановое концептуальное содержание ПТ. Ядро концептуального содержания стихотворения вербализовано лексемой *бред*, которая обозначает не только вздорные речи, «пасущиеся в нашем языке» вопреки здравому смыслу, но и фольклор с его необузданной фантазией, народным юмором, питавшими в прошлом творчество прекрасных сатириков и фантастов. См.: *Кобыла сивая с ее тяжёлым бредом ... пришла понурая ... Она бы Гоголю понравилась такая: Упрямство дикое и жуткое враньё ...*

Здесь уместно обратиться к внутренней форме этого выражения. Распространено мнение, что исходный образ оборота связан с негативной оценкой *сивой* (т. е. серой с легкой примесью другого цвета) лошади: её считали в народе глупой, и увидеть её в сонном бреду значило столкнуться с ложью. При этом некоторые из толкователей необоснованно предполагают, что слово *бред* в составе фразеологизма первоначально могло иметь значение ‘хождение вперед и назад’.

По-разному интерпретируется и значение прилагательного *сивый* в составе выражения. Привычное мнение, что *сивая кобыла* – седая некоторым историкам фразеологии кажется неверным. Поскольку, по их мнению, обычно лошади почти не седеют, то истоки негативной оценки такой кобылы усматривают в том,

что породистые лошади не бывают сивой масти и потому сивая лошадь считается образцом глупости. Ср. сказочную *Сивку-Бурку* – простую, беспородную крестьянскую лошаду, не обученную ничему иному, как тянуть соху или возить сани.

Сочетание *сивая кобыла* известно и другим славянским языкам, напр.: бел. *трызненне сівай кабылы* ‘бессмыслица’, болг. (диал.) *вятър ме вее на сива кобила* ‘о легкомысленном, несерьезном человеке’, укр. *розказувати сон рябої кобили* ‘говорить неправду, рассказывать пустое’. Ср. пол. «сивый конь» в пословицах типа *Kto nie miał konia siwego, ten nie miał dobrego* и др. По мнению В. И. Ковалева (1998), сфера негативных представлений о сивой кобыле связана с поверьями о передаче через такое животное колдовских способностей и его контактами с нечистой силой и загробным миром, отчего наличие таких животных в крестьянском хозяйстве нежелательно.

Доминантным моментом в создании отрицательной оценки сивой кобылы в нашем выражении, как кажется, стали всё-таки прямые или косвенные ассоциации её масти со старостью, а тем самым – болезненностью, слабостью и т. п. Не случайно в псковских, новгородских и других севернорусских (республика Коми) говорах эпитет *сивый* в близких по образу оборотах заменяется другими, прямолинейно негативными: пск., новг. *на кривой (вищвой, сивой) кобыле не объёдишь (не объехать) кого* – ‘об опытном, бывалом человеке, которого не обманешь, не проведёшь’; коми. *на худой кобыле не увезёшь что, чего*. ‘о чём-л. скверном, плохом’. И целый ряд народных сравнений со словом *кобыла* подчёркивает оценку сивой кобылы как старой, некрасивой, живой, глупой и т. п.: *красива как кобыла сива* – ‘о крайне некрасивой, безобразной и (часто) престарелой женщине’; *старее поповой кобылы* – ‘об очень старом человеке’; *врать как сивая кобыла*; *врать как старая кобыла* – ‘то же, что *врать как сивый мерин*’; костром. *ржать как кобыла*; смол. *риготать как кобыла*; нижегор. *хохотать как кобыла* – ‘об очень громком, грубом и глупом женском смехе’; *хохотать что кобыла на овёс* – ‘об излишне громко, грубо и глупо (в предвкушении или при ощущении чего-л. приятного) хохочущей женщине’ и т. д.

Характерна при этом и прямая семантическая переключка с «гендерным» антиподом сивой кобылы – *сивым мерин*: том. *ворочать как сивый мерин* – ‘о много и тяжело работающем человеке’; прост., перм. *врать как сивый мерин* – ‘о безудержно и бесстыдно лгушем человеке’; *глуп как сивый мерин* – ‘о чрезвычайно глупом человеке’; устар. (глуп) *как бурый мерин* – ‘то же, что *глуп как сивый мерин*’; устар. *ленив как сивый мерин* – ‘об очень ленивом человеке’; устар. *переть как сивый мерин* – ‘о много и напряжённо работающем человеке’; *упрям как сивый мерин* – ‘о крайне упрямом человеке’; пск. *губы (грибы) у кого как у сивого мерина* – ‘о чьих-л. отвисших, обрюзгших губах’: *знать кого ровно чубарого мерина в околотке* – ‘о человеке, известном очень хорошо, до всех мелочей, черт характера (обычно – не с лучшей стороны)’ и т. д.

Такие ассоциации, сложившиеся в народной речи, и привели к созданию выражения *бред сивой кобылы*. Оно хорошо «вписалось» в ряд близких характеристик бессмысленной болтовни, явного вздора, несусветной чуши: прост. *бред собачий*, *бред сумасшедшего*; жарг. (мол.) *бред уснувшего генсека* – ‘не что странное, абсурдное’, ‘что-л. вызывающее раздражение, несогласие’, *нести бред (бредятину)* и под.

Именно этот набор фразеологических ассоциаций, как кажется, и обусловил творческое употребление этого оборота в стихотворении А. Кушнера.

Прототипическая ФЕ, продуцирующая аллегорический образ и лирический сюжет стихотворения, может не присутствовать в тексте. Однако концептуальное содержание и образный строй стихотворения создают аллюзию на смысловое содержание и / или образную основу определенной ФЕ. Покажем это на примере стихотворения А. Кушнера «И пыльная дымка, и даль в ореоле ...»:

И пыльная дымка, и даль в ореоле
Вечернего солнца, и роща в тумане.
Художник так тихо работает в поле,
Что мышшь полевую находит в кармане.
Увы, её тельце смешно и убого.
И, вынув брезгливо её из кармана,
Он прячет улыбку. *За Господа Бога*
Быть принятым все-таки лестно и странно.
Он думает: если бы в серенькой куртке,
Потертой, измазанной масляной краской,
Он сунулся б тоже, сметливый и юркий,
В широкий карман за теплом и за лаской...

Этот текст создает явную аллюзию на ФЕ *как у Христа (Бога) за пазухой* в значении ‘жить хорошо, без забот; в полной безопасности’ с актуализированным здесь смысловым оттенком, который может быть передан формулировкой ‘находясь под покровительством, под опекой того, кому безусловно доверяют’. Образ этого оборота, по происхождению общеславянского (БМС, с. 608), основан на народно-религиозном восприятии Бога, Христа как спасителя, ограждающего и сохраняющего верующих в Него от всяких бед (БФСРЯ, с. 317). В стихотворении А. Кушнера на этом образе основывается градация сравнений: сначала художник сравнивает полевую мышшь, нашедшую приют в его кармане, с человеком, почувствовавшим себя *как у Христа за пазухой*. Затем невольное сравнение себя в этой ситуации *с Господом Богом* перерастает в его воображении в ситуацию, в которой он сам, подобно полевой мышши, доверившейся человеку как Богу, «...сунулся б тоже... в широкий карман за теплом и за лаской». Здесь передано своеобразное гармоническое восприятие природы художником, составляющее основу его картины мира, базирующееся на мироощущении, родственном пантеизму, на склонности воспринимать все живое как одухотворенное, как проявление божества.

В качестве одного из основных отличительных признаков ПТ отмечается его энергетичность, «энергоёмкость», высокая напряженность, что обусловлено тотальной выразительностью, выразительной силой единиц ПТ [5, с. 62]. О. Николаева рассматривает поэтическую энергию как особый вид

языковой энергии: «Языковая энергия претерпевает глобальную трансформацию в процессе формальных, смысловых, дискурсивных, а главное – культурных, эстетических и духовных реализаций единиц языка в функционирующей системе ПТ» [20, с. 206]. Ю. В. Казарин считает, что на современном этапе развития лингвистики ПТ наиболее уместно «...рассматривать поэтическую энергию как часть образной и в целом смысловой, психологической и эстетической напряженности ПТ», при этом отмечая неясность вопроса о единицах энергии, о процессах «энергетического заряда» стихотворения [12, с. 43].

Представляется, что явление поэтической энергии находится в непосредственной зависимости от «тесноты стихотворного ряда» и от вариативности содержания и формы единиц языковой номинации, реализующейся в ПТ. Как показал Ю. Н. Тынянов, особая ритмико-интонационная структура как основное организующее начало поэтической речи непосредственно воздействует на семантику и функции разноуровневых языковых средств в ПТ. Единство и теснота стихотворного ряда ведет к его смысловому обособлению, перераспределяет и преобразует семантические связи между словесными объединениями в стихотворном тексте [24, с. 153]. Соотношение языковой формы и концептуального содержания ПТ как особого, развернутого в пространстве и времени, лично интерпретируемого знака базируется на общей для языковых знаков разных типов аксиоме, согласно которой значение и форма определяются друг через друга и их членение должно быть совместным, то есть изоморфным. При переосмыслении, структурно-семантических трансформациях языковых знаков в пространстве ПТ происходит сдвиг в отношениях между их формой и содержанием, нарушение параллелизма, изоморфизма между ними. Однако соотношение планов выражения и содержания текста, отдельных его композиционных частей обусловлено тенденцией адекватного выражения отрезков мышления в той или иной форме, установления и реализации изоморфного отношения между ними.

Н. А. Ильюхина отмечает: «Виртуальная, желаемая реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий образ словесный» [9, с. 153]. Как показывает Н. Ф. Алефиренко, на этом этапе предметный остов превращается в «живую» внутреннюю форму слова, в которой динамика предметного действия сообщает слову «почти осязаемую поэтическую (образную) энергию. Без этой энергии слово не может „жечь сердца людей“» [1, с. 269].

И. Р. Гальперин показывает, как при утрате буквального содержания пословицами слова-компоненты, входящие в состав этих устойчивых микротекстов, «...начинают излучать какую-то особую энергию семантического характера». Так, в пословице *Семь раз отмерь, один раз отрежь* к словоформе *отмерь* подбираются семантические эквиваленты *рассчитай, подумай, взвесь, проверь, обсуди* и т. п. [8, с. 157]. Приводимые автором лексические замены репрезентируют смысловой диапазон слов-

компонентов. «Излучение особой энергии семантического характера» словами-компонентами пословицы при её переосмыслении, констатируемое И. Р. Гальпериным, иллюстрируется соотношением слов в составе переосмысленной устойчивой фразы с открытыми рядами коррелятов. Этот пример служит яркой иллюстрацией приобретения словами и словосочетаниями в составе ФЕ и паремий, подвергшихся образному переосмыслению, нового смыслового потенциала, семантической многоплановости, многомерности, которые и служат выражением особой «энергетичности». Такая «семантическая энергия» в наибольшей степени свойственна поэтическому тексту. Напряженность ПТ, «тесноту стихотворного ряда» часто создают фразеологические повторы, при которых форма и содержание ФЕ подвергаются параллельной трансформации, передающей динамику концептуального содержания ПТ. См. пример – фрагмент стихотворения Ю. Мориц: «Девять раз я свивала гнездо над землёй / из травинок и светлых идей, / а его разоряли мальчишки весной – / ох, жестокие игры детей! / <...> Но как только свила я гнездо на земле, / стало легче мне жить и дышать – / прекратились набег *жестоких детей* – / младших братьев *жестоких стихий!*...» В этом ПТ одноструктурные антонимы передают динамику мировосприятия, его коренное изменение, символизируемое изменением пространственных координат (ср.: *над землей – на земле*), преобразующее и бытийный план. В создании динамики мироощущения здесь участвуют и субстантивные обороты, объединяемые эпитетом *жестокий (жестokie игры детей, жестокие дети, жестокие стихии)*, символизирующие «жестokie стихии», воздействие которых прекратилось («прекратились набег») с «перемещением» поэта «с неба на землю», с осознанием реальной действительности.

Исследование природы поэтической энергии, её языковых форм должно базироваться на полипарадигмальном научном подходе к ПТ. Данный подход необходим для выявления роли креативного мышления, особых психолингвистических механизмов и языковых процессов в творческом применении языковых образов, создании образных окказионализмов, выполняющих в ПТ концептообразующую функцию, структурирующих стихотворный текст.

Н. А. Николина в работе «Тенденции употребления фразеологизмов в современной поэтической речи» рассматривает характерную для фразеологии в ПТ полифункциональность, проявляющуюся в употреблении ФЕ в оценочной, концептообразующей, текстообразующей, характерологической функциях, подчёркивая, что их преобразования служат способом обновления образных средств художественной речи. Автор отмечает, что в современной поэтической речи наиболее активной трансформацией фразеологизмов является эллипсис компонентов ФЕ: давно функционирующие в языке ФЕ чаще редуцируются и выступают как компоненты-символы.

Посредством словарей нового типа «Фразеологизмы в русской речи» (СФРР) и «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» (СФРП) впервые пред-

ставлено фразеографическое описание индивидуально-авторских употреблений ФЕ в прозе и поэзии.

Построение словаря «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» основывается на принципах, разработанных для словаря «Фразеологизмы в русской речи», но также базируется на разработке специальных принципов построения, отражающих специфику функционирования ФЕ в поэтических жанрах. В число основных задач СФРП входит фразеографическая систематизация материалов типического для поэзии и индивидуально-авторского употребления ФЕ, служащая выявлению своеобразия поэтических идиостилей в их сложном взаимодействии. Словарная разработка ФЕ в поэзии поможет выделению ключевых образов в творчестве разных поэтов, обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира (см., например, высокочастотные в поэзии ФЕ *земной шар*, *белый свет*, *запретный плод*, *смертный час*, *час пробил*, *кануть в лету*, *порости бльем*, *нести крест*, *испить чашу (до дна)*, *сходить с ума*, *оставить след*, *парить в облаках*, *витать в эмпиреях*, *строить воздушные замки*).

Важно с помощью лексикографических приемов фиксировать и систематизировать характерные для поэзии способы преобразования значения и формы ФЕ.

Фразеографическая разработка ФЕ в СФРП включает формулировку дефиниций ФЕ, отражающих их концептуальное содержание в лексико-фразеологической системе языка, дефиниций окказиональных вариантов ФЕ и окказиональных ФЕ в ПТ.

Отличительной особенностью словарной статьи в СФРП является последовательное включение в иллюстративную часть зафиксированных в карточке Словаря фразеологических конфигураций (образуемых отдельными строфами, рядами строф, текстами стихотворений), в которых реализуется то или иное употребление ФЕ. Фиксируемые таким образом формы употребления ФЕ сопровождаются семантическими определениями (в случаях существенных смысловых новаций), указаниями особенностей связей с различными элементами языка в системе ПТ, видов и способов индивидуально-авторских преобразований значения и формы ФЕ.

Многие употребления ФЕ, зафиксированные в материалах Словаря, сопровождаются семантизирующими комментариями, раскрывающими не только смысловое содержание ФЕ в определенном поэтическом тексте, но и своеобразие ее стилистического употребления, связи с системой языковых образов в данном тексте, концептуальное содержание единиц текста, структурируемых языковыми образами, среди которых рассматриваемая ФЕ играет доминирующую роль.

Так, в словарную статью «*Земной шар*» включено употребление *шар земной* в стихотворении Б. Окуджавы «О кузнечиках» в следующем контексте: «Два кузнечика зеленых пишут белые стихи. / Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит, / *шар земной* на повороте отвратительно скрипит.../ Но меж летом и зимою, между счастьем

и бедой / прорастает неизменно вещей смысл работы той, / и сквозь всякие обиды прорывается в века / хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...». Эта цитата сопровождается следующим комментарием: «ФЕ *шар земной* употреблена в основе развернутой метафоры; в ряду символов поэтического творчества (в контексте завершающего стихотворение авторского афоризма); в противопоставлении творчества и обыденности. *Шутл.* Стилизация фольклора: постоянные эпитеты (см. СФРП, с. 590)».

Для поэзии характерно базирование фразеологической конфигурации на повторной номинации концепта, репрезентируемого ФЕ. Повторная номинация в контексте фразеологической конфигурации выполняет семантизирующую функцию. Она достигается посредством авторских определений ФЕ и отдельных компонентов ФЕ, содержание которых раскрывает, уточняет, детализирует элементы индивидуального концептуального смысла ФЕ в тексте. Подобные семантические повторы графически выделяются во включенных в Словарь иллюстрациях употребления ФЕ и часто сопровождаются специальным комментарием. Так, в словарную статью *обетованная земля* включена цитата из стихотворения Ю. Левитанского «Кровать и стол, и ничего не надо больше...»: «Мой старый стол, мой отчий край, мой дальний берег, / моя *земля обетованная*, мой остров, / мой утлый челн, моя спасительная шляпка». Она сопровождается комментарием: «ФЕ *земля обетованная* употреблена в ряду образных перифраз, характеризующих роль творчества в жизни поэта как самого важного, необходимого, как предмета заветных устремлений».

Поскольку художественный текст представляет собой сложный симбиоз общезыкового и индивидуально-авторского восприятия Слова, далеко не всегда можно полностью отразить все «обертонные смыслы» (Б. А. Ларин) фразеологизма, гармонизированные творческой фантазией писателя. Особенно такая задача сложна для семантизации поэтических употреблений ФЕ, семантика компонентов которых ассоциативно полифонична. Таково, например, семантическое обогащение словосочетаний разного типа, «нанизанных» на единый стержень глагола *пахнуть* в стихотворении современного поэта Тимура Кибирова, где прямая и переносная, свободная и фразеологически связанная семантика сплетаются в неразвязный стилистический *гордиев узел*:

Чуешь, сволочь, чем пахнет? – Ещё бы!
Мне ли, местному, нос воротить? –
Политурой, промасленной робой,
Русским духом, едрить-колотить!
Вкусным дымом пистонов, карбидом,
Горем луковым и огурцом,
Бигудями буфетчицы Лиды,
Русским духом, и страхом, и мхом.
...Неподмытым общаговским блудом,
И бензином в попугке ночной,
Пахнет Родиной – чуешь ли? – чудом,
Чудом, *ладаном*, Вестью Благой!
Хлоркой в пристанционном сортире,
Хвоей в предновогоднем метро.

Постным маслом в соседней квартире
 (Как живут они там впятером?
 Как ругаются страшно, дерутся...)
 Чуешь? – Русью, дымком, портвешком,
 Ветеранами трех революций.
 И еще – леденцом-петушком!

Во фразеологической цепи, выкованной поэтом, центральное место занимают выражения с компонентом-глаголом: *пахнет русским духом, пахнет ладаном, Чуешь, чем пахнет*. Однако в это фразеологическое пространство втягиваются и другие идиомы, косвенно связанные с темой «запаха»: *горе луковое, нос воротить*. Все эти обороты перекликаются и с различными словами, живописующими с изрядной долей горькой иронии пословичный «русский дух», и дух Руси тем самым как бы материализуется в разных конкретных запахах, как приятных, так и неприятных. Показательно (и типично для таких насыщенных фразеологическими коннотациями текстов), что выражение *пахнуть ладаном* здесь приобретает некоторый мистически-религиозный смысл, сочетаясь со словами и оборотами высокого стиля *Родина, чудо и благая Весть* и тем самым несколько затушевывая прямую характеристику приближения смерти, заложенную в его внутренней форме.

Лексикографическое описание подобных употреблений фразеологии требует сочетания интеграционных приёмов с дифференцирующими. Понятно при этом, что полного «расклада по словарным полочкам» в таких сложных случаях добиться нельзя, и потому следует стремиться к выявлению доминантных вибраций формы и значения в авторском употреблении, отказавшись от некоторых периферийных. Особая роль здесь принадлежит самим контекстным иллюстрациям, ибо в них читатель и найдет имплицитные словарным описанием стилистические смещения толкуемого фразеологизма.

Иллюстративная часть многих словарных статей СФРП в совокупности с историко-этимологическим комментарием, завершающим словарную статью, представляет собой своеобразный интертекст, отражающий преемственность в использовании стилистических приемов окказионального преобразования ФЕ, в интуитивном привлечении аналогичных фразеологических образов, обусловленном идейно-тематической общностью произведений, воздействием идиостиля поэта на формирование стилистических систем других авторов, литературных направлений. Разностороннее сопоставление однотипных употреблений ФЕ поможет устанавливать прототипические употребления, даст возможность проследить эволюцию ряда фразеологических образов-концептов. Например, в словарной статье «Глаголом жечь сердца людей» дается следующий комментарий, включающий историко-этимологический компонент: «ФЕ восходит к стихотворению „Пророк“ А. С. Пушкина (1828). Цитата „глаголом жги сердца людей“ стала крылатой фразой [см. КС, с. 153–154]. Созданный Пушкиным образ основан на разнородных ассоциациях; перенос по смежности и метафора по сходству. Завершающая строка пушкинского стихотворения концентрирует мысль о высоком предна-

значении поэта и поэзии. Употребляясь в новых контекстах в обобщенном значении, словосочетание *глаголом жечь сердца людей* передает мысль о величайшей силе эмоционально-психологического воздействия поэтического творчества».

В словарных статьях СФРП систематизируются типы трансформаций ФЕ и фразеологических конфигураций. Последние определяются по ведущему стилистическому приему употребления заголовочной ФЕ в ПТ, по образуемому на базе заголовочных ФЕ стилистическим фигурам, фразеосемантическим парадигмам и афоризмам, по коннотативной окраске ФЕ и структурируемого ею ПТ в целом.

Так, в словарной статье «Слово – серебро, а молчание – золото» цитируемой фразеологической конфигурации, выделяемой в стихотворении А. Галича «Старательский вальсок», предшествует ряд характеристик:

ПРОМОЛЧИ – ПОПАДЕШЬ В БОГАЧИ. Авторский афоризм

МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО Окказиональная ФЕ, являющаяся частью пословицы.

Двойная актуализация ФЕ, в основе развернутой метафоры.

Фразеологический и лексический повтор. Сарказм.

Мы давно называемся взрослыми
 И не платим мальчишеству дань,
 И за кладом на сказочном острове
 Не стремимся мы в дальнюю даль.
 Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
 Ни на катере ... к эдакой матери.
 Но поскольку *молчание – золото*,
 То и мы, безусловно, старатели.
Промолчи – попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

В эту словарную статью включено также употребление оборотов, производных от данной пословицы (*золотом молчанье покупать, молчанье – золото, молчанье – ложь, молчанье – враг*) в следующем поэтическом контексте Д. Кугультинова с предшествующим ему комментарием: «Антитеза бесстрашно, прямо высказываемой правды и «сверхосторожного» лживого умолчания. Сарказм., презр. Обороты *молчанье – ложь, молчанье – враг* моделируют оборот *молчанье – золото*.

«Молчанье – золото» ... Молва
 Нам донесла из дальней дали
 Сверхосторожные слова...
 Иль смысл пословицы таков,
 Что *золотом* во тьме веков
 Порой *молчанье покупали*?..
 «Молчанье – золото... Не так!
 Молчанье – ложь! Молчанье – враг!
 Молчать о виденном не смейте!..
 Ломая немоты печать,
 Суровый голос из бессмертья
 Взывает: «Не могу молчать!»

Формулировка концептуального содержания ФЕ в их словарных дефинициях предполагает и вербализацию их коннотативного ореола, включая культурные, социально, исторически маркированные компоненты коннотации. Приведем пример разработки словарной статьи ФЕ «Писать в стол»:

«ПИСАТЬ В СТОЛ. Заниматься литературным творчеством, заведомо зная, что произведения будут восприняты властями как враждебные режиму, крамольные, и поэтому результаты труда нужно скрывать, не надеясь, что в ближайшем будущем или когда-либо они будут опубликованы.

Виды трансформаций: образование окказиональных ФЕ по модели языковой ФЕ. Замена компонента.

Структурно-семантические трансформации ФЕ, объединенных обозначением творческого процесса и необходимости скрывать свое творчество:

СОЧИНЯТЬ В СТОЛ, РИСОВАТЬ В СТОЛ, ТАНЦЕВАТЬ В СТОЛ – «заниматься каким-либо видом творчества, заведомо зная, что результаты труда в ближайшем будущем или когда-либо не получат известность, не смогут найти применения, не будут опубликованы, обнародованы».

Структурно-семантические трансформации окказиональных ФЕ, объединенных общим прототипом и семантикой вынужденного сокрытия своих переживаний, горестей:

ГОРЕВАТЬ В СТОЛ, ДУШУ ОТКРЫВАТЬ В СТОЛ, ГОЛОСИТЬ В СТОЛ, ЗЛИТЬСЯ И ГРОЗИТЬ В СТОЛ. – «Таить, хранить в себе, в своей душе заветные мысли и чувства, горести и обиду, не имея возможности поделиться с кем-либо, “открыть душу” перед тем, кто поймет, разделит эти переживания».

Градационный ряд окказиональных ФЕ в стихотворении выполняет концептообразующую функцию. В последней строке “стол”, издающий “стон” – символ страдающего, замкнувшегося в своих переживаниях человека:

Будем горевать в стол.
 Душу открывать в стол.
 Будем рисовать в стол.
 Будем танцевать в стол.
 Будем *голосить* в стол.
Злиться и грозить в стол...
 Будем сочинять в стол...
 И слышать из стола стон.

(Р. Рождественский)

Рассмотрим некоторые индивидуально-авторские употребления ФЕ, включенные в словарную статью «Земной шар». Здесь может быть выделен ряд афоризмов, базирующихся на ассоциациях с космическим видением земного шара, с образами вращающейся Земли и сферичности вселенной: «Всему времечко свое: лить дождю, *земле вращаться*, / Знать, где первое прозрень, где последняя черта ...» (Б. Окуджава «Всему времечко свое...»); «...бросаем то в жар, / то в холод, то в свет, то в тень, / в мирозданьи потерян, / *кружится шар*» (И. Бродский. Я был только тем...); «Во вселенной наш разум счастливый / Ненадежное строит жильё. / Люди, звезды и ангелы живы / *Шаровым натяженьем* ее» (А. Тарковский. Белый день).

В поэзии нашло отражение понимание смерти человека как перехода к вечной жизни, главная сутьность которой представляется как непрерывное движение, как вечный полет в космическом пространстве. Представление о неразрывной связи окончания земной жизни с переходом к жизни вечной, о самом

процессе жизни в вечности, в пространстве космоса передано системой образов стихотворения В. Шейфера «Вечность», в котором концептосфера «человек – земной шар – космос» актуализирована выражением финальных мотивов земной жизни человека. Завершающее двустишие – оксюморонный символ – совмещает представление физической смерти, переданное глаголом *падать*, и непосредственного перехода к вечной жизни (см. *падать*, но *в высоту*): «Когда последняя беда / Опустит сувой топор, / Я упаду, как никогда / Не падал до сих пор. «...» / Сквозь звезды, через темноту, / Через хвосты комет / Я буду *падать в высоту* / Сто миллионов лет».

В стихотворении А. Тарковского «Малютка-жизнь» передано восприятие земной жизни человека как драгоценной малютки-жизни, при всех ее тяготах противостоящей смерти, символически представленной как полет «вниз головой в пространство мировое, шаровое»: «Терзай меня – не изменюсь в лице, / Жизнь хороша – особенно в конце, Хоть под дождем и без гроша в кармане, / Хоть в Судный день – с иголкой в гортани. / А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши, / Возьми мои последние гроши, / *Не опускай меня вниз головой / В пространство мировое, шаровое!*»

В поэзии космическое пространство предстает как соприродное ей. Оно наполняется, формируется, «достраивается» поэзией. Дух творчества придает завершенность и конечный смысл всему сущему и космосу в целом. Поэзия как высшая форма духовного созидания объединяет пространство и время. Жизнь поэта-творца – жизнь для вечности и в вечности: «Поэзия сродни волне, / она не средство и не цель, самодостаточно вполне. / Но без нее бездонный космос – провал, не бездна даже – просто / провал, зияющий, как щель, пустой и недо воплощенный. / <...> Да, брэнностью не пренебречь, / да, беспощадная в стремленьи все за собой во тьму увлечь, / река времен, поток забвенья / текла и вечно будет течь, / но будет и звучать – сверяя / свой ритм с дыханием прибоя и это гулкое, слепое пространство одухотворяя / – поэта сбивчивая речь» (А. Власов. «Поэзия сродни волне...»).

СФРП принадлежит к словарям тезаурусного плана. Об этом свидетельствует построение словарных статей, в которых фиксируются системы языковых образов поэзии как особого вида словесного творчества, конструируемые рядами слов, сочетаний слов, фразеологизмов в разнообразии их вариантов, языковых и индивидуально-авторских, объединяющихся в свои особые микросистемы, концептуальные парадигмы, представляющие фрагменты единой поэтической картины мира этноса. СФРП представляет фразеологию и лексику внутри семантических группировок в поэтическом дискурсе только в рамках словарных статей. Организация же входных единиц, заголовочных ФЕ и ключевых слов в корпусе словаря основывается на алфавитном принципе. Семантизация входных единиц и разнообразных трансформов ФЕ, образованных на базе заголовочных ФЕ окказиональных отфразеологических лексем и фразеологизмов, производится посредством сино-

нимических рядов и развернутых описательных дефиниций, репрезентирующих системные связи определяемых единиц в языке и в тексте, формулирующих концептуальное содержание ФЕ в системе поэтического текста, в контексте поэтического цикла, творчества поэта, литературного направления.

Основные компоненты словарной статьи – 1) заголовочная ФЕ; 2) варианты и индивидуально-авторские употребления ФЕ; 3) экспрессивно-стилистическая характеристика ФЕ и ее употреблений; 4) семантические определения ФЕ и ее индивидуальных употреблений; 5) иллюстративная часть, включающая характеристику системных связей ФЕ в тексте, образуемых на ее основе тропов и стилистических фигур; 6) историко-этимологические данные – служат комплексному исследованию языкового строя поэтических произведений в структурно-семантическом, системно-функциональном, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

В СФРП обобщается анализ употреблений ФЕ в русской поэзии, способов преобразования значения и формы ФЕ. При этом каждое употребление ФЕ рассматривается как элемент системы ПТ, поэтического творчества автора, его идиостиля. Такой анализ ориентирован на перспективу сопоставления фразеологии поэтических идиолектов, конструируемых ею тропов и фигур, выявление характерных для разных поэтических идиостилей особенностей употребления ФЕ.

Словарная разработка употреблений ФЕ в поэтических текстах способствует более глубокому проникновению в концептуальное содержание поэтических произведений, более полному описанию их структурной, формальной организации. СФРП как словарь-справочник помогает выявлению, восприятию эстетической функции ФЕ в ПТ, восстановлению забытых ПТ по сохранившимся в памяти употреблениям ФЕ, уточнению авторства поэтических строк.

В поэзии наиболее ярко проявляется широта семантических потенциалов фразеологизмов, их художественная ассоциативность, способность вербализовать индивидуально-авторские концепты и концептосферы, в составе которых семантически соотносящиеся фразеологизмы и слова образуют различные стилистические фигуры, служат выражению концептуального содержания произведения.

Представленное разностороннее исследование особенностей функционирования ФЕ в поэтическом тексте ведет к выявлению своеобразия преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве русской поэзии, к обнаружению речевых образов, наиболее рельефно отражающих как индивидуально-авторскую, так и национальную поэтические картины мира. Яркие, оригинальные речевые образы, представленные в поэтическом тексте словами, фразеологизмами, разнообразными сочетаниями слов, фрагментами текста, организованными как стихотворная строка, строфа, сверхфразовое единство, а часто – текстом в целом, создают индивидуальные концепты и концептосферы, актуализированные широкими жизненными обобщениями, заполняющие концепту-

альные лакуны как в индивидуальном сознании, так и в картине мира определенной социальной среды, этноса. Стремление к наиболее полной вербализации концептов и концептосфер является изначальным, важнейшим стимулом речетворчества, фразеологического творчества и наконец – литературного, поэтического творчества.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М., 2002.
2. Алещенко Е. И. Русская поэтическая фразеология : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово. // Русская словесность. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997.
4. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000.
5. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – Екатеринбург, 2004.
6. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
7. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
8. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. – М. : Высшая школа, 1974.
9. Гинзбург Л. Я. Частное и общее в лирическом стихотворении // Вопросы литературы. – 1981. – № 10.
10. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. – СПб., 2001.
11. Казарин Ю. В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система // Текст. Структура и семантика: Доклады УШ международной конференции. – М., 2001.
12. Казарин Ю. В. Поэтическое состояние языка (попытка осмысления). – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002.
13. Коваль В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. – Гомель : Гомельск. ун-т им. Ф. Скорины, 1998.
14. Кудрина Н. В. Предметные фразеологизмы в поэзии Анны Ахматовой : дис. ... канд. филол. наук. – Курган, 2008.
15. Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. – Л., 1974.
16. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартусского государственного университета. – Тарту, 1964.
17. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – М., 1972.
18. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.
19. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома, 2008.

20. Николаева О. Поэзия как энергия // Знамя. – 2001. – № 2. – С. 205–208.
21. Николина Н. А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003.
22. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
23. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.-Л., 1927.
24. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка – М.: Сов. писатель, 1965.
25. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVI – начала XXI веков. – Белгород, 2009.
26. Эткинд Е. Г. Материя стиха. – СПб., 1998.
27. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Виктор Хлебников. – Прага, 1921.
28. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. – М., 1987.

Словари и справочники

- КС: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Худ. литература, 1966. – с. 153–154.
- СРФИЭС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.
- БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ – ПРЕСС-КНИГА, 2006.
- ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. – М.-Л., 1950–1965.
- СФРП: Фразеологизмы в русской поэзии XIX – XXI вв. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. Е. Якимов; под науч. ред. В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ, 2016.
- СФРР: Фразеологизмы в русской речи. Словарь. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари: Астрель, 1997.

УДК 811.161.1

А. Э. Павлова
(Россия, Кострома)

АФОРИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АФОРИЗМОВ В. КОЛЕЧИЦКОГО)

Статья посвящена изучению афоризмов на материале текстов известного писателя В. Колечицкого. Анализ индивидуально-авторских афоризмов показывает, что использование приёма языковой игры для В. Колечицкого является характерной чертой его идиостиля, что автор как языковая личность обладает широким культурологическим фоном. В результате сопоставительного анализа афоризмов декодируется картина мира автора.

Ключевые слова: афоризмы, языковая картина мира, комический эффект.

A. E. Pavlova

APHORISMS AS A MEANS OF EXPRESSING THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (BASED ON V. KOLECHITSKY'S APHORISMS)

The article is dedicated to the study of aphorisms on the material of the texts of a famous writer V. Kolehichitsky. The linguistic analysis of the individual author's aphorisms shows that the use of a word play is a characteristic feature of V. Kolehichitsky's individual style, that the author, as a linguistic persona, has a broad cultural background. In the issue of comparative analysis of aphorisms the author's views are decoded.

Keywords: aphorisms, picture of the world, comic effect.

Лаконичность формулировки идеи, парадоксальность мысли, яркое выражение личностной позиции, амбивалентность сознания, личностного и социально-типического, обобщенность, законченность, оригинальность – вот структура модели образного афористического отображения реальности. Афоризмы всегда привлекали внимание литературоведов, лингвистов, лексикологов. Одних интересовали свойства жанра, который стал известен уже в XVIII веке, других – речевые средства создания афоризма, третьих – сбор афористических высказываний из литературных произведений или индивидуально-авторских высказываний как самостоятельных произведений и включение их в состав словарей.

В конце двадцатого века в свет выходит значительное количество словарей, посвященных афоризмам: «Большая книга афоризмов», «Мысли и изречения древних» К. Душенко, «Антология мысли в афоризмах» В. Шойхера, «Афористика и карикату-

ра» из серии «Антология сатиры и юмора» и др. Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что в это время в области лексикографии и фразеографии был «лексикографический бум», по удачному выражению авторов монографии «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» В. А. Козырева, В. Д. Черняк [2, с. 105]. Кроме того, в силу своей универсальности афоризмы отвечают атмосфере эпохи, что представляет интерес с лингвистической точки зрения: современная афористика отражает языковую картину мира современника. Поэтому особое место среди словарей афоризмов занимают те, которые посвящены современной отечественной афористике, например, словарь В. Шойхера «Современная русская афористика», который вышел в свет в 2002 году.

Афоризмы одинаково точно могут отражать как картину мира народа, так и картину мира индивидуума, т. е. автора афоризма. Создается некая язы-

ковая, интеллектуальная игра, когда из текста малой формы, который имплицитно содержит более широкую информацию, необходимо посредством эксплицитно выраженной информации правильно декодировать, развернуть «скрытую» информацию. В этом случае читатель, опираясь на сформированную в его сознании модель мира, отличающуюся субъективными личностными оценками, но в своей объективной основе совпадающую с общепринятой, пытается создать единую картину действительности. Отметим, что современный афоризм не склонен к морализаторству. Иронические, саркастические, пародийные афоризмы в современной литературе – свидетельство реакции на окружающую действительность.

Примером афоризмов подобного типа являются афористические выражения писателя В. Колечицкого, который был хорошо известен зрителям юмористической программы «Вокруг смеха» и читателям журналов «Аврора», «Огонек», «Крокодил» в конце XX века. К. Душенко пишет в предисловии к своему словарю «Большая книга афоризмов»: «Есть изречения, заставляющие задуматься; есть фразы, заставляющие улыбнуться. Но самые лучшие – те, в которых улыбку и мысль нельзя разделить» [1, с. 7]. Эти слова в полной мере можно отнести к авторским афоризмам В. Колечицкого, представленным в книге миниатюр «Запретные плоды раздумий».

Афоризмы Колечицкого – сложные по речевому образованию высказывания, в которых, с одной стороны, автор использует известные приемы создания комического эффекта с помощью фразеологических единиц (двойная актуализация ФЕ, включение ФЕ с юмористической коннотацией, столкновение разных по стилистической окрашенности ФЕ и др.), с другой стороны, благодаря конвергенции стилистических приемов находит новые возможности актуализации дополнительных смыслов высказывания, усиления комического эффекта. Обратимся к афоризму Колечицкого «Народ перебивался с хлеба на квасной патриотизм». Здесь в пределах небольшого контекста, простого предложения, автор мастерски соединяет две известные ФЕ: *перебиваться с хлеба на квас* и *квасной патриотизм*, причем второй фразеологизм с иронической, неодобрительной коннотацией заменяет один из компонентов первого фразеологизма на основе созвучия, поскольку является однокоренным словом. Так возникает значение афоризма ‘народ оказался в крайней степени нищеты, когда сложившееся истинное положение его умалчивается и прикрывается красивыми рассуждениями, восхваляющими страну и ее народ’. Безусловно, подобное словотворчество требует большого мастерства, развитого языкового чутья, что можно увидеть на примере других афоризмов Колечицкого. Например, «За локомотивом власти нередко следует состав преступления». Здесь автор включает в предложение два устойчивых сочетания слов из разных функциональных стилей: *локомотив власти* – это речевой штамп советской публицистики, *состав преступления* – это термин юриспруденции и права.

слов *состав преступления*, благодаря двойной актуализации компонента *состав*, позволил автору также обыграть ФЕ *локомотив власти*, компонент которой *локомотив* воспринимается одновременно в двух значениях, прямом и переносном. Кроме того, данные компоненты фразеологизмов сближаются на основе единой тематической группы: одно из значений полисеманта *состав* – *поезд*. Данные афоризмы раскрывают тему власти и народа, тем самым отражают взгляд автора на политическую обстановку, сложившуюся в стране.

Еще одним интересным приемом создания комического эффекта становится обращение автора к интертекстам, что позволяет острее выразить парадоксальную мысль, авторский взгляд на окружающую действительность. Интертекстема, в которой совмещаются два признака, лингвистический и экстралингвистический, обладает огромным потенциалом воздействия на читателя: амбивалентность данной единицы позволяет расширить границы текста, а ее структурно-семантические преобразования усиливают комический эффект, который создается в результате неожиданного разрушения интертекстемы как некоей языковой нормы. Например, «В зените славы тени исчезают», «Когда сыр во рту, каркать не хочется», «Политика – опиум для народа, телевидение – шприц!». Безусловно, подобные афоризмы понимаются читателями, обладающими достаточным культурным уровнем, чтобы декодировать основу их создания. Так, в афоризм «В королевстве кривых зеркал с кривой рожей чувствуешь себя увереннее» включено название повести В. Губарева «Королевство кривых зеркал» или художественного фильма, снятого А. Роу по данной повести. Оба эти произведения были хорошо известны детям Советского Союза. Создавались они как сказочная пародия на капиталистическое устройство жизни, хотя смысл гораздо глубже – это утверждение в жизни моральных ценностей. Индивидуально-авторский афоризм, равный предложению, включает в себя две ФЕ – *королевство кривых зеркал* и часть пословицы *Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива* в нужной грамматической форме. Индивидуально-авторский афоризм выражает мысль о том, что честному, порядочному человеку трудно находится в мире, где царит ложь, безнравственность, проще, спокойнее «подстроиться» под ситуацию. Это можно подтвердить другим афоризмом автора «Ложь, чтобы выжить, должна быть достовернее правды».

Афоризмы В. Колечицкого, безусловно, посвящены различным темам: политике, характеристике человека, переменам в стране, а также писательскому труду. Например, «Если жизнь диктует, нужно писать», «Рукописи принципиальнее авторов: они не возвращаются», «Если тебе нечего сказать миру, вырази кратко». Обратимся к афоризму «У писателя был добротный суконный язык, но «Шинель» не выкраивалась». Автор иронически характеризует некоторых писателей, не обладающих талантом. Колечицкий использует фразеологизм *суконный язык*, имеющий значение ‘неповоротливый, картавый’, за

счет расширения его состава *добротный суконный язык* в пределах контекста создается актуализация буквального значения компонента *суконный*, что ассоциативно вызывает образ материала, добротного сукна, что коррелирует со словами *выкраивалась* и «Шинель». Так в пределах небольшого контекста возникает языковая игра на уровне художественных образов, писатель-мастер и писатель-ремесленник, созданная в результате языковой игры посредством обыгрывания значений фразеологизма. Языковая картина мира представляет собой знания, представления людей об окружающем мире и их месте в нем, выраженные в языковой форме.

Таким образом, языковая картина мира В. Колечицкого, выраженная посредством авторских афо-

ризмов писателя, представляет оригинальный, парадоксальный взгляд на мир, выраженный через призму смеха.

Литература

1. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. – М. : Эксмо, 2003. – 1056 с.
2. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – 571 с.

Источники

- [1] URL: <http://kuvaldn-nu.narod.ru/kolechitskiy/Kolechitskiy.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 81'37+81'42

Д. С. Скарнев

(Россия, Москва)

К. Э. Касымалиева

(Россия, Москва)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «ПЛАХА»)

В статье рассматривается специфика художественного дискурса на материале романа Ч. Айтматова «Плаха». Авторы анализируют фразеологизмы как средство создания образа в художественном тексте. Данные языковые средства, активно функционирующие в рассматриваемом произведении, репрезентативны, эмоционально-экспрессивны, эффективны в реализации функции эстетического воздействия на читателя. Особое внимание авторов направлено на семантические свойства фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, художественный дискурс.

D. S. Sknarev

K. E. Kasymalieva

PHRASEOLOGISM AS MEANS OF CREATING AN IMAGE IN ARTISTIC DISCOURSE (IN THE CONTENT OF CHINGUIZ AITMATOV'S NOVEL "PLAKHA")

The article examines the specifics of artistic discourse on the content of Chinguiz Aitmatov's novel "Plakha". The authors analyze phraseologisms as a means of creating an image in an artistic text. These language tools, actively functioning in the product in question, are representative, emotionally-expressive, effective in realizing the function of aesthetic influence on the reader. Special attention of the authors is directed to semantic properties of phraseological units.

Keywords: phraseologism, image, artistic discourse.

Создание текста в художественном дискурсе не является спонтанным и непринужденным. Автор руководствуется определенными установками, а также коммуникативными намерениями и известными ему приемами эстетического воздействия на адресата. В связи с тем, что основным назначением художественного дискурса является эмоционально-волевое и эстетическое воздействие на тех, кому он адресован, то главным конституирующим фактором выступает его прагматическая сущность.

Функционирование художественного дискурса невозможно вне диалектических отношений: писатель – художественное произведение – читатель. Традиционный подход к анализу художественного текста предполагает изучение текстовых единиц, грамматических категорий, связей и стилистических средств [2, с. 484].

Творчество Чингиза Айтматова настолько многогранно, что его можно рассматривать с различных точек зрения: искусствоведческой (работа Иманкулова Д. Р. [3]), филологической: литературоведческой (труды Мискиной М. С. [7], Асаналиева К. [1], Лайлиевой И. Дж. [6], Темаевой Х. Н. [10], Юлдашевой В. В. [12]), журналистской (диссертация Кобзевой О. С. [5]), языковедческой (исследования Касымалиевой К. Э. [4], Новиковой А. В. [8]) и др.).

Каждый исследователь обращал внимание на специфику стиля Ч. Айтматова, художественный мир его произведений, созданную им картину мира. В большинстве существующих работ уделено внимание различным тропам, функционирующим в текстах писателя.

Фразеологизмы, частотно используемые автором для создания художественных образов, практи-

чески не становились объектом исследований. Так, Садыкова Н. А. отмечает, что айтматовский стиль – это умелое использование емких художественных средств лиризма, в том числе и фразеологизмов, образно и лирично выражающих чувства и переживания героев [9, с. 5].

Цель данного исследования – проанализировать семантику фразеологизмов, функционирующих в романе Ч. Айтматова «Плаха».

Данное произведение эпично, образно, символично, музыкально, энциклопедично. Так, по многоплановости изображаемых событий, философскому подходу в решении проблем и глубине символики роман превзошёл всё ранее написанное Ч. Т. Айтматовым. Это книга об отношениях человека и природы, о поисках смысла жизни, о назначении религии в ее лучшем проявлении, о беде нашего времени – наркомании – и о многом другом. Однако центром художественного мира романа является экологическая проблема, осмысленная автором в философском ракурсе.

Человек, являясь частью окружающей его среды, всегда пытался сравнивать её с собой, со своими образами, мыслями и приписывал явлениям существующего мира те свойства, которые имел сам, отождествляя себя с природой и выражая свое физическое и душевное состояние. В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется глобальный образ мира (картина мира) – результат духовной активности человека, возникающий в ходе всех его контактов с миром.

Фразеологизмы, подобно словам, объединяются по общему категориальному значению в семантико-грамматические классы. Для анализа фразеологизмов с точки зрения семантико-грамматической организованности опираемся на классификацию А. М. Чепасовой [11], согласно которой выделяется 7 классов: предметный, процессуальный, призначный, качественно-обстоятельный, количественный, грамматический, модальный.

Фразеологизмы, функционирующие в романе Ч. Айтматова «Плаха», выступают ярким средством создания образов героев – людей и животных. В нашей картотеке 357 фразеологизмов в 365 употреблениях. Было выяснено, что преобладают процессуальные фразеологизмы (таковых единиц 63,6 %). Затем следуют качественно-обстоятельные (13 %), призначные (11 %), предметные (10,8 %) и единицы других классов (1,4 %).

Так, процессуальные фразеологизмы характеризуют семантический субъект действия с различных сторон, отражающих конкретные виды человеческой деятельности. Например, *знаться по пятам, держаться особняком, брать на измор, трогаться с места, идти в руки кому, не ударить лицом в грязь, броситься наутек, ломать себе голову, напасть на след* и др.

«– А ты не больно воротил нос, – обзвирался Петруха. – Кто ты такой есть?»

Воротить нос – ‘пренебрегать чем-л., отказываться от чего-л.’.

«Ты все о Боге, да что хорошо, да что плохо, чего ты нам *игру портить*? Чего ты все *воду мутить*?»

Портить игру – ‘мешать, препятствовать’.

Мутить воду – ‘запутывать, отвлекать’.

В качественно-обстоятельном классе объединяются единицы, являющиеся обозначением признака или обстоятельства действия или степени проявления действия и признака предмета. Качественно-обстоятельные фразеологизмы по своему категориальному значению соотносятся с наречиями.

«Да будь я на месте этих попов, я бы *в два счета* пинками тебя вышиб – ведь ты такой даже им и то не нужен».

В два счета – ‘очень быстро, без задержек’.

«Он *с замирающим сердцем* зашел в скверик и здесь, сидя на скамейке, прочел письмо».

С замирающим сердцем – ‘волнуясь, тревожась, переживая’.

Призначные фразеологизмы по своему категориальному значению соотносятся с именами прилагательными и обозначают *признак, свойство, качество, состояние лица или неодушевленного предмета*.

«А у Акбары к зиме волчата заметно поднялись и, утратив неразличимость детскости, все трое превратились в угловатых переростков, но уже каждый *со своим норвом*».

Со своим норвом – ‘упрямый, своенравный’.

Предметные фразеологизмы соотносятся со значением имен существительных по типу категориального значения, по наличию в них однотипных морфологических категорий и синтаксических функций, но не тождественны и неэквивалентны последним. В этом классе объединяются фразеологизмы, называющие *предмет* в широком значении этого слова.

«Для *опытного глаза* даже внешне они различались от их местных собратьев».

Опытный глаз – ‘человек наблюдательный, внимательный’.

Было выяснено, что среди фразеологизмов в нашей картотеке наиболее частотны фразеологизмы с компонентами-соматизмами.

В принципе, фразеология со словами, называющими органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней, особенно богата. По статистике, фразеологизмы с компонентами *голова, глаз, нос, рука, сердце, ухо, язык* составляют около 70 % всех соматических фразеологических единиц (далее СФЕ).

С компонентами-соматизмами связано очень большое количество фразеологизмов, что, на наш взгляд, обусловлено ясностью функций частей тела, называемых этими словами. Поэтому неслучаен выбор писателем именно этих языковых единиц. Во многом это обусловлено тем, что СФЕ составляют значительный пласт русского литературного языка и народных говоров, а также являются коммуникативно наиболее значимой и высокопродуктивной частью фразеологического состава.

Преобладают фразеологизмы с компонентами *глаза, рука, сердце, голова, нога, язык, нос*. Главные функции таких частей тела определяют и содержание основных тематических групп фразеологизмов с компонентами-соматизмами, направляют развитие символики и т. д.

Так, например, глаза – важнейшая часть головы и лица человека, поскольку 80 % информации о мире приходит через них. Это слово обозначает орган зрения любого живого существа, орган-инструмент, орган «смотрения».

По данным нашей картотеки, с этим соматизмом образуется больше всего ФЕ (13 %).

Разум и эмоции человека позволяют назвать глаза зеркалом души человека (т. к. их функция – зрение, в том числе «внутреннее», духовное): *бросаться в глаза, глаза разбегаются, не сводить глаз (с кого)* и т. п.

«Потом я уже *не спускал глаз* со своего двойника, следя за тем, как он пел, как вытягивалось его лицо, как разверзлся рот, когда он брал самые высокие ноты».

Не спускать глаз (с кого) – ‘смотреть на кого-л. неотрывно, пристально, внимательно’.

Сердце в большей степени – это стихия чувств, различных эмоций, страстей, любовных переживаний, мук и страданий (*бередить / разбередить сердце, покорить сердце, сердце кровью обливаётся, сердце в пятки ушло* и др.). Но оно не только «вместилище эмоций», это центр жизни вообще: физической, психической, духовной и душевной. Так, сердцу приписывают все функции сознания: мышление, волю, совесть и др.

«*Сердце* волчицы учащенно *заколотилось* – его наполнили отвага, решимость непременно защитить, оградить от опасности тех, кого она вынашивала в себе».

Сердце (чьё, у кого) *заколотилось* – ‘кому-л. стало волнительно, тревожно’.

«И только одно *греет мое сердце*, одна желанная забота всегда со мной – моё письмо».

Греть сердце (кого, чье) – ‘поддерживать кого-либо, радовать’.

Примечателен тот факт, что в произведении Ч. Айтматова встречаются соматические фразеологизмы с тавтологическими компонентами. Например, *бок о бок, плечом к плечу, лицом к лицу*. Данные единицы обозначают совместную деятельность, предполагающую непосредственную близость участников процесса коммуникации. На наш взгляд, писатель неслучайно частотно использует приведенные фразеологизмы. Во многом это связано с тем, что человек и природа активно взаимодействуют друг с другом и происходит это в тесном тандеме.

По нашим данным, наиболее употребительными единицами в данном произведении выступают фразеологизмы *бок о бок, не верить глазам своим, уносить ноги*.

Первый фразеологизм относится к совместной деятельности людей и животных, характеризует их поступки и действия, демонстрирует умение объединяться перед лицом опасности.

«И теперь уже они сами оказались в плену, в гуще этого великого бегства, невероятного и невысказанного, – если вдуматься, ведь волки спасались вместе со своими жертвами, которых они только что готовы были растерзать и растащить по кускам, теперь же они уходили от общей опасности *бок о бок*

с сайгаками, теперь они были равны перед лицом безжалостного оборота судьбы.

«„Узик“ же мчался *бок о бок*, рядом».

«И тут человек с микрофоном заметил вдруг, что рядом, чуть не *бок о бок* с машиной среди спасающихся бегством антилоп скачет волк, а за ним еще несколько волков».

Бок о бок – ‘совсем рядом, очень близко, один возле другого’.

Единица *не верить глазам своим* демонстрирует степень реакции людей на события, происходящие в окружающем мире. Люди совершают поступки, разрушают природу, а потом отказываются нести ответственность за свои действия, признавать свою вину в произошедшем.

«*Не веря своим глазам*, Бостон склонился над телом сына, залитым алой кровью, медленно поднял его с земли и, прижимая к груди, попятился назад, удивляясь почему-то синим глазам издыхающей волчицы».

Не веря глазам своим – ‘поражаясь, не осознавая до конца что-л. случившееся неожиданно, не понимая произошедшее’.

Фразеологизм *уносить ноги* подчеркивает неготовность окружающих встретиться с опасностью и их стремление спастись от нее стремительным бегством.

«Волкам надо было исчезнуть, *унести ноги*, двинуться куда-нибудь в безопасное место, однако именно этому не суждено было осуществиться»

«А Авдий, *унося ноги*, долго бежал по степи, и страх криком выходил из него».

«Но нужно *унести ноги*, пока не появились волки, – это Базарбай хорошо понимал.

«Хорошо еще *ноги унес...*»

Уносить / унести ноги – ‘убегать быстро, скрываться из виду’.

Таким образом, фразеологизмы, функционирующие в романе Ч. Айтматова «Плаха», весьма репрезентативны в создании образов героев произведения. Преобладают процессуальные фразеологизмы (таковых единиц 63,6 %), что позволяет характеризовать в рамках художественного дискурса семантический субъект действия с различных сторон, отражающих конкретные виды человеческой деятельности. Частотны фразеологизмы с компонентами-соматизмами, что обусловлено ясностью функций частей тела, называемых этими словами.

Литература

1. Асаналиев К. Чингиз Айтматов: поэтика художественного образа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Фрунзе, 1989. – 36 с.
2. Гуо Х. Особенности дискурса художественного произведения // Молодой ученый. – 2017. – № 20. – С. 483–486.
3. Иманкулов Д. Р. Чингиз Айтматов и советский многонациональный театр : автореф. дис. ... д-ра искусствовед. – Л., 1990. – 35 с.
4. Касымалиева К. Э. Этнокультурные идиоглоссы в авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова и их культурно-графическое представление : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 23 с.

5. Кобзева О. С. Проза Чингиза Айтматова в журнальном контексте «Нового мира» : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 214 с.

6. Лайлиева И. Д. Традиции мировой литературы в киргизской прозе : дис. ... д-ра филол. наук. – Бишкек, 1995. – 308 с.

7. Мискина М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова : дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004. – 206 с.

8. Новикова А. В. Сравнительный анализ произведений Чингиза Айтматова на русском, немецком и английском языках : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 165 с.

9. Садыкова Н. А. Стилевые особенности повестей Чингиза Айтматова (к проблеме художест-

венного мастерства) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бишкек, 2004. – 22 с.

10. Темаева Х. Н. Духовно-нравственный и художественный мир Чингиза Айтматова и его мотивы в северокавказской прозе : дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2010. – 182 с.

11. Чепасова, А.М. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. – Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. – 211 с.

12. Юлдашева В. В. Концепция нравственного выбора в художественном мировидении Чингиза Айтматова и ее влияние на северокавказскую прозу 60–80-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2002. – 161 с.

УДК 811.161.1

М. А. Фокина

(Россия, Кострома)

Р. А. Джарчиева

(Россия, Кострома)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологизмов в комедиях Тургенева, выявляется их роль в развитии драматического конфликта, экспликация концептуального содержания пьес, создании речевых характеристик персонажей, формировании текстовой семантики.

Ключевые слова: фразеологическая единица, драматический дискурс, диалогическое единство, оценочная характеристика, концептуальное содержание.

M. A. Fokina

R. A. Dzharchieva

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE DRAMATIC DISCOURSE OF I. S. TURGENEV

The article examines the features of functioning of phraseological units in Turgenev's comedies, reveals their role in the development of dramatic conflict, explication of the conceptual content of plays, creation of speech characteristics of characters, and formation of textual semantics.

Keywords: phraseological unit, dramatic discourse, dialogical unity, evaluative characteristic, conceptual content.

Драматический дискурс Ивана Сергеевича Тургенева составляют его комедии «На хлебник», «Завтрак у предводителя» и «Месяц в деревне». В этих произведениях одним из выразительных средств речевой индивидуализации персонажей являются фразеологизмы, которые занимают важное место в смысловой структуре текста, создают его эмоциональную тональность и способствуют развитию драматического конфликта.

Изучению фразеологических единиц (ФЕ) в драматическом дискурсе посвящены современные лингвистические исследования О. В. Ломакиной, А. Г. Ломова, Л. С. Наградовой, А. В. Овсянниковой, Д. А. Романова и др. А. Г. Ломов рассматривает ФЕ в произведениях А. Н. Островского в лексикографическом аспекте, обосновывает принципы составления фразеологического словаря на материале пьес драматурга [2]. Монография О. В. Ломакиной. «Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль» посвящена изучению фразеологической системы Л. Н. Толстого, в том числе анализу жанрообразующего функ-

ционирования устойчивых выражений и паремий в народных драмах писателя [1]. А. В. Овсянникова раскрывает стилеобразующую роль коннотативных фразеологических единиц в драматургии Александра Вампилова [4]. Обращая внимание на особенности индивидуально-авторского использования ФЕ в пьесах русских драматургов XIX–XX веков, исследователи выявляют также их концептуальный потенциал, определяемый как «динамический параметр фразеологической семантики, характеризующий способность фразеологических единиц выступать средством концептуализации явлений действительности» [3, с. 4]; указывают на то, что драматический текст в силу своей особой специфики (возможности альтернативного восприятия: прочтения и просмотра, то есть зрительно-графического и зрительно-воплощающего эффекта) способен хранить иллюстративно-проецирующую функцию фразеологизма на протяжении значительного текстового пространства [5, с. 294].

Рассмотрим последовательно особенности использования устойчивых оборотов в пьесах И. С. Тур-

генева «Нахлебник» (1848) и «Завтрак у предводителя» (1849), охарактеризуем их роль в создании текстовой семантики и речевых характеристик персонажей, обратим внимание на приемы индивидуаль-но-авторских преобразований ФЕ.

В комедии «Нахлебник» фразеологизмы способствуют экспликации смысла названия произведения: *нахлебник* – ‘тот, кто живет на чужих хлебах, на чужие средства; приживальщик’ [СРЯ, т. 2, с. 411]. Один из главных героев произведения, обедневший, разорившийся дворянин Кузовкин Василий Семёныч, не имеющий собственного дома и средств существования, живет из милости у богатых помещиков Елецких. Автор активно использует фразеологизмы с компонентом *хлеб*: *на хлебах*; *даром хлеб есть*; *хлеб-соль*; *кусочек хлеба*. Ключевой фразеологизм *на хлебах* (‘на чьем-либо иждивении, содержании’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 346]) создает текстовые повторы, употребляется в речевом плане автора и в речи одного из персонажей. В списке действующих лиц представлена авторская характеристика Кузовкина: «дворянин, проживающий *на хлебах* у Елецких» [6, с. 81]. Далее в первом действии управитель имения Егор рассказывает молодому хозяину о Кузовкине: «*На хлебах-с* проживает. Еще со времен старого барина. Они их, можно сказать, для потехи при себе держали» [6, с. 94]. Сам Кузовкин о себе говорит так: «А на меня и платье-то не из целого кроют. Всё *с чужого плеча*»; «... а я вот шут, дурак, *гроша за мной нету медного*, я попрошайка, дармоед...» [6, с. 88]. Фразеологизм *с чужого плеча* (‘ношенный другим и не подходящий по размеру’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 94]) и контаминированный оборот *гроша за мной нету медного (ни гроша за душой – ‘совсем нет денег’; за медные гроши – устар. ‘за ничтожную плату’* [ФСРЛЯ, т. 1, с. 165]) характеризуют бесправное, зависимое положение героя в богатом помещичьем доме. Ради кусочка хлеба он вынужден развлекать господ, позволять им высмеивать и унижать себя: «К у з о в к и н (*Елецкому*) За что, за что вы меня *топчете в грязь*? Что я вам сделал? Помилуйте! ... Вам позволили надо мной ломаться... вы и рады... Что покойный ваш тесть *за даровой кусочек хлеба* да за старые жалованные сапоги вволю надо мною потешался – так и вам того же надо? Ну да: его подарочки *соком из меня выжили, горькими слезинками выжили...*» [6, с. 112]. Реплики Кузовкина содержат фразеонабор, с помощью которого передаются горечь и обида униженного человека: *топтать в грязь (втоптать в грязь разг. экспрес. ‘жестоко унижить, очернить’* [ФСРЛЯ, т. 1, с. 111]); *даровой кусочек хлеба*. Здесь осуществляются индивидуально-авторские преобразования устойчивых оборотов: расширение компонентного состава ФЕ *даровой кусочек хлеба* (ср. с узвальным фразеологизмом *кусочек хлеба* – разг. ‘необходимое пропитание; средства существования’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 341]); развернутое разговорное выражение *соком из меня выжили, горькими слезинками выжили* образует ассоциативные смысловые связи с ФЕ *высосать соки* – ‘лишить сил, энергии, истязая, эксплуатируя кого-либо’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 125].

Социальный конфликт пьесы эксплицируется антонимическим противопоставлением фразеоло-

гизмов *на хлебах – на большой ноге*. Восхищаясь богатством и роскошью барского дома, помещик Тропачев говорит Елецкому: «О боже мой, я знаю, у вас всё *на большой ноге...*» [6, с. 95] (*на большую ногу* устар. экспрес. – ‘богато, не ограничивая себя в расходах (жить)’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 37]). Дворецкий Трёмбинский завистливо сравнивает жизнь хозяев и прислуги: «Эка, подумаешь, иные люди – *точно в сорочке рождаются. Наш брат бьется, как рыба о лёд, из-за кусочка хлеба*, а им всё достается даром. Где после этого, позвольте спросить, справедливость на свете?» [6, с. 100]. Фразеонабор образуют контактно расположенные устойчивые обороты: *точно в сорочке рождаются; наш брат; бьется, как рыба о лёд; из-за кусочка хлеба*. Фразеологизмы *точно в сорочке рождаются* (о богатых помещиках) и *наш брат бьется, как рыба о лёд* (о слугах в барском доме) становятся контекстуальными антонимами и также способствуют развитию социального конфликта пьесы: *родиться в сорочке* – ‘быть во всём удачливым, счастливым’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 196]; *биться как рыба об лёд* – ‘сильно нуждаясь, бесплодно, безрезультатно добиваться улучшения материального положения’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 30].

Основной конфликт комедии «Завтрак у предводителя» связан с имущественными спорами уездных помещиков. В тексте пьесы обширно представлены фразеологические конфигурации, которые являются развернутыми диалогическими единствами. В речевом плане персонажей используются оценочные разговорные и просторечные ФЕ – взаимоотношения героев пьесы. Провинциальные дворяне негативно отзываются о помещице Кауровой, упрямой, строптивой, несговорчивой, взбалмошной и недалекой женщине: *с норовом* – прост. ‘упрямый, своенравный’ [СРЯ, т. 2, с. 509]; *ни тпру ни ну* – прост. ирон. ‘ничего не предпринимает; не дает никаких результатов’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 310]; *за пояс заткнет (заткнуть за пояс разг. экспрес. – ‘абсолютно, полностью превзойти соперника, партнера’* [ФСРЛЯ, т. 1, с. 257]). Третий год она не может договориться со своим братом о дележе наследственного имения, не соглашается ни на какие, даже выгодные для нее, условия, создавая тем самым накаленную атмосферу в доме предводителя дворянства, где происходит обсуждение спорного вопроса: «Ну, не могут поделиться, *хоть ты тресни*» (прост. экспрес. ‘что ни делай, как ни старайся (о тщетных усилиях, стараниях)’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 312]); «Это наконец всякого *выведет из терпения...*» (*вывести из терпения* – ‘привести в крайне раздраженное состояние’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 115]).

Фразеологические повторы способствуют смысловому объединению отдельных реплик персонажей в диалогические единства, актуализируют в тексте комедии семантику ключевых устойчивых оборотов:

«Б а л а г а л а е в. Разве вы можете запретить вашему братцу продавать свою собственность?»

К а у р о в а. Этого я не могу ему запретить, да дело не в этом, а в том, что вы нас *не по чистой совести* делите, не по справедливости то есть, а как для вас выгоднее.

Б а л а г а л а е в. Я не по чистой совести делю... и повернулся у вас язык это сказать!» [6, с. 166].

Диалогическое единство содержит фразеологический повтор и фразеонабор: *не по чистой совести* (ср. с узуальной ФЕ *по совести* – ‘честно, справедливо’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 262]); *повернулся язык* (ср. с узуальной ФЕ *как язык повернулся* – разг. экспрес. ‘удивляет такая наглость, решительность, бесцеремонность сказать что-либо, не к месту, неосмотрительно’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 392]). Повторяющийся фразеологизм *не по чистой совести* подвергается структурно-семантическому преобразованию: происходит расширение компонентного состава путем добавления прилагательного *чистой* и частицы *не*, создающей противоположный смысл (‘нечестно, несправедливо’), что становится одним из средств создания авторской иронии, так как в комедии высмеиваются мелочная меркантильность и низкие обывательские интересы местного дворянства, не имеющего более благородных и высоких жизненных устремлений.

Таким образом, фразеологические единицы в драматическом дискурсе Ивана Сергеевича Тургенева являются важным языковым средством формирования текстовой семантики и выполняют ряд взаимообусловленных функций. Характерологическая функция проявляется в том, что с помощью ФЕ писатель создает образы своих персонажей, индивидуализирует их речь. Эмотивная функция основывается на экспрессивности фразеологических выражений, ориентирована на эмоциональную тональность текста и реализуется в создании авторской модальности. Фразеологические повторы, контекстуальные ФЕ-синонимы и антонимы обеспечивают структурно-семантическое единство драматического текста, в этом проявляется их текстообразующая функция: фразеологические характеристики персонажей являются зонами смыслового пересечения синтагматико-парадигматических текстовых связей. Концептуальная функция фразеологизмов реализуется в их способности обобщать авторские идеи, эксплицировать содержательно-концептуальную информацию

текста. Стилеобразующая функция ФЕ заключается в использовании индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц, в создании с их помощью выразительных стилистических фигур, что характеризует оригинальность творческой манеры драматурга, специфику его идиостиля. Текстовое взаимодействие образных фразеологических средств и речевых приёмов выразительности обеспечивает художественно-эстетическую целостность драматического дискурса писателя.

Литература

1. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография. – М. : РУДН, 2018. – 344 с.
2. Ломов А. Г. Фразеология пьес А. Н. Островского. – Самарканд : Зарафшон, 1995. – 163 с.
3. Наградова Л. С. Концептообразующая функция фразеологических единиц в пьесах А. Н. Островского : дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 194 с.
4. Овсянникова А. В. Стилеобразующая роль коннотативных фразеологических единиц в драматургии А. Вампилова : дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2012. – 160 с.
5. Романов Д. А. Текст как проекция фразеологизма // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Матер. междунар. науч. конф. (Тула, 17–19 мая 2018 г.). – Тула, 2018. – С. 293–299.
6. Тургенев И. С. Комедии // Тургенев И. С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. – М. : Правда, 1968. – С. 81–288.

Словари и справочники

- СРЯ*: Словарь русского языка: [в 4 томах] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985–1988.
- ФСРЛЯ*: Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. – М. : Цитадель, 1997.

А. Е. ЯКИМОВ
(Россия, Кострома)

**О РОЛИ ТРАНСФОРМОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМА ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «СТОЛ»**

В статье рассматриваются особенности использования фразеологического оборота письменный стол в поэтическом тексте цикла Марины Цветаевой «Стол», описывается система индивидуально авторских преобразований этого оборота, выявляется их роль в выражении основной идеи произведения.

Ключевые слова: Цветаева, цикл «Стол», поэтический текст, фразеологизм, трансформ.

A. Ye. Yakimov

**ON THE ROLE OF TRANSFORMS OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT WRITING TABLE
IN M. TSVETAeva'S POETIC CYCLE "TABLE"**

The article examines the features of the use of the phraseological unit writing table in the poetic text of Marina Tsvetaeva's cycle "Table", describes the system of the author's individual transformations of this unit, reveals their role in conveying the main idea of the work.

Keywords: Tsvetaeva, cycle "Table", poetic text, phraseological unit, transform.

Цикл стихотворений Марины Цветаевой «Стол» был написан в период с 1933 по 1935 годы. Это было время, ощущаемое поэтессой как значимая веха: в душевно тяжёлой обстановке эмиграции она отмечала тридцатилетний юбилей своего творчества. Цикл, таким образом, стал своеобразным поэтическим осмыслением пройденного поэтом пути, творческим итогом и одновременно творческим завещанием Цветаевой. Для названия цикла Марина Ивановна выбрала односложное и «основательное» существительное *стол*, в контексте цикла осознаваемое как индивидуально-авторское фразеологическое преобразование – вычленение опорного именного компонента из присубстантивно-атрибутивного устойчивого оборота *письменный стол*, который не только в образно-символической системе цветаевского цикла, но и в более широком контексте всего поэтического русскоязычного текста манифестирует значение 'символ творческого труда поэта'. Фразеологическая разработка номенклатурного наименования *письменный стол* представлена в словаре «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» В этом инновационного типа словаре собраны ключевые употребления фразеологизмов в русской поэзии, хронологически ограниченной двумя последними столетиями. При этом с особой тщательностью в словарных статьях описаны и прокомментированы многочисленные индивидуально-авторские структурные и семантические преобразования ФЕ, позволяющие увидеть роль и место различных фразеологических трансформов в сложной, многослойной структуре поэтического текста (далее – ПТ): как в идиостиле какого-либо конкретного автора, так и в широком русском поэтическом текстовом пространстве XIX–XXI вв. Каждая словарная статья содержит множество иллюстрирующих употреблений того или иного варианта ФЕ в различных поэтических контекстах. Это позволяет улавливать порой непередаваемые сухим языком комментария стилистические девиации толкуемых фразеологизмов.

В словарной статье, представляющей ФЕ *письменный стол*, большая часть примеров употребления данного фразеологизма – это поэтические строки М. Цветаевой из её цикла «Стол». [СФРП, с. 503–505] Сухое номенклатурное наименование *письменный стол*, преобразуясь в контексте цикла, становится символом высокого творческого труда поэта, противопоставляемого стихии мещанской, пошлой, низкой, приземлённой, – миру иллюзорных «невечных благ». Из инвариантного «корня-символа» *письменный стол* вырастает система метафорических окказиональных перифраз, аллегорических образов, важных для понимания концептуального содержания цикла. Часто при этом количество компонентов в трансформах расширяется либо происходит замена компонентов ФЕ: *мой письменный верный стол*, *мой письменный вьючный мул*, *стол – вечный – на весь мой век*, *строжайшее из зеркал*, *соблазнам мирским порог*, *низостям дубовый противовес*, *мой заживо смертный тёс*, *мой наколенный стол*, *стол на четырёх ногах* и др.:

Строжайшее из зеркал!

Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –

Всем радостям поперёк,
Всем *низостям* – наотрез!

Дубовый противовес

Льву ненависти, слону

Обиды – всему, всему.

Мой заживо смертный тёс!

Спасибо, что рос и рос

Со мною, по мере дел

Настольных – большел, ширел...

Цикл «Стол» в основном (с первого стихотворения по пятое) представляет собой монолог лирического героя, обращённый в адрес персонифицируемого письменного, рабочего стола поэта. Многочисленные оригинальные индивидуально-авторские преобразования ФЕ *письменный стол* в тексте цикла способствуют выражению главной его идеи: смысл жизни поэта состоит в непреходящей ценности освящённого Богом поэтического творчества – трудно-

го, самоотверженного, подвижнического, осуществляемого вопреки соблазнам «низкого» вещного мира, сопряжённого с преодолением множества жизненных невзгод, неурядиц и утрат.

В стихах Цветаевой системное номенклатурное наименование *письменный стол* порождает индивидуально-авторские структурно изоморфные инварианту символические присубстантивно-атрибутивные и грамматические синонимичные им обороты, сопоставляемые с ключевой ФЕ *письменный стол* и одновременно ей противопоставляемые: *сосновый (стол), дубовый (стол), садовый (стол), бильярдный (стол), обеденный (стол), в лаке грошовом (стол), с кольцом в ноздрах (стол)* и т. д. При этом лирическая героиня может принять в персонифицированном символе-«столе», олицетворяющем выбор жизненного пути, многое, кроме измены «высотам заветным», высшему призванию, предназначению человека. Отсюда неприятие стола «на трёх ногах», символический образ которого создаёт аллюзию на известного персонажа русской истории Марину Мнишек, которая признала «трёх Самозванцев в браке», предав, по мнению автора, высшую, богоданную миссию человека-творца. Цветаева не приемлет в тёмке из времён русской смуты приспособленчества, предательства истинного призвания в угоду сиюминутным корыстным целям; не прощает клятвопреступления под влиянием пусть даже очень непростых жизненных обстоятельств, не приемлет «сдачи высот заветных».

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрах,
Садовый, столовый – всякий,
Лишь бы не на трёх ногах!
Как трёх Самозванцев в браке
Признавшая тёмка – тот!
Бильярдный, базарный – всякий –
Лишь бы не сдавал высот
Заветных....

В четвёртом стихотворении цикла автор благодарит Бога, не называя его по имени, за то, что дал ему стол на четырёх символизирующих важные для поэта качества опоры, «на четырёх ногах».

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что – стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол – на четырех ногах

Упорства. Скорей – скалу
Своротись! И лоб – к столу
Подстатный, и локоть под –
Чтоб лоб свой держать, как свод.

– А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой вес,
Просторный, – во весь мой бег...

Здесь же лирический герой даёт Богу контекстуально обусловленное наличием доминантного символа *стол* имя – *Столяр*. Формальным подтверждением тому – написание существительного с прописной буквы (ср. *столяр* – ‘рабочий, специалист по обработке дерева и по изготовлению мебели и вообще изделий из дерева’).

Спасибо тебе, Столяр,
За доску – во весь мой дар,
За ножки – прочней химер
Парижских, за вещь – в размер.

Выражению идейно-художественного пафоса цикла способствует также его звуковая организация, которая реализуется главным образом в использовании автором поэтической этимологии (поэтическая этимология – разновидность методики объяснения происхождения слова, параллельная народной этимологии практического языка) [5, с. 298] и паронимического сближения (паронимической аттракции) именного опорного компонента-символа оборота *письменный стол* со словами, созвучными существительному *стол* и поэтому воспринимаемыми в контексте ПТ как однокоренные с ним слова: *ствол, столп, столпник, столп, столбцы, простор*.

Вот что о таких лексемах написано в статье Словаря: «В контексте стихотворения они наделяются ассоциативными фоносемантическими связями, создавая представление о значении творчества для поэта как животворящего, возрождающего, жизнеутверждающего начала:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что, ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался живым стволем!;

как самой надёжной опоры в жизни, как предмета глубокой веры:

Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!»

[СФРП, с. 503–504].

Явление паронимической аттракции – звуково-го сближения неродственных по происхождению слов, влекущее за собой и смысловое их сближение – было особенно характерно для русских поэтических текстов начала и середины прошлого века [2]. Паронимическая аттракция способствует расширению, углублению, стратификации концептуального содержания стержневого символического образа цикла – ФЕ *письменный стол*, а также усилению эмоционального напряжения лирического повествования цветаевской гексалогии.

Для выражения главной идеи цикла Цветаева использует не только контекстно сближенные вследствие паронимической аттракции лексемы, но и действительно этимологически близкородственные существительному *стол* слова: *престол* – 1. ‘Трон монарха’; 2. ‘В христианской церкви – место, на котором изображается сидящим Бог (обычно как символ божественной власти)’ и оттенок ‘символ высшей духовной власти’; *столяр* (см. значение выше).

Из писем Цветаевой нам известно, что при написании цикла поэтесса особое внимание уделяла углублённому чтению словарей русского языка, изучению этимологических связей русских слов. В этом она находила спасение от гнетущего одиночества и тяжёлой депрессии. Вероятно, поэтому исследовате-

ли отмечают необычную «лингвистичность», даже «лексикографичность» цикла «Стол». Так, М. В. Серова пишет: «Если мы обратимся к словарю В. И. Даля, то обнаружим, что система цветаевских образов отражает содержание словарных статей «стол» и «столб», которые объединены значением “опоры”, “верности”». [3, с. 150] Автор справедливо полагает: «Значение слова “стол” как “места трапезы” героиня от себя сознательно бесповоротно отсекает:

Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем». [3, с. 153]

При этом: «Иностранность, чуждость данного смысла слова для героини подчёркивается “нерусским” меню (трюфели, оливки вместо “щей и похлёбок”)» [3, с. 153].

Ещё одним важным для репрезентации главной идеи цикла авторским видоизменением оборота *письменный стол* являются метафорические окказиональные перифразы с использованием компаративного компонента, заменяющего атрибутив инвариантной ФЕ при грамматическом участии глагола: (*стол*), *охраняющий как шрам* («Меня охранял – как шрам»); (*стол*), *настигающий как шах* («Меня настигал, как шах»); (*стол*), *отбивающий (у не вечных благ) как маг* («У не вечных благ меня отбивал, как маг»).

Порой в стихотворениях цикла Цветаевой образы поэта и его рабочего письменного стола как будто сливаются, и кажется, что поэт, обращаясь к своему «верному столу», обращается к самому себе. Образ письменного стола предстаёт в стихах чрезвычайно многоликим: символизируя перед лицом вечности спасительное для поэта, но трудное и жертвенное высокое творчество, он верный друг лирической героини, он выносливый помощник в трудах («вьючный мул»), он строгое зеркало, отражающее нелюбимую правду и тем ограждающее от «низостей», он свидетель и соучастник творческого роста поэта, он ревнивый шах, не дающий сбежать любимой наложнице, он маг, «отбивающий» поэта у «не вечных благ», он место совершения творческого подвига («столп столпника»). *Письменный стол* для поэта – это и царский трон («престол»), и дающий творческую свободу «простор», и указующий единственно верный путь в жизни столп-«маяк»:

Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!

Письменный стол то является для лирической героини близким человеком, союз с которым «верней любви», («Да, был человек возлюблен! / И сей человек был – стол...»), то представляется животворящим началом («живым стволом»), то мудрым наставником, то даже смертным одром, на котором Бог воздаёт человеку по делам его:

...Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат –
Дурищу – да на тебя ж!

В шестом стихотворении цикла героиня меняет адресата и теперь обращается к тем, для кого «стол» является прежде всего местом трапезы,

приёма пищи, обеда; она яростно противостоит им – тем, кто «слишком часто и долго обедал»; героиня уверена в том, что каждый сам выбирает свой «стол» – свою судьбу, именно этот выбор определяет посмертную участь человека. И выбор самого поэта очевиден – это его *письменный верный стол*:

Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.

А для оппонентов поэта иноземная («голландская») скатерть со столь любимого ими «обеденного» стола станет «саваном», с которого их «вытряхнут» «в яму, место низкое» вместе с «крошками, с огрызками»:

Табачку пыхнём гаванского
Слева вам – и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам – да саваном!

Отягощенные грузом «не вечных благ» (от которых, мы помним, уберёт поэта «письменный верный стол»!) эти любители «трюфелей» и «оливок» утратят даже свою бессмертную душу, обернувшись не сакральным голубем, а гастрономическим «каплуном» и превратившуюся в прах (ср.: *капун* – «кастрированный петух, откармливаемый на мясо»):

Каплуном-то вместо голубя
– Порох! душа – при вскрытии.

Автор верит в то, что не променявшего верность творчеству на золотого тельца поэта в вечности ожидает выстраданное покровительство исполняющих волю Бога белокрылых ангелов:

А меня положат – голую:
Два крыла прикрываем.

Известно, что в поэтическом тексте слова и фразеологизмы, в отличие от бытовой речи и даже художественной прозы, сильнее и теснее связаны друг с другом. Поэтическое слово «... ‘крупнее’ этого же слова в общеязыковом тексте <...> чем лапидарнее текст, тем весомее слово...» [1, с. 86–87]. И поэтому обращение Цветаевой к этимологии слов (как к поэтической, так и, вероятно, к собственно лингвистической) в поэтическом цикле «Стол» не случайно: в творческом текстопорождающем процессе всё, до нюансов, значимо и весомо. Индивидуально-авторские преобразования ФЕ *письменный стол* играют в этом процессе важнейшую роль: репрезентируя во всей его многогранности ключевой образ-символ цикла, они доносят до читателя основную мысль произведения о противостоящей пошлости окружающего мира непреходящей душевспасительной ценности поэтического труда, о предначертанной Богом миссии поэта и его беззаветной преданности высокому творческому призванию.

Литература

1. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л. : Просвещение, 1972. – 270 с.
2. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / под ред. А. Д. Григорьева ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1979. – 344 с.
3. Серова М. В. Цикл М. Цветаевой «Стол» и «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: (Субъективный анализ) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века :

Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Иваново : ИвГУ, 1993. – С. 149–155

4. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975 – С. 193–230.

5. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы / сост и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.

УДК 811.161

Словари и справочники

СФРП: Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Якимов А. Е. Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. : словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под науч. ред. В. М. Мокиенко – Кострома : КГУ, 2016. – 628 с.

Х. А. Якупов

(Россия, Иваново)

Ф. Ф. Фархутдинова

(Россия, Иваново)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *СУДНЫЙ ДЕНЬ* И ЕГО ДЕРИВАТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ

Во фразеологизме судный день наблюдаются ярко выраженные семантические изменения, которые проявляются в различных дискурсах. В статье выявляются и описываются причины семантических изменений оборота, а также его деривационной активности в современных текстах разных дискурсов.

Ключевые слова: устойчивое словосочетание, фразеологизм, номинативная функция, характеризующая функция, семантический сдвиг, актуализация компонента, образная основа оборота, фразеологические дериваты, деривационная активность, Национальный корпус русского языка.

Kh. A. Yakupov

F. F. Farkhutdinova

PHRASEOLOGICAL UNIT *THE JUDGEMENT DAY* AND ITS DERIVATIVES IN THE MODERN TEXTS

Forcibly expressed semantic changes are observed/manifested in various discourses of usage of the idiom the Judgement Day. The article identifies and describes the causes of semantic changes in the idiomatic phrase as well as its derivational activity in contemporary political discourse.

Keywords: idiomatic phrase, phraseological unit, nominative function, characterizing function, semantic shift, component actualization, figurative basis of idiom, phraseological derivatives, derivational activity, Russian National Corpus.

В 1947-м году американские физики-ядерщики из Чикагского университета предложили в журнале «Bulletin of Atomic Scientists» проект «Часы Судного дня». Данный проект нацелен на информирование широкой общественности – ученых, политиков, журналистов и интересующихся – о ядерных технологиях в военной и мирной сферах. Ядерное оружие, атомная энергетика, факторы, влияющие на изменение климата, развитие информационных технологий – это сфера интересов проекта. Визуальным символом проекта стало изображение часов со стрелками, указывающими на приближение полуночи. Ежегодное обращение к этому символу – это анализ напряжённости на международной политической арене, вызванной созданием и производством оружия массового уничтожения [1]. Полночь – это другой символ – символ ядерной войны, в ходе которой произойдет полное уничтожение человечества от атомного оружия. *Часы судного дня* – зрительный образ и словесная метафора, иллюстрирующие приближение рукотворной катастрофы, которая уничтожит человечество и современную цивилизацию. Данная словесная метафора ежегодно актуализируется в текстах разнообразных СМИ, которые заостряют внимание людей, живущих в разных уголках планеты, на том, что

ядерная война неизбежна, она близка и коснется всех и каждого. Так было и в январе 2020-го года, когда появился доклад исполнительного директора издания «Bulletin of Atomic Scientists» Рейчел Бронсон о переводе стрелок на 30 секунд вперед: «Сейчас 100 секунд до полуночи. Мы выражаем то, насколько мир близок к катастрофе, в секундах – не часах или даже минутах. Это самое близкое к *Судному дню* время за всю историю „*Часов Судного дня*“» [2]. Образ часов Судного дня, как и само выражение оказались понятным всему миру и людям, говорящим на разных языках. Каким образом устойчивые обороты, связанные с понятием *Судный день*, наполняются новым содержанием в современных текстах? Почему они оказались востребованными сегодня? Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

Оборот *судный день* – устойчивое образование, реализующее разные значения и выполняющее в русском языке различные функции, – не зафиксирован во фразеологических словарях русского языка, хотя в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова находим следующую информацию к устаревшему прилагательному *судный*: «Связанный с ведением судебных дел. *С-ое дело. С-ая пошлина. С. день; с. час* (в некоторых религиях: суд над людьми при наступлении конца мира, света)»

[БТСРЯ, с. 1287]. Архаичная форма *судный* в составе оборота – свидетельство давнего вхождения оборота в русский язык. Однако в материалах основного корпуса Национального корпуса русского языка устойчивое сочетание *судный день* впервые отмечено между 1850-м и 1860-м годами, где дана ссылка на работу епископа Игнатия (Брянчанинова) «В помощь кающимся», созданную в 1850–1860 гг.: «Но во всех сих, так и в неизреченных по забвению, раскаиваюсь и жалею, и впредь с помощью Божиею обещаюсь блюстись. Ты же, честный отче, прости мя и разреши от всех сих и помолись о мне грешном, а в оный *судный день* засвидетельствуй пред Богом об исповеданных мною грехах. Аминь. Конец и Богу слава» [3]. В приведенном примере омонимия не снята и значение устойчивого словосочетания неясно.

Обладая категориальными признаками фразеологизма, словосочетание *судный день* употребляется в религиозных и публицистическом дискурсах, в языке электронных СМИ, в научных трудах по истории нового времени и богословию, в поэтических и прозаических произведениях. При этом спектр его значений достаточно разнообразен, как разнообразны и его коннотации.

Оборот *судный день* используется как номинативная единица и служит названием иудейского праздника покаяния, очищения и искупления грехов – Йом-Кипур, который отмечается в 10-й день месяца тишрей, начинающего год по иудейскому календарю [4].

В православном дискурсе словосочетание *судный день* – номинативная единица с эсхатологическим значением, в чем убеждает не только широкий контекст, в котором оно употребляется, но и семантические связи с такими христианскими понятиями, как *воскресение плоти*, *страшный суд* и *конец мира (света)*. Если проанализировать лексико-семантическую сочетаемость оборота, то можно увидеть, что *судный день* связывается с представлениями о страшном суде и неизбежном ответе человека за прожитую жизнь.

Аналогичное значение оборот имеет и в русскоязычных исламских текстах: *судный день* – это день, в который каждый из людей – живших прежде и живущих ныне – даст отчет Всевышнему о своей земной жизни и получит соответствующее воздаяние за неё. Для истинного мусульманина ожидание *судного дня* и вера в единого Аллаха – нравственные регуляторы поведения: они заставляют избегать грешения, соответствующим образом социализироваться и дают надежду на получение милости Всевышнего и спасение от мучений ада. Именно это значение словосочетания *судный день* реализуется в таких, например, вхождениях в НКРЯ: «И, поистине, получите сполна вы за деяния свои в *Судный День*» (Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997 – 1999) [5].

Словосочетание *судный день* активно используется и в российском кинопрокате. Так, название фантастического фильма 1991 года «Terminator 2: Judgement Day» (режиссер Джеймс Кэмерон) на русский язык переведено как «Терминатор 2: *Судный день*». Очевидно, что использование оборота *судный*

день ориентировано на представителей культур, связанных с авраамическими религиями. Далее название фильма привело к возникновению повторных номинаций: вошло в названия популярных компьютерных игр [2], анимационных фильмов.

Оборот *судный день* трудно назвать образным, поскольку он не имеет прототипа и строится на представлениях о закономерной для человечества катастрофе. Для многих носителей языка *судный день* связан с понятием *страшного суда*, с представлением о *конце света*. Такая связь обнаруживается в упомянутом в начале статьи устойчивом обороте *часы Судного дня*. Оборот является калькой с английского языка *Doomsday Clock* – символического образа приближающейся ядерной полночи (войны), за которой скрывается полное уничтожение человечества от атомного оружия. В английском же языке возникли выражения *самолёты судного дня* / *самолёты конца света* – воздушные командные пункты в США, готовые к вылету в течение нескольких минут. Этот образ стал своего рода символом готовности страны и её властей к третьей мировой войне.

Однако в новейшее время данное словосочетание стало применяться и для характеристики российского вооружения, что можно видеть на примере следующих новостных заголовков: «“Самолёт Судного дня” передан в Министерство обороны РФ» [6]. Можно предположить, что использование уже имеющейся в речевом употреблении номинации (образ противника, врага) для обозначения собственного вооружения – особый прием, который оказал важное воздействие на расклад политических сил в мире. Эта модель была использована и для характеристики других видов вооружений: «Ракета «Скиф»: спящее оружие “Судного дня”» [7].

Три авраамических религии, исповедующие единобожие, – иудаизм, христианство и ислам – формируют у человека представление о конечности мира и неизбежности воздаяния за содеянное каждым из людей. В каждой из религий есть соответствующие номинации для обозначения конечного дня человечества (мы говорим о русскоязычных текстах). Эти номинации становятся востребованы в светских дискурсах, где устойчивое сочетание *Судный день* актуализирует либо семантику корня *суд* в компоненте *судный*, либо семантику компонента *день*. В этом случае фразеологизм *судный день* становится обозначением важного, решающего для кого-то события: *судный день* или *судный час* ожидается как *момент истины*.

Соотнесенность понятий *судный день* – *конец света* и *судный день* – *воскрешение плоти* – *божий суд* – *конец света* привели к тому, что оборот *судный день* стал ярким образом, который оказался востребованным. Так, в информационной заметке о самом крупном леднике на планете читаем: «Специалисты Нью-Йоркского университета и Центра глобального изменения уровня моря в Абу-Даби в январе пробурили у подножья ледника скважину глубиной 600 метров. В нее спустился дрон со специальным датчиком, который фиксировал температуру воды и турбулентность. Аппарат сделал снимки лед-

ника в пограничной зоне между плавающим льдом и льдом, который лежит на дне.

Данные оказались неутешительными: у основания глетчера была обнаружена относительно теплая вода, температура которой составляет 2 градуса по Цельсию. Такая температура воды заставляет ледник таять и приводит его в движение.

По подсчетам ученых, если ледник растает полностью, это приведет к подъему уровня воды в океане на 1 метр, это приведет к катастрофе. Не случайно ледник Туэйтса назвали «*Ледником судного дня*» [8]. Номинация *ледник судного дня* становится образом ожидаемого всемирного потопа и вписывается в приведенный выше ряд ФЕ.

Оборот *судный день* стал востребованным в кинематографе и в компьютерных играх, которые удалили нравственно-дидактическую составляющую из его образной основы, заменив её ярким визуальным рядом. Так *судный день* превратился из дня справедливого решения (суда над каждым) в эпоху борьбы людей и машин и даже в игру, в которой игроки должны утопить Муму за меньшее число ходов. Из ожидающего наказания человек превращается в палача, убивающего другого.

Особняком среди номинаций с частью *судного дня* стоит образование *хранилище Судного дня*. В 2008-м году на о. Шпицберген на глубине 130 метров от поверхности земли был построен туннель-хранилище для безопасного хранения семян основных зерновых сельскохозяйственных культур. Создатели данного проекта поставили перед собой «амбициозную задачу – обеспечить стратегический запас семян растений со всех уголков планеты на случай глобальной катастрофы. Спровоцируют ли гибель зеленой оболочки Земли люди или ее вызовут внешние силы – неважно: мощная конструкция выдержит любые катаклизмы» [9]. Принципиальное отличие номинации *хранилище судного дня* от других номинаций с фрагментом *судного дня* заключается в том, что ключевое слово *хранилище* акцентирует внимание на том, что будет *после* возможного катаклизма: человечество хочет выжить после ядерной войны и восстановить бесконечное многообразие растительного мира планеты [10].

О том, что *судный день* перестает восприниматься как конец света и жизни на земле, свидетельствуют и такие номинации, как *рассвет судного дня* (название анимационного фильма, в котором ключевым является слово *рассвет* – слово с позитивной семантикой) или *эхо судного дня* (название альбома группы «Ария»).

Оборот *судный день* стал деривационной базой для целого ряда устойчивых оборотов, связанных с угрозой начала третьей мировой войны. Вна-

чале в научном сообществе физиков-ядерщиков, а затем и в широкий оборот были введены понятия *часы судного дня*, *машина судного дня* и гипонимические образования *самолёт судного дня*, *оружие судного дня*, *ракеты судного дня*. Часть *судного дня* становится определением при самых разнообразных явлениях окружающего мира: зернохранилище, ледник. Перечень этих объектов не закрыт, и он демонстрирует, с одной стороны, страх человечества перед угрозой исчезновения, а с другой стороны, – его надежду на выживание.

Литература

1. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л. : ЛГУ, 1986. – 280 с.
2. Фархутдинова Ф. Ф., Якупов Х. А. Фразеологизм *Судный день*: история и семантические сдвиги в современном политическом дискурсе. // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 90–99.

Словари и справочники

БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001.

ССС: Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 словар. статей; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1983.

Источники

- [1] URL: <http://www.mememix.net/meme/> kpac (дата обращения: 23.01.2020).
- [2] РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200123/1563798370.html> (дата обращения: 23.01.2020)].
- [3] URL: <http://processing.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2020).
- [4] URL: <https://runivers.ru/bookreader/book206600/#page/415/mode/1up>] (дата обращения: 14.01.2020).
- [5] Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 14.01.2020).
- [6] URL: <https://tvzvezda.ru/news/opk/content/201607271855-24r0.htm> (дата обращения: 11.01.2019).
- [7] URL: <https://russian7.ru/post/raketa-ski-fspyashhee-oruzhie-sudnogo> (дата обращения: 11.01.2019).
- [8] URL: <https://www.gismeteo.ru/news/nature/dron-issledoval-osnovanie-lednika-sudnogo-dnya> (дата обращения: 21.04.2020).
- [9] Википедия. URL: <https://wikiway.com/norway/khramilishche-sudnogo-dnya> (дата обращения: 14.06.2020).
- [10] URL: <https://habr.com/ru/post/373335> (дата обращения: 21.04.2020).

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ. ИХ РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

УДК 902.7 (С 127)

Е. Н. Бабейко
(Россия, Смоленск)

ЛЮБОВЬ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА СМОЛЕНСКОГО КРАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «СМОЛЕНСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА» В. Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО)

Статья посвящена изучению диалектной картины мира Смоленского края. На материале «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского описана группа пословиц и поговорок о любви. Выявлено отношение смоленского крестьянина XIX века к вечной философской категории.

Ключевые слова: языковая картина мира, диалектная картина мира, пословица, поговорка, паремия.

E. N. Babeyko

LOVE IN THE DIALECT PICTURE OF THE WORLD OF THE SMOLENSK REGION (BASED ON THE «SMOLENSK ETHNOGRAPHIC COLLECTION» BY V. N. DOBROVOLSKY)

The article is devoted to the study of the dialect picture of the world of the Smolensk region. A group of Proverbs and sayings about Love is described on the material of V. N. Dobrovolsky's "Smolensk ethnographic collection". The relation of the Smolensk peasant of the 19th century to the eternal philosophical category is revealed.

Keywords: language picture of the world, dialect picture of the world, proverb, proverb, parody.

В современной лингвистической науке большое количество работ посвящено описанию русской языковой картины мира, однако многие её фрагменты остаются описанными недостаточно или вовсе не изученными. Таким фрагментом, например, является диалектная картина мира, выделяемая по признаку локализации. Богатый источник изучения фрагментов русской диалектной картины мира – этнографические региональные сборники пословиц и поговорок. В статье обратим внимание на «Смоленский этнографический сборник» 1894 года Владимира Николаевича Добровольского, на понимание любви смоленским крестьянином, которое нашло отражение в паремиологических единицах.

Любовь определяет всю жизнь человека, нет ни одного народа, который бы не размышлял об этом великом чувстве и не отразил своё ощущение и понимание любви в искусстве, в языке, в народном творчестве. В «Смоленском этнографическом сборнике» В. Н. Добровольского обнаруживаем небольшую группу паремий о любви. Собирателем зафиксировал одиннадцать пословиц. Кроме того, В. Н. Добровольский в список пословиц включил стихотворные строчки, назвав их «Надпись, списанная съ раскольничьяго пояска» и сопроводив пометой: «Такия надписи вышиваются раскольниками своимъ женамъ на поясахъ, которыя приносятся в подарокъ съ объясненіями въ любви». Стихотворение звучит так:

Кто ни адинъ живеть на свѣте,
Имѣя милаю въ предмете
Въ два емъ и радость и веселья
И легче намъ терпѣть бѣды
Въ два емъ пакой для насъ милѣе,

Нетакъ намъ тягасны труды.
Въ комъ грусь, какъ снѣгъ, а сердце камень.
Тоть не знаетъ любви пламень.
И такъ вы милѣе Алексей Александровъ.

Причина включения стихотворения в сборник пословиц и поговорок, вероятно, связана с тем, что, когда В. Н. Добровольский занимался сбором материала, стихотворные строчки были услышаны им в народе случайно, и не сохранил их, пусть даже среди паремиологического наследия, собиратель не мог. Примечательно, что стихотворение записано в конце списка пословиц, как бы подводя итог всему сказанному в паремиях о любви.

Общерусская, широко употребляемая пословица *Любоу зла: палюбишь и казла* определяет любовь как злую и неуправляемую силу. Значение обусловлено образом, лежащим в основе паремии. Образ козла связан с мифологическим мышлением народа, а также с христианскими символами. В славянской мифологии козел связан с богом Перуном, воплощением плодородия. В христианской традиции козел – это символ дьявола и всех плохих качеств, которые ему присущи. Образ козла является собирательным: это мужчина, который не оправдал женских надежд, это обманная любовь, которая разочаровала. Тему того, что любовь часто сопровождается страданиями, продолжает паремия *Душу ронить*, в которой обнаруживается персонификация любви. Чувство выступает как одушевленное существо, способное причинить боль.

В пословице *Перишя краска луччій твитеть* – акцент делается на том, что любовь – это краски, это цветение жизни, отмечается также, что первая (*перишя*) любовь самая красивая, неповторимая, яркая и

незабываемая. Паремия *Пчела на любой твѣтъ садитца* отражает народное представление о том, что каждый человек создан для любви, и неважно, какой человек, красивый или нет, богатый или бедный, каждый непременно найдет свою вторую половину, ведь душа любого человека – это цветок.

Состояние сильной любви передаётся в паремии *Млѣвить на комъ*, неподвластность чувства разуму, неспособность влюбленного человека смотреть на любимого критично – *Во любить яе, якъ соль в очи*. В данном случае состояние любви подчеркивается и усугубляется сравнением с болезненными ощущениями. Состояние любви – это не только душевное состояние, это ещё и физическое состояние боли. Данная паремия может содержать ироничную оценку влюблённого человека, который не замечает недостатков предмета своей страсти. Такое широкое толкование объясняется особенностями диалектного паремиологического материала, который характеризуется, по выражению Н.А. Максимчук, «многомерностью семантики» [4, с.219], обладает способностью в разные периоды и в разных ситуациях выдвигать на первый план разные свои свойства.

Любовь или есть, или нет, чувства нельзя придумать или запрограммировать. *Што саяно`я хлибать, што-й ня млыва цулувать* – поцелуй с нелюбимым, жизнь с нелюбимым сравнивается с солёной едой, с неприятными вкусовыми ощущениями, которые она вызывает.

В народном понимании любовь и дружба соседствуют друг с другом, подобно тому как жизнь соседствует со смертью, война с миром и т. д. (*Када ми ъ друхъ, такъ и лапушка*). Закономерным в паремиологическом наследии является и взаимоотношение Любви и Брака, соотношение понятий Любовь и Семья. Паремия *Любить жану болій сердца* можно рассматривать как наставление о необходимости любви в браке, традиционный образ сердца

в данном случае подчеркивает важность семейных отношений.

Таким образом, тема любви не получила обширной репрезентации в диалектной паремиологической картине мира смоленского крестьянина. Это можно объяснить различными причинами. Во-первых, тем, что для человека, который много работал физически, у которого не было свободной минуты, более естественными и необходимыми были такие темы, как работа, природа, пища, одежда, качества человека, семья и др. Во-вторых, поскольку русскому человеку свойственна природная скромность, то и говорить много о любви люди стеснялись. И всё же немногочисленные в сборнике паремии о любви констатировали важные её аспекты: всепоглощающую силу любви, яркость и красоту великого чувства, способность любви приносить боль, разочарование, нежность и неповторимость первой любви, соседство любви и дружбы.

Литература

1. Демидова К. И. Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте // Вестник ЮУрГУ. – 2011. – № 22. – С. 5–6.
2. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник : в 4 ч. – СПб., 1891–1903. – Ч. 1–4.
3. Максимчук Н. А. Словарь Смоленских говоров и современные проблемы изучения диалектной картины мира // Смоленские говоры: коллективная монография. – Смоленск : Свиток, 2016. – С. 361–371.
4. Максимчук Н. А. Комплексность семантики пословиц как отражение многомерности русского мировосприятия // Русский универсум в условиях глобализации : сб. стат. участников Всероссийской научно-практич. конф. – Арзамас – Саров : Интерконтакт, 2016. – С. 217–223.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена функционированию диалектных фразеологических единиц в художественных текстах. Рассмотрены диалектные фразеологизмы, имеющие в компонентном составе заимствованные лексемы; диалектные фразеологизмы, не зафиксированные фразеологическим академическим словарем украинского языка; фразеологизмы, зафиксированные в словаре с пометой диал.

Ключевые слова: фразеология, диалектные фразеологические единицы, художественные произведения, заимствования, экспрессивность.

E. V. Dekhtyareva

LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE UKRAINIAN WRITERS WORKS OF FICTION
OF THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the functioning of dialect phraseological units in literary texts. The article deals with dialect phraseologisms that have borrowed lexemes in their component structure; dialect phraseologisms that are not registered in the phraseological academic dictionary of the Ukrainian language; phraseologisms that are registered in the dictionary marked dial.

Keywords: phraseology, dialect phraseological units, works of fiction, borrowings, expressiveness.

Между украинской диалектной и литературной фразеологией существуют определенные различия, связанные с тем, что фразеологизмы образуются на базе лексического материала, а он существенно различается в диалектном и литературном языке. Лексика, как известно, непосредственно отражает жизнь народа, фиксирует все изменения в ней. Поскольку украинский литературный язык обслуживает культурные и хозяйственные потребности всего населения, диалектная лексика широко проникает в его словарный состав. Одним из источников пополнения литературного языка диалектизмами, в частности, диалектными фразеологическими единицами (далее ДФЕ), является художественная литература, где фразеологизмы «используются с определенными художественно-выразительными задачами» [1, с. 156]. ДФЕ, будучи включенными в систему художественного произведения, актуализируют свои эмоционально-экспрессивные свойства, как и любой другой компонент художественного текста.

Поскольку объектом исследования являются диалектные фразеологизмы, зафиксированные в художественных произведениях западноукраинских писателей конца XIX – начала XX ст.: Леся Мартовича, Василия Стефаника, Гната Хоткевича, Марко Черемшины, то необходимо отметить, что рассмотренные ДФЕ принадлежат к галицко-буковинской группе говоров, распространенной на территории Буковины и Галичины.

Основную часть всех выявленных диалектных фразеологизмов составляют устойчивые сочетания, имеющие лексические особенности. По мнению Ю. Ф. Прадида, лексический состав и форма фразеологизмов украинского языка «позволяют предполо-

жить существование языковых контактов их носителей с другими славянскими и неславянскими народами на разных этапах исторического развития» [4, с. 45]. Межязыковые контакты влияли на развитие украинских говоров. Поскольку фразеологическая система незамкнутая, то в украинские диалекты проникло немало заимствований из польского, немецкого, румынского и других языков.

Заимствованные лексемы в составе ДФЕ иллюстрируют связь с польским языком. Чаще всего полонизмы выполняют роль грамматически зависимых единиц и усиливают экспрессивность фразеологизма, например: *запри г'ямбу* – ‘заставлять кого-либо замолчать, не давая возможности высказаться’: «Пий та *запри* собі *г'ямбу*, бо в мене забава» (Стеф., с. 126), где польск. *gamba* – ‘рот’ [ПУ/УПС, с. 726].

Значительное место среди лексем-заимствований в компонентном составе ДФЕ занимают германизмы. Одним из путей проникновения их в диалекты украинского языка стала воинская повинность, которую отбывала мужская часть населения, проживавшая на данной территории, в польской, а со временем и в австрийской армиях, например, ДФЕ *стояти гантах* – ‘стоять как при военной команде *Habt Acht!*’ (внимательно): «Нагаруйси цілий тиждень, та ще у церкові *гантах стій*» (Стеф., с. 33), где нем. *Habt Acht* – ‘смирно во время военной муштры» [2, с. 17].

Ряд слов немецкого происхождения проникает в исследуемые говоры через польский язык. Среди зафиксированных фразеологизмов, на примере которых можно проследить связь украинской и польской фразеологии с немецкоязычным источником, следует выделить ДФЕ с глаголом немецкого происхождения *трафить* (нем. *treffen* – ‘попадать’

[2, с. 45]). ДФЕ *шляк би трафив* заимствована с польского языка через немецкий и используется для выражения крайнего недовольства или возмущения кем-, чем-либо. В анализируемых произведениях ДФЕ употребляется в различных грамматических вариантах: *бодай (най, аби) мене (тебе, его, їх, її, ї, го) шлях(к) трафить (трафит)*: «Ото раз “бойка” чорнобрива, бодай же тебе шляк трафив!» – думала собі Пазя про Гандзю, бо завидно їй було на Гандзині чорні брови» (Март., с. 348); «Най таке право шляк трафит, що християнинові дихати не дає!» (Черемш., с. 215).

В компонентном составе ДФЕ зафиксированы и заимствования с румынского языка, например: *накласти гачі* – ‘дрожать от страха, испугаться’: «А шо? Оден лиш Довбуш си із’евив та й видиш, присів панок. А коби так, не дай Боже, їх кілька си з’евило – ого! Наклали би пани повні гачі...» (Хотк., с. 215), где румын. *gace* – ‘штаны’ [ЕСУМ, т. 1, с. 483].

Заимствованные слова в компонентном составе ДФЕ иллюстрируют живые связи носителей украинского языка с соседними народами и их культурами; открывают возможности не только для практических разработок, но и для теоретических исследований межъязыковых связей на фразеологическом уровне.

Система выразительных средств художественного произведения тесно связана с народным языком, а «народный язык – по своей сущности – бесценное сокровище. Нужно только метко использовать это сокровище» [3, с. 79]. Что и делали многие писатели, благодаря творчеству которых часть ДФЕ, используемых в художественных произведениях, кодифицирована с пометой «диал.»: *пожити смерти* [ФСУМ, с. 661], *загнати ся в літа* [ФСУМ, с. 304]; *на ціле горло* [ФСУМ, с. 190] и др. Авторы старались максимально передать меткую, яркую, образную народную речь, создать определенное психологическое настроение, глубже и ярче изобразить реалии, например: *на кпи брати кого, що* – ‘подшучивать, насмеяться над кем-, чем-либо’ [ФСУМ, с. 55]: «Дівчата ще дужче сміялися, бабині слова на кпи брали» (Черемш., с. 36).

Сохранение лексики и фразеологии народной речи, являющейся основой национального языка и источником сведений о быте и духовном мире украинского народа, его истории, социально-экономических отношениях, обрядах, обычаях и т. д., должно быть очень важной задачей современной лексикографии. Диалектные фразеологизмы подчеркивают мельчайшие детали явлений, предметов, реалий окружающей действительности, что позволяет максимально приблизить читателя к действительности, описать жизнь во всех подробностях, передать местный колорит, типизировать характер представителей разных социальных слоев: *шукати гудза* – ‘искать беду, напасть, причину для ссоры’ [СБГ, с. 87]: «Чьо ти собі гудза за мнов шукаєш?» (Стеф., с. 33); *ити на зломану голову* – ‘уходить прочь’ [СБГ, с. 177]: «Иди на зломану голову, гадає, шо я гроші кую або краду!» (Стеф., с. 125); *смага би го втыла* (диал. *смага* – беда, несчастье; внезапная

болезнь) ‘гуцульское проклятие’ [ГГ, с. 173]: «Смага би йго втыла!» (Черемш., с. 293).

Если названные фразеологизмы зафиксированы в словарях говоров, то значения других фразеологизмов, не отмеченных в словарях, могут быть выведены из контекста. Так, отсутствуют в лексикографических источниках фразеологизмы *жидам воду носити, ити по жидах, ити / нити (пустити) повід <чужі> плоти*: «Вже ж я з вами довго не буду сусидувати. Вже ж бо я піду з дітьми повід чужі плоти» (Март., с. 58); «Клади, каже голову на поріг, най рубаю, ти підеш сиру землю їсти, я на шибеницу, а діти жидам воду носити» (Стеф., с. 83); «Пішла моя Настя ні сяк ні так, пішла по жидах, а Марія, аді, помандрувала з отим ляхом. Ме бідити» (Стеф., с. 134). Судя по контексту, эти ДФЕ имеют значение ‘прислуживать, просить милостыню, побираться’ Синонимами им в литературном языке могут быть фразеологизмы со схожим значением: *тинятися з торбами* [ФСУМ, с. 883], *ити на жибри* [ФСУМ, с. 356], *ити / нити з торбами (з торбою)* [ФСУМ, с. 356].

Использование диалектных фразеологизмов способствует обогащению художественно-выразительных средств языка, привлекая внимание читателей тем, что на фоне литературного языка такие единицы кажутся необычными, более яркими, например:

уру мати (диал. *ура* – ‘гнев, обида’ [СБГ, с. 569]): «Єк заступник віта на твого сина уру має, то ти собі Митрику, бійси, кілька хочеш, але села не рунтай, чєліди не полоши» (Черемш., с. 139) – ср. с лит. ФЕ *мати зуб* – ‘сердиться, гневаться на кого-либо’ [ФСУМ, с. 471];

до дучі [забиратиси] (диал. *дуча, дучка* – ‘нора, заглиблення, діра’ [ГГ, с. 65]): «Тепер здав-єм уже на сина, най він газдує, бо моє – сьогодні-завтра: лопата та й ано, до дучі» (Март., с. 63) – ср. с лит. ФЕ *стояти над могилою* ‘быть близким к смерти’ [ФСУМ, с. 864].

Диалектные фразеологизмы имеют потенциальную возможность расширить синонимические ряды соответствующих единиц литературного языка.

Таким образом, ДФЕ, выявленные в художественных произведениях, еще раз подтверждают известный тезис о том, что художественных текст – это настоящая сокровищница фразеологических ресурсов языка, один из способов фиксации диалектизмов, свидетельство роли писателей в сохранении и расширении выразительных возможностей родного языка.

Литература

1. Сучасна українська літературна мова : Стилістика / за заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – Київ : Наук. думка, 1973. – 588 с.
2. Лопушанський В. М., Пиц Т. Б. Німецькомовні лексичні запозичення в говорах Західної України : навч. посібник для студ. III-V курсів фак. ром-герм. філ. – Дрогобич : Коло, 2000. – 68 с.
3. Огієнко І. Історія української літературної мови. – Київ : Либідь, 1995. – 294 с.

4. Прадід Ю. Ф. Из спостережень над діалектною фразеологією (на матеріалі бойківських говірок) // Мовознавство. – 1992. – № 5. – С. 44–47.

Словари и справочники

ГГ: Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови : у 7-т. / ред. колегія О. С. Мельничук та ін. – Київ : Наук. думка, 1982, – Т. I. – 630 с.

ПУ/УПС: Польсько-український. Українсько-польський словник: [100 000 слів і словосполучень] / уклад. А. Малецька. З. Ландовські. – Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 2009. – 848 с.

СБГ: Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.

ФСУМ: Фразеологічний словник української мови: [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993. – 984 с.

Источники

Март.: Лесь Мартович Твори. – Київ : Дніпро, 1976. – 428 с.

Стеф.: Стефаник В. Повне збір. творів : у 3-х т. – Київ, 1949. – Т. 1. – 377 с.

Хотк.: Хоткевич Г. Довбуш : [повість]. – Київ : Дніпро, 2004. – 392 с.

Черемш.: Черемшина М. Твори в двох томах. – Київ : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

УДК 81'374

И. А. Кобелева

(Россия, Сыктывкар)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Статья посвящена словарному оформлению однозначности и многозначности диалектных фразеологизмов: декларируется возможность и необходимость учитывать их сочетаемость, принадлежность к лексико-грамматическому разряду, компонентный состав.

Ключевые слова: русские народные говоры, лексикография, фразеография, фразеология, словарь, семантическая структура

I. A. Kobleva

SEMANTIC STRUCTURE OF IDIOMS IN DIALECT DICTIONARY

The article is devoted to the dictionary design of monosemy and polysemy of dialect idioms: the possibility and the need to take into account their compatibility, belonging to the lexico-grammatical category, component composition are declared.

Keywords: Russian dialects, lexicography, phraseography, phraseology dictionary, semantic structure/

У фразеологічної одиниці, як і у слова, може бути не одне значення. В словарях руських народних говорів приблизно 5% фразеологічних одиниць розроблені як багатозначні. Подавляюче більшість фразеологізмів представлено в діалектних словарях як однозначні одиниці.

Наші спостереження над лексикографічною презентацією діалектних фразеологізмів дозволяють утверджувати, що нерідко ми маємо справу з мнимим однозначністю і такою ж мнимим багатозначністю розроблених в словарях руських говорів фразеологічних одиниць. Ілюстративний матеріал багатьох словарних статей, присвячених якби однозначним і якби багатозначним діалектним фразеологічним одиницям, показує, що семантична структура цих одиниць повинна бути представлена по-іншому. Іменно в ілюстраціях виявляються проігноровані авторами дані: 1) про лексико-грамматичну належність, 2) про сумісність, 3) про компонентний склад фразеологізмів.

З урахуванням лексико-грамматичної належності фразеологізмів їх «однозначність» і «багатозначність» зникають, оскільки замість

одної перед нами пред'являються дві фразеологічні одиниці, ср., наприклад:

КОЛ ДА ПЕРЕТЫКА – ‘о тих, хто дуже біден’: *А ми бідні були, кол да перетыка.* (Арх. Вельск. Пайт.). *Ой, не поїду я к им в дом, у их там кол да перетыка.* (Кир. Ферап.) [СВГ, т. 7, 45] ← ми бачимо тут дві фразеологічні одиниці – іменну **Кол да перетыка** з значенням ‘дуже бідні люди’ і глагольно-пропозиційну **Кол да перетыка (у кого, де)** з значенням ‘хто-будь дуже біден’.

БЕЗ УМА – ‘о вищій ступені проявлення чого-будь’: *Ой, беда, мошки без ума, глаза слепит.* (Пин, Березник). *Ноне сонце светит без ума.* (Пин, Березник). [СГРС, т. 1, 88] ← тут представлені два фразеологізми – неопределенно-количественний **без ума (кого, чого)** з значенням ‘дуже багато’ і адвербіальний **без ума** з значенням ‘дуже сильно’.

ЛОМОМ ЛОМИТЬСЯ – 1. ‘об дуже великій кількості чого-будь’: *А обутки-то – ломом ломится.* (Влгд. Свет.), 2. ‘дуже гучно стуцятися’: *Ночью кто-то ломом ломился, а я не открыла.* (Сямж.). [СВГ, т. 4, 44] ← тут в першому випадку ми

имеем дело с неопределенно-количественной единицей **Ломом ломится (чего)** – ‘очень много’, во втором случае – с глагольной единицей **Ломом ломиться** – ‘очень громко стучаться’.

БЕЛЬ БЕЛО – 1. ‘очень бело’: *Снег-от, ли, напал, биль бело.* (Мусонькино Караг.). *На покос-то идут в хошовинках, дак только биль бело.* (Осокино Сол.), 2. ‘очень много’: *Пестиков-то биль бело бьвает, пустою места нет.* (Лызиб Сол.). *Волменок нынче бель бело.* (Юрла). *Смотрю, прачешная, белья веишатся биль бело, многушию висит.* (Толстик Сол.). [ФСПГ, 20-21] ← здесь представлены две разные единицы – глагольно-пропозициональный фразеологизм **Бель бело (где)** – ‘где-либо очень бело’ и неопределенно-количественный фразеологизм **Бель бело (чего)** – ‘очень много (о предметах белого цвета)’.

Приведенные примеры показывают, что значения (а соответственно, и фразеологические единицы) различаются прежде всего сочетаемостью, ведь в речи фразеологизмы употребляются не изолированно, а со словами, образуя с ними фразеологические сочетания.

Сочетаемость может быть не только грамматической (как в примерах выше), но и лексической. Последняя без труда позволяет дифференцировать значения «однозначных» фразеологизмов, превращая их в многозначные единицы, ср., например:

С ЗАТОНОМ – ‘об упрямом, капризном человеке, животном, неисправной вещи’: *Баба у нево с затонам была, не захочет – никаво не будет делать.* (Остр.). *Ты тоже с затонам, Галя, кагда хочешь, кагда не хочешь.* (Пуст.). *Кабыла с затонам.* (Сл.). *Ваша машина с затонам.* (Остр.). *Радива у нас с затонам – и гаварить, и брося.* (Пск.). [ПОС, т. 12, 188] ← семантическая структура этого адъективного фразеологизма предполагает выделение двух значений: 1. ‘упрямый, капризный (о человеке, животном)’, 2. ‘неисправный (о вещи, предмете)’.

ПОРУ ЗАБРАТЬ – ‘достичь полного развития, стать зрелым’: *Катюшка-то как забрала пору, дак и выскочила за Кольку. Ягода пору-то забрала, дак мы всёй деревней на Деменцево бегали.* (Влгд. М. Гор.). [СВГ, т. 2, 96] ← здесь также должно быть выделено два значения, различающихся характером выражения подлежащего: в первом значении (‘достичь полного развития’) используется подлежащее, выраженное одушевленным существительным, во втором значении (‘стать зрелым’) место подлежащего при фразеологизме-сказуемом будет занимать существительное неодушевленное.

В СУББОТУ СТО ГОДОВ – ‘об очень старом человеке или старой вещи’: *Я, девки, уж больно стара, мне уж в субботу сто годов будет.* (Никулино Добр.). *Эта ловага-та у нас давношная, ей в субботу сто годов.* (Бондюг Черд.). [ФСПГ, 360] ← и здесь в зависимости от одушевленности и неодушевленности носителя признака должны быть дифференцированы значения – 1. ‘очень старый, доживший до преклонного возраста’ и 2. ‘старый, давно приобретенный или давно употребляемый’.

Компонентный состав фразеологизма (если его установить верно) также способен быть средством разграничения значений, что в итоге приведет опять же к появлению в словаре новых фразеологических единиц.

Например, в одной словарной статье «однозначного» фразеологизма могут быть объединены единицы, оформленные как имеющие вариантный компонентный состав: в действительности же замена одного компонента на другой не только не приводит к семантическому тождеству, но и свидетельствует о проявлении разных грамматических значений той и другой единицы, ср., например:

НА ГРУДЕ ВИТАТЬ (ВИТАТЬСЯ) – ‘кормить грудью’: *Ничем робёнка не прикармливала, всё на груди витала.* (В. Мошево, Сол.). *Эта сокерка-то у тебя всё ишо на груди витается?* (Пыскор Ус.). [ФСПГ, 51] ← первый контекст иллюстрирует употребление переходного фразеологизма *на груди витать (кого)*, и именно ему соответствует предложенное автором словаря толкование; во втором случае мы имеем дело с другой, непереходной, фразеологической единицей, которая обозначает действие, не переходящее на объект, следовательно, и дефиниция фразеологизма *на груди витаться* окажется иной – ‘вскармливаться материнским молоком’.

Также и в одной словарной статье «многозначного» фразеологизма можно выявить разные единицы, завуалированные под единицу с вариативными компонентами в составе, ср., например:

ИЗ ПАМЯТИ ВЫКИНУЛО(СЬ) – а) ‘забылось’: *Из памяти выкинулось, что люди наверх едут.* (Чаг.), б) ‘потерять сознание’: *Её из памяти вон выкинуло, а медичка справку не дает.* (Чаг.). [СРГК, т. 1, 268] ← здесь под первым значением скрывается глагольный фразеологизм *из памяти выкинуться* – ‘забыться’, а под вторым значением – глагольно-пропозициональный фразеологизм *из памяти выкинуло (кого)* – ‘кто-либо потерял сознание’.

И во многих других случаях по отношению к разрабатываемым в словарях русских народных говоров «многозначным» фразеологизмам не приходится говорить о многозначности, потому что представленный в словарных статьях иллюстративный материал свидетельствует о том, что разные значения принадлежат не одной, а разным единицам, отличающимся по своему компонентному составу (в одних случаях компоненты в заголовке излишни, в других – вообще не вынесены в заголовок), ср., например:

БРЮХО ИЗ СЕМИ ОВЧИН – 1. ‘о большом животe’: *У кого брюхо свесилось или женщина в положении, дак говорили: брюхо из семи овчин.* (Ленск Кунг.), 2. ‘о жадном до еды, прожорливом человеке’: *На его не напасёшься, зачнёт ись, дак из-за стола не вылезёт, пока всё не приест – брюхо-то из семи овчин дак.* (Б. Букор Чайк.). *Я много-то не ем, брюхо у меня не из семи овчин.* (Меча Киш.). [ФСПГ, 34] ← первое значение соответствует адъективной фразеологической единице *из семи овчин*, и вернее было бы

сформулировать его следующим образом – ‘большой по размеру (о животе)’.

ЖРАТЬ ЗАВЁРТКУ – 1. ‘о безвыходном положении’. *Не знаю, что и делать, хоть завёртку жри.* (Ст.), 2. ‘голодать’. *Если не работаешь, жрать завёртку тебе.* (Новг.). [НОС, т. 2, 140] ← первое значение должно сопровождать модальную фразеологическую единицу *хоть завёртку жри*, являющуюся выражением чувства отчаяния, бессилия при невозможности найти выход из тяжелого положения.

Итак, благодаря пристрастному изучению контекстов употребления диалектных фразеологизмов мы приходим к выводу, что «однозначные» фразеологические единицы на поверку могут не только оказаться единицами многозначными, но и распасться на разные (чаще всего омонимичные в широком понимании) фразеологизмы.

Зачастую единицам, воспринимаемым авторами диалектных словарей как многозначные, приписываются значения, не соотносящиеся друг с другом в грамматическом отношении: эти грамматические расхождения между представленными отдельными значениями того или иного будто бы многозначного фразеологизма не позволяют признать его одной единицей. Из таких «многозначных» единиц

появляются разные фразеологизмы (в том числе с различным компонентным составом).

Главную роль в подобной возможной лексикографической трансформации диалектного фразеологического материала играет его лексико-грамматическая характеристика, которая диктуется сочетаемостью и компонентным составом фразеологизмов.

Словари и справочники

НОС: Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. – Новгород, 1992–2000.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. А. И. Корнева и др. Вып. 1–14. – Л., СПб., 1967–2004.

СВГ: Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–9. – Вологда, 1983–2002.

СРС: Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–2. – Екатеринбург, 2001–2002.

СРК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–5. – СПб., 1994–2002.

ФСР: Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

УДК 811.161.1’373.611(470.332)

Ю. Л. Кочкина
(Россия, Смоленск)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В СМОЛЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В статье рассматриваются слова и составные наименования, обозначающие религиозные понятия смоленского диалекта. Изучение подобных лексических единиц позволяет проследить связи с историей народа, его бытом, культурой.

Ключевые слова: смоленские говоры, лексика, религиозная лексика, тематические группы православной лексики.

Y. L. Kochkina

RELIGIOUS VOCABULARY IN THE SMOLENSK DIALECT

The article discusses the words and compound names denoting the religious concepts of the Smolensk dialect. The study of such lexical units allows us to trace ties with the history of the people, their way of life, and culture.

Keywords: Smolensk dialects, vocabulary, religious vocabulary, thematic groups of Orthodox vocabulary

Общее представление о лексике языка складывается из всех слов, которые имеются в языке. Особое место в лексической системе занимает диалектная лексика. Материалом исследования в статье является религиозная лексика, зафиксированная в «Словаре смоленских говоров».

Определёнными фрагментами картины мира в представлении носителей смоленского говора являются слова и составные наименования, которые обозначают религиозные понятия. В семантическом пространстве смоленского диалекта эта группа немногочисленна. Анализ лексических единиц, относящихся к религиозным понятиям в смоленских говорах, позволит выявить особенности традиционной

православной культуры и определить духовно-нравственную составляющую носителей диалекта.

Религиозную лексику в смоленском диалекте можно распределить по тематическим группам, используя классификацию Зыбиной Т. М. [4, с. 13]:

- основные богословские понятия;
- названия лиц по отношению к религиозной жизни и по месту церковной иерархии;
- предметы быта и одежды;
- храм, его части и предметы, связанные с богослужением;
- наименования небесной иерархии и антибожественных сил;
- таинства и формы богослужения;

– процессы и состояния, связанные с соблюдением (или отрицанием) норм воцерковленного существования.

В каждую из указанных групп входит ряд слов, зафиксированных в «Словаре смоленских говоров».

Самой многочисленной является группа, представляющая процессы и состояния, связанные с соблюдением (или отрицанием) норм воцерковленного существования. В нее входят такие слова, как: *АвАдник* – ругательство, бывший в аду (*авад* – ругательство, бестолковый, осел); *АрдАнь* – крещенская прорубь, Иордань; *говЕины* – Великий пост, говенье; *купАлшть* – отмечать праздник, посвященный так называемому Иоанну Крестителю (Иван Купала); *сОроки* – обрядовый религиозный праздник – день Сорока мучеников; в народе – начало весны и др.).

Самой малочисленной группой является группа, включающая в себя основные богословские понятия. В нее входят слова: *благословЕнник* – благословенье и *благословЕнный* – связанный с религиозным обычаем благословения.

Группа, включающая в себя предметы быта и одежды, в смоленском диалекте представлена достаточно полно. Так, в нее входят слова: *боговИк*, *богОвник* – небольшая икона; вышитое полотенце на иконе; *забожнИк* – полка с иконами; *кут* – передний почетный (красный) угол; *набОжник* – вышитое полотенце на иконе; *пОстница* – постная пища; *суховАрка* – постный суп и др.).

Группа, включающая в себя названия лиц по отношению к религиозной жизни и по месту церковной иерархии, немногочисленна. В нее входят слова: *авдОтка* – богомольная женщина; *блхУра* – распорядитель, заводила на святочных играх; *богомАз* – о художнике, занимающемся живописью; *богомОс* – человек, который раньше носил икону за священником во время обхода по домам на святой неделе; *крёстка* – крестная мать и др.

Группа, включающая в себя понятия, связанные с Храмом, его частями и предметами, связанными с богослужением, так же как и предыдущая группа, немногочисленна. В нее входят такие слова, как: *бог* – икона, образ; *богогЛас* – книга церковного пения; *богомОльня* – церковь, молельня; *заклики* – молитва, которая читалась за десять дней перед свадьбой в церкви; *крЫлес* – клирос и др.).

Примерно поровну распределились слова по группам, обозначающим наименования небесной иерархии и антибожественных сил (*агиль* – дьявол; *анчУт* – черт, бес; *бОжухна* – боженька; *христосЛав* – человек, который ходит из дома в дом и славит Христа на Рождество) и таинства и формы богослужения (*бороздЕнь* – религиозный праздник 16 августа; *брезжИны* – неделя после церковного праздника «святого духа», в которую строго запрещалось сеять яровой хлеб; *встрЕченье* – религиозный праздник сретенье (1 февраля по новому календарю); *петрО* – религиозный праздник в честь апостола Петра; *ивАны* – религиозный праздник 11 сентября).

Помимо обозначенных групп в смоленских говорах можно выделить группу слов, связанных

с уходом человека из жизни, его смертью. Эта группа слов достаточно большая. В нее входят слова: *могИлки* – кладбище; *напогрОбник* – полотенце, которым покрывают покойника; *паныхИдник* – поминальный пирог; *плаКун* – человек, который плачет по покойнику; *прибирАться* – готовиться к смерти, умирать; *придЫнивать* – в похоронном обряде – на шестой день после смерти обходят дом со свечой и углями в какой-либо посуде, окуривая его; *сидЕльница* – женщина, которая сидит около покойника в течение ночи; *стих* – печальная поминальная песня; *шестИны* – поминание покойного на 40-й день, через шесть недель после кончины и др.).

В смоленских говорах также выделяется группа фразеологизмов, включающих в себя религиозные наименования: *божУтУхна*: *божУтУхна ты мой!* Восклицание «боженька мой!»; *поп*: *попА мирИть* – договориться со священником о венчании; *бабий*: *бабий праздник* – название обрядового праздника (День жен-мироносиц); *мирИть*: *мирИть попа* – договариваться с попом о свершении обряда; *кУтний*: *кУтний угол* – передний почетный (красный) угол; *тАйный*: *тАйное вино* – вино, используемое для причащения (в церковных обрядах); *сидЕть*: *сидЕть по покойнику* – сидеть ночью у гроба.

С грамматической точки зрения религиозная лексика в смоленских говорах представлена четырьмя частями речи: именами существительными (*авдОтка* – богомольная женщина, *крёстка* – крестная мать, *окстИны* – крестины), глаголами (*бОжкать* – божиться, *кстИть* – крестить, *обрекАться* – молиться богу), именами прилагательными (*сухОй* – постный, *кстИнный* – относящийся к крестинам, *святковский* – святочный) и наречиями (*наповЕр* – на веру, *наповЕрок* – на веру). Другие части речи не представлены.

Религиозная лексика смоленского диалекта указывает на те обычаи и традиции, которые существовали на Смоленщине. Так, очень крепкой в говорах остается связь язычества с христианством. Славянская языческая картина мира переплетается с христианством. Особенно это проявляется в наименованиях праздников. Например, *брезжИны* – неделя после церковного праздника Святого Духа, в которую строго запрещалось сеять яровой хлеб; *купАленка* – религиозный праздник, посвященный так называемому Иоанну Крестителю (Иван Купала); *молодёны* – второй день Рождества, 8 января; обряд во второй день рождества: женщины с грудными младенцами приходят с подарками к повивальной бабке, которая принимала ребенка.

Таким образом, рассматривая религиозную лексику, зафиксированную в «Словаре смоленских говоров», можно прийти к следующим выводам.

В семантическом пространстве смоленского диалекта эта группа немногочисленна и представляет собой особый лексический пласт, требующий большего изучения и анализа. Слова, которые вошли в исследуемую группу, в равной степени отражают языческую и христианскую картину мира. Изучение подобных лексических единиц позволяет глубже

понять быт народа, его представления о вере, церковных таинствах и обрядах.

Литература

1. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1973. – 258 с.
2. Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб. : Наука, 2008. – С. 68–76.
3. Дубровина С. Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2006. – 49 с.

4. Зыбина Т. М. От слова – к Слову. Интегрированное обучение религиозной лексике : учеб.-метод. пособие. – Смоленск, 2014. – 155 с.

5. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. – М. : Изд-во АН СССР, 1964. – 306 с.

Словари и справочники

ССГ: Словарь смоленских говоров / под ред. Л. З. Бояриновой, А. И. Ивановой. – Вып. 1–11. – Смоленск : Изд-во Смоленского гос. пед. ун-та, 1974–2005.

УДК 821.161.1, 811.161.1

С. В. Окуловская
(Россия, Кострома)

ПРИШЛО УЗЛО К ГУЗНУ: ЭТНОДИАЛЕКТИЗМЫ ВЕРХНЕУНЖЕНСКОГО КРАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. М. КАСАТКИНА)

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы произведений И. М. Касаткина, содержание которых напрямую связано с обычаями, историей, фактами бытовой культуры поунженского крестьянства. Такие устойчивые сочетания выявляют специфику особой этнодиалектной зоны – Верхнего Поунжья. Тексты рассказов способствуют более глубокому анализу лексических единиц, установлению точного их значения, получению сведений о культурной мотивации появления фразеологизмов.

Ключевые слова: диалектная фразеология, этнодиалектная зона, поунженские говоры, И. М. Касаткин.

S. V. Okulovskaia

THE UZLO HAS COME TO GOZNO: ETHNO-DIALECTISMS OF THE UPPER UNZHA RIVER REGION (ON THE MATERIAL OF I. KASATKIN'S WORKS)

This article discusses phraseological units of the I. M. Kasatkin's works, the content of which is directly related to the customs, history, facts of everyday culture of the Unzha river peasantry. Such idioms reveal the specifics of a special ethno-dialect zone - Upper Unzha river. The texts of the stories contribute to a deeper analysis of lexical units, establishing their exact meaning, obtaining information about the cultural motivation for the appearance of the idioms.

Keywords: dialect phraseology, ethnodialectic zone, Unzha River dialects, I. M. Kasatkin.

Произведения костромского писателя И. М. Касаткина описывают жизнь крестьян поунженских деревень начала XX века. В своих рассказах мастер слова подметил наиболее яркие, типичные черты жизни данного коллектива, ставшие лейтмотивами его произведений: нищета, тяжелое положение крестьян, возможность прокормиться лишь с помощью реки и леса, драки из-за заработка, озлобленность жизнью, порождающая особые непростые отношения между соседями, родителями и детьми. Данная территория (часть Кологривского и Межевского районов Костромской области в верхнем течении р. Унжи) на основании различных данных выделена нами как особая этнодиалектная зона [7]. В языковом плане особенностью данной территории является синтез черт говоров центра и периферии, причём в Заунжье преобладают последние. Точностью и достоверностью подачи языковых фактов отличается областной лексический материал рассказов И. Касаткина. Необычайно выра-

зительны здесь местные устойчивые сочетания, которые, являясь ярчайшим маркером одного из вариантов народного языка, позволяют автору полнее раскрыть этническую самобытность описываемых мест (*пришло узло к гузну; бог на помочь; ещё черти в кулачки не бьются; всем не уедно; крепи гашиник; на другой колодке плетёны; одна назола; рука в руку; держать на полосе; лешие тамойки* и др.). Все они имеют культурную мотивацию и отражают важнейшие стороны исторического прошлого крестьян данной местности, специфику их повседневного существования, нормы и ценности, поэтому могут быть названы этнодиалектизмами. По словам Е. П. Андреевой, подобного рода выражения «представляют интерес не только для лингвистов, но и историков, этнографов, поскольку отражают социально-исторические условия, характеризующие жизнь северного крестьянина» [1, с. 172]. В текстах рассказов И. Касаткина, близких к документальному изложению материала, фразеологизмы органично

вплетаются в живую речь крестьян и представлены в типичных ситуациях их употребления на фоне культурно-исторических событий, что способствует не только более точной интерпретации фразеологического значения, но и выявлению скрываемых за ним культурных смыслов языковых единиц [5, с. 32] и этнокультурных коннотаций [2, с. 30–32].

Общее состояние дел крестьян этого края можно описать при помощи меткого фразеологизма – *пришло узло к гузу*. Данное выражение используется автором для характеристики тяжёлого безвыходного положения: «Ах ты, нечистая сила! Кружил-кружил всю ночь, хоть реви! Ну, вижу, *пришло узло к гузну* – хоть ложись в ряд с Микитой и помирай» [4, с. 76]. Территориальная приуроченность фразеологизма в СРНГ указывает на его функционирование именно в исследуемом нами регионе (Ср. *подошло узло к гузну* – ‘создалось тяжёлое положение’. *Ветл. Костром.* [8, т. 28, с. 114]). Почему же настолько трудна жизнь поунженского крестьянина? И. Касаткин рисует бедный убогий край, существующий лишь за счет сплавного промысла. Причину невероятной бедности и безвыходного положения населения он объясняет следующим образом: «Поля вспаханы и засеяны бывают у редких хозяев, потому что всякое время года, вертись не вертись, оказывается уже продано купцу-лесопромышленнику и съедено...» [4, с. 25]. Многие устойчивые выражения, используемые автором в репликах его героев, подчеркивают крайнюю степень нищеты и тяжелые условия существования: «У нас, бабушка, нонче туго пришло. Я тебе прямо скажу: *в нитку вытянулись*» [4, с. 246]; «Сейчас прийти да учинку в хозяйстве сделать... да прикупить конягу, хоть немудрую... Только где уж, *не растянешься много* <...> Живёшь-живёшь – и *в руку взять нечего*» [4, с. 184] и др.

Е.П. Андреева отмечает, что культурно-языковая специфика говоров «ярко проявляется и в составе идиом, образ которых формируется на базе ассоциаций, связанных с типичными для северного крестьянина трудовыми занятиями, традиционными ремеслами» [1, с. 170–171]. В текстах рассказов такие фразеологические сочетания мотивированы ассоциациями с плетением лаптей, которым славились мастера Поунжья: *лыка не вяжет, на другой колодке плетёны*; хозяйственными работами: *держат на полосе, вышло одно дышло, ступа непротолченная*. Возникновение многих употребляемых в текстах рассказов устойчивых сочетаний, в том числе и терминологического характера, связаны с лесосплавом: *лешие тамойки, дуй в колья, стравить лота, подобрать возжжевую, караванный приказчик, караванная конторка и др.* (Подробнее об этом см. [6]).

Посредством использования фразеологизмов автор описывает и особенности социальных отношений. Жители одной деревушки «*между собой дружны: всё у них артельно, рука в руку*» [4, с. 24], однако к ближайшим соседям они настроены враждебно. В отношении их употребляются выражения: *кикимора чухломская, лешие тамойки*. Последнее применимо к живущим выше по течению Унжи

сгонщикам плотов и барок, которые перехватывают сплавные работы и лишают местных единственного возможного заработка. Весной, когда у деревушки на берегу «останавливаются на ночёвку плотовики», часто обе стороны устраивают повальные драки, после которых «на реке плывут разрозненные, перерубленные в связях кошмы плотов, отдельные брёвна, а начальство поутру разбирается с увеченными и втуне разыскивает зачинщиков» [4, с. 24]. Вероятно, именно это обстоятельство, стало причиной появления здесь фразеологизма, обозначающего ранние утренние часы – *ещё черти в кулачки не бьются*: «На зимовке ведь у нас так: ни свет ни заря, *ещё черти в кулачки не бьются*, а ты вставай» [4, с. 312]. (Ср.: *кулачки* – ‘кулачный бой, драка кулаками, для забавы, из молодчества’ [3, т. 2, с. 180]).

Нужда и нищета порождают искажённые отношения между родителями и детьми. Возвращаясь с сезонной работы домой, один из героев рассказа прикидывает, что все полученные деньги он отдаст сейчас на подати и долги. Озлобленность жизнью приводит его к таким рассуждениям: «Хоть и отец, а пора бы и околеть давно! Ни дела, ни смерти, только готовый хлеб жрать твоё дело, скрипун... Расшеперится на печи, как сатана, а ты и *гляди ему в зубы-то*». Фразеологизм *глядеть в зубы* с пометой «*Буйск. Костром.*» приведён в СРНГ со значением ‘слушаться чьих-либо приказаний’ [8, т. 11, с. 353]. Исходя из контекста произведения, можно несколько скорректировать данное толкование. Для рассматриваемых говоров оно может быть интерпретировано как высказывание о необходимости считаться с чьим-либо мнением, соблюдать чьи-либо интересы. Добавим также, что фразеологизм имеет явную негативную коннотацию.

Однако не все молодые люди, уходящие на заработки, возвращаются обратно. Некоторые, вырвавшись из этой беспросветной жизни, навсегда оставляют своих родителей, а порой и малых деток на плечах у стариков. Так, оставшись один без помощи в конце своей жизни, слепой Левон корит себя: «Старый ты пёс, старый да неразумный. Не умел деток *на полосе держать*, сам в люди за куском приучил ходить, са-ам!» [4, с. 129]. Фразеологизм *держат на полосе* отсутствует в лексикографических источниках, однако, исходя из контекста и значения слова *полоса*, данного в СРНГ (‘участок обрабатываемой земли, пашни’. *Волог. Киров., Яросл. Костром* [8, т. 29, с. 115]), можно объяснить его значение, построив предположительно возникший в говоре ассоциативный ряд: *держат на своей земле / наделе* > не отпущать от себя далеко > заставить слушаться.

Таким образом, многие из рассмотренных фразеологизмов репрезентируют региональный «поунженский» вариант русской этнокультурной специфики. Произведения И. Касаткина, показывающие мир крестьянина изнутри, позволяют увидеть стоящие за фразеологизмами культурные ассоциации, эмоциональные реакции, эталоны и стереотипы поведения, то есть всё то, что, по мнению Е. В. Брысиной, способно повлиять на его культурную коннотацию [2, с. 27–28]. Контексты рассказов помогают

рассмотреть фразеологизмы во взаимосвязи языковых и экстралингвистических факторов, важных для понимания всего объема заложенной в них информации.

Литература

1. Андреева Е. П. Культурная мотивация диалектных фразеологизмов (на материале «Словаря вологодских говоров») // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда : Легия, 2012. – С. 167–173.
2. Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества : монография. – Волгоград : Перемена, 2003. – 292 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
4. Касаткин И. М. Мужик. Рассказы. – М. : Советский писатель, 1991. – 382 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

6. Окуловская С. В. Диалектная лексика тематической группы «Сплав» в костромских говорах (на материале произведений И. М. Касаткина) // Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. – С. 365–370.

7. Окуловская С. В. Лексика верхнеунженских костромских говоров в аспекте её этнодиалектных и системно-типологических качеств (на материале произведений И. М. Касаткина и живых говоров) : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Вологда, 2018. – 23 с.

8. СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – Т. 1–50. – М.; Л./СПб., 1965–2017.

УДК 811.161.1

И. С. Урманчеева

(Россия, Сыктывкар)

ОМОНИМИЯ ПЕЧОРСКИХ И ОБЩЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ

В статье рассматриваются омонимичные друг другу общерусские и печорские фразеологизмы с компонентами – наименованиями частей тела. Определяется роль компонентов-соматизмов, обладающих культурной значимостью и повышенной образностью, в формировании разных фразеологических значений. Семантическая вариантность идиом рассматривается как ряд переходных случаев от фразеологической полисемии к фразеологической омонимии.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, вариантность фразеологизмов, омонимия фразеологизмов, соматизмы.

I. S. Urmancheeva

OMONYMY OF PECHOR AND GENERAL RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATISM COMPONENTS

The article considers onymic to each other General Russian and Pegorian phraseologisms with components – names of body parts. The role of somatism components with cultural significance and enhanced image in the formation of different phraseological values is determined. Semantic variant idiomias are seen as a series of transitional cases from phraseological polysemia to phraseological onymy.

Keywords: dialects of Local (Lower) Pechora, Pechora phraseology, versions of phraseological units, onymy of phraseological units, somatism components.

Каждый фразеологизм генетически восходит к словосочетанию или предложению, являясь результатом их преобразования (см., например: [10, с. 30–33]). При этом словосочетание / предложение и их составные части (слова) в результате фразеологизации утрачивают первоначальную семантику, десемантизируются. Фразеологическое значение возникает вследствие семантического преобразования, «перекодирования» исходного словосочетания в целом [4, с. 130]. Структурная организация фразеологизмов представляет собой иерархически сложное образование [11, с. 30]. А как известно, по направлению от низших уровней языка к высшим возрастает количество конструктивных единиц

уровня, увеличивается архитектурная сложность данных единиц, возрастает степень их вариантности [7, с. 49]. Значение фразеологизма под действием закона языковой асимметрии стремится приобрести разные формы выражения, и обратно, одна и та же фразеологическая форма стремится обслуживать разные языковые функции [3, с. 25]. По этой причине возникают формально-структурные и семантические варианты. Вариантность фразеологических единиц в плане содержания связана с полисемией фразеологизмов, и пределом вариантности в этом плане являются **омонимы** [5, с. 82]. Фразеологическая омонимия признается редким явлением, тесно связанным с полисемией и не всегда дифференци-

руемым (см., например: [13, с. 43–45; 4, с. 215–217; 10, с. 155–156]). Фразеологические омонимы могут возникать в результате распада фразеологической полисемии или вследствие случайного совпадения возникших самостоятельно оборотов. Некоторые ученые считают, что «фразеологические омонимы могут возникнуть только в результате образования двух, семантически не связанных друг с другом словосочетаний, имеющих разную внутреннюю форму» [12, с. 113].

Очевидно, в литературном языке и диалекте происходят процессы параллельной метафоризации, когда структурно и лексически идентичные сочетания по-разному переосмысливаются. Возможно, это наиболее яркие и не вызывающие сомнений случаи проявления фразеологической омонимии. В статье сравниваются общеупотребительные фразеологические единицы (ФЕ) и устойчивые обороты говоров Низовой Печоры, которые тождественны по форме, но различны по значению. Русские говоры Низовой (Нижней) Печоры – это речь коренных жителей Усть-Цилемского района Республики Коми; по своим существенным признакам они относятся к поморской группе северновеликорусского наречия и являются говорами территории позднего заселения.

И. А. Кобелева, описывая фразеологию русских говоров Республики Коми, приводит две пары фразеологизмов с внутрдиалектной омонимией: *во все лопатки*¹ ‘очень внимательно (смотреть)’ – *во все лопатки*² ‘крепкий, здоровый (о человеке)’ и *на все руки*¹ ‘умелый, искусный, ловкий’ – *на все руки*² ‘очень быстро (бежать)’ [6, с. 24]. Речь идет об омонимии внутри фразеологической системы одного региона.

В говорах Низовой Печоры встречаются такие фразеологические омонимы общерусских фразеологизмов, как *с пылу, с жару* – ‘энергично, активно’ [ФСРГНП, т. 2, с. 264] (ср. общерус. *с пылу с жару* – ‘о свежеепеченном, только что поджаренном, сваренном’, ‘о только что появившемся’ [ФСРЛЯ, с. 550]), *дойная корова* – ‘о кормящей ребенка женщине, у которой много грудного молока’ [ФСРГНП, т. 1, с. 306] (ср. общерус. *дойная корова* – ‘постоянный источник материальных благ, которым кто-либо пользуется в личных целях, не зная меры’ [ФСРЛЯ, с. 315]).

Однако наибольшее количество общерусских и печорских фразеологизмов-омонимов включает компоненты-соматизмы (от греч. *soma* ‘тело’): *уши вянут*, *глаз положить*, *на глазах*, *разевать рот*, *дальше своего носа не видеть*, *точить зубы*, *сердце отошло*, *во все лопатки*, *на скорую руку*. Рассмотрим их более подробно.

Тело человека широко представлено путем включения своих наименований в компонентный состав фразеологизмов русского языка [2, с. 115]. Соматическая фразеология «ярко демонстрирует универсальность и своеобразие языка, впитавшего национальные традиции понимания и осмысления человека и явлений окружающей действительности» [1, с. 8].

Компоненты-соматизмы по-разному переосмысливаются в омонимичных оборотах. Степень семантической редукции у одного и того же компонента в литературном и диалектном выражении мо-

жет быть неодинаковой. Например, ФЕ *уши вянут* в говорах Низовой Печоры, в отличие от литературного языка, означает ‘уши горят от банного жара’: «Внук любит хвостаться, *уши вянут* – дотуль хвошшется» [ФСРГНП, т. 2, с. 357]. Общерусский фразеологизм *уши вянут* – ‘противно слушать что-либо предельно глупое, нелепое’ [ФСРЛЯ, с. 713] – обладает меньшей прозрачностью, но не утрачивает полностью связи со значениями входящих в него слов, поскольку компонент *уши* метонимически обозначает слух, способность слышать.

Соматизм *глаз (глаза)* в составе фразеологизмов символизирует зрение как таковое, внимание, знание, опыт, искренность или неискренность, магическую силу, способность наводить порчу [2, с. 160–161]. Возникновение разных фразеологических значений у идентичных по форме оборотов объясняется символической многозначностью этого соматизма. Так, ФЕ *глаз положить* в говорах Низовой Печоры имеет значение ‘сглазить’: «Это цыганы *глаз положили* на девку; уехали, дак она сразу заболела» [ФСРГНП, т. 1, с. 166], а в литературном языке – ‘приметить для себя’ [ТСРЯ, с. 128]. Полисемичный фразеологизм *на глазах* в печорских говорах имеет значение, отсутствующее в литературном языке, – ‘в глаза, в присутствии адресата (говорить, сказать)’: «Языком мелет, *на глазах* добро говорит, а по-за глазами ружьё куёт, целовеку только льстит» [ФСРГНП, т. 2, с. 11] – и символизирует неискренность, лживость.

Характеризуя фразеологизм *разевать рот*, традиционно представляемый в лексикографической практике как многозначный, В. П. Жуков предлагает разграничить два омонимичных оборота, каждый из которых является многозначным: *разевать рот*¹ 1) ‘начинать говорить, высказываться’, 2) ‘не соглашаться, резко возражать’ и *разевать рот*² 1) ‘крайне удивляться’, 2) ‘быть крайне невнимательным, рассеянным’, 3) ‘зазевавшись, переставать делать что-либо’ [4, с. 215–216]. В говорах Низовой Печоры, по всей видимости, появился третий омоним *разевать рот*³ – ‘вслушиваться в то, что говорят’: «Ксюша, *рот-то не разевай*, не слушай тут, иди спать» [ФСРГНП, т. 2, с. 245]. И если словами-идентификаторами для передачи значений литературных фразеологизмов В. П. Жуков считает 1) *говорить*, *возражать*; 2) *удивляться*, *ротозейничать*, то для печорской ФЕ такими идентификаторами могут служить слова *подслушивать*, *любопытничать*.

В соматическом коде культуры *нос* является знаком границы внутреннего пространства человека [2, с. 238]. Именно эта символическая функция *носа* способствует формированию разных значений ФЕ в диалекте и литературном языке: печор. *дальше своего носа не видеть* – ‘быть невнимательным, рассеянным’, ‘быть равнодушным к другим, эгоистичным’ (ср.: «Ему говори не говори – *дальше своего носа не видит*, тут же забудет», «Этот уж *дальше своего носа не видит*, думат только о себе» [ФСРГНП, т. 1, с. 195]) и общерус. *не видеть дальше своего носа* – ‘быть предельно ограниченным, не уметь замечать очевидного’ [ФСРЛЯ, с. 76]. Слово *нос* является компонентом довольно большого коли-

чества метафор, фразеологизмов, в значении которых хорошо просматривается архетип «нос = человек» [8, с. 134]. Нос – крайняя, наиболее выдающаяся вперед точка человека, ограничивающая его собственное пространство от остального, чужого, мира. Человек, не замечающий мира за пределами своего личного пространства, невнимателен, рассеян, эгоистичен.

Общерусский фразеологизм *точить зубы* – ‘испытывать чувство злости, вынашивать злой умысел’ – обладает негативной, восходящей к древнейшей мифологической форме мироосознания (анимистической) семантикой, уподобляющей человека хищному животному [БФСРЯ, с. 278]. В говорах Низовой Печоры *зубы точить* шутивно обозначает ‘болтать, сплетничать’: «Чё, бабы, опеть *зубы тоци-те?*» [ФСРГНП, т. 1, с. 271]. Шутивная образность печорского фразеологизма существенно отличается от агрессивной зооморфной образности общерусского оборота. Печорское выражение, по всей видимости, этимологически, образно и семантически сближается с фразеологизмом *точить лясы / балясы*, который, по мнению В.М. Мокиенко, имел исходную мотивировку ‘источать звуки, изливать речи’ и возник в период восточнославянского единства, вопреки традиционной этимологии, отсылающей этот оборот к производству *блясин* – ‘точеных столбиков перил’. В.М. Мокиенко реконструирует в глаголе *точить* древнее значение ‘источать какую-либо жидкость’, а переносно – ‘источать слова, говорить’. Переход значений от ‘источать жидкость’ к ‘говорить’ представляет собой древнейшую метафору, засвидетельствованную многими языками [9, с. 39–74]. В печорском фразеологизме *точить зубы* глагольный компонент совмещает эти значения с основным ‘заострять’.

Соматизм *сердце* является компонентом омонимичных оборотов *сердце отошло*¹⁻², только в литературном языке фразеологизм описывает кратковременное состояние успокоившегося, переставшего волноваться человека, а в печорских говорах – долговременное состояние простившего, забывшего зло человека: «Я думала, у неё уж *сердце-то отошло*, а нет, она всё помнит» [ФСРГНП, т. 2, с. 284]. Такое значение оборота *сердце отошло* в большей степени отвечает культурно-религиозным представлениям о *сердце* как о центральном органе жизненной силы человека. В разных культурах *сердце* издревле считается символом переживаний, чувств, настроений человека, является мерилем эмоционально-нравственной силы человека, его доброты, искренности, сострадания [БФСРЯ, с. 528].

Адвербиальный разговорный фразеологизм *во все лопатки* характеризует действие и сочетается с глаголами *бежать, нестись*, печорский адъективный оборот *во все лопатки* описывает крупного, сильного, здорового человека: «Рабочий человек, плечистый, здоровый, *во все лопатки*» [ФСРГНП, т. 1, с. 133]. Зооморфный образ, лежащий в основе общерусского оборота (первоначально выражение характеризовало бег лошади, когда во время скачки были видны лопатки [РФИЭС, с. 399]), в печорском фразеологизме становится неактуальным.

Отличаются по семантике омонимичные фразеологизмы *на скорую руку*¹⁻²: общеупотребительный оборот имеет значения ‘быстро и легко’, ‘наспех, поспешно, кое-как’, а печорский – ‘на короткое время, ненадолго’: «Я *на скору руку* вышла, да хотела быстро» [ФСРГНП, т. 2, с. 49].

Отметим, что омонимичные фразеологизмы не только обладают разными, как правило, не выводимыми друг из друга значениями, но отличаются и по сочетаемостным и морфологическим характеристикам. Степень омонимичности у всех фразеологизмов неодинакова. В одних случаях за счет неполной семантической редукции слов-компонентов два омонимичных оборота формируют свое значение на базе сходных сем. Например, ФЕ *на скорую руку*¹⁻² объединены неядерной семьей ‘малое количество’; также: *на глазах, разевать рот, дальше своего носа не видеть, сердце отошло*. В других случаях параллельно развились весьма далекие значения (*уши вянут*: печор. ‘уши горят от банного жара’ – общерус. ‘противно слушать что-либо глупое, нелепое’); также: *глаз положить, зубы точить, во все лопатки*. Следовательно, мы имеем дело с рядом переходных случаев от полисемии к омонимии при частичном или полном расхождении значений фразеологизмов.

Разные значения у сходных по форме фразеологизмов возникают обычно тогда, когда выражение утратило внутреннюю форму в синхронном срезе и образ стал «трудносчитываемым», не поддающимся декодированию. Вторая причина существенного расхождения значений общерусского и диалектного фразеологизмов – разная степень сохранности того или иного значения, консервация или развитие первоначальной семантики. Не последнюю роль в формировании разных фразеологических значений у идентичных по форме оборотов играют соматизмы с их символической многозначностью.

Литература

1. Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 21 с.
2. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
3. Жуков В. П. Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума (1968). – Тула : Тульск. гос. ун-т, 1972. – С. 20–29.
4. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. – М. : Высшая школа, 2006. – 408 с.
5. Зимин В. И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : матер. межвуз. симпозиума (1968). – Тула : Тульск. гос. ун-т, 1972. – С. 70–82.
6. Кобелева И. А. Фразеология русских говоров Республики Коми : учеб. пособие. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999. – 84 с.

7. Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 47–52.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2007. – 208 с.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
10. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л. : Наука, 1977. – 239 с.
11. Телия В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : матер. межвуз. симпозиума (1968). – Тула : Тульск. гос. ун-т, 1972. – С. 30–69.
12. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск : Наука; Сиб. отд-ние, 1980. – 192 с.
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.

Словари и справочники

- БФСРЯ*: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с. (Фундаментальные словари).
- РФИЭС*: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.
- ТСРЯ*: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
- ФСРГНП*: Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / Составитель Н. А. Ставшина. – СПб. : Наука, 2008. – Т. I. – 416 с. ; Т. II – 420 с.
- ФСРЛЯ*: Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

УДК 811.161.1'282

Т. К. Ховрина
(Россия, Ярославль)

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯРОСЛАВСКИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX ВЕКА

Статья посвящена исследованию материалов Словаря ростовского (Ярославской губернии) говора В. Волоцкого (1902 г.). Рассматриваются фразеологизмы, устойчивые словосочетания, раскрывающие особенности традиционной народной духовной культуры, старинного семейного уклада, быта жителей Ростовского уезда Ярославской губернии конца XIX века. Материалы из собрания Волоцкого сопоставляются с данными исторических словарей русского языка. Анализируются уникальные единицы лексико-фразеологического состава ярославских говоров, зафиксированные в Словаре В. Волоцкого.

Ключевые слова: диалектная лексика и фразеология, семантика, ярославские говоры, региональные словари, историческая лексикография.

T. K. Khovrina

DIALECT PHRASEOLOGY IN YAROSLAVL LEXICOGRAPHIC SOURCES OF THE LATE 19TH CENTURY

The article is devoted to the study of materials from the Dictionary of Rostov (Yaroslavl province) dialect V. Volotsky (1902). We consider phraseological units, stable phrases that reveal the features of traditional folk spiritual culture, the old family way of life of the inhabitants of the Rostov district of the Yaroslavl province of the late 19th century. Materials from the Volotsky collection are compared with the data of historical dictionaries of the Russian language. The unique units of the lexical and phraseological composition of Yaroslavl dialects, recorded in the Dictionary of V. Volotsky, are analyzed.

Keywords: dialect vocabulary and phraseology, semantics, Yaroslavl dialects, regional dictionaries, historical lexicography.

Конец XIX века характеризуется усилением внимания к сбору диалектного материала. В это время появляются многочисленные диалектные словари отдельных уездов, губерний, представляющие большую ценность для современной диалектной лексикографии [3, с. 5–6]. Они важны как исторические памятники, свидетельствующие о том, в какое именно время и в каких говорах бытовали те или иные слова, и раскрывают их семантику, «в них зафиксированы слова, которые уже исчезли или представляют исключительную редкость в современных говорах» [2, с. 93]. К числу

наиболее значимых лексикографических источников этого времени относится и «Словарь ростовского говора», опубликованный в «Сборнике материалов для изучения ростовского (Яросл. губ.) говора» (1902 г.), который был составлен В. Волоцким, учителем Ростовского городского училища. Данный словарь включает 1669 слов, это самое большое собрание диалектной лексики и фразеологии говоров Ростовского уезда (района) [4]. Он является одним из источников Ярославского областного словаря и Словаря русских народных говоров.

Обратимся к фразеологизмам, устойчивым сочетаниям в собрании В. Волоцкого, раскрывающим особенности традиционной народной духовной культуры, семейных отношений, быта жителей Ростовского уезда. Ряд устойчивых выражений, зафиксированных только в говорах Ростовского уезда, отражает либо суеверные представления местных жителей, ср.: *завенчать родовую болезнь* – ‘сделать посредством колдовства так, чтобы при родах мучилась не жена, а муж’ [1, с. 33], либо особенности старинного семейного уклада, домашние традиции, устои. Фразеологизм *звать в однокорядку* означает ‘не величать по отчеству’ и подкрепляется следующим наставлением: *Жена мужа не зовет в однокорядку* [1, с. 56]. Здесь как раз и подчеркивается, как следует обращаться жене к мужу – только уважительно (т. е. *один ряд* – это имя без отчества).

В словарной статье *сношницы руки* Волоцкий дает исчерпывающее этнолингвистическое определение этого выражения: «Молодая, приведенная в большую крестьянскую семью, в первое время должна по возможности ступшеваться и во всем уступать другим членам семьи, даже малолетним. Между прочим, за столом она занимает место, наиболее удаленное от общей миски, так что *достигнуться* с ложкой до миски представляется делом не легким, на это и намекает выражение *сношницы руки*, употребляемое для обозначения рук длинных, а в переносном смысле – захватливых» [1, с. 112]. Значение, близкое к данному переносному, имеет это выражение в современных говорах Некрасовского района, так говорят о женщине, которая не по праву захватывает власть в семье, ср.: *Ей со сношницами руками долго у нас не прожить* [ЯОС, вып. 9, с. 53].

Тема семейных отношений, обычаев нашла отражение в обрядовых фразеологизмах. В свадебном обряде существовал обычай *ходить с почкой*, выражающий подчиненность жены мужу. В. Волоцкий это описывает так: «После *красного стола* мужья подходят к женам, держа на вилке кусочек почки, и целуются. В некоторых местах (Сулость) муж становится на лавку, и жена должна с полу достать и поцеловать его. При этом муж долго ломается и куражится, не соглашаясь наклониться, а жена его улещивает» [1, с. 97–98]. В этом определении видим еще одно наименование *красный стол*, широко распространенное в русских говорах. В данном случае это ‘стол на другой день после венчания с участием молодых’ [1, с. 40, 42].

Опорный компонент *ходить* представлен и в народных выражениях, связанных с развлечениями, танцами. Так, *ходить песни* означало ‘танцевать под песни’, при этом каждой песне соответствовал особый танец. Отсюда и *ходячие песни* – ‘песни, которые поются только при соответствующих им танцах’ [1, с. 97–98]. Фразеологизм *ходить песни* в ярославских говорах употреблялся обычно, если речь шла о кадрили, он известен не только в говорах Ростовского района, но и Переславского, ср.: *Сегодня на вечерке ходили песни*. В Ростовском районе это выражение означает также ‘водить хоровод’ [ЯОС, вып. 10, с. 36].

В говорах Костромского Заволжья засвидетельствовано однотипное (по компонентам) наименование *ходовые песни*, имеющее, однако, иной смысл – это песни, которые поют девушки для каждого из кавалеров на вечеринках. Ср.: *Делают вечер перед Рождеством, поют проголосные песни* [‘протяжные’] *до сбора кавалеров и ходовые песни* – для каждого кавалера (по имени-отчеству), который ходит и выбирает девушку и целует её [СГКЗ, с. 404].

Компонент *ходить* входит и в состав устойчивого оборота *чисто ходить* ‘хорошо одеваться’. Не случайно именно в Ростовском уезде существовало наименование франта, щеголеватого человека *чистяк*, которое Волоцкий поясняет так: «*чисто ходит*» [1, с. 100], т. е. хорошо одевается. Это выражение записано также в частушках Некрасовского района: *Гармониста любить – надо чисто ходить. Надо пудриться и мазаться, и брови подводить* [ЯОСД, т. 2, с. 362].

Ряд ФЕ в Словаре Волоцкого связан с речевой деятельностью человека, с определенными ситуациями, которые возникают при общении людей. Фразеологизм *с уст не нести* означает ‘беспрестанно говорить об одном и том же’, ср.: *Она своего сына с уст не несёт; Показалась* [‘понравилась’] *мальчишке игрушка, с уст не несёт: купи да купи!* [1, с. 91]. В данном значении этот фразеологизм известен в современных говорах юга Ярославской области и в соседних с ростовскими говорах Ивановской области [ЯОС, вып. 9, с. 6]. В литературном языке существует близкий вариант *не сходить с языка (с уст)* – ‘беспрестанно произноситься, упоминаться в разговоре’, например: «Имя великолепного кавалериста и кутилы *не сходило с уст* чопорных обитателей дворцов по Английской набережной и столбцов светской хроники». Ильф и Петров. Двенадцать стульев [ФСРЯ, с. 464].

Вместе с тем фразеологизм *с уст не нести* в современных говорах Ростовского и Некрасовского районов зафиксирован и в противоположном значении ‘не говорить о чем-либо, замалчивать, не разглашать’ [ЯОС, вып. 9, с. 6]. Таким образом, если в первом случае (в собрании Волоцкого) речь идет о том, что предмет разговора все время на языке, «остаётся на устах», о нем постоянно говорят, то во втором – он как раз замалчивается, не произносится, т. е. «не уносится с уст».

Глагол *нести* в разговорной речи означает ‘говорить что-либо вздорное, неразумное’ и сочетается с абстрактными существительными, ср.: *нести ахинею, нести вздор* (что-то несуразное) [МАС, т. 2, с. 483]. В семантической структуре однокоренного деривата *пронестись* (несов. *проноситься*) выделяется оттенок ‘быстро распространиться (о слухе, вести и т. п.)’, ср. *пронеслась молва, пронёсся слух* и т. д. [МАС, т. 3, с. 505].

В словаре В. Волоцкого дан глагол *пронести* со следующим определением: ‘разболтать что-нибудь, распространить невыгодный для кого-нибудь слух, сплетню’: *Ты не провожай её с беседы, а то пронесут; Кто бы это пронёс наш разговор?* Отсю-

да и *проносные слова* – это ‘сплетни, слухи, пересуды’ [1, с. 74]. Это выражение сохранилось в отдельных ярославских говорах, в том числе и ростовских, ср.: *О нём часто слышишь проносные слова* (Рыб.), а также: *Пронесла по всей деревне* (Некр.) [ЯОС, вып. 8, с. 99].

Лексема *проносный* зафиксирована в старорусских памятниках письменности XVII века, в частности, в значении ‘содержащий наговор, оскорбительный, порочащий’. Именно в сочетании *проносные слова* она представлена в Письмах к князю В. В. Голицыну: «А Лука... Лепуновъ приехалъ къ Москве и всяки слова *проносные* про тебя говорить и оглашаетъ тебя везде». 1689 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 20, с. 184]. В письменных источниках XVII века отмечено и производящее для данного прилагательного слово *пронос*, одним из значений которого было ‘слух, сплетня; наговор’; ср. в Актах Свирского монастыря 1656 г.: «Ивана Наиденова жена Огруфена сказала: пропажа де у нас была, а *пронос* по людех был, что будто Дарья ходила, а мы не застали никого не видели»; а также в Повести о Скандербеге: «Скандербег о том велми тужил, да никому не объявил о кручине, боясь *проносу*» [СРЯ XI–XVII вв., т. 20, с. 184]. Добавим к этому, что в Словаре В.И. Даля лексема *пронос* толкуется как ‘поношение, обида’: *Не в пронос слово молвить* [ТСЖВЯ, т. 3, с. 499].

В материалах Волоцкого лексема *проносный* дана и с другим определением ‘пронизывающий’: *проносный ветер* [1, с. 74]. В сходном значении ‘сквозной, проносящийся (о ветре)’ находим употребление данного слова также в документах XVII в.: «И мы было попустились на море, и встретили *ветры проносные*, и на море во лдахъ нас носило двенадцать дней». (Отп. Арх. Варф.). 1663 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 20, с. 184]. В приведенном значении наименование *проносный* известно и в архангельских говорах. Кроме того, оно употребляется в них для обозначения громкого, зычного голоса, ср.: *Всех проноснее голос у тебя, запоёшь, как труба, везде чутко* [СРНГ, т. 32, с. 197]. В вятских говорах это слово известно в ином значении ‘хитрый’: *Сам-от проносный больно, а она и его проноснее* [ОСВГ, вып. 9, с. 44]. Как видим, в обоих случаях прилагательное употреблено в форме сравнительной степени, подчеркивающей наиболее характерные особенности человека. Таким образом, лексема *проносный* сочетается в говорах, с одной стороны, со словами, обозначающими природные явления (ветер), с другой – характеризует физические или личные качества человека. И, наконец, входит в устойчивый оборот *проносные слова* с абстрактным значением ‘сплетни, слухи, пересуды’. Отметим, что в СРНГ это выражение дается с единственной ссылкой на Словарь В. Волоцкого.

Мы рассмотрели лишь часть материалов из собрания В. Волоцкого, но и они показывают, насколько ценны содержащиеся в них сведения. Исследование материалов региональных словарей разных по времени создания дает возможность проследить изменения в лексико-фразеологической системе русских народных говоров, выявить уникальные слова и выражения, утраченные в современных говорах. Каждый из лексикографических трудов прошлого поистине является памятником живого народного языка.

Литература

1. Волоцкий В. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора // Сборник ОРЯС. – Т. 72. – № 3. – СПб., 1902. – 115 с.
2. Мельниченко Г. Г. О принципах составления областных словарей // Ученые записки Ярославского пед. ин-та. Ярославль, 1957. – Вып. 27(37). – С. 3–143.
3. Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 232 с.
4. Ховрина Т. К. Региональные словари прошлого – хранители сокровищ живой народной речи // Славянский альманах 1999. – М.: Индрик, 2000. – С. 351–359.

Словари и справочники

- ТСЖВЯ*: Даль. В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978–1980.
- МАС*: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.
- ОСВГ*: Областной словарь вятских говоров / под ред. З. В. Сметаниной. Вып. 9. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2014.
- СГКЗ*: Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015.
- СРНГ*: Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. – Вып. 1–51.
- СРЯ XI–XVII вв.*: Словарь русского языка СРЯ XI–XVII вв. Т. 20. – М.: Наука, 1995.
- ФСРЯ*: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967.
- ЯОС*: Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981–1991.
- ЯОСД*: Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

КОСТРОМСКАЯ «ДЕМОНОЛОГИЧЕСКАЯ» ТОПОНИМИЯ
(МИКРОТОПОНИМ ЧЁРТОВ УГОЛ)

В статье рассматривается микротопонимия костромского края, которая образована на основе демонологической лексики, отражающей особенности традиционной народной духовной культуры. Обращается внимание на микротопоним Чёртов угол. Выявляется его семантика, приводятся примеры его употребления в народной речи.

Ключевые слова: костромская микротопонимия, костромские говоры, демонологическая лексика, микротопоним Чёртов угол.

Ye. V. Tsvetkova

KOSTROMA "DEMONOLOGICAL" TOPONYMY
(MICROTOPYNYM CHORTOV UGOL (HELLISH BOONIES))

Kostroma land micro-toponymy formed on the basis of demonological lexis, which reflects the peculiarities of traditional folkish spiritual culture, is considered in the article. Attention is drawn to the micro-toponym Чёртов угол (hellish boonies). Its semantics is identified, examples of its use in folkish speech are given.

Keywords: Kostroma land micro-toponymy, Kostroma patois, demonological lexis, micro-toponym Чёртов угол (hellish boonies).

Значительную часть топонимической системы костромского края составляют топонимы, образованные на основе лексики, апеллятивной и проприальной, отражающей особенности традиционной народной духовной культуры (см. об этом, например, [5; 6 и др.]). Среди них выделяются наименования объектов, связанные с демонологической лексикой, – так называемые демонологические топонимы. В основном это микротопонимы, во многом сохранившие семантику ставших основой для их возникновения слов. Как «заведомо имена с пространственной семантикой», такие топонимы представляют собой наименования, «во внутренней форме которых есть указание на демона или какие-либо демонические свойства номинируемой ландшафтной реалии» [1, с. 209].

Значительно количество костромских топонимов (в основном микротопонимов), образованных от слова *чёрт*, которые в определённой степени отражают отличающиеся богатством представления о чёрте в культурной традиции русского народа. В наших материалах имеются такие микротопонимы практически всех типов, что в определённой степени отражает такую особенность этой нечисти, как вездесущность. Как пишет С. В. Максимов, «очень мало на божьем свете таких заповедных святых мест», в которые «эти бесплотные существа, олицетворяющие самоё зло», «не дерзали бы проникнуть» [4, с. 6]. «Чёртовыми» в костромском крае являются самые разные объекты: места в болоте, в лесу, в поле, на реке (заводь, омут, плёс и т. д.), на дороге, мосты, пруды, овраги, возвышенности, дороги, тропы, камни и т. д. Например: овраг *Чертятник* (д. Рыжково Красн.), болото *Чертёвье* (Нерехт.), поле *Чёртова поле* (д. Паньково Кадыйск.), болото *Чёртовы окошки* (п. Судиславль Судисл.), *Чёртов пруд* (д. Рыжково Красн.), тропа в лесу *Чёртова тропа* (д. Починок Солиг.), место на реке Нее *Чёртовы пески* (г. Нея Нейск.), луг *Чёртов луг*

(д. Климово Остров.), колодец *Чёртов колодец* (с. Григорово Сусан.), мост *Чёртов мост* (Шарьин.), плёс на реке Тутке *Чёртова слуда* (Солиг.) и мн. др. В основном это составные наименования, образованные по схеме «апеллятивное название объекта (чаще географический термин) + определение Чёртов». Это названия объектов, представляющих опасность, отличающихся какими-либо странностями, расположенных в неудобных, отдалённых, глухих местах и т. п. Например, из народной речи: *В Чёртовом омуте всё воду крутит. Если человек попадёт туда, его так и затаяет* (с. Романцево Буйск.); *Даньковская чертёрёвина – опасное место на Даньковском болоте* (с. Заветлужье Вохом.); *Сколько раз дед блудился на Чертёвском лугу!* (д. Климово Остров.) и т. п. О таких микротопонимах, без сомнения, можно сказать, что они «обозначают не реалии или ситуации, а содержат культурную версию реальных свойств объекта» [1, с. 61].

Имеются в костромском крае места, получившие в народе название *Чёртов угол*. В наших материалах они немногочисленны (и это исключительно микротопонимы): дальний луг, который находится у самого леса (*В дождь к нему трудно добраться – дороги размыты. / В Ушакове сенокос начинают с Чёртова угла* – с. Ушаково Нерехт.); *Это место, где сейчас косят сено. Называется так, потому что находится очень далеко, раньше на этом месте было болото. / Нынче в Чёртовом углу косили сено-то, дак не под рукой было ездить* – с. Татарское Нерехт.); лес (*Чёртов угол – густой лес рядом с Поповым кустом. / В Чёртовом углу блудилось много людей. Говорят: «Чёрт попутал»* – д. Медведки Сусан.); место в лесу (*Бабка сказывала, было место такое Чёртов угол. Глухое, далёкое место в лесу. Сейчас уж, наверно, никто и не помнит. Не слыхала, чтоб кто о нём говорил. Да и не ходят, можо, туда уж, не к чему. Я, милая, тоже не знаю, где оно такое было, не ходила. Только помню, что*

бабка вспоминала. Говорят, черти там да леший людей водили – блудились там – д. Калинки Судисл.); отдалённое, нехорошее место (Был такой Чёртов угол-от. Я не знаю, где он, слышала токо. Далёко и нехорошее, говорят, место-то – п. Сусанино Сусан.).

Как показывают объяснения диалектоносителей, *Чёртовым углом* называются в основном отдалённые, глухие места (подобно наименованию *Медвежий угол*, также имеющемуся в костромской топонимической системе), чаще связанные с лесом. В этом значении в костромских говорах известно и нарицательное название *чёртов угол*. Подобного рода местам в народе дают такие характеристики, как «у чёрта на куличках / кулижках», «чёрт знает где», «чёрт-ге где», «где черти водятся», «уголок, куда чёрт уволок» и т. п. Именно таким образом диалектоносителями объясняется и значение наименования *Чёртов угол*: *Чёртов угол – потому как далеко, чёрт знает где, у чёрта на куличках значит* (д. Калинки Судисл.). Следует отметить, что указанная семантика названия *чёртов угол*, как апеллятивного, так и, соответственно, проприального, создаётся обоими составляющими его словами. Среди большого количества значений слова *угол* в русских народных говорах, в том числе и костромских, в данном случае стоит обратить внимание на такие, как ‘глухая, отдалённая местность’, ‘сырое, заболоченное место на поле, на покосе’, ‘дальний лес’ и т. д. (см., например, [СРНГ 46, с. 225–226]). Микротопоним как бы консервирует в себе апеллятивное название, продлевая его жизнь, продолжая характеризовать называемые объекты, являясь при этом своего рода наименованием-предостережением.

Наименование «тёмного», неприятного, таинственного места, места в углу, где черти могут водиться, соответствует одному из наиболее продуктивных в системе демонологической лексики мотивировочному признаку – сфера, место обитания персонажа, являющемуся ёмким по своему наполнению, «свидетельствующим о важности соответствующей информации для осуществляющих номинацию носителей языка» [3, с. 312]. Такие наименования образуют свою микросистему внутри топонимической системы определённой территории, различной по величине. Они отражают особенности языковой картины мира, обладают информативностью разного плана, поскольку «микротопонимия (микротопонимическая картина мира) тесно связана с окружающей действительностью, с человеком, его сознанием, его духовно-практической деятельностью» [2, с. 50].

Обычно о «чёртовых» местах, в том числе и о Чёртовых углах, говорить не любят, чтобы не привлекать неприятности. Например, из беседы с деревенской жительницей: *Чёртов угол-от – далёкое, нехорошее место. Да лучше не говорить об этом, не звать нечистую-то. Чего уж тебе потребовалось-то оно? Приспичило ведь тебе. Поговорить о другом что ли, коль надо-то тебе чего...* (д. Калинки Судисл.); *Про Чёртов-то угол не очень-то говорить любили* (Нерехт.).

Топоним *Чёртов угол / Чёртов Угол*, отражающий народное видение, восприятие окружающего мира, имеется во многих топонимических системах различных территорий. Так называют, например, место на дороге во Владимирской области, место на Уткином проспекте в Санкт-Петербурге, залив на озере Средний Кабан недалеко от Казани, место в Рязанской области, лес в Ярославской области, покос в Вологодской области и мн. др.

Такие топонимы, образованные на основе демонологической лексики, которые можно назвать «демонологическими», содержат информацию о представлении народа о сверхъестественной силе, могут являться источником изучения традиционной народной духовной культуры.

Литература

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
2. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / науч. ред. И. А. Ширшов. – Арзамас : АГПИ, 2007. – 394 с.
3. Любова Е. Ю. Нижегородская мифологическая лексика в ономаσιологическом аспекте // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. трудов, посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. Л. А. Климковой / отв. ред. Е. Ю. Любова. – Арзамас : АГПИ, 2011. – 615 с.
4. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крепкая сила. – М. : Книга, 1989. – 176 с.
5. Цветкова Е. В. Региональная топонимия как источник изучения диалектной лексики (Тема «Традиционная народная духовная культура») // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы исследования, 2006). – СПб. : Наука, 2006. – С. 268–271.
6. Цветкова Е. В. Костромская микротопонимия как источник сведений о народной культуре // Языки и культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–24 мая 2019 г. / науч. ред. Н. С. Ганцовская; отв. ред. и сост. Г. Д. Неганова. – Кострома : Изд-во Костром. ун-та, 2019. – С. 465–472.

Словари и справочники

СРНГ: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – Т. 1–51. – М.; Л./СПб., 1965–2019.

Список сокращений названий районов Костромской области

Буйск. – Буйский.
 Вохом. – Вохомский.
 Кадыйск. – Кадыйский.
 Красн. – Красносельский
 Нейск. – Нейский.
 Нерехт. – Нерехтский
 Остров. – Островский
 Солиг. – Солигаличский.
 Судисл. – Судиславский.
 Сусан. – Сусанинский
 Шарьин. – Шарьинский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абреимова Галина Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина,
abreimova.g.n@yandex.ru
- Аймагамбетова Малика Муратовна**, кандидат филологических наук, доцент Казахского национального университета имени аль-Фараби,
aimagambetovamalika@gmail.com
- Амелина Наталья Владимировна**, преподаватель Тульского областного медицинского колледжа,
amel07@list.ru
- Бабейко Екатерина Николаевна**, аспирант, преподаватель Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск),
rujentseva.ekaterina@yandex.ru
- Безкоровайна Галина Тиграновна**, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета,
g.t.bezkorovajnaya@mospolytech.ru
- Богатырева Екатерина Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома),
katyabogatyreva@mail.ru
- Вальтер Харри**, доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Филологического факультета Института славистики Грайфсвальдского университета (Германия), почётный профессор Костромского государственного университета,
walter@uni-greifswald.de
- Величко Алла Васильевна**, доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
all_velichko@mail.ru
- Владимирова Татьяна Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
yusvlad@rambler.ru
- Воронцова Юлия Александровна**, кандидат филологических наук, доцент Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина,
vorontsova73@mail.ru
- Генералова Елена Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
elena-generalova@yandex.ru
- Гишкаева Луиза Нахидовна**, кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов (г. Москва),
gishkaeva_ln@rudn.university
- Гордиенко Ольга Антоновна**, кандидат филологических наук, доцент Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар),
gordienko-olga@yandex.ru
- Гоу Яньминь**, аспирант Российского университета дружбы народов (г. Москва),
yan04min06@gmail.com
- Дехтярева Елена Витальевна**, кандидат филологических наук, доцент Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
dehtiarjova@rambler.ru
- Джамали Колур Сейед Эсмаил**, аспирант Российского университета дружбы народов (г. Москва),
russianhamid@yahoo.com

Джарчиева Регина Аликовна, аспирант Костромского государственного университета,
kurbanova.regina479@gmail.com

Дубова Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
dubova.m2018@yandex.ru

Ермакова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор Тобольского государственного педагогического института имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета,
ermakova25@yandex.ru

Ермакова Любовь Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
s.eadem@mail.ru

Ершов Виктор Иванович, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России,
ershovik@mail.ru

Жапаркулова Назира Нарымбековна, аспирант Курганского государственного университета,
Zhaparkulova.n@mail.ru

Зайнуллина Саида Радиковна, кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета (г. Ижевск),
s.r.zajnullina@gmail.com

Золина Елена Наполеоновна, кандидат филологических наук, доцент Ивановского государственного химико-технологического университета,
elenanapoleonovna@mail.ru

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор Сычуаньского университета (Китай),
zolotyhl@gmail.com

Карташкова Фаина Иосифовна, доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета,
kartashkova@rambler.ru

Касымалиева Кайркул Эсенгуловна, кандидат филологических наук, преподаватель Российского университета дружбы народов (г. Москва),
kaira_17@mail.ru

Килина Лилия Фаатовна, кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета (г. Ижевск),
kilin_74@mail.ru

Кобелева Ирина Арнольдовна, доктор филологических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина,
kobir@list.ru

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (г. Москва),
kovshova_maria@list.ru

Колобова Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
katrink44@mail.ru

Колышкина Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского,
ktb-10@mail.ru

Комкова Нина Илькамовна, преподаватель Тульского филиала Московского государственного института культуры и искусств,
lingvo_2012@mail.ru

Кондратенко Михаил Михайлович, кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского,
mmkondratenko@gmail.com

- Кононченко Юлия Александровна**, преподаватель Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Л. Матусовского,
savonarola05061988@mail.ru
- Королькова Анжелика Викторовна**, доктор филологических наук, профессор Смоленского государственного университета,
lika.korolkova@bk.ru
- Космачева Ольга Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент Астраханского государственного университета,
olga_ast@list.ru
- Кочкина Юлия Леонидовна**, кандидат филологических наук, доцент Смоленского областного института развития образования,
kochkinayl@gmail.com
- Кудрявцева Елена Владимировна**, преподаватель Костромского государственного университета,
lengoreva@yandex.ru
- Кузнецова Ирина Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева (г. Чебоксары),
irinak47@yandex.ru
- Куранова Татьяна Петровна**, кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского,
kuranova.mk-28@mail.ru
- Лаврова Светлана Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор Череповецкого государственного университета,
svella1012@mail.ru
- Ломакина Ольга Валентиновна**, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (г. Москва),
rusoturisto07@mail.ru
- Лызлов Алексей Игоревич**, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск),
aleksej-lyzlov@yandex.ru
- Макарова Александра Стефановна**, кандидат филологических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва),
aleste_63@mail.ru
- Марфина Жанна Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент Луганского государственного педагогического университета,
kvitkakvitka.2016@gmail.com
- Мелерович Алина Михайловна**, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета,
amelerovich@mail.ru
- Мокиенко Валерий Михайлович**, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
mokienko40@mail.ru
- Москвичева Сабохат Гуломалиевна**, аспирант Курганского государственного университета,
sarigor_11@mail.ru
- Нгуен Тхань Ха**, кандидат филологических наук, специалист Отдела Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама по пропаганде и политическому воспитанию (г. Ханой),
nguyen.thanh.ha910@gmail.com
- Недельчо Елена Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
elenanedelcho@mail.ru
- Нелубова Наталия Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов (г. Москва),
nat.nelubova@ru

- Окуловская Светлана Владимировна**, кандидат филологических наук, преподаватель Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома),
Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru
- Павлова Алла Эдуардовна**, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
Alla0826 @yandex.ru
- Проколова Майя Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент Тобольского государственного педагогического института имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета,
maya-vladi@yandex.ru
- Ратушная Екатерина Радиогеловна**, доктор филологических наук, профессор Курганского государственного университета,
ekaterina079@yandex.ru
- Савенкова Людмила Борисовна**, доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону),
savenkova@sfedu.ru
- Савченко Александр Викторович**, кандидат филологических наук, доцент Государственного политического университета Чжэнчжи (Тайвань, Тайбэй),
savchenko75@mail.ru
- Серебряк Марина Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент Луганского национального университета имени Тараса Шевченко,
marinasv86@gmail.com
- Синельникова Лара Николаевна**, доктор филологических наук, профессор Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Ялта),
prof.sinelnikova@gmail.com
- Ситдикова Регина Мазитовна**, преподаватель Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
rex1010@yandex.ru
- Скнарев Дмитрий Сергеевич**, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (г. Москва),
sknar@list.ru
- Третьякова Ирина Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета,
trirfr@mail.ru
- Трунова Евгения Алексеевна**, аспирант Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар),
eva.trunova.95@mail.ru
- Тюменева Елена Ивановна**, кандидат педагогических наук, профессор Высших курсов иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва),
lien805nro@gmail.com
- Урманчеева Ирина Серафимовна**, кандидат филологических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина,
isurman@rambler.ru
- Фархутдинова Фения Фарвасовна**, доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета,
fenfar@mail.ru
- Фокина Мадина Александровна**, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета,
madi.fokina@mail.ru,
- Халикова Наталья Владимировна**, доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного университета,
vlstd24@gmail.com

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
chmelevskij@mail.ru

Ховрина Татьяна Константиновна, кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского,
tatyana.hovrina@mail.ru

Хуснутдинов Арсен Александрович, доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета,
arsen1418@mail.ru

Хуснутдинова Александра Арсеновна, лингвист-исследователь,

Цветкова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
elv15@list.ru

Цинь Лидун, аспирант Костромского государственного университета, преподаватель Гуманитарного института Северо-Восточного педагогического университета г. Чанчунь (Китай),
qinlidong@mail.ru

Шаманова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова,
mshamanova@mail.ru

Шиганова Галина Александровна, доктор филологических наук, профессор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск),
shiganovaga@cspu.ru

Шустина Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского,
shustina-irina@rambler.ru

Якупов Халит Аббясович, аспирант Ивановского государственного университета,
khalid2004@rambler.ru

Якимов Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета,
aleyakim@mail.ru

Научное издание

**ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ
В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ
(ОТ АРХАИЗАЦИИ К НЕОЛОГИЗАЦИИ)**

Материалы международной научно-практической конференции
(г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.)

Под научной редакцией
Третьяковой Ирины Юрьевны

16+

Верстка Поповой Н. И.

Подписано в печать 11.09.2020. Формат бумаги 60×84 1/8
Печать трафаретная. Печ. л. 25,375. Заказ 143. Тираж 500.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета

Кострома, ул. Дзержинского, 17
Тел. 49-80-84, e-mail: rio@kstu.edu.ru

ISBN 582851101-7

